

А. Фергюсон

ОПЫТ ИСТОРИИ
ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА

«УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

«РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

A.Ferguson

An Essay on the History
of Civil Society

А.Фергюсон

Опыт истории
гражданского общества

Перевод с английского И.И.Мюрберг.
Под редакцией М.А.Абрамова

Москва
РОССПЭН
2000

ББК 66.1(0)
Ф 43

Издание осуществлено при поддержке Института
«Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках мегапроекта
«Пушкинская библиотека»

This edition is published with the support
of the Open Society Institute within the framework
of «Pushkin Library» megaproject

Редакционный совет серии
«Университетская библиотека»:

*Н.С.Автономова, Т.А.Алексеева, М.Л.Андреев,
В.И.Бахмин, М.А.Веденяпина, Е.Ю.Гениева, Ю.А.Кимелев,
А.Я.Ливергант, Б.Г.Капустин, Ф.Пинтер, А.В.Поletaев,
И.М.Савельева, Л.П.Репина, А.М.Руткевич, А.Ф.Филлипов*

«University Library» Editorial Council:

*Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev,
Vyacheslav Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva,
Yuri Kimelev, Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances Pinter,
Andrei Poletayev, Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich,
Alexander Filippov*

Перевод с английского *И.И.Мюрберг*
Предисловие и комментарий *М.А.Абрамов*
Ответственный редактор *М.А.Абрамов*

Адам Фергюсон.

Ф 43 **Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ.**
Под ред. М.А.Абрамова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 392 с.

А.Фергюсон (1723—1816) — представитель блестящей плеяды шотландских мыслителей века Просвещения. Его главная книга «Опыт истории гражданского общества» вышла в свет в 1767 г. и быстро получила европейскую известность, выдержав при жизни автора 7 изданий. В 1817—1819 гг. появился неполный русский перевод книги Фергюсона. Ныне впервые публикуется полный текст книги с некоторыми дополнениями, сделанными автором в последнем прижизненном издании 1814 года.

Для преподавателей и студентов высших учебных заведений, для всех интересующихся историей общественной мысли.

- © Перевод на русский язык, И.И.Мюрберг, 2000.
- © Предисловие и комментарий, М.А.Абрамов, 2000.
- © «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ISBN 5-8243-0124-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧИТАЕМ ФЕРГЮСОНА...

Королевство Шотландия издавна слыло страной чудес. Такую репутацию поддерживали не только диковинное чудище, обитавшее в озере Лох Несс, или таинственные масонские ложи с их мистическими ритуалами и незримым влиянием на политику Европы, но и, не меняющийся с древности, уклад жизни в горной Шотландии, где, казалось, само время остановилось.

Однако подлинное чудо произошло в XVIII веке после заключения в 1707 г. государственной Унии с давней соперницей и соседкой, передовой страной мира Англией. Шотландия лишилась национального парламента, но взамен получила представительство в Палате лордов и Палате общин и смогла воспользоваться всеми преимуществами продвинутого коммерческого общества, оказавшись удивительно восприимчивой к экономическим и социальным свободам.

Но как не поразителен был скачок от отсталости в сельском хозяйстве, промышленности и торговле к передовым рубежам, все же культурный подъем Шотландии превзошел самые смелые фантазии утопистов. Подумать только, в стране в течение каких-то 50 лет выдвинулись и завоевали всесветный авторитет философы, экономисты, историки, правоведы, изобретатели, поэты и писатели. В этом впечатляющем прорыве в мировую духовную элиту много загадочного. Ведь личная уния, установленная после воцарения на английском престоле в 1603 г. шотландского королевского дома Стюартов (сначала Короля Якова I, сына казненной королевы Шотландии Марии Стюарт, а затем Карла I, Карла II и Якова II), существенно не повлияла на модернизацию социальной и духовной жизни Шотландии. Напротив, страна стала оплотом реакции и абсолютистских тенденций династии Стюартов. И только после официальной унии 1707 года, когда

Шотландия, поменяла свой парламент на свободу торговли, и были запущены социально-правовые и экономические реформы, когда государственным и литературным языком в стране стал английский, шотландские образовательные и культурные институты подключились к плодотворнейшему периоду развития британской философии, науки и литературы. Период, от Бэкона до Шефтсбери, где Юм сравнил с развитием древнегреческой мысли от Фалеса до Сократа¹.

К середине столетия мозговым центром Шотландии стал древний Эдинбург, где сложился кружок философов, экономистов и историков, душой которого был Д.Юм, автор крамольного «Трактата о человеческой природе» и сборников эссе, выдержавших уже не одно издание. В это «отборное» философское общество входил Адам Смит, Уильям Робертсон, историк, будущий ректор Эдинбургского университета и др. Со второй половины 50-х годов полноправным членом кружка стал бывший полковой священник Адам Фергюсон, который вскоре, по протекции Юма, сменил его на посту смотрителя библиотеки коллегии адвокатов Эдинбурга. Через два года в июле 1759 г. А.Фергюсон получил кафедру натуральной философии в университете Эдинбурга и там началась его научная и преподавательская деятельность.

Адаму исполнилось 36 лет, и за плечами был значительный жизненный опыт. Он родился Пертшире, графстве на границе с горной Шотландией 20 июня 1723 г. в один год с другим Адамом — Смитом. После учения в приходской деревенской школе и в грамматической школе в Перте в 1738—1742 годах был студентом Университета св. Андрея, где получил степень магистра искусств, после чего поехал в Эдинбург учиться на священника.

В 1745 г. назначен заместителем капеллана 43 шотландского полка «Черная стража» и сразу же с палашом в руке принял боевое крещение, что вовсе не входило в обязанности капеллана. В июле был рукоположен в сан священника Шотландской церкви и вес-

¹ См.: Юм Д. Соч. в двух томах. Т. 1. М., 1996. С. 57.

ной следующего года назначен главным капелланом полка. Одна его проповедь на кельтском языке, отличающая Дом Стюартов, Папу римского и Францию, произвела такое сильное впечатление на некую знатную особу, мать командира полка, что она издала за свой счет ее английский перевод. Это была первая публикация Фергюсона.

В 1754 г. вышел в отставку и навсегда распростился и с армией, и с церковью. Два года прожил в Европе в Гронингене и Лейпциге в качестве репетитора. В 1756 г. вернулся в Эдинбург и сразу принял участие в движении «модератов», умеренных реформаторов церковной жизни против запрета церкви представления пьесы Джона Хоума «Дуглас». Церкви пришлось уступить. Ей удалось только запретить священникам посещать спектакли крамольной пьесы.

В 1764 г. Фергюсон назначен на кафедру пневматики (философии духа) и моральной философии. В 1766 г. получает почетное звание доктора права Эдинбургского университета. В 1767 г. выходит «Опыт истории гражданского общества», наиболее известный труд А. Фергюсона. Через два года он публикует учебное пособие для студентов колледжа Эдинбурга «Наставления моральной философии».

В 1774—1775 г. Фергюсон — воспитатель Чарльза Честерфилда, с которым путешествует по Франции и Швейцарии. Во время этой поездки встречается с Вольтером.

После начала войны за независимость американских штатов принимает активное участие и в полемике, развернувшейся в британском обществе, и в работе образованных комиссий по урегулированию конфликта. Участвовал в составлении обращения к членам конгресса США. Миссия оказывается неудачной. Фергюсон возвращается к научной работе и издает весьма популярный в то время труд «История прогресса и падения Римской республики» (1783). В 1785 г. оставляет кафедру моральной философии своему ученику Д. Стюарту. Последнее его произведение «Принципы моральной и политической науки» составлено по материалам лекций в колледже Эдинбурга.

В 1793 Фергюсон в последний раз посетил Европу. В Германии его избрали иностранным членом королевской прусской академии наук и искусств.

Умер Адам Фергюсон 22 февраля 1816 г., пережив жену и нескольких детей.

Таков его жизненный путь, путь священника, солдата, ученого, профессора и не востребовавшего в полной мере государственного мужа. В архиве ученого осталось много неопубликованных рукописей. Тематика некоторых из них весьма привлекательна. Например, «О принципе моральной оценки»; «О свободе и необходимости»; «Что можно утверждать и постигать относительно Высшего существа»; «Экскурсия в Хайленд» (горную Шотландию); «Пресловутые радости воображения»¹; «О науках, предмет которых есть дух»; «Характеристики природы человека»; «О природе и искусстве»; «О различных сторонах моральных наук»; «О политиках и военных»; «О категориях образующих рассуждения и продукты мысли. Язык»; и др.

Трудно судить о непрочитанном Фергюсоне, но очевидно, что из опубликованных его произведений основное место занимает его труд «Опыт истории гражданского общества» (1767), выдержавший при жизни автора 6 или 7 изданий. Написанная в отличие от большинства современных сочинений такого рода, сжато и ясно, книга сразу получила признание и уже на следующий год была переведена на немецкий язык. Между тем, близкий друг автора Давид Юм высказывал опасения относительно судьбы творения Адама и считал его публикацию преждевременной. Нет оснований сомневаться в доброжелательном отношении Юма к младшему коллеге по философскому цеху: первая версия «Опыта...» — «Об усовершенствовании» расценивалась им как эскиз будущей великой книги. Окончательный же ее вариант мог, по мнению Юма, нанести непоправимый удар по научной репутации друга. Что же смущало мэтра? И изменил ли он свое мнение после того как современники приняли книгу «на ура». Однозначного ответа нет. Возможно, какой-то свет

¹ Выражение Адиссона. — М.А.

могла бы пролить неопубликованная работа «О принципе моральной оценки», в которой описывается беседа Д.Юма, А.Смита и некоего Роберта Клерка, выражающего взгляды самого Фергюсона, но она нам, к сожалению, недоступна.

Особое мнение Юма поставило участников его кружка в неловкое положение, поскольку они поспешили расхвалить книгу Фергюсона. Как бы то ни было, этот инцидент не нарушил добрые отношения друзей. Юм завещал А.Фергюсону, также как и А.Смиту и Ж.Даламберу, по 200 фунтов стерлингов.

Все основные проблемы природы человека и его общественного бытия заново обсуждены в труде Фергюсона. Изначальная «общежительность» человека рассматривается автором «Опыта...» в терминах прогресса как переход от грубого, первобытного общественного состояния к цивилизации, причем выявляется несовпадение этого процесса с совершенствованием моральных качеств людей, т.е. ставится вопрос о регрессе общественного процесса. Цивилизационный процесс, рафинируя общественные отношения и институты, увеличивая богатство наций, создает возможность обособления людей от общества, они теряют чувство гражданственности. Такое попятное движение называется коррупцией.

Моралистическая критика коммерческого общества во многом обусловлена жизненным опытом автора «Опыта истории гражданского общества». Рожденный на рубеже между горной и равнинной Шотландии он с детских лет жил как бы в двух мирах. Реликтовом — клановом с отношениями кровнородственными и патерналистскими, и в «цивилизованном», с обезличенными социальными связями и атомизированным обществом. Большую часть жизни он прожил в равнинной Шотландии, но сердце его было с горцами. Здесь кроются истоки своеобразной оценки социального развития в современную и прошлые эпохи, ностальгия по Спарте и неприязнь к Афинам, моралистическая критика коммерческого общества.

Нестандартность подхода шотландского социолога и моралиста проявляются в трактовке традиционного для политической литературы того времени вопроса о

естественном состоянии. Как известно, существовало представление о первобытном или естественном, природном состоянии как асоциальном, разобщенном бытии человека, в крайнем случае допускалось существование семьи, которая жила сама по себе, с тенденцией постепенного объединения с другими родственными семьями. Конец естественного состояния наступает тогда, когда разросшееся племя или род заключают общественный договор, учреждающий ту или иную форму государственного правления со взаимными правами и обязанностями правителя и подданных. Этот переход к общественному или гражданскому состоянию был результатом, по Гоббсу, истребительной войны всех против всех, или, по Локку, добровольного согласия людей, живших в относительном мире, но благоразумно предположивших, что при установлении государственных институтов и законодательства у них повысится уровень личной безопасности и сохранности и наследования собственности. Существовала и другая точка зрения — Давид Юм считал общественный договор философской фикцией. Группы семей консолидируются в обществе стихийно или насильственным путем объединяются в государстве посредством завоевания интервентами.

Разделение человеческой истории на естественную и общественную впервые артикулировано в терминах светской доктрины Т.Гоббсом, который ведет ее разработку независимо от христианской дихотомии *до* грехопадения и *после* грехопадения.

Возникла возможность раздельного анализа естественной и общественной природы человека, а в дальнейшем и противопоставления естественных и социальных законов.

Фергюсон по этим ключевым вопросам имеет свою точку зрения. И она находится в оппозиции со взглядом Ж.Ж.Руссо. Естественное состояние не осталось в прошлом, оно было и будет всегда и везде. Тем самым Фергюсон считает природу человека неизменной и отвергает попытки обвинить «общепринятые институты, ныне действующие в человеческом обществе», в посягательстве «на то естественное состояние, которое в равной мере оберегало нас как от нынешних бед, так

и от наших нынешних благ»¹. Что касается прогресса, то он заложен в самой природе человека, в чем и заключается его отличие от животных.

Фергюсон отвергает теорию «войны всех против всех», а также попытки представить естественного человека как лишенного всех тех способностей, которые возвышают его над животными бесплодными поисками, приводящими к множеству «безумных предположений». Основной порок этих измышлений в том, что их создатели не обращают внимания на человека, каким он является нашему непосредственному наблюдению и каким сходит он со страниц истории.

Эта эмпирическая программа исследования подкрепляется постулатом: «людей надо рассматривать в сообществах — так, как они всегда жили»². Мысль, высказанная любимым автором Фергюсона — Ш.Монтескье, — человек рождается в обществе и остается в нем. Фергюсон признавался, что не знает, что можно добавить к написанному Монтескье. Заметим, Юм был иного мнения о французском правоведе, считая, что его слава сильно убудет к концу века.

Акцент на социальном характере природы человека не исключает наличия общих черт с животными. Например, инстинкт самосохранения. Однако, человек очень рано дополняет его рефлексией и предвидением. Подобным образом совершенствуются и другие инстинктивные желания.

Фергюсон резко выступает против редукционизма Гоббса, видящем во всех движениях души корыстную подоплеку. Сторонники «эгоистической» этики считают, что даже благожелательность мотивируется личной выгодой. Но «невозможно жить и действовать вместе с людьми, не отличая гуманного от жестокого, благожелательного от эгоистичного различными именами»³.

Признавая великое разнообразие способностей и талантов в человеческой природе, Фергюсон главным призванием и занятием человека полагает публичную

¹ См.: С. 32 настоящего издания.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 49.

деятельность и формирование в ней собственного духа. И нет лучшей цели у людей, чем благо человечества, а из всех его талантов нет лучше тех, которые делают его способным жить с людьми. Однако, это идеальная модель человеческого призвания. Реально, человек в большой степени зависит от своих страстей. Именно соотношение познания (разума) и страстей выявляет то, что люди способны осуществить. Так как человек представляет конгломерат противоположных тенденций, соединение людей для совместного ведения дел еще более усложняет картину. Эта исходная диспозиция, анализируемая ближайшими предшественниками Фергюсона Ф.Хатчесоном и Д.Юмом. Как и они, Фергюсон особое место в человеческой природе отводит моральному чувству. Эта особая восприимчивость к добродетели и пороку, вызывающая восхищение и сострадание, либо возмущение и негодование. В совокупности со способностями рассудка и разума она составляет основу нравственной природы и вместе с тем она дает критерий похвалы и осуждения...¹

Раскрытие активных сил и моральных качеств человека содержит в себе определение счастья человека. Оно, разумеется, состоит не в плотских удовольствиях. И это при всем том, что человек является животным в полном смысле слова. Когда его тело болеет, чахнет и дух, если перестает циркулировать кровь, дух покидает тело.

Будучи деятельным существом, человек может обрести счастье только в деятельности. Но в какой? Все занятия подразделяются на два класса: эгоистические и социальные. Первые тяготеют к скрытности, соперничеству и вражде, вторые же располагают к совместной жизни с окружающими, объединяют людей. Ясно, что следует ориентироваться на вторые, общественно полезные склонности. Возложенная на индивида забота о животном самосохранении может вырождаться в алчность, тщеславие или гордость, став пагубной для наших радостей и враждебной к благосостоянию

¹ См.: С. 76 настоящего издания.

людей. Но что если таков выбор индивида и удовлетворение этого чувства будет представляться ему самодостаточным счастьем? Требуется, видимо, внешний критерий счастья, дабы продемонстрировать ложность такого эгоистического представления о счастье.. Тут есть соблазн сослаться на установления Бога, сообщенные в откровении. Фергюсон не идет по этому пути, поскольку следование заповедям Господа за попустороннее вознаграждение также может быть истолковано как расчет. Фергюсон, правда, признает, что благожелательность и удовлетворение других содержит основу наслаждения и самого существования в мире, управляемом мудростью Божьей, но последние слова придают внешнему критерию локальный характер, поскольку вовсе необязателен для нехристианских народов, с иной версией происхождения и устройства мироздания. Собственная версия ответа будет дана позднее, и она уже обходится без ссылки на Божью мудрость; пока же Фергюсону достаточно подчеркнуть, что тезис о том, что частный интерес, корысть чуть ли не единственный мотив поведения, несостоятелен, поскольку ему противостоит и исторический опыт человечества, и сама стихия языка, отторгающая надуманные вербальные эксперименты.

Поскольку человечество всегда жило в сообществах, то структурные единицы человеческого общества вообще, такие как нации, выступающие в истории как некая целостность, требуют специального рассмотрения. Сам индивид лишь часть целого и как таковой уже не принадлежит самому себе. Он должен отказаться от счастья и свободы там, где они мешают благу общества¹. Делаящие это добровольно — счастливейшие из смертных, по мнению шотландского мыслителя. Здесь подразумевается отказ от естественной свободы, существующей в «грубом» состоянии человеческого общества, и в этом самоограничении и заключается общественная добродетель, свойственная цивилизации. Такой альтруизм, однако, коммерческому обществу представлялся «пережитком прошлого». И по-

¹ См.: С. 113 настоящего издания.

скольку негласным девизом Фергюсона могли бы быть слова Роберта Бернса: «В горах мое сердце...», если бы они были уже написаны, он с этим решительно не согласен. Правда, горцы служили не обществу, а вождю, но он олицетворял для них клан. Все же шотландский мыслитель предпочитает обращаться к примеру Спарты, как образцу гражданских доблестей.

Далее. Нации обладают различными характерами, хотя и проходят сходные этапы развития от дикости через варварство к цивилизации. Но темпы их прогресса не совпадают. Отсюда вытекают их соперничество и раздоры, многообразие политических и правовых форм различных обществ.

Крайними полюсами всех основных форм правления являются, по нетрадиционному взгляду Фергюсона, совершенная (видимо, прямая) демократия и абсолютный деспотизм. Первая возможна при совершенной добродетели, второй — при полной развращенности общества.

Духовный потенциал общества — решающий фактор. Ориентация личностей на духовные или материальные ценности в их совокупности определяет уровень этого потенциала.

Установив общие черты человеческой природы, которыми она обладает изначально и не утрачивает в последующей истории, Фергюсон переходит к конкретной истории, ставя тем самым телегу впереди лошади. Как заметил Б.Н.Чичерин, «он утверждает, что наблюдение частных случаев должно предшествовать установлению общих правил; поэтому он считает историю основанием всех наук, касающихся человека. С другой стороны, когда он сам берется писать историю, он предпосылает изложению фактов готовую уже теорию»¹. Надо заметить, что так поступают и учителя Фергюсона Ф.Хатчесон и Д.Юм. Известно, что спустя почти 20 лет после метафизического «Трактата о человеческой природе». Юм издал «Историю Англии». Они исходили из принципиальной тождественности фор-

¹ Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. 3. М., 1874. С. 23.

мальных структур человеческого духа, которую может удостоверить любой субъект посредством интроспекции. Материальное же наполнение чувственных и интеллектуальных форм, происходящее в процессе приобретения индивидуального жизненного опыта приводит к бесконечному разнообразию содержания духа каждого индивида. В этом оправдание их метода, но все же недостаточное. Юм, впрочем, предупреждал, что любое знание о фактах имеет вероятностный характер.

Во второй части «Опыта...» Фергюсон констатирует, что народы развиваются от дикости к цивилизации неравномерно, но нигде не предполагает конечное торжество прогресса, также как и окончательную гибель развращенного до мозга костей общества, хотя он и прибегает иногда к аналогиям с рождением, развитием и смертью живого существа, но это относится к отдельным нациям, но не к человечеству в целом.

Обращаясь к древней истории, он обнаруживает вехи того медленного и постепенного прогресса, в ходе которого народы приобретают различный характер и пути развития. Этот тезис иллюстрируется обращением к Священной истории, к истории греков и Италии. Схожие условия сопровождали и становление галлов и германцев. Что касается племен, населявших Британию до вторжения римских легионов, то они напоминали, по мнению Фергюсона, аборигенов Северной Америки.

Но можно ли удовлетворительно описать первобытного человека простым вычитанием всех наших нынешних достоинств?

Тут автор «Опыта...» подмечает весьма распространенный с античности грех модернизации предмета исторических описаний. Он призывает к критическому отношению и к древним историкам, и к национальным мифам, которые, свидетельствуя о художественной одаренности сложивших их народов, не могут рассматриваться как источник исторических фактов... В итоге, даже при очень высоком уровне исторических исследований, мы лишены возможности фактического проникновения в начальные стадии человеческой истории, но в качестве аналога можем использовать со-

временные неразвитые народы, путь которых мы некогда прошли.

При всей неопределенности фактической и хронологической первоначальной стадии человеческой истории Фергюсон выделяет период, предшествующий появлению собственности, с которым он связывает «дикость» и период утверждения собственности, но без охраняющих ее законов — «варварство», высшим же типом общества будет цивилизация с развитыми политическими учреждениями и законодательством. Эту периодизацию, дикость-варварство-цивилизация в девятнадцатом веке можно найти у Ш.Фурье и даже у Ф.Энгельса.

С «открытием» собственности человечество посредством множества переходных ступеней обретает трудолюбие. Эта гипотеза близка к локковской теории трудового происхождения собственности. Мотивация индивида в стремлении к приобретению, увеличению или расширению собственности чисто психологическая, то есть субъективная. Но степени трудолюбия у разных народов различны и определяются какими-то объективными факторами, повлиявшими на неравномерность прогресса.

В первую очередь, — это влияние климата и географического местоположения. Как известно, Монтескье, образцовый для Фергюсона, политический философ, основал натуралистическую теории решающего влияния на общество климата, почвы и рельефа поверхности. Но однако можно, как продемонстрировал Юм, исходить из допущения изначальной разнородности человеческих рас. Так, в эссе «О национальных характерах» он предположил, что все нации, живущие за полярным кругом или в тропиках, ниже остального человечества и не способны ни к одному из высших достижений человеческого духа... Несомненно, однако, что национальные характеры очень неоднородны в умеренных зонах и что почти все общие наблюдения, относящиеся к людям живущим южнее или севернее в этих зонах, оказываются недостоверными и ошибочными». К этому высказыванию Юм добавляет в издании 1753—1754 г. следующее примечание: «Я склонен считать, что негры и вообще другие расы... по природе

ниже белых Не было ни одной цивилизованной нации, *иначе организованной* (of any other complexion), чем та, которая присуща белым, и даже ни одного человека, который прославился бы своими деяниями и размышлениями»¹. Из этого противоречащего установкам «Трактата о человеческой природе» допущения Юм делает вывод о том, что природа провела первоначальную границу между этими породами людей. Даже переселенные в благоприятные климатические условия представители небелой расы не проявляют выдающихся талантов в любой области, за редчайшими исключениями.

Фергюсон не противопоставляет так резко расы, хотя и признает, что гений политической мудрости и гражданских искусств тяготеет к определенным частям света. Но разнокачественность природ человека из этого не следует. И дикарь, и гражданин, и раб, и хозяин могут обладать жизненными силами, способностями и душевной чуткостью; одни и те же душевные силы могут быть обращены на весьма различные цели.

Фергюсон готов допустить, что условия крайнего холода или жары сужают активность человеческой души, но не упраздняют же ее. Признавая определенное влияние климата, он указывает, что мы не в состоянии объяснить, каким образом климат способен воздействовать на темперамент и вселять гениальность в проживающих в нем людей. Ответ, возможно, кроется в структуре «ничтожно малых органов, что отвечают за действия души». То есть в индивидуальном строении человека. Реализация или нереализация его способностей обуславливается условиями его существования и совокупностью трудностей, встречающимися на его пути.

Однако, для исследования конкретного исторического пути гражданского общества следует расстаться с теми районами земли, в которых человек в силу осо-

¹ Юм Д. Соч. в двух томах. Том 2. М., 1996. С. 615. (Курсивом выделена моя версия перевода примечания. — М.А.)

бенностей местоположения или климата кажется скованным в своем национальном развитии и заторможенным в смысле развития способностей духа.

Сразу же перед исследователем встает проблема происхождения неравенства, и здесь Фергюсон приходит к одной из важнейших идей, призванной вытеснить рационализм из еще одной облюбованной им области познания.

В тот период истории, когда между людьми господствовало равенство или же зависимость, обусловленная подлинным уважением или любовью к своему вождю (*В горах мое сердце!*!), отсутствовали особые институты правления или система законов. С ходом поступательного развития человечества образовались и политические учреждения, и законодательство. Но образовались они не в результате чьего-то проекта или плана, но из инстинктов, стихийно. Даже в цивилизованном обществе, отмечает Фергюсон, большинство движений и поступков людей совершается с прежней слепотой относительно будущего. Ни одна конституция не является плодом всеобщего согласия, ни одно правление не осуществляется по плану. Столетия спустя, эта идея (у А.Смита в обличье «невидимой руки») приняла форму проблемы ненамеренных последствий и синергетической идеи оптимальной самоорганизации. На ней же основана теория государственного невмешательства, развиваемая неоклассическим либерализмом Л. фон Мизеса и Ф.Хаека.

Другая сторона этой проблемы — вопрос о свободе. Ведь любые исторические события складываются из индивидуальных действий одних и противодействия или бездействия других индивидов. Когда индивид действует свободно и когда можно считать бездействующего индивида свободным? Определение Фергюсона таково: там, где за индивидом закрепляются права собственности и где осуществление этих прав находится под защитой, индивид может быть признан свободным; и самоограничения, не позволяющие ему совершать преступления, являются частью его свободы.

Автор «Опыта...» не считает свободу основной политической категорией и не связывает с нею благосостояние общества. Кроме того, он, кажется, считает свободу следствием, а не причиной добродетели. Его больше интересуют выявление причин дестабилизации общества — помимо психологического фактора — традиционных страстей — зависти, корыстолюбия, ненависти, тщеславия и т.п. объективные причины — неравенство в распределении собственности, социальные, сословные или классовые привилегии. Пример Спарты, приводимый Фергюсоном, где большинство субъективных и объективных источников коррупции были перекрыты, демонстрирует предпочтительную для шотландского мыслителя модель цивилизации, поскольку она сохраняет многие, казалось, обреченные на исчезновение в коммерческом обществе, сходные добродетели хайлендеров — жителей горной Шотландии.

Добродетель как главная воспитательная цель государства, выдвинутая Аристотелем в «Политике», в отличие от утопии справедливого государства Платона, основывалось на вполне реальном осуществлении «золотой середины» и в политических институтах, и в жизненной ориентации человека. Некоторые современные исследователи полагают, что Аристотель намекал, что его воспитанник уже воплотил в жизнь идеальную модель политеи. Для шотландца Фергюсона проблема заключалась в поиске гармоничного симбиоза деловой эффективной активности коммерческого общества с нерастраченным моральным потенциалом человеческих сообществ прошлого. Заметим, что тезка Фергюсона указывал, что, обращаясь к мяснику, мы вызываем не к его нравственности, а к его выгоде. Фергюсон предостерегает от увлечения деловой активностью, она порождает свою противоположность — социальную пассивность и разобщенность людей, удовлетворенный частный интерес равнодушен к общественному благу. Это то, что впоследствии будет названо индивидуализмом, которому Сен Симон будет противопоставлять социальность.

Пагуба обособления частных лиц заключается в утрате ими общественных связей и гражданского мужества в отстаивании своих свобод...

Исследование социального прогресса, может быть впервые, приобретает новое измерение — культурно-логическое. Фергюсон обращается к общей истории искусств и ремесел, а также литературы, в которых за многовековую практику совершенствуются таланты человека и реализуются его изначальные способности. «Совершенства можно достичь многими путями, и мы не знаем, кому воздать высшую хвалу — первым или последним участникам прогресса»¹. В век нормативной эстетики такой подход противостоял классицизму и оспаривал его претензии быть единственной эстетически легитимной парадигмой художественного творчества.

Выживание людей при многообразии внешних условий и внутреннем разнообразии их потенций, достигает успеха при наличии разделения труда и специализации людей на выполнении отдельных задач, требующих особых умений и особого внимания к себе². Случайности, порождающие неравномерное распределение средств к существованию, а также личные наклонности и благоприятствующие обстоятельства, закрепляют за отдельными людьми различные занятия, а соображения целесообразности подталкивают их к бесконечному разграничению профессий³.

Специализация приводит к товарному изобилию и улучшению качества товаров. Богатства увеличивают мощь и значение нации. Этот процесс развивается стихийно, и никто не мог предвидеть или даже перечислить многообразные занятия и профессии, свойственные современному коммерческому обществу.

Важный момент в анализе исторического процесса разделения труда — выявление его негативного аспекта. Фергюсон указывает, что когда специализированный производственный процесс не требует никаких способностей и полностью подавляет чувство и разум, тогда производители достигают наибольшего процве-

¹ См.: С. 248 настоящего издания.

² Там же. С. 263.

³ Там же.

тания. Далее Фергюсон замечает, что в этот век разделения (труда) само мышление может стать особой специальностью¹.

В каждом современном исследовании о Фергюсоне можно найти упоминание о том, что этот пассаж цитирует К.Маркс. Остановимся на этом факте и мы. Весь пассаж Маркс цитирует по французскому изданию «Опытов...» в «Нищете философии»². Интерес к нему стимулируется оригинальным подходом Маркса к вопросу о приоритете в исследовании разделения труда. Маркс, в названном труде, дабы выявить изъятые эрудиции Прудона, заявил, что еще за семнадцать лет до Адама Смита, ученика А.Фергюсона (курсив мой. — М.А.), последний ясно изложил этот предмет в главе посвященной разделению труда³. В «Капитале» утверждение об ученичестве Смита повторено дважды, причем в отделе четвертом гл. XII в развернутом примечании: «Как ученик Фергюсона, который разобрал вредные последствия разделения труда, А.Смит совершенно ясно представлял себе этот пункт. В начале своего труда, где он ex professo⁴ прославляет разделение труда, он лишь мимоходом указывает на него как на источник общественных неравенств. Лишь в пятой книге, посвященной государственным доходам, он воспроизводит Фергюсона. В "Нищете философии" я уже сказал все необходимое об исторической связи между Фергюсоном, А.Смитом, Лемонтеем и Сэем в критике ими разделения труда...»⁵

Маркс, конечно, опирался на даты выхода основных трудов Фергюсона «Опыт истории гражданского общества» — 1767 и А.Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» — 1776. Между тем, А.Смит в 50-е годы читал курсы лекций в университете Глазго, которые, в основном, по структуре воспроизводили соответствующие курсы, читанные подлин-

¹ См.: С. 267 настоящего издания.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 4. М., 1955. С. 149.

³ Там же.

⁴ профессионально (лат.). — М.А.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 23. М., 1960. С. 375. Прим. 70.

ным учителем Смита Ф.Хатчесоном в том же университете. Наряду с курсами естественной теологии, этики и юриспруденции Смит читал лекции по экономике и политике, где «обкатывались» основные идеи его будущей великой книги. Известно, что между Смитом и Фергюсоном возникли определенные трения по вопросам приоритета, причем претензии шли со стороны Смита. Фергюсон, впрочем, впоследствии воздал должное своему коллеге. В 4 издании «Опыта...» он извещает публику о предстоящем выходе в свет «Богатства народов», где будет изложена теория национальной экономики, равной которой доселе не появлялось. Сам Фергюсон не скрывал свою недостаточную компетентность в экономических проблемах.

Но, затронув громадную социальную проблему разделения труда, Фергюсон прослеживает ее побочные политические эффекты. В обществе, изначально основанном на принципе равенства, возникают отношения господства и подчинения. Они порождаются и различием природных талантов и способностей, и имущественным неравенством, и, не менее важным, умением, приобретенным в занятиях различными ремеслами.

Античные республики противопоставляли свободных граждан рабам. Между ними существовало строгое разграничение занятий. Одни приличествовали свободнорожденным людям, другие были уделом рабов. В результате возвышенность чувств и свобода духа была достоянием тех слоев общества, которые в силу своего социального и имущественного положения были избавлены от низменных забот и интересов. Приводя в пример Спарту, Фергюсон призывает не забывать и об илотах, которые ведь также имеют право на человеческое отношение к себе.

Но что из этого следует? Если претензии на всеобщую свободу и равенство приведут к тому, что все классы станут одинаково рабскими и продажными, мы получим не свободных граждан, а нацию илотов¹. Тут, кажется, Фергюсон высказал не совсем то,

¹ См.: С. 270 настоящего издания.

что вычитал в этом пассаже Маркс, который в «Капитале» трактовал это место так: «Мы — нация илотов и между нами нет свободных людей»¹.

Недостижимость равенства при разделении труда, возвышая в коммерческом обществе меньшинство, заставляет его подавлять большинство. И виною тут не только дефицит образования и знаний, тут и превалирование в умонастроении зависти и низкопоклонства, распространенное предпочтение ближайших выгод, добываемых зачастую преступным путем.

Все эти противоречия являются серьезной угрозой демократии в больших и малых государствах и, если в обществе уничтожен принцип демократии, нечего стремиться к сохранению ее формы. Такой печальный исход становится неизбежным, если институты, предназначенные для сохранения свободы, вместо того, чтобы призывать народ самому о себе заботиться и защищать собственные права гарантируют ему безопасность, но взамен предлагают отказаться от собственных инициатив, что усиливает изоляцию и взаимное отчуждение тех самых слоев общества, кои оно желало примирить. Но тогда демократия даже в образцово деятельном и социально активном обществе обречена, если непрестижность занятий и приниженность бедных слоев делает их участие в политической жизни деструктивным. Фергюсон сам указывает, что им не может быть доверено руководство нации, поскольку их интересы ограничены заботой о собственном пропитании и выживании. Фергюсон оспаривает тут в духе лаконофильства Платона и Ксенофонта свидетельство самого Перикла, который указывал на ту положительную черту афинской демократии, что при ней «бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешает человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству»². И далее. Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 23. М., 1960. С. 366.

² См.: Фукидид. История. Книга II. Глава 37. Раздел 2.

не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвальбы. Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом¹. Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными и общественными. Однако остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике². Здесь описано реальное афинское демократическое общество. Странно, что Фергюсон привел некоторые из этих высказываний в III разделе Пятой части «Об упадке наций», возведя при этом напраслину на Перикла, будто, фактически Перикл правил как царь. Но разве демос не отстранял его от власти? И разве решения принимались не демократическим путем?

Что же в итоге? Как и в случае военных, обособление политических профессий отчуждает народ от политической жизни, так же как и от самостоятельной защиты собственной безопасности. Однако, непосредственное участие в политической жизни простого народа в силу его некомпетентности неэффективно и даже вредно.

Все эти замечания подводят к важнейшему критическому разделу книги «Об упадке наций». Значение этой критики в том, что теория прогресса оказывается дополненной теорией регресса, что вносит тревожную ноту в мажорный оптимизм идеологов Просвещения.

Возможность регресса цивилизованной нации связана в моральном смысле с соотношением добродетелей и пороков в обществе. Видимо, обращаясь к недавней истории Англии, шотландский социолог отмечает, что бурные события, когда люди преследовали высокие цели, для достижения которых требовались соответствующие добродетели, должны были привести

¹ См.: Фукидид. История. Книга II. Глава 40. Раздел 1.

² Там же. Глава 40. Раздел 2.

(согласно представлениям простых людей) к наивысшему развитию жизненных благ, тем не менее обернулись причинами коррупции и порока. Может быть первое обнаружение иронии Истории, но далеко не последнее.

Прогресс национального процветания достигается преуспеванием в обеспечении безопасности общества, в делах различных партий, коммерции, искусств и ремесел.

Достижение одной из этих целей определяет силу национального духа. Но как только цели перестают воодушевлять народ, наступает апатия. Если же эти цели предаются забвению в течение длительного времени, государство приходит в упадок, а народ начинает вырождаться.

Упадок национального духа приводит к главной причине, губящей государство. Как это происходит, Фергюсон продемонстрировал на примере падения Римской республики. Великая республика пала не от летаргии и не от ослабления внутренних политических страстей. Это время стало временем нейтральности и ухода от дел ради собственной безопасности многих людей, в том числе выдающихся... Огромная масса народа осталась незатронутой той бурей, которая не пощадила верхние слои общества. Понятие общественности было дискредитировано в глазах народа. Добровольный отказ от гражданских обязанностей, стремление к удобствам, комфорту, богатству, то что мы сейчас назвали бы потребительством, вытеснили цели нравственного совершенствования. Легкая, обустроенная жизнь не только расслабляет тела, но и развращает дух. Главный урон наносит разделение военных, политических и гражданских профессий, что является попыткой расчленивать человеческую личность. Этот профессионализм военных и политиков лишает свободных людей необходимых средств обеспечения собственной безопасности и заканчивается, в случае внешней агрессии, установлением правления военных внутри страны. Фергюсон не случайно посвятил статью дискутируемому в 50-х годах вопросу о народной милиции.

Итак, разделение труда, узкая специализация, при всей эффективности профессиональной деятельности, отчуждает людей друг от друга, ослабляет потенциал добродетели в обществе и, в конце концов, подготавливает правление силовыми методами.

Таковы грозные пророчества шотландского мыслителя.

В итоге вырисовывается отрицательный для общества баланс прогрессирующего разделения труда. Победы в технике, изобретательстве, невиданной производительности труда оборачиваются коррупцией и политическим рабством. Этому посвящена последняя часть книги Фергюсона, где в сконцентрированном виде представлена моралистическая критика коммерческого общества, которую Маркс в свое время переадресовал зрелому капиталистическому обществу. В его речи на юбилее чартистской народной газеты в апреле 1856 г. воспроизводятся основные инвективы Фергюсона. «С одной стороны, пробуждены такие промышленные и научные силы, о каких даже подозревать не могла ни одна из предшествующих эпох истории. С другой же стороны, обнаруживаются признаки упадка, далеко превосходящие все занесенные в летописи ужасы последних времен Римской империи. В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства, благодаря каким-то странным непонятым чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники куплены ценой моральной деградации»¹.

Произведения Фергюсона казались актуальными не только европейским социалистам. Они пользовались значительной популярностью в России в годы неосуществленных реформ в правление Александра I. Вольтер при встрече с Фергюсоном сообщил ему о том, что его работы входят в учебные курсы российских

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 12. С. 4.

университетов. Его «Наставления в нравственной философии» были дважды изданы в Санкт-Петербурге и в Москве в 1804 г. В 1817 г. был издан «Опыт истории гражданского общества» в неполном переводе Тимковского. Мотивация купюр и правок в русском издании, отмеченные нами в тексте, до боли знакома. А вот несколько злободневных и поныне высказываний автора «Опытов»:

«...Принципом поведения, обеспечивающим сохранение демократии, является добродетель. Каким замечательным преимуществом обладает народное правление! И как страстно должно человечество желать этой формы, если она демонстрировала тенденцию установления этого принципа. Но, возможно, сначала мы должны получить этот принцип... чтобы затем обрести и форму...

...Где-нибудь в Константинополе или в Алжире попытки людей действовать, как бы на основе равенства, являют собой жалкое зрелище; под равенством они понимают лишь освобождение от правительственных ограничений и возможность отхватить как можно больший кус, который в обычные времена достается хозяевам...

...Когда политическим правам не уделяют должного внимания на них всегда посягают...

...Республиканские правительства вообще находятся под постоянной угрозой разрушения со стороны отдельных восходящих к власти фракций, а также со стороны мятущейся черни, которая в ее развращенном состоянии не способна принимать участие в управлении государством...

...Свобода есть право, которое каждый человек должен быть готов отстаивать для самого себя, каждый же, кто желает даровать ее другим как некую милость, тем самым в действительности отрицает ее. Сохранение свободы нельзя доверить даже политическим учреждениям, хотя они и кажутся независимыми от воли и решений людей, они способны питать тот дух твердости и решительности, которым полнится свободный дух... но ставить себя над ним они не вправе...»

Читатель в современной России сам найдет массу других мест, перекликающихся с нашим временем, временем начатых реформ, временем выбора нового пути или отказа от него. Книга старого Адама поучительна. Она без обиняков ставит вопрос о цене прогресса, актуальность которого постоянно прогрессирует.

М.А.Абрамов

Часть первая

**Об общих характеристиках
человеческой природы**

Раздел I

К ВОПРОСУ ОТНОСИТЕЛЬНО ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Произведения природы, как правило, формируются постепенно. Овощи вырастают из нежных ростков, а животные — из детенышей. Последние, будучи предопределены к действию, расширяют сферу своей жизнедеятельности по мере возрастания собственных сил, демонстрируя прогресс как в плане самой этой жизнедеятельности, так и в плане обретения новых способностей. Если же говорить о человеке, то здесь указанный прогресс идет дальше, чем у любого другого животного. Путь от младенчества к зрелости прodelывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации. Отсюда предположение о том, что человечество имеет своей отправной точкой некое естественное состояние; отсюда же все наши догадки и различия относительно того, каким был человек на этой начальной стадии своего бытия. К этому давнему времени часто обращают свои взоры поэты, историки и моралисты, живописуя — под знаком либо золота, либо железа — те условия и тот образ жизни, начиная с которых имело место то ли вырождение, то ли изрядное самосовершенствование человечества. Так ли, иначе ли — но первобытное наше естественное состояние полагается в качестве не имеющего ничего общего с теми чертами, которые продемонстрировали люди впоследствии: даже относящиеся к наиболее раннему периоду исторические памятники предлагаются считать новшествами, а самые общепринятые институты, ныне действующие в человеческом обществе, ставятся в разряд посягательств (явившихся следстви-

ем либо подлога, либо насилия, либо суетных выдумок) на то естественное состояние, которое в равной мере оберегало нас как от наших нынешних бед, так и от наших нынешних благ.

Из тех авторов, кто попытался отыскать в характере человека его первородные черты и нащупать грань между естественным и искусственным, некоторые изобразили исконного человека, наделенного чисто животной чувственностью и лишенного всех тех способностей, которые ставят его над животными, лишенным каких бы то ни было политических объединений, равно как и любых средств выражения собственных чувств — и даже тех переживаний и страстей, для проявления которых так хорошо подходят голос и жесты. Иные представили естественное состояние как состояние непрестанных войн, разжигаемых соперничеством за обретение господствующего положения и различных выгод — состояние, при котором всякий имеет тяжбу со всяким и само присутствие особи того же вида является сигналом к бою¹.

Стремление дать фундаментальное обоснование собственной системе или, может быть, вера в возможность проникновения в секреты природы, в возможность постижения сути бытия привели в указанной сфере ко многим бесплодным поискам и породили множество безумных предположений. Изю всех бесчисленных свойств, коими обладает человечество, мы выделяем одно или несколько в качестве основополагающих для нашей теории и, создавая картину того, каким был человек в некоем воображаемом естественном состоянии, мы оставляем без внимания человека, каким он является нашему непосредственному наблюдению и каким сходит он со страниц истории.

Во всех прочих случаях, однако, исследователь естественной истории считает себя обязанным собирать факты, а не довольствоваться домыслами. Трактую о том или ином виде животных, он полагает, что их нынешнее поведение и инстинкты являются теми же,

¹ Имеется в виду учение Т. Гоббса (1588—1679) — о «войне всех против всех» в естественном состоянии. — *Ред.*

что и изначально, и что их настоящий образ жизни есть продолжение первоначально заложенного в них. Он признает, что знание его о материальном строении мира состоит в собрании фактов или, в крайнем случае, в общих положениях, выведенных из частных наблюдений и опытов. И лишь в том, что касается его самого и вопросов, наиболее важных и наиболее легких для познания, подменяет он реальность гипотезой и допускает смешение сфер компетенции воображения и разума, поэзии и науки.

Но и не вдаваясь далее в моральные, либо физические предметы, связанные с характером или происхождением нашего знания, не принижая той изощренности, с которой анализируется каждое ощущение или отыскивается исток каждого способа бытия, можно с уверенностью утверждать, что характер человека, каким он является теперь, и законы той животной и интеллектуальной системы, на которых ныне зиждется его счастье, принципиально достойны нашего изучения; и что общие принципы как данного, так и любого другого предмета имеют пользу лишь в той мере, в какой они основываются на верном наблюдении и ведут к познанию важных следствий, либо позволяют нам успешно применять интеллектуальные или физические природные силы в осуществлении великих целей человеческой жизни.

И если как ранние, так и позднейшие свидетельства, собранные во всех частях света, изображают людей объединенными в войска и сообщества, причем отдельные индивиды всегда демонстрируют приверженность одной из сторон и противостояние другой; если имеет место воспоминание о былом и предвидение будущего; если проявляется склонность делиться с другими собственными чувствами и самому сочувствовать другим — то все эти факты и следует положить в основу наших рассуждений о человеке. Склонность последнего как к дружбе, так и к вражде, разум, использование языка и членораздельных звуков, равно как вся его фигура и прямая осанка, — все это должно быть рассмотрено в качестве составных частей его природы: о них следует упоминать при

описании его, подобно тому, как упоминаем мы о крыльях, либо лапах, говоря об орле, либо о льве, и подобно тому, как говорим о различных степенях свирепости, бдительности, робости или быстроты, необходимых разным животным для занятия своего места в естественной истории.

Если поставить вопрос о том, *на что был бы способен разум человеческий, будь он предоставлен самому себе и лишен помощи какой бы то ни было внешней направляющей силы*, ответ на него пришлось бы искать в истории человечества. Отдельные эксперименты, оказавшиеся столь полезными при установлении принципов других наук, применительно к данному предмету, возможно, и не принесли бы нам ничего важного или нового: историю каждого активного существа мы должны вести исходя из его поведения в той ситуации, в которой он сформировался, а не из того, как он выглядит в навязанных ему или вообще необычных условиях; так дикарь, пойманный в лесу, где он всегда жил отдельно от своего рода, есть лишь единственный пример, а не проявление общего. Точно так же как анатомия глаза, не знакомого с воздействием света, или уха, ни разу не ощутившего на себе влияние звука, наверняка продемонстрирует определенные дефекты самого строения этих органов, вытекающие из того, что их не применяли по назначению, так и любой из вышеописанных случаев сможет рассказать лишь о том, в какой мере может существовать способность эмоции и ощущения там, где ими никогда не пользовались, и какова может быть ущербность и слабоумие той души, в которой так и не отобразились владеющие обществом эмоции.

Людей надо рассматривать в сообществах — так, как они всегда и жили. История индивида есть лишь часть тех чувств и мыслей, которые он испытал как представитель вида: и любой эксперимент, имеющий отношение к данному предмету, следует проводить с обществами в целом, а не с отдельными людьми. Однако, у нас есть все основания полагать, что в случае проведения подобного эксперимента — положим, с группой детей, которые будут изъяты из яслей и

предоставлены самим себе, неученые и недисциплинированные, для образования собственного отдельного общества, — мы получим лишь повторение старого, а именно то, что уже случалось в столь многих различных частях света. Члены нашего маленького общества будут питаться и спать, держаться вместе и играть, выработают свой собственный язык, будут ссориться и расходиться, будут считать друг друга наиболее достойными внимания объектами и, в пылу своей дружбы и соперничества, начнут забывать о личной безопасности и перестанут заботиться о самосохранении. Разве не как такая группа формировался и весь род человеческий? Кто направлял его развитие? К чьим наставлениям прислушивался он? Чьему примеру следовал?¹

Следовательно, предположим мы, природа, дав каждому животному присущий ему образ жизни, так же поступила и с родом человеческим; стало быть, исследователь естественной истории, собирающий воедино свойства этого вида, может найти каждое из этих свойств в настоящем — так же, как мог отыскать их в и любой предшествовавшей эпохе. И все же одно из отличительных свойств человека порой либо не принималось во внимание при рассмотрении человеческой природы, либо воспринималось нами как нечто уводящее нас в сторону. У других видов животных всякая отдельно взятая особь движется от младенчества к зрелости и в ходе своей индивидуальной жизни достигает всего того совершенства, на которое способна его природа; что же до человеческих существ, то у них прогрессирующему развитию подвергается весь вид, а не только отдельные особи; каждое последующее поколение надстраивает что-то на той основе, которую оставляют ему предки, и с течением времени все более совершенствуется в приложении тех своих способностей, для раскрытия которых требуется длительный опыт и кои служат объектом сложения уси-

¹ Любопытно сравнить результаты этого мысленного эксперимента с анализом сходной ситуации писателя XX века М.Голдинга в романе «Повелитель мух» — *Ред.*

лий многих поколений¹. Их прогресс доступен нашему наблюдению; мы явственно различаем последовательность его ступеней, по ним мы можем вернуться в далекую древность, о коей не сохранилось никаких свидетельств, никаких материальных остатков, способных поведать нам о первых шагах этой замечательной эпопеи. Таким образом, получается, что вместо того чтобы вникнуть в природу вида как такового — что мы можем сделать в подробностях, имея на руках самые достоверные данные, — мы пытаемся восстановить картину его по прошлым векам, воскрешая неизвестное; и вместо того чтобы предположить, что в начале нашей истории было то же, что и в последующем, мы считаем, что надежней было бы отбросить все детали нашего нынешнего состояния и облика как случайные и чуждые нашей природе. Соответственно, переход человечества из предполагаемого состояния животной чувственности к обретению разума, пользованию языком и к общественным навыкам был описан нами с привлечением силы воображения, а его стадии были отмечены смелостью изобретательства, подталкивающей нас к признанию того, что в числе исторических факторов наличествовал и такой, как фантазия, а также, вероятно, и к принятию в качестве модели нашей природы в ее изначальном состоянии

¹ В издании 1773 года данный отрывок, начиная со слов «И все же одно из отличительных свойств...», заменен следующим отрывком: «достигнутое родителем не передается его детям через кровное родство, человеческий прогресс нельзя рассматривать как некую физическую мутацию вида. Во все времена индивиду приходится пробегать ту же дистанцию от младенчества к зрелости; так что любой младенец или невежда представляют собой модель того, что есть человек в его изначальном состоянии. Свой жизненный путь он начинает со всеми теми преимуществами, которые дает ему эпоха, природные же его таланты, вероятно, всегда являются одними и теми же. Использование его талантов и сфера их приложения меняются, и деятельность свою люди развивают совместно на протяжении веков: Они строят на фундаменте, заложенном предками, и с течением времени все более совершенствуются в применении тех своих способностей, для раскрытия которых требуется длительный опыт и кои служат объектом сложения усилий многих поколений». — *Ред.*

некоторых из животных, облик которых имеет наибольшее сходство с нашим собственным обликом¹.

Смешно было бы говорить как о некоем открытии о том, что лошадь как вид, вероятно, никогда не составляла одного вида со львом; вместе с тем, в противовес тому, что порой слетало с пера именитых писателей, мы не можем не подчеркнуть, что в ряду животных человек всегда являл собой отличную от прочих высшую расу и что ни обладание схожими органами, ни внешняя похожесть, ни пользование руками², ни продолжительное общение с данным суверенным творцом не позволили никакому иному виду сделать собственные достижения сопоставимыми с его достижениями; и, даже находясь в состоянии крайнего упадка, он никогда не скатывается до их уровня. Короче говоря, при любых условиях он остается человеком; так что из проведения аналогий между ним и другими животными мы не в силах ничего почерпнуть. В стремлении познать его мы должны заниматься его собственной персоной, ходом ее жизни, ее образом поведения. При взгляде на него общество предстает таким же древним, как и индивид, а использование языка столь же всеобщим, сколь использование рук или ног. Если и было время, когда он только знакомился с другими представителями своего рода, когда только приобретал свои способности, то об этом времени у нас нет никаких свидетельств и наши взгляды на этот счет беспредметны и ничем не подкреплены.

В эти бескрайние области невежества и домыслов нас часто увлекают фантазии, в упоении которыми мы скорее сочиняем предмет, а не воссоздаем его на основе наличных форм: мы попадаемся на удочку уловок, которые сулят нам восполнение любого дефекта нашего знания и создают иллюзию, будто путем за-

¹ *Rousseau. Sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes.* [Руссо. О происхождении неравенства между людьми. — *Ред.*] Все примечания, не оговоренные «*Ред.*», принадлежат Фергюсону и даются курсивом. — *Ред.*

² *Traité de l'esprit.* [См.: *Helvétius. De l'esprit, First Discourse, ch. I.*] — Об уме. [См.: Гельвеций (1715—1771), Об уме самом по себе. Гл. I. Изложение принципов. — *Ред.*]

полнения некоторых пустот естественной истории они приближают наше мироощущение к источнику бытия. Положившись на скудные наблюдения, мы спешим предположить, что тайна сия скоро будет раскрыта и что действие естественных сил можно описать как некую природную *мудрость*. Мы забываем о том, что природные силы, будучи взяты последовательно и применены ради благой цели, как раз и служат обоснованием того образа мысли, из которого вытекает существование Бога; а коль скоро мы принимаем эту истину, нам уже нет нужды искать источник бытия; нам остается лишь познавать законы, установленные творцом природы; так что — как в последних, так и в первых наших изысканиях — мы всего лишь учимся восприятию дотоле неведомых модусов созидания или провидения.

Мы говорим об искусстве как о чем-то отличном от природы; но и само искусство является естественным для человека. Последний в определенной мере является демиургом [artificer] собственного облика, равно как и собственной судьбы, будучи с первых шагов своего бытия предопределен к изобретательству и ухищрениям. Одни и те же способности прилагодятся им к осуществлению самых различных целей и играют почти одинаковую роль в самых разных контекстах. Он всегда вносит усовершенствования в предмет своей деятельности, сохраняя данное отношение к нему везде, где бы он ни находился — и на улицах многонаселенного города, и в лесных дебрях. Выказывая себя равно приспособленным к любым условиям, он в силу этого оказывается не в состоянии раз и навсегда обосноваться ни в одном из них. Будучи одновременно и упрямым, и непостоянным, он жалуется на новшества и никогда не бывает вполне удовлетворенным никаким нововведением. Он постоянно занят реформированием и неизбежно подвержен заблуждениям. Поселите его в пещере — и он преобразует ее в хижину; однажды что-то построив, он будет расширять постройку. Однако, стремительных и поспешных переходов он не предлагает; его продвижение медленно и прогрессивно; его сила, как сила пружины, молчаливо возрастает в ответ на любое давление; и при

всем его таланте к проектированию деятельность его часто находит завершение еще до того, как набросан ее план. Пожалуй, представляется одинаково трудным как задержать, так и ускорить его действия; в то время как создатель проекта жалуется на его медлительность, моралист считает его непостоянным; и независимо от того, быстрыми или медленными являются его действия, благодаря ему происходит постоянное изменение характера человеческой деятельности: его девиз — живой поток, а не застойное болото. Мы можем желать того, чтобы направить его любовь на усовершенствование его истинного предмета, мы можем желать стабильности поведения; но если мы захотим завершить труды или обрести покой, значит мы не понимаем природы человека.

Занятия людей в любом случае являются выражением свободы их воли, наличия различных мнений и множественности желаний, являющихся их движущей силой: но они наслаждаются или терпят, демонстрируя чувствительность или флегматичность, являющиеся примерно одними и теми же во всех ситуациях. Они с разной цепкостью, но с одинаковой легкостью владеют берегами Каспия или Атлантики. В одном случае они закрепились на земле и организовались с целью создания поселения и проживания в городах: имена, которыми они наделяют нацию и занимаемую ею территорию, являются одними и теми же. В другом случае они — всего лишь кочующие племена, готовые слоняться по свету со своими стадами в поиске новых пастбищ и благоприятных климатических условий — вслед за солнцем, совершающим свой годовой круг.

Человек в одинаковой мере находит себе приют и в пещере, и в хижине, и во дворце; равно изыскивает себе пропитание и в лесах, и на пастбищах, и на ферме. Он вводит различия в титулах, экипажах и одеяниях; он разрабатывает стройные системы правления и сложный свод законов; или же, обнаженный, в глуши лесов, он не имеет иных признаков превосходства, кроме силы собственных членов и сметливости ума; никаких правил поведения — лишь выбор; никаких связей с собратьями, кроме привязанности,

общительности и стремления к безопасности. Способный к огромному разнообразию искусств и не зависящий ни от одного из них в плане самосохранения; как бы далеко он ни зашел в развитии своего искусства, он всегда будет находить в нем удовлетворение собственных естественных потребностей, ибо к этому развитию он, как нам кажется, предопределен природой. Крона дерева, избранная в качестве убежища и жилища для своей семьи американцем с берегов Ориноко¹, являет для него достойное место обитания. В этом смысле софа, сводчатый купол и портик служили бы ему ничуть не лучшим пристанищем.

Поэтому, если нас спросят, где можно найти естественное состояние, мы можем ответить: оно здесь, и неважно, имеем ли мы в виду Великобританию или мыс Доброй Надежды, или Магелланов пролив. Все обстоятельства будут в равной степени естественными, пока они будут оставлять этому активному существу простор для проявления собственных способностей и для воздействия на окружающие его предметы. Если нам скажут, что порок является, по меньшей мере, противоестественным, мы можем ответить на это, что он, хуже того, он — глупость и несчастье. Но если естественным является лишь то, что противоположно искусственному, то можно ли отыскать в мире людей такое место, в котором не имелось бы следов искусства? И у дикарей, и у цивилизованных граждан найдется множество человеческих изобретений; и у тех, и у других не найдется никакого постоянного положения, и это не какое-либо перманентное состояние, но просто стадия, через которую это неугомонное существо обречено пройти. Если противоестественен дворец, то не менее противоестественна и хижина; а высочайшие проявления политики и нравственности в известном смысле не более искусственны, чем первые движения чувства и разума.

Если мы признаем, что человек предрасположен к [само]совершенствованию, что в нем заложен принцип

¹ *Lafitau. Moeurs des savages.* — Лафит. Нравы дикарей. [Лафит Пьер Франсуа (1685—1764), французский историк. — *Ред.*]

прогресса и стремление к идеалу, то было бы неверным утверждать, что, начав движение вперед, он распрощался со своим естественным состоянием или что он попал в положение, для которого не был предназначен — ведь, подобно другим животным он лишь поступает в соответствии с собственной предрасположенностью, используя те возможности, которые дала ему природа.

И последние достижения человеческой изобретательности есть не что иное как продолжение определенной линии, развитой еще на заре человечества, когда оно находилось в наиболее примитивном состоянии. То, что спроектировал или подметил живший в лесу дикарь, послужило ступенями, подведшими впоследствии развившиеся из дикарей нации к строительству хижин, а затем и дворцов и направившими разум человеческий от чувственных восприятий к научным обобщениям.

Признанные недостатки в любом случае вызывают у людей неприязнь. Невежество же и слабоумие вызывают презрение, а проникательность и достойное поведение — почет и уважение. К чему подталкивают человека все эти эмоциональные реакции и оценки? Конечно же к прогрессу, в который в равной мере вовлечены и дикарь, и философ; пусть даже достижения того и другого на пути прогресса неравноценны, конечная цель у них едина. Восхищение, которое испытывал Цицерон¹ по поводу литературы, красноречия и гражданских добродетелей, ничуть не более подлинно, чем восторги какого-нибудь скифа в связи с равноценными (в его понимании) достижениями скифского общества. «Если и есть что-то, чем я хотел бы похвалиться, — говорит один татарский князь², — то это мудростью, которой наградил меня Бог. Ибо

¹ Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до Р.Х.) — римский оратор и государственный деятель. Классик художественной и философской латыни. — *Ред.*

² *Abulgaze Bahadur Chan. History of the Tartars.* [Абу Ль Гази Бахадур Хан (1603—1663) — хивинский хан, узбекский писатель и историк. Автор книг: «Родословное древо тюрков» и «Родословная туркменов». — *Ред.*].

если, с одной стороны, я не уступлю никому ни в ведении войны, ни в армейской диспозиции, будь то армия пешая или конная, ни в управлении передвижениями больших и малых воинских частей, то, с другой стороны, я обладаю талантом писателя и в нем уступаю, пожалуй, лишь обитателям великих городов Персии и Индии. О прочих, неизвестных мне народах я не говорю».

Человек может ошибаться в выборе цели; его трудолюбие может быть потрачено не на то, и улучшения могут быть произведены не там, где надо. И если, сознавая возможность подобных ошибок, он найдет некий критерий оценки собственных поступков и достижения наиполнейшего осуществления собственной природы, то найдет он его не в деятельности какого бы то ни было отдельного человека и даже ни у какой бы то ни было нации и не в чувстве, что на его стороне большинство или что данное мнение является преобладающим. Искать данный критерий ему следует в концептуальных достижениях собственного понимания и в лучших движениях своей души; следовательно, он должен уяснить себе, *что* есть то совершенство и то счастье, на которые он способен. И, поразмыслив, он придет к выводу, что правильным состоянием его природы в вышеупомянутом смысле является не то, от которого навсегда ушло человечество, а то, к которому оно в настоящий момент может прийти — не *до того как* применить собственные способности, а *благодаря* их надлежащему применению.

Изо всех терминов, которые мы употребляем по отношению к человеческим делам, наименее существенны термины *естественный* и *неестественный*. В отличие от аффектации, своеволия или любого другого порока темперамента, «естественное» есть хвалебный эпитет; но, будучи употреблен для обозначения поведения, вытекающего из природы человека, он не способен внести никаких смысловых разграничений, ибо все вообще действия людей в равной степени вытекают из их природы. Самое большое, что может дать подобное словоупотребление, это обозначить общий и преобладающий смысл или деятельность человечества; но любое важное исследование, посвященное этому

предмету, можно проводить и с использованием столь же знакомого и более точного словоупотребления. Что есть справедливость и несправедливость? Что есть счастье и несчастье в людских делах? Что, при всех различиях в их положениях, является благоприятствующими или неблагоприятствующими факторами для развития их лучших качеств? Мы вправе ожидать удовлетворительного ответа на эти вопросы; и каким бы ни было изначальное состояние нашего рода, для нас важнее знать, к какому состоянию нам самим следует стремиться, а не в каком состоянии прибывали наши предки.

Раздел II

О ПРИНЦИПАХ САМОСОХРАНЕНИЯ

Если в природе человека присутствуют качества, отличающие ее ото всего прочего животного мира, то и сами люди сильно разнятся между собой в различных климатических условиях и в разные века. И в той мере, в какой мы можем дать объяснение этому нравственному и физическому разнообразию, мы выполняем работу необычайно интересную или многозначительную¹. Однако, представляется необходимым чтобы, прежде чем рассматривать многообразие человеческой природы или пытаться объяснить различия, состоящие в неравномерном обладании или применении тех качеств и сил, которые в той или иной мере присущи всему человечеству, мы займемся сами этими всеобщими свойствами нашей природы.

Как и другие животные, человек обладает некоторыми инстинктивными предрасположенностями, которые еще до восприятия им удовольствия или боли, еще до осознания им вредности или пользы тех или иных предметов подталкивают его к выполнению многих природных функций по отношению к себе самому и к своим братьям. Один ряд его предрасположенностей касается сохранения его как вида, продолжения рода человеческого; другие предрасположенности, касающиеся общества, делают его членом одного какого-то племени или сообщества и часто вовлекают его в войну или спор с остальным человечеством. Его способности различать или его интеллектуальные способности, которые, будучи известны под именем *разум*, отличаются от аналогичных свойств

¹ В издании 1814 г. данная фраза заменена словами: «Эти различия заслуживают нашего внимания, и течение каждого из тех ручейков, на которые разделяется этот мощный поток, заслуживает того, чтобы проследить его до самых его истоков». — *Ред.*

других животных, распространяются на окружающие его объекты, которые воспринимаются либо как предметы простого познания, либо как объекты одобрения или запрета. Человек предназначен не только для познания, но и для восхищения или порицания; и эти действия его души имеют принципиальную связь с характером его самого и его собратьев, ибо именно в этой части он более всего заинтересован отличать истинное от ложного. Кроме того, этот его дар может пригодиться ему в определенных и неизменных условиях; и он, либо как отдельный индивид, либо как член гражданского общества, должен — для того чтобы воспользоваться преимуществами своей природы — занимать определенную позицию. К тому же он в огромной мере подвержен привычкам; а при помощи выдержки и упражнений он может настолько ослаблять, усиливать или даже разнообразить свои таланты и предрасположенности, что в значительной степени будет казаться, будто он сам решает, какое место занять ему в природной иерархии, будто он сам породил все то разнообразие, которым отмечена реальная история его вида. Между тем, те всеобщие черты, о которых мы сейчас говорим, должны составить первый предмет рассмотрения, коль скоро мы займемся любым из отрезков этой истории вида; эти черты следует не только перечислить, но и обстоятельно рассмотреть.

Предрасположенности, относящиеся к сохранению индивида, продолжая существовать в человеке в виде инстинктивных желаний, почти не отличаются от тех, что присущи другим животным; но у него они рано или поздно дополняются рефлексией и предвидением; они дают ему представление относительно предмета собственности и знакомят его с тем объектом забот, который он называет своим интересом. Не обладая инстинктами, которые учат бобра и белку, муравья и пчелу делать на зиму свои скромные запасы, он, поначалу расточительный, а в отсутствии явного объекта страсти и ленивый, с течением времени становится самым запасливым изо всех животных. В накоплении богатства впрок, которым ему, возможно, никогда и не придется воспользоваться, он находит

главный предмет своих забот, главного идола своего духа. Он получает представление об отношении своей персоны к собственности, превращающем то, что он называет своим, в часть его самого, в некую составляющую его ранга, его положения в обществе и его характера, в чем он может быть удачлив или несчастен, независимо от того, дает ли это ему действительное наслаждение; и, независимо от каких-либо личных заслуг, в чем он может быть объектом внимания или пренебрежения и в чем он ему могут нанести ущерб или навредить; при личной невредимости и полном удовлетворении своей натуры.

В этих представлениях — в то время как другие страсти возникают лишь время от времени — заинтересованные лица обретают предмет своих обычных забот, мотив к занятию механическими и коммерческими ремеслами, искушение нарушить законы справедливости, а в случае крайней развращенности и цену, уплаченную за собственную проституцию, и критерий своих суждений о добре и зле. Под влиянием этого они вступят, если не удержат их с помощью законов гражданского общества, на стезю насилия и подлости, на которой наш вид, в свою очередь, проявит себя как вид более страшный и одиозный, более низкий и презренный, нежели любой из обитающих на земле видов животных.

Хотя соображения интересов основаны на переживании животных желаний и вожделений, целью их является не удовлетворение какого-то частного аппетита, а обеспечение средств для удовлетворения всех appetitов; а это зачастую налагает ограничения на те самые желания, которые и породили данные интересы, — ограничения более сильные и более жесткие, чем те, что налагают религия или чувство долга. Эти соображения вырастают из принципа самосохранения в его очеловеченном варианте; но извращенный или, по крайней мере, частичный результат этих принципов именуют — хотя во многом совершенно несправедливо — *самолюбием*.

Любовь — это чувство, увлекающее внимание духа за пределы его самого, она обладает качеством, назы-

ваемым нами *нежностью*, а эта последняя никогда не соседствует с соображениями интересов¹. Так как это чувство предполагает удовлетворенность и состояние продолжительного удовольствия, получаемого от объекта любви, и не зависит от внешних событий, то даже в разгар разочарований и скорби она способна доставлять наслаждения и радости, неведомые тем, кто не обращает никакого внимания на своих собратьев; и при любом изменении обстоятельств она остается совершенно отличной от тех чувств, которые испытываем мы по поводу собственного успеха или невезения. Но поскольку проявляемая человеком забота о собственных интересах и внимание к другому, на которое толкает его чувство любви, могут иметь аналогичные результаты — первое для его собственной судьбы, второе — для судьбы друга, мы сосредоточимся на принципах его деятельности; мы исходим из предположения, что эти принципы одного рода и лишь отнесены к различным объектам; и говоря о любви к себе самим, мы не только грешим неправильным словоупотреблением, но и в известном смысле принижаем собственную природу, ограничивая цель этой предполагаемой любви к себе обеспечением или накоплением составных частей нашего интереса, либо средствами к ведению чисто животного существования.

Иногда приходится поражаться, как несмотря на то, что некоторые люди столь высоко ценят качества своей души, свои способности, ученость и остроумие, мужество и честь, эти же люди слынут в высшей степени подверженными своекорыстию или самомнению, их считают приверженными к скотской жизни и не стремящимися превратить свою жизнь в нечто достойное. Трудно, однако, сказать, почему любой здравый человек не может считать понятливость, решительную и щедрую душу такой же частью себя самого,

¹ В издании 1814 г. этот отрывок, начиная со слов «за пределы его самого», заменен словами «за пределы его самого, и являющееся чувством родства с неким соплеменником как с объектом этого чувства» — далее по тексту. — *Ред.*

как живот или рот, — частью, гораздо более важной, чем его сословие или его одежда. Эпикурец, обратившийся к врачу по поводу восстановления аппетита и желающий посредством возвращения себе удовольствия от еды повысить способность к наслаждению, мог бы проявить равную заботу о себе самом, обратившись за советом о том, как усилить свою любовь к своим родителям и детям, к своей стране или к человечеству; возможно, усиление «аппетита» к данным предметам дало бы ему не меньший источник наслаждения.

Между тем, в силу наших предполагаемо эгоистичных установок мы, как правило, исключаем из числа объектов личной заботы многие из наиболее удачных и достойных качеств человеческой природы. Привязанность и мужество мы считаем не более чем глупостями, из-за которых мы забываем себя самих, либо становимся незащищенными; мы низводим мудрость до соблюдения собственных интересов и, не объяснив, что есть эти интересы, мы предпочитаем трактовать их как единственный разумный мотив нашей деятельности. На подобных утверждениях основана даже целая философская система, а наше мнение о людях, действующих на основе эгоистических принципов, таково, что это весьма опасная для добродетели тенденция. Но ошибки этой системы состоят не столько в общих принципах, сколько в их конкретных применениях; не столько в том, что она учит людей заботиться о самих себе, сколько в том, что она заставляет их забыть о том, что их счастливейшие переживания, их сладость, их духовная независимость на деле есть часть их самих. А противники этой предполагаемо эгоистичной философии, делающей любовь к себе господствующей страстью человечества, справедливо осуждают ее не столько за данную ей общую характеристику человеческой природы, сколько за то, что простое речевое новообразование она ошибочно выдала за научное открытие.

Говоря о своих различных мотивах, вульгарные люди довольствуются обычными названиями, обозначающими известные и очевидные различия. К числу таких относятся *благожелательность* и *эгоизм*, которые

ми они обозначают, соответственно, желание благоденствия для других и заботу о своем собственном благополучии¹. Размышляющие личности не всегда довольствуются таким пониманием; они анализируют, а также перечисляют принципы природы; и может статься, что в поиске чего-то, что просто выглядит новым, и не стремясь ни к каким истинным открытиям, они нарушат строй вульгарных представлений². В данном случае они действительно пришли к выводу, что благожелательность есть не что иное как разновидность эгоизма; и они очень бы нас обязали, если бы рассмотрели также и новый набор слов, при помощи которого они проводят различие между эгоизмом родителя, заботящегося о своем ребенке, от его же эгоизма, когда он заботится о себе самом. Ибо, согласно этой философии, так как в обоих случаях он лишь стремится к удовлетворению собственных желаний, в обоих случаях он равно эгоистичен. Между тем, термин *благожелательный* употребляется не для описания людей, не обладающих никакими желаниями, а для описания тех, чьи собственные желания подталкивают их к содействию благосостояния других. На самом деле нам нужен более свежий язык, чем тот, от которого нас заставляет отказаться сделанное здесь открытие — с тем чтобы люди могли рассуждать так же, как и раньше. Конечно же невозможно жить и действовать вместе с людьми, не отличая гуманного от жестокого, благожелательное от эгоистичного различными именами.

Эти термины имеют соответствующие эквиваленты во всех языках; они были изобретены людьми не утонченными, стремящимися лишь найти выражение тому, что они отчетливо воспринимали и сильно чувствовали. И если человек, обладающий спекулятивным мышлением, сможет доказать, что мы эгоистичны в том

¹ В издании 1768 года отрывок «которыми... собственном благополучии» заменен отрывком: «первым из которых они выражают дружеское расположение, а вторым — собственный интерес». — *Ред.*

² Из издания 1768 года: «они попытаются изменить словопотребление». — *Ред.*

смысле, какой вкладывает в это слово он, это не означает, что мы эгоистичны также и в вульгарном смысле; или, как поймут этот вывод обычные люди, мы обречены на то, чтобы в любом случае действовать из соображений личного интереса, алчности, малодушия и трусости, ибо именно такой смысл вкладывают обычно в представление о человеческом эгоизме.

Иногда говорят, что привязанность или любовь любого рода делает нас заинтересованными в ее объекте; а человеколюбие само по себе дает заинтересованность в благополучии человечества. Термин *интерес*, который обычно едва ли означает что-либо, кроме нашего отношения к собственности, иногда употребляется для обозначения пользы вообще, а польза — для обозначения счастья; при такой туманности не удивительно, что мы до сих пор не можем определить, является ли интерес единственным мотивом человеческих действий и критерием отличия того, что есть для нас добро, от того, что для нас зло.

Вот все, что мы имеем сообщить в данной части — не для того, чтобы сказать свое слово в дискуссии на эту тему, но для того лишь, чтобы вернуть термин *интерес* к его общепринятому значению и намекнуть на наше намерение употреблять его для обозначения тех объектов заботы, которые связаны с нашими внешними условиями и с сохранением нашей животной природы. Взятый в этом значении, он, конечно же, не будет охватывать всех мотивов человеческого поведения. Если людям не дозволено иметь незаинтересованную благожелательность, то в незаинтересованных пристрастиях другого рода им не может быть отказано. Ненависть, возмущение и гнев зачастую заставляют их поступать вопреки их осознанному интересу и даже подвергать свою жизнь опасности — и все это безо всякой надежды на какую-либо будущую компенсацию в виде продвижения по службе или прибавлений.

Раздел III

О ПРИНЦИПАХ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Человечество во всех его состояниях, в кочевье или оседлости, в согласии или раздорах, всегда объединялось — либо в войско, либо в дружественное объединение. И какой бы характер ни носило это собрание, в основе его всегда лежал принцип альянса или союза.

Занимаясь сбором исторического материала, мы редко когда бываем готовы принять его в том виде, в каком он попадает в наши руки. Обилие подробностей и очевидная бессвязность того, что открывается нашему взору, как правило, смущают нас. В теории мы ставим своей целью изучение общих принципов и бываем готовы принять любую систему ради приближения к нашему пониманию исследуемых предметов. Так, исследуя дела человеческие, мы способны вывести все, что угодно из принципа объединения или из принципа разобщения. Естественное состояние — это состояние войны или дружбы, люди рождены для того чтобы объединяться по принципу приязни или по принципу страха, что наиболее соответствует системам воззрений различных авторов. История нашего рода и впрямь изобилует свидетельствами того, что его представители являются друг для друга объектами страха и любви; так что те, кто доказывает, что первоначально люди находились либо в состоянии единения, либо в состоянии войны, имеют достаточно аргументов для защиты своей позиции. Наша приверженность какой-то одной стороне или одной секте, кажется, зачастую во многом идет от враждебности к противоположной стороне; а эта враждебность, в свою очередь, вытекает из страстного стремления выразить позицию своей стороны и из желания отстоять права своей стороны.

«Человек рождается в обществе и остается в нем», — говорит Монтескье¹. Удерживающие его чары многосложны. Можно упомянуть о родительской любви, которая вместо того чтобы покинуть взрослого, как это бывает у животных, становится более цепкой, так как к ней примешивается уважение и память о первых результатах этой любви; здесь же присутствует объединяющая человека с другими животными склонность затеряться в стаде и бездумно последовать за толпой тебе подобных. Нам не дано знать, как изначально выглядела эта склонность; но люди, привыкшие быть в компании, почитают радости и печали подобного состояния в ряду главных наслаждений и мук человеческой жизни. Печаль и меланхолия ассоциируются с одиночеством; радость и удовольствия — с компанией. След саней лапландца на заснеженном берегу наполняет радостью одинокого мореплавателя; выражаемые ему немые знаки сердечности и доброты пробуждают в нем воспоминания об удовольствии, которое доставляло ему пребывание в обществе. Поистине, говорится в повествовании путешественника на Север, описывающем подобную сцену: «Нам доставляло необычайное удовольствие общаться с людьми, ибо в течение тринадцати месяцев нам не встречалось ни одного человеческого существа»². Но за подтверждением этого положения нам не надо далеко ходить: плач младенца и томление взрослого, колы скоро тот и другой оказываются в одиночестве; громкие проявления радости со стороны первого и улучшение настроения другого при восстановлении компании — достаточные доказательства того, что потребность в обществе укоренена в самой природе человека.

Объясняя те или иные действия, мы забываем о том, что действовали мы сами; и вместо чувств, движущих умом в присутствии объекта его активности, в качестве мотива человеческого поведения мы пред-

¹ Монтескье Шарль Луи, Барон де Секонда, маркиз де ла Бред (1689—1755) — французский философ, правовед, автор авторитетнейшего в XVIII веке труда «О духе законов» (1748). — *Ред.*

² *Collection of Dutch Voyages*. — Собрание (отчетов) о путешествиях голландцев.

ставляем те соображения, которые приходят в голову в часы уединенности и холодной рефлексии. В этом состоянии часто невозможно найти ничего значительного, кроме сознательного очерчивания интересов; а великая работа по формированию общества должна, по нашему мнению, предприниматься в результате глубоких раздумий и осуществляться в расчете на то, что человечество немало выиграет от торговли и взаимопомощи. Но ни склонность затеряться в стаде, ни понимание выгоды такого положения не исчерпывают всех принципов, соединяющих людей. Эти доводы представляются даже весьма слабыми в сравнении с той страстной решимостью, с которой человек держится за своего друга, за свое племя, вместе с которыми им в прошлом довелось «съесть пуд соли». Взаимные выражения великодушия, совместные испытания силы духа удваивают пламенную дружбу и зажигают в груди человека огонь, потушить который никакие соображения личного интереса или личной безопасности не в силах. Самые живые выражения радости сопровождают сцены торжества предмета подобной нежной привязанности, и самые громкие крики отчаяния — сцены его страдания. Как-то один индеец неожиданно встретил соплеменника на островах Хуана Фернандеса¹; он распростерся на земле у его ног: «Мы стояли и молча смотрели на эту трогательную сцену, — говорит Демпье². Если бы мы только знали, в чем состоит религия этого американского дикаря, что за чувство, столь похожее на преданность, коренится в его сердце: не страх перед колдуном, не надежда на защиту от демонов воздуха и леса, а пылкая приязнь, с которой он избирает и обнимает своего друга, принимая его сторону перед лицом любой угрозы, к духу коего он взывает издали в момент неожиданно явившейся ему опасности³. Какие бы мы ни черпали доводы из соци-

¹ Острова Х.Ф. (Чили). В состав этих островов входят о. Александр Селькирк и о. Робинзон Крузо. — *Ред.*

² Д. Уильям (1652—1715) — английский мореход. Автор «Нового путешествия вокруг света» (1697). — *Ред.*

³ Charlevoix. *History of Canada*. — История Канады. [Шарлевуа (1682—1761) — миссионер-иезуит. Французский историк. — *Ред.*]

альных условий человека, находящегося в знакомых и близких нам обстоятельствах, вероятно, важно делать наблюдения из жизни людей, живущих и в простейших условиях, — людей, не научившихся еще демонстрировать чувства, которых на самом деле не испытывают.

Простое знакомство и привычка питают привязанность, а опыт жизни в обществе порождают всестороннее расположение к нему человека. Его триумф и процветание, его несчастья и тревоги находят самый бурный и многообразный отклик, который имеет место лишь среди братьев по крови. Именно в этот момент человек забывает о своей слабости, заботе о самосохранении, о поиске средств к существованию и действует, ведомый страстью, которая одна может показать ему, как он силен. Именно в этот момент он узнает, что его стрелы летают быстрее орла, а его ножи ранят глубже, чем львиные когти или кабаньи клыки. И не только чувство локтя, не только желание отличиться перед племенем разогревают его мужество, наполняют его сердце уверенностью, выплескивающейся за пределы его природных сил. Неистовые страсти, такие как вражда или преданность, представляют собой первые изъявления его жизненной силы; под их влиянием забываются любые мысли, кроме мыслей о предмете страсти; трудности и опасности лишь еще более возбуждают его.

Такое состояние определено благоприятно для природы любого живого существа, оно делает его сильнее; а если мужество есть подарок человеку от общества, у нас есть все основания считать его единство со своим видом благороднейшей частью его фортуны. Этому источнику обязаны не только сила, но и само существование самых счастливых переживаний — и не одна лишь лучшая часть их, но и сама его рациональность. Пошлите его одного в пустыню — и он окажется растением, оторванным от своих корней: форма конечно может сохраниться прежней, но все его способности увянут и улетучатся; человеческая личность, человеческий характер прекратят свое существование.

Люди настолько далеки от того, чтобы ценить общество из соображений удобства, что, как правило,

они бывают тем более привержены ему, чем меньше удобств оно предоставляет; наибольшая верность проявляется там, где дань приверженности приходится платить кровью. Привязанность становится сильней, сталкиваясь с серьезными трудностями. В груди родителя она становится наиболее педантичной перед лицом опасностей и огорчений ребенка. В человеческой груди пламя ее удваивается, если речь идет о несчастьях или страданиях друга или страны и требуется его помощь. Короче говоря, только этот принцип объясняет нам упрямую приверженность дикаря к своему неустроенному и незащитному племени, в то время как соблазны спокойствия и защищенности могли бы заставить его бежать от голода и опасностей к более процветающему и безопасному положению. Отсюда оптимистичная привязанность к своей стране жителя Древней Греции, отсюда же преданный патриотизм ранних римлян. Сопоставим эти примеры с духом, царящим в коммерческом государстве, где можно ожидать от индивидов полной заинтересованности в сохранении своей страны. Но именно здесь, как нигде, можно встретить людей уединенных и обособившихся: людей, нашедших некий объект, составляющий предмет его конкуренции со своими же собратьями — и тогда он начинает относиться к ним как к своему скоту или к земле, рассматривая их с точки зрения приносимой ими прибыли. Могучая сила, которая с нашей точки зрения сформировала общество, теперь начинает разобщать их или побуждает их продолжать общение уже после того, как разорваны узы привязанности.

Раздел IV

О ПРИНЦИПАХ ВОЙНЫ И РАЗДОРОВ¹

«В судьбах человеческих, — говорит Сократ, — бывают обстоятельства, которые показывают, что люди рождены для дружбы и согласия: к таковым относятся потребность друг в друге, взаимное сочувствие, сознание взаимовыгоды и удовольствие от пребывания в обществе друг друга. Есть и другие обстоятельства, толкающие их к войне и раздорам; высокая оценка одних и тех же предметов и стремление завладеть ими; противоположные претензии; провокации, которые они постоянно устраивают друг другу в ходе своего соперничества».

Когда при решении сложных вопросов мы пытаемся применить к ним заповеди естественной справедливости, то обнаруживаем, что могут случаться и случаются примеры противостояния, и они имеют силу закона, существовавшего еще до всяких провокаций или несправедливостей; что там, где безопасность и сохранение многих вступают во взаимное противоречие, одна из сторон может воспользоваться правом на самооборону — до того, как другая на нее нападет. Приводя подобные примеры, примеры ошибок, недоумений, жертвами которых порой становятся люди, мы можем успокоить себя сознанием того, что война не всегда проистекает из намерения нанести ущерб; и даже лучшие из человеческих качеств — не только их решимость, но и их доброжелательность — могут найти выражение даже в момент ссоры.

К сказанному можно добавить еще кое-что. Источник разногласий и раздоров люди находят не только в наличных условиях; кажется, семена враждебности

¹ В «Государстве» (кн. V, 470 в.) Платон (427—347) устами учителя своего Сократа (470—399) называет вражду между своими — раздором, между чужими — войной. — *Ред.*

наличествуют в самих их душах, и на возможность противостояния они откликаются быстро и с готовностью. Даже в самых мирных ситуациях мало найдется людей, у которых не отыщется не только друзей, но и врагов и которые будут не только способствовать планам других, но и противодействовать поступкам других людей. Мелкие примитивные племена, связанные в повседневной жизни теснейшими узами, в момент раздора превращаются как бы в самостоятельные нации, порой вдохновляемые самой неизбывной ненавистью. У граждан Рима в его раннереспубликанский период понятия «иностранец» и «враг» были объединены одним и тем же словом. У греков термин «варвары», который они относили к любому народу иной расы, говорящий на другом языке, приобрел общее значение презрения и отвращения. Даже в отсутствии претензий на превосходство остается все же такое свидетельство предрасположенности нашего вида не только к согласию, но и к противостоянию, как настороженное отношение к союзам, частые войны, а также непрекращающаяся вражда, наблюдающаяся между наименее развитыми нациями и отдельными кланами.

Позднейшие открытия дают нам полную картину того разнообразия ситуаций, в котором существовали люди. Человечество широко распространилось на огромных континентах, на которых отсутствуют какие-либо препятствия для коммуникаций и имеются условия для формирования национальных конфедераций. Также люди обитают и на небольших земельных пространствах, в окружении гор, в поймах рек, на берегах морских заливов. Людские поселения можно обнаружить и на мелких отдаленных островах, располагающих к людским скоплениям, из-за чего население этих островов может немало выиграть. Но в любом случае люди разбивали свое сообщество на кантоны и устанавливали различия племени и имени. Понятия «сограждане», «земляки», не будучи противопоставлены понятиям «чужаки», «иноземцы», с которыми они составляют смысловые оппозиции, вышли бы из употребления и утратили всякий смысл. Отдельных людей мы любим за их личные качества; страну же

нашу мы любим, так как она составляющая часть человечества; и та страсть, с которой мы радеем за ее интересы, есть выражение предпочтения той стороне, которой мы придерживаемся.

В кровосмесительном скоплении людей довольно и того, что у нас есть возможность самим выбрать себе компанию. Мы отворачиваемся от тех, кто нас не занимает и оседаем в том сообществе, которое наиболее соответствует нашему умунастроению. Мы очень любим проводить различия; мы становимся в оппозицию и принимаем участие в стычке от лица фракции или партии, не имея при этом никакого материального предмета спора. Отвращение, так же как и пристрастие, рождается из постоянной устремленности своему конкретному предмету. Обособление и отчуждение, равно как и оппозиция, увеличивают ту пропасть, возникновение которой не было связано ни с какой обидой. Кажется, что пока мы не преобразуем человечество до положения семьи или не найдем какое-то внешнее соображение для обеспечения взаимосвязи больших чисел, люди так и будут сбиваться в банды и составлять множество народов.

Чувство общей опасности и нападки врагов часто были полезны для народов, сильнее сплачивая их, предотвращая расколы и действительные обособления, чем бывает чреватое подобное развитие событий. И этот привносимый извне стимул к объединению необходим видимо не только великим, широко распространившимся нациям, коалиции которых ослабляет расстояние и различия местных названий, но и государствам поменьше. Сам Рим был основан небольшой партией, спасавшейся бегством из Альбы¹; над гражданами его часто нависала угроза раздела; и если деревни и кантоны вольсков² были бы более удалены от места их раздоров, то Священная римская гора могла бы занять новую колонию до того, как родина ее со-

¹ Альба — «белый город», основан Юлом, сыном Энея и разрушен царем Туллом Гостилием (третий легендарный царь Рима). — *Ред.*

² Вольски — италийское племя, воевали с римлянами в V в. до Р.Х. — *Ред.*

зрела для подобного шага. Рим еще долго был сотрясаем ссорами между его знатью и его народом; ворота Януса¹ отворялись часто, напоминая его жителям о тех обязанностях, которые они имели перед страной.

Если бы на общества, так же как и на людей, была возложена забота о самосохранении и если бы и в том, и в другом случае следовало бы ожидать несовпадения интересов и, как следствие, ревности и конкуренции, мы не удивились бы, если все это послужило источником враждебности. Но та враждебность, что сопутствует противостоянию интересов, оставалась бы соразмерна важности вопроса, не усугубись она озлоблением иного рода. «Готтентотские племена, — говорит Колбен, — посягают на имущество друг друга, угоняя скот и похищая женщин, но подобный ущерб наносится редко — разве что для того, чтобы вывести из себя соседей и спровоцировать их на войну». Стало быть, такие налеты являются не подоплекой войны, а результатом ранее выношенного враждебного намерения. Североамериканские племена, не имеющие ни стад, которых бы нужно было охранять, ни поселений, которые пришлось бы защищать, тем не менее почти непрестанно воюют, чему не могут дать иного объяснения, кроме соображений чести и желания продолжить борьбу своих отцов. Они не обращают внимания на трофеи врага; и воин, захвативший добычу, легко отдает ее первому встречному².

Но для того чтобы найти свидетельства вражды и заметить в столкновении обособленных обществ влияние озлобления, не являющегося следствием конфликта интересов, нам не обязательно пересекать Атлантику. Невозможно найти какую-либо другую сторону человеческой природы, которая бы так же обильно выразила себя в нашей части земного шара. Какое чувство растет в груди обычных людей при упоминании о врагах их страны? Где источник предрассудков, существующих между различными про-

¹ Янус — древнеримское божество дверей и ворот. Лик Януса обращен одновременно в прошлое и будущее. — *Ред.*

² См.: *Charlevoix. History of Canada.*

винциями, кантонами и деревнями единой империи и местности? Что разжигает страсти, заставляя одну половину нации стенка на стенку идти против другой ее половины? Государственные мужи могут объяснять свои поступки как продиктованные национальной ревностью или осторожностью, но люди проявляют любовь и нелюбовь, объяснений которым они дать не могут. Их взаимные упреки в вероломстве и несправедливости, как и налеты готтентотов, есть лишь симптомы враждебности и вербализация недружественных установок, сложившихся ранее. Обвинение в трусости и малодушии, качествах, которые равнодушный и осторожный враг более всего желал бы найти у своих соперников, — такие обвинения делаются с отвращением и служат основанием для неприязни. Послушайте крестьян, живущих по разные стороны Альп и Пиреней, на противоположных берегах Рейна или Ла-Манша, дающих волю собственным предрассудкам и национальным страстям; именно здесь коренятся зерна войны и раздора, посеянные без участия правительств, эти искры, готовые разгореться в пламя, которое государственные мужи зачастую намерены тушить. Это пламя не всегда может заняться там, где направляющую роль играют государственные соображения, а там, где совпадение интересов приводит к союзу, оно не всегда готово заглухнуть. «Мой отец, — говорил один испанский крестьянин, — встал бы из могилы, если бы знал, что будет война с Францией». Что за дело было ему или костям его отца до стычек феодалов?

Эти наблюдения, кажется, служат обвинением нашему роду, выставляя человечество в невыгодном свете; и все же упомянутые нами частности не противоречат лучшим сторонам нашей природы и часто дают пищу для проявления наших величайших способностей. Это чувства великодушия и самозабвения, воодушевляющие бойца, стоящего на защите родины; это наиболее благоприятные для человечества состояния духа. Любому живому существу изъясление собственных талантов и сил доставляет удовольствие: лев и тигр любят пускать в ход свои когтистые лапы; мирно пасущиеся лошади любят иногда пронестись по

полю, распустив гриву по ветру; безрогий бычок или ягненок самого невинного вида обожают бодаться и, шутя, набиваться на драку. И у человека имеется определенная предрасположенность к конфликту и использованию своих природных сил в состязании с равным противником; он любит подвергать испытанию собственные разум, красноречие, мужество и даже физическую силу. Его спортивные занятия часто имеют военизированный вид; дело легко может дойти до пота и крови; праздник или просто праздное времяпрепровождение нередко заканчиваются увечьями и смертью. Он не предопределен к вечной жизни, и даже его любовь к развлечениям мостит дорогу к могиле.

Без соперничества наций и военных упражнений гражданское общество едва ли оформилось, обрело цель существования. Торговать человечество смогло бы и безо всякого формального договора, но без национального согласия оно не обеспечило бы своей безопасности. Необходимость защиты народа породила множество государственных учреждений, в строительстве национальной обороны нашли свое главное применение интеллектуальные способности людей. Для живого духа такие занятия, как запугивание, устрашение или силовой нажим — в случае, когда не действуют разумные увещевания — являются как бы глотком живой воды; тот, кто никогда не боролся с ближними своими, не познал половины человеческих эмоций.

Конечно, ссоры между людьми часто разгораются из-за низменных страстей — злобы, ненависти, гнева. Если кроме них никаким иным чувствам не остается места в груди человека, сцена раздора становится ужасной; но рядовое противостояние групп людей подогревается страстями иного рода. К вражде здесь примешиваются чувства привязанности и дружбы; активные и стойкие становятся хранителями общества; насилие, к которому они прибегают, является проявлением великодушия и мужества. Того, чему мы аплодируем как выражению национального или партийного духа, мы не смогли вынести в контексте личной неприязни, а в конкуренции соперничающих госу-

дарств самый славный путь человеческой доблести патриота и бойца мы усматриваем в практике насилия и военных хитростей. Имена соперников Агесилая и Эпаминонда, Сципиона и Ганнибала¹ произносятся с равным почтением; да и сама война, казавшаяся столь роковой в одном аспекте, в другом есть выражение либерального духа; и те последствия, о которых мы сожалеем, имеют в себе лишь одну безвозвратность, которой творец природы назначил нас к уходу из человеческой жизни.

Эти размышления способны раскрыть наши глаза на человечество; но вместо того чтобы заставить нас изменить наши собственные поступки, они скорее подводят нас к примирению с путями Провидения: выказывая заботу о благосостоянии соплеменников, мы пытаемся приглушить их вражду и соединить их узами любви. В следовании этим благим намерениям мы можем надеяться, что в определенных случаях нам удастся разоружить лютые страсти ревности и зависти, заронить в душах отдельных людей огонек доброты к ближнему, настроить их на гуманность и справедливость. Но тщетно было бы надеяться, что мы сможем внести в народ в массе чувство единения, не подтвердив враждебности к оппонентам. Если бы мы могли взять и истребить в какой-либо нации чувство неприязни к иноземцам, тем самым мы, вероятно, разорвали или ослабили бы сплывающие ее внутренние узы и вычеркнули бы из национальной истории самые бурные массовые сцены и изливания чувств.

¹ Агесилай — имя спартанских царей, имеется в виду Агесилай II; Эпаминонд — государственный деятель и полководец из Беотии, погиб в 362 г. до Р.Х.; Сципион Африканский — римский полководец, победитель во 2-й Пунической войне (II век до н.э.); Ганнибал — главнокомандующий карфагенскими войсками, умер в 183 г. до Р.Х. — *Ред.*

Раздел V

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЯХ

Предпринимались многочисленные попытки проанализировать перечисленные здесь склонности; но научным достижением является установление самого факта предрасположенности. Нас же больше интересует его наличное состояние и его последствия, нежели его происхождение или способ формирования.

Те же наблюдения можно сделать и в отношении других сил и способностей нашей природы. Их существование и применение составляет основной предмет нашего исследования. Думать и рассуждать, говорим мы, значит пользоваться определенной способностью; но что происходит с этими способностями мышления и суждения, когда их не упражняют, или какие различия их устройства ответственны за то, что в разных людях эти способности неодинаковы — на эти вопросы мы не в состоянии дать ответа. Лишь само их действие способно сказать что-то о них: будучи не востребованы, они остаются сокрытыми даже для того, кто обладает ими; их действие в столь великой степени является частью их природы, что во многих случаях и сама способность оказывается с трудом отличима от того навыка, что приобретается от ее частого употребления.

Люди, занятые разнообразными предметами, действующие в разнообразных ситуациях, кажется, как правило, обладают многими талантами или, по крайней мере, обладают теми же способностями, но многообразно развитыми и приспособленными к различным целям. В этом смысле можно предположить, что особенности одаренности отдельных наций, равно как и отдельных индивидов, проистекают из особенностей их судеб. И мы вправе пытаться обнаружить некое правило, согласно которому выносить суждения о

том, какие из человеческих способностей достойны восхищения и какие применения их способностей являются удачными, — прежде чем мы дерзнем вынести суждение относительно данной части их достоинств или претендовать на установление той меры уважения, коей заслуживают их разнообразные достижения.

Получение информации, доставляемой чувствами, является, пожалуй, простейшей животной функцией, соединенной с интеллектуальной природой; и один из величайших даров, которыми обладает живое существо, состоит в силе и чувствительности его животных органов. Удовольствие или боль, воздействующие на него в этой части, являют для него важное различие между предметами, заявившими о себе таким образом его познанию; теперь его забота — хорошенько разобраться в чувствах, прежде чем останавливать свой аппетит на чем-то одном. Изучать объекты одного из своих чувств он должен через какое-то другое чувство: исследовать глазами, прежде чем решится дотронуться, и прежде чем удовлетворить чем бы то ни было жажду или голод, всесторонне обследовать это нечто путем наблюдения. Способность различать, приобретаемая с опытом, становится способностью ума; а выводы, сделанные при помощи мысли, порой невозможно отличить от восприятия чувств.

Окружающие нас предметы, помимо того, что обладают собственным обликом, состоят в определенных отношениях друг с другом. При сравнении они дают представление о том, чего не может быть, будь они рассмотрены поодиночке; им присущи собственные воздействия и взаимовлияния; в аналогичных обстоятельствах они демонстрируют сходные действия и однотипные последствия. Найдя и описав те моменты, в которых заключено однообразие их действия, мы тем самым подтверждаем физический закон. Многие из таких законов — и в том числе наиважнейших — известны каждому, и чтобы обнаружить их, достаточно предаться самомалейшей рефлексии; иные же сокрыты в непроницаемом мраке, рассеять который не под силу ординарным талантам; поэтому таковые являются объектами исследования, длительного наблю-

дения и требуют особых способностей. Для того чтобы разобраться в подобных сложностях, люди дела, также как и люди науки, пользуются такими способностями, как проницательность и рассудительность; а степень мудрости, с которой применяют ту и другую, измеряется успешностью нахождения общих принципов, приложимых к самым разным случаям, на первый взгляд, не имеющим между собой ничего общего, а также вскрытия важных различий между предметами, которые простые люди склонны считать одинаковыми.

Целью науки оказывается подведение многообразия единичных случаев под общие рубрики, а также сведение разнообразия действий к их общему принципу. Людям и деловым и праздным свойственно заниматься одним и тем же — по крайней мере, в пределах круга их обычных занятий; и представляется, что в этом смысле люди усердные и активные делают одно дело: с помощью наблюдения и опыта устанавливают некие единые подходы к предметам своего изучения и находят правила, которые можно было бы с пользой применить к особенностям поведения этих предметов. Не всегда объектами приложения их талантов становятся различные предметы; и уловить различие между ними можно главным образом по неодинаковой глубине и разнообразию их суждений или по различию в намерениях, с которыми они подходят к коллекционированию предметов.

Поскольку люди продолжают совершать поступки исходя из собственных склонностей и страстей, ведущих к достижению внешних целей, они редко отвлекаются от детального рассмотрения своих объектов, чтобы встать на путь исследований общего характера. Степень собственных возможностей они измеряют быстротой, с которой они находят важное в каждом предмете, а также той легкостью, с которой они выпутываются из каждого сложного случая. И следует признать, что для существа, вынужденного действовать в сложной ситуации, подобные свойства вполне могут служить критериями силы и ловкости. Вереница слов и общих рассуждений, порой имеющих видимость большой учености и глубоких познаний, мало

чего дает в повседневной жизни. Таланты, являющиеся их источниками, приходят в конце концов к простому окостенению и редко имеют что-то общее с той высшей способностью различения, которой пользуются активные люди в случае замешательства; еще меньше общего у них с той отважностью и силой духа, которые требуются для выхода из трудных ситуаций.

Между тем, способности активных людей отличаются разнообразием, соответствующим разнообразию занимающих их предметов. Одной из разновидностей названных способностей является пронизательность, применимая к внешней и неодушевленной природе; другая — это мудрость, обращенная на общество и дела человеческие. Репутация способностей в любой области остается двусмысленной до тех пор, пока мы не узнаем, какого рода усилия завоевали эту репутацию. Максимум того, что мы можем сказать, говоря о людях величайших способностей, это то, что они хорошо понимают все предметы, к рассмотрению которых обращаются; и что любая отрасль, любая профессия должна была бы иметь своих великих людей, если бы не существовал бы широкий выбор объектов познания, а у ума не было бы широкого спектра талантов, равно как у сердца — чувств, а у активного характера — навыков.

Конечно, самые неблагоприятные из профессий порой настолько мнят о себе (или, может быть, забывают об остальном человечестве), что, говоря о том, в чем они сами сильны, приписывают соответствующей способности в самых возвеличивающих выражениях ранг высших способностей. Любой механик является великим человеком с точки зрения ученика и скромного поклонника в деле, к которому он призван; и мы можем с большей уверенностью заявить, что именно это делает человека счастливым и дружелюбным, а не то, что вызывает уважение к его способностям и заставляет восхищаться его гением. Подобное, если говорить о самих его талантах, пожалуй было бы невозможно. Следствие, между тем, должно указать нам на правило и стандарт нашего рассуждения. Вызывать у людей уважение и восхищение значит иметь среди

них влияние. Таланты, непосредственно породившие этого родственника, являются теми же талантами, которые живут в человечестве, проникают в их воззрения, предупреждают их желания или расстраивают их планы. Высшая способность с наивысшей энергией ведет туда, куда должен идти каждый, и указывает колеблющимся и нерешительным ясный путь к достижению их целей.

Это описание не относится к какой-либо определенной профессии или ремеслу; или, возможно, оно имеет в виду способность такого рода, которая лишь ослабляется или подавляется, будучи применена в частных случаях к конкретному призванию. Что станет с теми талантами, которые позволяют людям действовать в коллективе, если мы возьмем и разобьем этот коллектив на части, а затем будем отдельно рассматривать каждую из частей?

Главным призванием и занятием человеческой природы нам представляется деятельность на виду у своих собратьев, публичное формирование собственного духа с приданием ему всей силы чувств и мыслей, которые только присущи человеку как члену общества, как другу, либо как врагу. Если для того чтобы жить он должен трудиться, то нет лучшей цели его жизни, чем благо человечества; и из всех его талантов нет лучше тех, которые делают его способным жить с людьми. Конечно, в данном случае познание находится в слишком большой зависимости от страстей; а в человеческих делах возможно такое удачное поведение, при котором проворность ума невозможно отличить от чуткости трепетного сердца. Соединение того и другого являет то духовное превосходство, частые проявления которого в различных веках и у разных народов должны бы служить куда более веским свидетельством человеческой гениальности, отмечать печатью незаурядности и достоинства, нежели достигнутый ими прогресс в спекулятивной сфере или в практической механике и свободных искусствах.

Когда нации следуют друг за другом по пути открытий и исследований, наиболее знающей всегда является самая последняя из них. Научные системы формируются постепенно. Даже освоение самого зем-

ного шара происходило шаг за шагом, и история каждой прожитой эпохи представляет собой этап восхождения знания в направлении более поздних стадий. Римляне обладали большими познаниями, чем греки; и в этом смысле каждый ученый современной Европы является более образованным, чем самые просвещенные представители названных прославленных народов. Но обладает ли он в силу этого превосходством перед ними?

Оценивать людей следует исходя не из того, как велики их познания, а из того, что они способны осуществить; из их умения приспособлять те или иные материалы к различным задачам собственной жизнедеятельности; из того, с какой энергией достигают они политических целей, взвешивают возможные последствия войны и защиты нации, а также из того, какую линию поведения выбирают они при этом. Даже в литературной сфере людей следует оценивать по степени гениальности их произведений, а не по объему, содержащихся в этих произведениях познаний. Горизонт наблюдения в греческих республиках был крайне ограничен, суматоха активной жизни казалась несовместимой с научными штудиями, но именно здесь, среди пота и пыли, человеческий дух явил всю полноту своих способностей и обрел наилучшую пищу для собственного развития.

Отличительной чертой современной Европы является то, что очень многое в облике человека является плодом его уединенных изысканий, а также результатом чтения книг. Справедливое преклонение перед античной литературой, понимание того, что без нее невозможно было бы сохранить в человеческих сообществах истинно человеческие чувства и разум, — все это оттеснило нас самих на задний план, где мы и пытаемся вывести из сферы воображения и мысли то, что на самом деле относится к опытно-чувственной сфере: с помощью грамматики мертвых языков и комментариев к древним текстам мы силимся достичь тех высот мысли и красноречия, которые возникли когда-то благодаря царившему в обществе той эпохи духовному возбуждению и являлись не чем иным как непосредственными впечатлениями, получаемыми от ак-

тивной жизнедеятельности. Наши собственные достижения зачастую ограничиваются лишь отдельными элементами наук, редко приводя к тому приращению способностей и сил, которое способно дать полезное знание. Подобно математикам, изучающим *Начала* Евклида, но никогда не размышляющим об измерении, мы читаем об обществах, но не предполагаем принимать участие в деятельности людей; мы усваиваем язык, которым говорят политики, но не чувствуем духа наций; мы углубляемся в тонкости формальной стороны военной науки, но не ведаем того, каким образом стратегический замысел или сила подводят огромные массы людей к достижению той или иной цели.

Но что толку, скажут нам, говорить о напасти, от которой нет спасенья? Когда возникает нужда заниматься делами нации, человеческий гений пробуждается сам собой; в отсутствие же лучшего применения, время, отведенное на исследования — даже если оно не принесет чего-либо более достойного — послужит безвредным заполнением досуга, ограничив возможности предаваться губительным и фривольным развлечениям. Подобного рода соображения и заставляют нас убивать столь многие молодые годы на изучение из-под палки того, чему не суждено быть унесенным за пределы школьного порога; и пусть наши занятия имеют ныне столь же легкомысленный характер, как и наши развлечения, даже полностью презрев ученость, мы не оказались бы от этого в более проигрышном положении, чем оказываемся сейчас, приписывая литературе не принадлежащую ей роль житейской премудрости — вместо того чтобы видеть в ней подспорье при выборе подходящей стези, средство формирования такого характера, который бы отличался как самодостаточностью, так и полезностью для человечества.

Если бы время, проведенное в расслаблении духовных сил и в отрешенности ото всего, что не расслабляет и не разлагает дух, было направлено на укрепление этих сил и на воспитание у духа способности узнавать истинные свои предметы, равно как и свою собственную мощь, то по достижении зрелого возраста

мы не испытывали бы такой растерянности перед проблемой выбора занятия, не походили бы на завсегда-таев казино, без толку растрачивающих собственные таланты и духовное горенье. По крайней мере, те, кто в силу своего положения участвуют в управлении собственной страной, почувствовали бы себя дееспособными, и государство с его армиями и учреждениями могло бы занять своих служащих деятельностью, спасающей их от скуки и бессодержательности и не подвергающей в то же время опасности судьбы отдельных граждан. Невозможно вечно сохранять спекулятивный настрой; невозможно не почувствовать хоть иногда, что живешь среди людей.

Раздел VI

О МОРАЛЬНОМ ЧУВСТВЕ¹

Уже самое приблизительное знакомство с событиями человеческой жизни наводит на мысль о том, что главной движущей силой всех человеческих поступков является забота о своем существовании... Последняя ведет к созданию и внедрению механических изобретений; она заставляет проводить различие между развлечением и делом, а для многих составляет едва ли не единственный в своем роде предмет постоянной озабоченности и неослабного внимания. Вытекающие из обладания собственностью и состоянием огромные преимущества, будучи очищены от налета тщеславия и рассмотрены отдельно независимости и власти, сводятся всего лишь к обеспечению благоденствия на животном уровне; и освобождение от хлопот подобного рода означало бы прекращение не только трудов в области механики, но и ученых занятий; исчезла бы нужда во всех департаментах общественных дел; были бы закрыты все здания сената и покинуты все дворцы.

Следует ли, исходя из данной цели жизнедеятельности человека, ставить его в один ряд с прочими тварями и выделять его лишь с точки зрения наличия у него способности преумножать средства к поддержанию и облегчению собственного животного существования, а также с точки зрения присущего ему воображения, развитого настолько, что он начинает воспринимать как обременительное занятие ту самую заботу о самосохранении, которая роднит его с прочими живыми существами, с коими он совместно пользуется дарами природы? Будь это так, единственными слагаемыми суммы обуевающих его страстей являлись бы

¹ Sentiment — возвышенное чувство, добродетельное чувство. — *Ред.*

радость по поводу успеха и скорбь по поводу разочарования. Он целиком находился бы во власти эмоций, вызываемых то опустошительным для его владений наводнением, то благотворным для них половодьем, в зависимости от чего он бы либо переживал по поводу ущерба, причиненного его состоянию, либо радовался по поводу сохранения и преумножения последнего. Отношения с соплеменниками определялись бы характером воздействия их на его интересы. Любое совместное дело расценивалось бы с позиций его выгоды, либо убыточности; а в характеристике каждого из ближних присутствовал бы эпитет *полезный*, либо *вредный* — как если бы речь шла о дереве, которое должно обильно плодоносить; в противном же случае оно лишь истощает землю и ухудшает видимость.

Между тем, история нашего рода не такова. Все, что исходит от соплеменника, воспринимается нами с особым вниманием; в любом языке мы найдем сколько угодно выражений, содержащих оценку человеческих взаимодействий отнюдь не с точки зрения успеха или неуспеха. Душа согревается от общения с себе подобными, даже если в плане осуществления конкретных интересов это общение ровным счетом ничего не несет; любой пустяк способен возыметь большое значение, если через него высвечиваются намерения и характеры людей. Иностранец, который, взирая из зрительного зала на находящегося на сцене Отелло, приходит к заключению, что ярость последнего вызвана потерей носового платка, ошибается не более, чем тот умник, который самые безудержные из страстей человеческих относит на счет переживаний по поводу прибылей или убытков.

Люди объединяются для совместного ведения дел; своекорыстные интересы разобщают их; между тем, разногласия их, носящие как дружеский, так и враждебный характер, высекают такой огонь, которого не объяснишь соображениями выгоды или безопасности. Различные блага утрачивают свою ценность в сравнении с возникающими меж людьми добрыми чувствами; значение же слова *несчастье* тускнеет перед такими словами, как *оскорбление* или *обида*.

Являясь действующими лицами или же зрителями данной драмы, мы постоянно сталкиваемся с подобными нюансами человеческого поведения; и порой даже простого рассказа о чем-то, произошедшем некогда где-то в дальних странах, бывает достаточно для того, чтобы всколыхнуть в нас восхищение и сострадание, либо возмущение и негодование. Восприимчивость к данному предмету придает особое очарование нашей склонности, находясь в уединении, заниматься историей и предаваться поэтическим фантазиям; она дарит нам слезы сопереживания, порождает волнение в крови, зажигает наши глаза живейшим огнем недовольства или радости. Она превращает человеческую жизнь в захватывающий спектакль, постоянно подстрекая даже самых ленивых из нас к тому, чтобы вмешаться и выступить в качестве действующих лиц — друзей или противников — в тех сценах, которые разыгрываются перед нашими глазами. В совокупности со способностями рассудка и разума она составляет основу нравственной природы; вместе с тем, она дает критерий похвалы и осуждения, позволяет нам награждать своих собратьев как самыми восхищенными и благожелательными, так и самыми одиозными и презрительными эпитетами...

Забавно встречать людей, которые, спекулятивно отрицая реальность моральных различий, забывают затем некоторые подробности собственной общей позиции и позволяют себе насмешки, демонстрацию негодования и презрения — как будто подобные чувства могли бы иметь место в случае, если бы действия людей характеризовались индифферентностью; эти люди язвительно пытаются доказать, что моральные ограничения появились вследствие мошенничества — как будто это осуждение мошенничества само не является частью нравственности¹.

Можем ли мы объяснить принципы, исходя из которых человечество отдает предпочтение тем или иным характерам, исходя из которых оно предается столь неистовым эмоциям восхищения или презре-

¹ Мандевиль (1670—1733). Басня о пчелах. М., 1974. — *Ред.*

ния? Если же мы согласимся с тем, что не можем дать надлежащего объяснения — станет ли все названное от этого менее истинным? Или же нам придется повременить с этими движениями души до тех пор, пока те, кто занимается разработкой системы науки, не откроют принципа, из которого проистекают эти движения? Обжегши палец, мы не задаемся вопросом о свойствах огня: когда сердце разрывается, а душа переполняется радостью, мы не находим времени для спекуляций на предмет моральной восприимчивости.

К счастью, в этом и в других вопросах, являющихся объектом спекуляций и теоретизирования, берет верх естество, — тогда как любопытствующие ведут поиск его принципов. Крестьянин или ребенок способен рассуждать, давать оценки и говорить на своем языке, демонстрируя при этом такое понимание, последовательность и знание аналогий, которые повергают в замешательство логика, моралиста и филолога, пока, наконец, те не откроют принцип, лежащий в основе всех названных действий, или не подведут под общие правила все, что так знакомо нам, все, что является столь бесспорным в своих конкретных проявлениях. Этим счастливым даром поведения мы более обязаны собственному таланту к распознаванию частных и влиянию конкретных случаев, нежели тому или иному теоретическому руководству и общим рассуждениям.

В результате всех исследований мы должны будем столкнуться с фактами, для которых у нас не найдется объяснения; необходимость смириться с этим унижением будет постоянно оберегать нас от множества бесплодных хлопот. Вместе с фактом собственного существования мы должны воспринять множество приходящих обстоятельств, знание о которых приходит к нам тогда же и таким же точно образом; в действительности, эти обстоятельства являют собой модус нашего бытия. Каждый крестьянин скажет вам, что у человека есть свои права и что нарушение этих прав явится несправедливостью. Если же мы спросим его далее, что он понимает под словом *право*, то это, возможно, заставит его подменить данное слово менее

значительным или менее подходящим термином; или же поставленный вопрос побудит его дать себе и нам отчет в том, что есть изначальный модус его собственного умонстроения и каково то глубинное чувство, которым руководствуется он при употреблении того или иного конкретного выражения.

Права индивидов могут касаться различных предметов и рассматриваться в различных рубриках. Еще до возникновения собственности и различий в социальном статусе люди обладали правом защиты собственной личности и правом свободной деятельности; уже тогда у них было право отстаивать концепции собственного разума и чувства собственного сердца; и при общении друг с другом их ни на минуту не оставляло сознание того, что их личная роль может быть либо справедливой, либо несправедливой. Между тем, нашей задачей здесь является не прослеживание многообразных применений понятия права, а рассмотрение представления о благожелательности, с коим сопрягается в умах названное понятие.

Если верно то, что люди объединяются инстинктивно и что движущими пружинами их поведения в обществе являются добрые и дружественные чувства; если верно, что еще до знакомства и установления определенных взаимоотношений люди, как таковые, являются друг для друга объекты особого внимания и определенного уважения; и если люди, у которых все благополучно, с равнодушием воспринимаются окружающими, то, будучи застигнуты невзгодами, они начинают вызывать у других чувство сострадания; если размеры любого бедствия представляется возможным измерять численностью и качественным составом вовлеченных в него людей; если страдание любого из соплеменников собирает вокруг него неравнодушную толпу зевак; если даже тем из людей, кому мы обычно не желаем добра, нам все же не хочется причинять вреда; — если все вышесказанное верно, то все эти многообразные проявления дружественного расположения способны, как нам кажется, служить достаточным основанием моральных понятий и наших представлений о праве, распространяемых посредством человеколюбия и доброжелательности на всех других людей.

Что развязывает нам язык, когда мы выступаем с осуждением актов жестокости и насилия? Что заставляет нас стремиться оградить наших собратьев от оскорблений, способных ранить их чувства? Возможно, и в том и в другом случае мы имеем дело с действием принципа, благодаря которому чья бы то ни было скорбь высекает из нас слезу сострадания; возможно, мы имеем дело с совокупностью всех тех чувств, которые и составляют отношение благорасположения — если не решимость делать добро, то, по крайней мере, нежелание служить орудием причинения вреда ближнему¹.

Однако, не так-то просто перечислить мотивы всех порицаний и одобрений, звучащих в адрес поступков людей. Даже если мы настроены на морализаторство, в формировании суждения и развязывании языка способны принять участие все стороны души человека. Подобно тому как самым бдительным стражем благочестия зачастую является ревность, так в обнаружении недостатков ближнего главную роль способна сыграть

¹ *Человечество, говорят нам, находится во власти своекорыстных интересов; и это, несомненно, верно в отношении торговых наций; из чего однако не следует, что по своей природной предрасположенности они противостоят обществу и чувству взаимного расположения: даже там, где торжествует корысть, имеются свидетельства обратного свойства. Что следует нам думать о силе этой предрасположенности к состраданию, благожелательности и доброй воле, которая, несмотря на преобладающее мнение о том, что счастье человека состоит в обладании наибольшей возможной долей богатств, привилегий и почестей, не только обеспечивает сохранение партий, построенных на толерантной основе дружелюбия и конкурирующих между собой за обладание названными благами, но и заставляет эти партии отказываться от искомым благ в случае, если получение их оказывается связано с ущербом для других? Чего же в таком случае можно ожидать от человеческого сердца в обстоятельствах, исключающих названные опасения о природе счастья, а также в обстоятельствах господства мнения, столь же устойчивого и всеобщего, что и вышеназванное, согласно которому счастье человека состоит не в удовлетворении животных appetitов, а в осуществлении устремлений великодушного сердца; не в обладании состоянием и не в своекорыстии, а в презрении ко всему этому, в порождаемых этим презрением мужестве и свободе, которые, в свою очередь, подводят к решительному выбору образа поведения, нацеленного на благо человечества, либо на благо того общества, к которому принадлежит данная партия? (Полемика с гоббистами в духе Ф.Хатчесона. — Ред.)*

злоба. Выносимые нами приговоры могут быть продиктованы завистью, притворством и тщеславием, за показной ревностью в соблюдении норм нравственности могут скрываться худшие черты нашей натуры; но если мы желаем понять, почему те, кто расположен к человечеству, в каждом конкретном случае приписывают своим соплеменникам определенные права и почему они приветствуют уважительное отношение к этим правам, то, пожалуй, мы не найдем лучшего объяснения, чем то, что личности, приветствующие права человека, заинтересованы в благоденствии поддерживаемых ими партий.

Когда мы принимаем во внимание, что реальность исконного дружелюбия человеческого духа часто опровергалось; когда мы вспоминаем о преобладании заинтересованной конкуренции с присущей ей ревностью, завистью и злобой, странными кажутся утверждения о том, что всепобеждающими принципами человеческого духа являются любовь и сострадание; но во многих случаях эти принципы пробивают себе дорогу с самой неодолимой настойчивостью; и хотя стремление к самосохранению является более массовым и обычным явлением, любовь и сострадание служат более надежным источником энтузиазма, удовлетворения и радости. Они с не меньшей силой, чем сила презренья и гнева, заставляют дух жертвовать личными интересами и не страшиться опасностей и лишений.

Предрасположение к дружелюбию светится удовлетворением в часы покоя, оно привлекательно не только в триумфе, но и в скорби. Оно создает вокруг себя атмосферу милосердия и, отражаясь на внешности человека, скрашивает ее некрасивость, придавая этой внешности такое обаяние, с которым не может сравниться никакая свежесть или правильность черт. Из этого источника и черпает человеческая жизнь главное свое счастье, повторенное поэзией — главным ее украшением. Ни описания природы, ни даже образцы энергичного и мужественного поведения не способны взволновать сердце, если к ним не примешиваются изъяснения благородных чувств и пафос, характеризующий боренье, взлеты и паденья, свойственные

проявлениям истинного чувства. Смерть Полита в *Энеиде*¹ была не более драматичной, чем смерть многих других, погибших на руинах Трои; но престарелый Приам явился свидетелем убийства своего последнего, оставшегося в живых, сына; муки отчаяния и скорби заставили отца покинуть свое укрытие и погибнуть от той же руки, что только что пролила кровь его сына. Пафос Гомера заключен в показе силы любви, а не в возбуждении страха и жалости — страстей, которых он, вероятно, никогда и никоим образом не пытался разжигать.

Неудивительно, что принцип человечности (заметим, что последний легко перерастает в воодушевление, имеет власть над сердцами, вызывает положительные эмоции, пользуется заслуженным доверием и уважением) задает тон, выносимым нами, поощрительным или осуждающим оценкам; и даже в тех случаях, когда ему мешают стать руководящим принципом нашего поведения, он все же помогает размышляющему уму определить, какие черты человеческого характера являются наиболее желательными. *Что ты сделал со своим братом Авелем?*² — таков был первый укоризненный вопрос, заданный от лица нравственности. И хотя ответ, данный некогда на этот первый вопрос, слишком часто повторялся в истории, человечество, тем не менее, в некотором смысле прониклось пониманием собственной природы. Люди стали чувствовать, говорить и даже действовать как хранители ближних своих: они стали рассматривать проявления доброжелательности и взаимной приязни в качестве свидетельств присутствия в характерах людей всевозможных достоинств; жестокость и насилие стали главными объектами гнева и негодования; даже если голова занята своекорыстными планами, сердце находится в плену уз дружбы; и если дела делаются в соответствии с заповедями самосохранения, то досуг проходит в упражнениях в щедрости и доброте.

¹ Энеида — знаменитая эпическая поэма Вергилия (70—19 гг. до Р.Х.). — *Ред.*

² См.: Библия. Бытие. Гл. 4. Ст. 10. — *Ред.*

Таким образом, общепринятым критерием оценки внешних действий является предполагаемое воздействие этих действий на всеобщее благо. Великим законом естественной справедливости является непричинение вреда; законом морали — распространение счастья; а осуждая случаи, когда один или несколько человек наделяются привилегиями за счет остальных, мы апеллируем к общественной пользе как к некоей великой цели, к которой должны быть устремлены действия людей.

В конце концов, следует признать, что если бы принцип любви к человечеству был основой для нашего морального одобрения и порицания, то положительные и отрицательные суждения мы выносили бы порой, не позаботясь выяснить, в какой степени это принижает или возвышает ближнего нашего, и что помимо таких добродетелей, как искренность, дружелюбие, благородство и дух общительности, имеющих непосредственное отношение к данному принципу, существуют и другие, ведущие свое происхождение из иного источника. Трезвость, благоразумие, сила духа — являются ли данные качества почитаемыми также благодаря принципу уважения ближнего? А почему бы и нет — ведь они делают людей счастливыми самих по себе и к тому же полезными для других. Тот, кому по силам способствовать благосостоянию человечества, не может быть ни пьяницей, ни дураком, ни трусом. Какие еще нужны нам доказательства того, что трезвость, благоразумие и сила духа являются необходимыми составляющими того типа личности, который пользуется нашей любовью и почитанием? Я хорошо понимаю, отчего сам бы хотел обладать этими качествами и почему желал бы видеть их у своего друга и у любого, к кому питаю склонность. К чему пытаться обосновать право на существование тех свойств, которые и без того являются необходимыми для нашего счастья и играют столь важную роль в совершенствовании нашей природы? Нужно не уважать себя и утратить способность выделять из общей массы превосходное, чтобы пренебрегать такими качествами.

Человек с любящей душой, одержимый идеей о том, что сам он, как индивид, есть не более чем часть

нуждающегося в его заботе целого, находит в данном принципе достаточное основание для всех своих достоинств: презрения к плотским удовольствиям, угрожающим подменить собой его главное наслаждение; равного презрения к опасности или боли, препятствующих достижению им общественного блага. «Неистовая и постоянная любовь способствует возрастанию собственного предмета и уменьшению всех стоящих на ее пути препятствия и опасностей». «Спросите тех, кому доводилось влюбляться, — говорит Эпиктет, — и они согласятся, что сказанное мною — правда».

«Я поставил перед собой, — говорит другой выдающийся моралист¹, — идею справедливости, которая, если я смогу следовать ей во всех случаях, сделает меня счастливейшим из людей». И правильность формулировки этой идеи, пожалуй, важна для счастья и для поведения людей (если одно возможно отделить от другого): справедливость представляет собой, возможно, лишь другое название для блага человечества, обеспечение которого является задачей добродетельных людей. Если высшим благом является добродетель, то ее лучшим и наиболее значительным проявлением является самораспространение ее, сообщение ее другим.

Любить или даже ненавидеть кого-либо, исходя из его моральных качеств, поддерживать одну партию из чувства справедливости и противостоять другой в силу негодования, вызываемого чинимыми ею несправедливостями, — таковы обычные проявления честности, таковы дела вдохновенного, праведного и благородного духа. К проявлениям просвещенного и сильного духа относится противостояние несправедливым пристрастиям и необоснованным антипатиям, поддержание душевного равновесия, которое, без ущерба для собственной чувствительности и пылкости, способно уделять всему соразмерные предмету внимание и проницательность. При этом триумфом величия и истинным возвышением души явится спо-

¹ Ш.Монтескье (1689—1755). Персидские письма. 1721. Есть русский перевод. — *Ред.*

способность хранить послушность диктату такого духа во всех жизненных перипетиях; чтобы и в процветании и в напастях душа неизменно оставалась хозяйкой самой себе, не утрачивая всех своих свойств и тогда, когда на карту ставится сама жизнь или свобода человека, а также когда надлежит решать простые вопросы, связанные с частными интересами. «Насущные вопросы дня решены. Теперь, — сказал Эпаминонд¹, — выдерни этот дротик из моего тела и дай мне истечь кровью».

В какой ситуации, либо под чьим руководством может быть сформирован подобный замечательный характер? В обстановке ли неестественности, развязности и тщеславия, являющейся рассадником мод и законодателем светских манер? Или же больших и богатых городах, в которых люди похваляются друг перед другом экипажами, нарядами и другими признаками богатства? А может быть при дворе — этом объекте восхищения многих — где нас научат улыбаться без удовольствия, ласкать без любви, наносить раны тайным оружием зависти и ревности и ставить значение собственной личности в зависимость от обстоятельств, управлять коими с должным достоинством не всегда бывает в наших силах? — Нет, не там, а в обстановке, пробуждающей великие сердечные чувства; там, где главную роль играют характеры людей, а не их общественное положение и состояние; там, где суетные интересы или тщеславие отступают под напором более сильных эмоций и где душа человеческая, ощутив и осознав свои истинные цели, подобно зверю, изведавшему вкус крови своей жертвы, уже не может опуститься до занятий, оставляющих не востребованными ее таланты и силы.

Подобный восхитительный результат может иметь место лишь в надлежащей ситуации и при возвышенном и радостном настроении, простых же наставлений всегда может оказаться недостаточно для правильного понимания людьми его смысла, или же они могут

¹ Эпаминонд — беотийский полководец, основатель фиванского союза (ок. 420—362 гг. до Р.Х.). — *Ред.*

оказаться невосприимчивыми к наставлениям. Надежду, однако, терять не стоит — до тех пор, пока мы не сформировали собственной политики и собственной манеры поведения, пока не променяли свою свободу на титулы, экипаж и знаки отличия, пока процветание и власть не превратились в наших глазах в единственные истинные добродетели, а бедность и безвестность не оказались приравнены нами к позору. Какими наставлениями излечишь душу, уже пораженную подобными напастями? Пенье каких сирен сможет разбудить в душе стремление к свободе, принимаемое за низость помыслов и недостаток самолюбия? Каким увещанием превратишь гримасу учтивости в подлинное чувство человечности и искренности?

Раздел VII

О СЧАСТЬЕ

После того как мы подвергли рассмотрению активные силы и моральные качества, отличающие человеческую природу, есть ли необходимость отдельно рассматривать и вопрос о человеческом счастье? Данный многозначительный термин, наиболее часто употребляемый в нашем изложении и наиболее знакомый, является, если задуматься, самым трудным для понимания. Он служит для обозначения нашего удовлетворения от осуществления какого-либо желания. Это слово выговаривается со вздохом, когда обозначаемый им предмет находится в недостижимости. Оно обозначает то, чем бы нам хотелось обладать и содержание чего редко подвергается анализу. Любой предмет оценивается нами по его полезности и по его влиянию на счастье, в то время как сами по себе польза и счастье представляются нам не требующими объяснения.

Счастливыми слывут те из людей, чьи желания наиболее часто удовлетворяются. В действительности же, если бы обладание тем, чего мы желаем, и продолжительное пользование этим являлись бы условием счастья, то люди, по большей части, имели бы все основания роптать на судьбу. Ведь то, что приносит им наслаждение, носит, как правило, кратковременный характер; когда полное надежд ожидание приводит к обладанию желанным объектом, последний тут же перестает быть властителем помыслов: возникает новая страсть, и воображение снова оказывается приковано к отдаленному счастью.

В какой степени подобного рода размышления навеяны меланхолией, в какой мере они являются следствием апатии и бездеятельности, в которые мы охотно впадаем под предлогом освобождения от забот и тревог?

Когда мы начинаем формально соизмерять количество уготованных человечеству наслаждений и страданий, то предстающий нашему взору случайный расклад таков, что подавляющее преобладание по интенсивности, продолжительности и частоте возникновения принадлежит боли. Активность и нетерпеливость, с которой мы стремимся переходить с одной стадии на другую, наше нежелание возвращаться к уже пройденному, отвращение зрелого возраста к шалостям юности, наше взрослое нежелание повторять детские утехы — все это уже было представлено как доказательство того, что и наша память о прошлом и наше чувство настоящего в равной степени являются объектами не любви и неудовольствия¹.

Однако, данное заключение, как и многие другие, сделанные на основе нашего предполагаемого знания причин, не согласуется с опытом. Возьмите любую улицу, любую деревню, любую ниву — настроение подавляющего числа встретившихся нам людей оказывается жизнерадостным, либо бездумным, либо безразличным, уравновешенным, деловым или оживленным. Рабочий пересвистывается с членами своей бригады, механик с легкостью выполняет свою работу; впечатление шаловливости и веселья оставляет набор удовольствий, источник которых нам совсем неведом; и даже те, кто доказывает, что человеческая жизнь несчастлива, увлекшись своими рассуждениями, забывают о своих печалях, так что обоснование того, что люди несчастны, становится для них вполне сносным времяпрепровождением.

Возможно, сами термины *удовольствие* и *страдание* неоднозначны, но если мы ограничим их смысл (что мы и делаем в большинстве наших рассуждений) понятием простых ощущений, связанных с внешними предметами, относящимися либо к воспоминаниям о прошлом, либо к ощущениям в настоящем, либо к предвкушению будущего, то будет огромной ошибкой полагать, что они охватывают все стороны счастья и

¹ *Maupertuis. Essai de Morale* — Мопертюи. Опыт о морали. [Мопертюи Пьер Луи Моро (1698—1759) — французский ученый-физик и моралист. — *Ред.*]

несчастья и что наш повседневный благодушный настрой возникает вследствие преобладания в жизни тех самых удовольствий, для каждого из которых у нас имеется свое название — так что они легко возникают в памяти, стоит только мысленно обратиться к данному предмету.

Большую часть своего существования дух проводит в трудах и заботах; последние касаются не только присущих ей чувств удовольствия или боли, но и длинной череды других ее способностей — познания, памяти, предвидения, чувствования, воли, намерения — все они является названиями различных видов ее жизнедеятельности.

Когда ни одного из чувств, традиционно относимых нами к *наслаждению* или *страданию*, нет в наличии, само наше существование может приобретать качество противоположности *счастью* или *несчастью*; и если то, что мы называем *удовольствием* или *страданием*, занимает — по сравнению с такими занятиями, как выработка и воплощение в жизнь всевозможных замыслов и изобретений, поиски и ожидания, руководящая, теоретическая и общественная деятельность — лишь малую часть человеческой жизни, то нельзя не прийти к мысли, что данный вид активной деятельности заслуживает большего внимания с нашей стороны — хотя бы потому, что занимает значительную часть нашего времени. С исчезновением условий для активной деятельности, возникает потребность не в получении удовольствий, а в том, чтобы чем-то занять себя; в этом случае страдающий человек жалуется не на несчастье, а на праздность.

Между тем, мы редко когда относимся к своим обязательным делам как к дару судьбы. Мы всегда стремимся к развлечениям или к избавлению от неприятностей и не обращаем внимания на источник нашего истинного удовлетворения. Спросите занятых людей, в чем состоит для них счастье, и они, вероятно, ответят, что оно заключено в достижении цели их нынешних устремлений. Если же мы спросим у них, почему в отсутствии этого счастья они не чувствуют себя несчастными, они ответят, что надеются достичь его. Но разве одна только надежда служит опорой духу в ситуации

неопределенности и риска? И способна ли уверенность в успехе наполнить период ожидания более приятными эмоциями? Дайте охотнику дичь, дайте игроку поставленное на кон золото — и пусть у одного из них отпадет нужда напрягаться телесно, а у другого — подвергать себя духовной пытке. В ответ на это оба, пожалуй, посмеются над нашей глупостью: один вновь поставит свои деньги на кон, чтобы снова изводить себя игрой; другой направит стопы в поле, чтобы опять услышать лай собак, опять испытать опасности и лишения. Стоит только лишить людей свойственных им занятий, положить конец их устремлениям — и само существование станет им в тягость, а память о былом превратится для них в пытку.

В нашей стране, сказала одна дама, следовало бы обучить мужчин шитью и вязанью — тогда бы они и сами меньше маялись и окружающих меньше обременяли. Другая дама с нею согласилась, сказав, что не знает, как обстоят дела за границей, но в нашей стране данная проблема приобретает особенно пугающие черты в плохую погоду: именно тогда не бывает спасенья от праздных господ, ищущих развлечений; а изнывающий от безделья муж являет собой безрадостное зрелище¹.

Разрабатывая или осуществляя план, дух, исполненный чувств и эмоций, кажется, живет полной и радостной жизнью. Даже в тех случаях, когда известно, что цель или предмет деятельности малозначимы, талант и воображение зачастую работают в полную силу: их в равной мере развлекает как дело, так и безделица. Все, что нам нужно — это лишь временная передышка для восполнения наших ограниченных и постоянно растрачиваемых сил: когда дело начинает

¹ В издании 1814 г. здесь следует дополнение: «Считается, что трудности и тяготы человеческой жизни отвлекают от божеской доброты; но многими трудностями и тяготами оказываются чреватые те способы времяпрепровождения, которые люди сами для себя изобретают. Создатель той игры, какую являет собой жизнь человеческая, хорошо понимал природу своих игроков. Непредсказуемость игры вызывает сетования с их стороны. Но стоит устранить эту непредсказуемость — и игра перестанет увлекать ее участников». — *Ред.*

нас угнетать, развлечение лишь выполняет функцию смены занятия. Жалобы не всегда говорят о том, что мы несчастны. В числе переживаний бывают такие, которые настраивают душу на положительные эмоции. Этим давно уже пользуются художники и поэты, с успехом используя в числе средств развлечения публики произведения, вызывающие в нас грусть.

Для данного типа людей благом является любое побуждение к действию — будь то стремление к удовольствию или избавление от страдания. Деятельность для них важнее, чем удовольствие, которого они стремятся достичь с ее помощью, а бездействие — большее несчастье, чем страдание, от которого они спасаются.

Удовлетворение плотского аппетита кратковременно; чувственность представляет собой лишь брожение духа, который мог бы быть исцелен воспоминанием, не будь он вновь и вновь воспламеняем надеждой. Азартная игра не более ограничена концом игры, чем утехы сластолюбца завершением дебоша. Подобно тому как отдаленные цели являются скрепами общества, так и объекты чувства играют важную роль на протяжении всей человеческой жизни. Они руководят нами в осуществлении предначертанной природой цели, в деле сохранения индивида и увековечения рода; но было бы ошибкой — спекулятивной, и еще более практической, — полагаться на них как на главную составляющую человеческого счастья. Даже владыка серала, для которого из тайников запуганных подданных его были изъяты все сокровища империи, для кого одного с рудников поставляют редчайшие из изумрудов и алмазов, для кого даже дыхание бриза наполняют благовониями, для кого отовсюду свозят красавиц, — даже он, чьи страсти кипят под лучами южного солнца, является невольником и человеком, пожалуй, еще более несчастным, чем множество людей, призванных своим трудом и своею собственностью ограждать его от невзгод и обеспечивать ему удовольствия.

Чувственность легко преодолевается с помощью привычки заниматься чем-то — привычки, обычно присущей активному духу. Если возбуждено любопытство или всколыхнулась страсть, то даже в разгар

пира, мы способны забыть о яствах, увлеченных разговорах и веселье, сопровождающих застолье. Ребенок способен пренебречь всем этим ради игры, взрослый — ради дела.

Рассматривая условия жизни, соответствующие природе любого животного (или только человеческой природе), такие как безопасность, кров, еда и другие средства получения удовольствия или выживания, мы иногда думаем, что нащупали разумный и прочный фундамент человеческого счастья. Но люди с морализаторской жилкой отмечают, что счастье не связано с богатством, хотя обладание состоянием означает обладание как средствами к поддержанию существования, так и средствами ублажения чувственности. Обстоятельства, требующие от нас воздержания, мужества и правильного поведения, подвергают нас риску и относятся к разряду отрицательных; между тем люди способные, отважные и увлеченные, кажется, более всего любят трудности и необходимость активизировать все свои способности.

Когда Спиноле сказали, что сэр Фрэнсис Вер умер от безделья, тот сказал: «Этого достаточно для того чтобы убить генерала»¹. Сколько их — тех, для кого сама война является времяпрепровождением, избравших солдатскую жизнь, полную опасностей и труда; и тех, кто избрал жизнь моряка, полную тягот и лишенную удобств; и тех, кто, став политиком, развлекает себя руководством партий и фракций и предпочитает безделью занятие делами других людей и целых наций, с коими он ничуть не считается. Эти люди не выбирают страдание вместо удовольствия, их вдохновляет беспокойное желание все время проверять на деле свои способности и свою решительность; триумф приходит к ним в гуще сраженья, а когда возможность вести такую жизнь исчезает, они чахнут и томятся.

¹ *Life of Lord Herbert*. — Жизнь лорда Герберта. [Эдвард Герберт (1583—1648) — философ, дипломат. «Отец» английского деизма. Основной труд «Об истине» (1624). — *Ред.*] Ср. с пушкинским — об отставленном Ермолове: мучим казнию покоя. — *Ред.*

Чем было наслаждение в представлении того юноши, который, по словам Тацита, любил саму опасность, а не награду за мужество? Какое удовольствие сулит охотнику или солдату звук охотничьего рожка или фанфар, лай собак или боевой клич? Наиболее воодушевляющим в человеческой жизни является призыв к опасностям и невзгодам, а не приглашение к безопасности и покою: да и сам человек в его лучших проявлениях не является существом, созданным для удовольствий, ему не предопределено быть простым потребителем плодов природы; вместо того, чтобы предаваться наслаждениям, томясь в объятиях достатка и отдохновения, он, вместе со своими верными друзьями — собакой и лошадью — следует своей природе, предпочитая с восторгом подвергать свою жизнь опасности, нежели чахнуть в покое и изобилие. При всем этом, его настрой на деятельность есть не более чем стремление соответствовать той разносторонности способностей, которой он наделен от природы; и наиболее достойные свойства его натуры — великодушие, мудрость и сила духа — находятся в явной связи с теми трудностями, преодолевать которые ему определено судьбой.

Если плотские удовольствия наскучивают, в случае когда дух возбуждается другими объектами, то столь же хорошо известно, что ощущение боли также заглушается любой неистовой страстью души. Раны, полученные в угаре страсти, в спешке, в порыве вдохновения или в ожесточенном сражении, никогда не дают о себе знать до того как прекратит свое действие фермент души. Даже сознательно причиняемые и искусно продлеваемые мучения переносятся с твердостью с и видимой легкостью тогда, когда дух одержим каким-либо неистовым чувством, будь то религия, вдохновение или любовь к человечеству. О том, как сильно мы заблуждаемся, измеряя масштабы человеческого несчастья размерами нанесенного людям ущерба и причиненного им страдания, свидетельствуют такие факты, как растянувшиеся на несколько веков гонения против суеверных приверженцев христианской церкви; истовое покаяние, которому добровольно и на много лет подвергают себя представители

восточных религий; презрение, с которым воспринимают голод и пытки большинство нецивилизованных народов; жизнерадостность и терпение, выказываемые солдатами на поле брани; а также испытания, которым подвергает себя охотник-любитель в часы досуга. И если утверждению, согласно которому счастье не может быть измерено альтернативными наслаждениями, присуща утонченность, то это утонченность того рода, которая была ведома уже Регулу¹ и Цинциннату² в дофилософские времена; это «тонкость», в которой искушен каждый мальчишка, играющий в свои детские игры, и каждый дикарь, взиравший из своей чаши на мирный город и презирающий размах плантаций, с хозяина которых он не спешит брать пример.

Следует признать, что человек, несмотря на всю эту деятельность духа, является животным в полном смысле слова. Когда тело его болеет, чахнет и дух; если перестает циркулировать кровь, дух покидает тело. Природа, решая вопрос о его безопасности, не стала всецело полагаться ни на его умственные способности, ни на плоды его неопределенных размышлений и вменила ему в обязанность заботиться о самосохранении, считаться с чувствами удовольствия или боли и придала ему в качестве хранителя инстинктивный страх смерти.

Различие между душой и телом имеет огромной важности последствия; но в основании тех фактов, на которые мы сейчас ссылаемся, не лежит никаких теоретических положений. Они остаются в равной степени верны, независимо от того, признаем мы или отрицаем названное различие, считаем ли, что живое существо представляет собой единое целое или мыслим его как собрание отдельных сущностей. Даже материалист своим отношением к человеку, как к машине, не в силах как-либо изменить облик его истории. Человек — это существо, которое при помощи множест-

¹ Регул Марк Атилий римский консул в 267 и 256 гг. до Р.Х. Прославился мученической кончиной во время войны с Карфагеном. — *Ред.*

² Цинциннат — римский полководец, консул в 460 г. до Р.Х. — *Ред.*

ва видимых органов осуществляет самые разнообразные функции. Мы можем видеть, как происходит сгибание его суставов, как сокращаются и расслабляются его мышцы; в груди у него бьется сердце, во все части его тела поступает кровь. Выполняет он и другие операции, которые мы не в состоянии соотнести с каким-либо из телесных органов. Он воспринимает, он вспоминает и предвидит; он желает и избегает, он восхищается и презирает. Он может наслаждаться и переносить боль. Все эти разнообразные функции в той или иной степени согласуются или не согласуются между собой. Когда кровь течет вяло, мускулы расслабляются, способность разумения замедляется, а воображение затуманивается; в случае нарушения душевного равновесия человека врач должен интересоваться не только тем, о чем он думает, но и тем, что он ест, изучать динамику его страстей вместе с ударами его пульса.

При всей своей сообразительности, при всех предосторожностях и инстинктах, призванных охранять его жизнь, человек разделяет участь других животных, и кажется, что он появляется на свет лишь для того, чтобы умереть. Мириады людей гибнет, так и не достигнув своего совершенства, и индивид, стоящий перед выбором, пройти ли свой кратковременный путь по жизни, руководствуясь благоразумием и решительностью, или провести ее в постоянном страхе, зачастую выбирает последнее — и тогда привычка к робости омрачает ему ту самую жизнь, о сохранении которой он так радеет.

Однако, порой, человек освобождается от этой гнетущей роли и начинает вести себя так, как если бы продолжительность собственной жизни вовсе его не заботила. Находясь во власти интенсивных размышлений, либо неистовых желаний, человек оказывается нечувствительным к посторонним удовольствиям и болям. Даже в смертный час дух сообщает тонус мускулам, а душа с ее энергией, кажется, отбывает, обретая в разгар борьбы близкую цель своих трудов. Muley Moluck, изнуренный недугом, тем не менее, будучи на носилках, принял бой — в бою он и пал; и последнее его усилие — приложить палец к губам —

было направлено на то, чтобы скрыть факт своей смерти¹. Данная предосторожность была, наверное, самым необходимым из всех действий, которые он предпринял для предотвращения поражения.

Могут ли какие бы то ни было размышления помочь нам обрести данный душевный навык, столь полезный для правильного поведения во многих ситуациях повседневной жизни? Если мы решим, что не можем, то такая реальность, как счастье души, не станет от этого менее очевидной. Презрение к удовольствиям, способность переносить боль и не дорожить жизнью, греки и римляне почитали в качестве выдающихся черт человеческой личности и считали обучение им первостепенной задачей. Они верили в то, что сильный дух сам найдет себе достойные объекты приложения сил и что первым шагом к решительному выбору названных целей является избавление от ничтожности дотошного и боязливого ума.

Люди вообще ищут случая продемонстрировать собственное мужество и, в стремлении вызвать восхищение, часто являют собой ужасающее зрелище в глазах тех, кто уже не считает силу духа самостоятельной ценностью. Сцевола², для того чтобы потрясти Порсенна³, держал свою руку в огне. Дикарь, дабы в час испытания получить перевес над врагом, приучает собственное тело к истязаниям. Даже мусульманин, пытаясь завоевать даму сердца, ранит собственную плоть и ходит веселый, истекая кровью, чтобы показать, что он достоин ее внимания⁴.

Некоторые нации доводят практику причинения боли или игры с болью до жестокости и до абсурда; другие рассматривают любую форму телесного страдания как величайшее из зол; дав волю своему беспокойству, они усугубляют истинную картину бедствия ужасами, рисуемыми их удрученным и немощным во-

¹ *Vertol.* О переменах в Португалии. Примечание в русском издании 1817 г. — *Ред.*

² Сцевола Муций левша — прозвище основателя рода Муциев. — *Ред.*

³ Порсенн — этрусский царь. — *Ред.*

⁴ *Letters of the Right Honourable Lady M-y W-y M-e.*

ображением. Ни за ту, ни за другую глупость мы не в ответе, и при рассмотрении вопросов, связанных с природой человека, нам не следует в оценке силы или слабости представленной позиции, исходить из обычаев и представлений, бытующих в той или иной нации, в том или ином веке.

Раздел VIII

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ

Всякий, кому доводилось сравнивать различные условия и способы жизни людей вследствие неодинаковости их образования и состояния, с удовлетворением отметят, что само по себе положение, в котором находятся люди, не делает их счастливыми или несчастными; разнообразные внешние наблюдения говорят также о том, что различное отношение к морали также не связано со счастьем или несчастьем человека. Они выражают свою благожелательность или враждебность различными действиями; но при всем том благожелательность и враждебность все же относятся к числу главных объектов рассмотрения, коль скоро речь идет о жизни человека. Они имеют различные занятия и соглашаются на различные условия жизни; но действия их, когда они продиктованы страстью, являются почти одинаковыми. Не существует какой-то определенной меры приспособления, отвечающей их удобству, никакой степени опасности или безопасности, которая обуславливала бы их действия. Мужество и благородство, страх и зависть не являются чем-то сугубо присущим общественному положению или званию людей; не может быть такой ситуации, при которой отдельные представители человеческого рода не смогли бы надлежащим образом применить свойственные людям таланты и добродетели.

Что же такое этот таинственный объект, называемый *счастьем*, способный иметь место в столь различных состояниях? Что оно такое, если одни и те же обстоятельства могут оказаться для него и необходимыми, и разрушительными, и нейтральными — в зависимости от того, о каком народе и о какой эпохе идет речь? Что как не ряд простых плотских удовольствий (вместе с профессиональными занятиями и нахождением в компании, служащими пищей для духа) спо-

способны заполнить недолгие мгновенья жизни? Повторяясь слишком часто, эти удовольствия грозят привести к пресыщению и отвращению; в избыточных количествах они разрывают ту материю, к которой их прилагают, и подобно молнии в ночи, лишь сгущают ту мглу, сквозь которую они время от времени прорываются. Счастье — это не тот покой, не та воображаемая беззаботность, о которых так часто мечтают на расстоянии и которые, будучи обретены, оборачиваются скукой или тоской — более невыносимыми, чем сама боль. Если верны вышеприведенные наблюдения, касающиеся данного предмета, то счастье обретается скорее благодаря занятию, чем вследствие достижения какой бы то ни было цели; и в каждой новой ситуации, даже если речь идет о благополучной жизни, оно зависит не столько от обстоятельств, в которых нам суждено действовать, не от тех предметов, что вложены в наши руки, и не от орудий, которыми мы оснащены, сколько от того, насколько правильно употребляем мы свою душу.

Если же говорить о той категории занятий, которые мы именуем *развлечениями* и которые заполняют большую часть жизни тех людей, кого мы почитаем за счастливых, то мы вынуждены будем отметить, что подобные занятия в гораздо большей мере, чем принято думать, свойственны предприятиям, имеющим своей целью наживу, а не тем занятиям, которым приписывается главная ценность.

Говорят, что даже скряга порой способен рассматривать заботу о собственном богатстве как развлечение, и этим он как бы бросает вызов собственному наследнику попытаться получить больше удовольствия от трат, чем получал он от преумножения своего состояния. При столь высокой степени безразличия к поведению других людей, при столь большой сосредоточенности исключительно на избранной сфере, разве не возможно сказать об этом человеке, чья главная цель — деньги (особенно если ему удалось победить в себе разъедающие алчные души страсти, к коим относятся ревность и зависть), что он ведет жизнь, полную развлечений и удовольствий, и не только превосходит в этом отношении мота, но и не уступает иному вир-

туозу, ученому, человеку со вкусом — словом, любому из той категории людей, что научились проводить свой досуг без ущерба для окружающих и для которых сами по себе приобретения или произведения их собственного авторства являются, в некоторых отношениях, такими же бесполезными, как сума для скряги или касса для игрока, вступающего в игру для того лишь, чтобы рассеяться и не выбирающего между игрой на уменье и игрой на удачу?

Мы быстро устаем от отступлений, уводящих нас от сути дела, не дающих ни пищи нашим страстям, ни применения нашим талантам и способностям. И на охоте, и за игорным столом нас ожидают свои опасности и трудности, возбуждающие и занимающие дух. Все игры-соревнования возбуждают наше состязательное чувство и приносят нечто вроде чувства принадлежности к партии. Математика занимают лишь головомные проблемы, правоведа и казуиста — те юридические дела, которые служат проверкой их искушенности в законе и дают упражнение их способности суждения.

Любовь к активным занятиям, как и всякий другой естественный аппетит, может становиться чрезмерной; развлечения способны портить людей не меньше, чем злоупотребление вином и прочими, замутняющими сознание, алкогольными напитками. Поначалу искателя развлечений развеселит какая-либо безделица, слегка всколыхнувшая его страсти; но по мере привыкания в снадобью, оно перестает оказывать прежнее воздействие. Для возбуждения внимания требуется теперь углубление в игру, повышающее интерес к ней; человек постепенно затягивается глубже и глубже; и, в конце концов, его увлекают и развлекают лишь страсти, сопряженные с беспокойством, надеждой и отчаянием, порожденные риском потерять все свое состояние.

Если люди способны таким образом превращать собственные развлечения в нечто более серьезное и захватывающее, чем занятие бизнесом, то почему бы им не превратить в развлечение сам бизнес и многие другие занятия, не зависящие от каких-либо отдаленных последствий и событий будущего, и поставить свой

личный выбор таких занятий в зависимость от доставляемого ими развлечения. Видимо, именно такой подход позволяет некоторым людям, не прибегая к размышлениям, сохранять удовлетворенное и жизнерадостное состояние духа. Данный подход, вероятно, является собой самую надежную опору для силы духа, какую только можно создать при помощи размышлений; секрет самого счастья — в том, чтобы превратить некоторые виды деятельности в развлечение, а также в том, чтобы ценность как жизни вообще, так и отдельных ее проявлений усматривать в возможности нахождения упражнений для духа и увлечений для сердца. «Я испробую все и предприму всевозможные попытки, — говорит Брут¹, — я ни за что не откажусь от намерения вызволить свою страну из положения рабской зависимости. При благоприятном стечении обстоятельств это позволит возрадоваться всем нам; но и в случае неудачи мне будет чему радоваться». Как же можно радоваться неудаче? Как же не чувствовать себя удрученным порабощением своей страны? Дело здесь, видимо, в том, что состояние грусти и удрученности не несет ничего хорошего. Это верно, но коль скоро эти чувства пришли, с ними следует мириться. Но разве они неотвратимы? — спросит себя римлянин, — я был ведом собственным духом, так пусть же он не оставит меня и теперь. Внешние события способны изменить ситуацию, в которой мне суждено действовать; но могут ли они помешать мне поступать по-мужски? Покажите мне ситуацию, в которой человек оказывается не в силах ни действовать, ни умереть — и я признаю такого человека ничтожеством.

Всякому, кто обладает силой духа, достаточной для того чтобы всегда представлять себе жизнь человеческую вышеописанным образом, остается лишь сделать свой выбор занятия, которое и послужит для него неиссякаемым источником удовольствий и душевной свободы; и, вероятно, это и явится для него

¹ Брут Марк Юний (85—42 до Р.Х.) — участник заговора республиканцев против Юлия Цезаря. — *Ред.*

тем счастьем, к которому предопределена его активная натура.

Характеры людей и соответствующие этим характеристам занятия обычно подразделяются на два основных класса: эгоистические и социальные. Первые тяготеют к скрытности; и если что и связывает их с остальными людьми, то это соперничество, конкуренция и вражда. Вторые склонны жить совместно с окружающими, делать им добро; они имеют тенденцию заниматься объединением людей; это приводит к тому, что все начинают принимать участия в заботах и радостях друг друга и воспринимать присутствие других людей как повод для радости. К этому классу следует отнести страстное взаимоотношение полов, любовь родителей к детям, гуманизм вообще или отдельные пристрастия; и прежде всего — привычку души считать себя самого лишь частью некоего дорогого тебе сообщества, отдельным представителем общества, общее благосостояние которого является главным предметом переживаний и верховным правилом поведения. Данная любовь суть принцип доброжелательности, не знающий пристрастий и не ведающий границ; действие ее способно выходить за рамки ваших личных знакомств; она дает вам возможность ощутить (по крайней мере, в душе, в мыслях) связь с вселенной и со всеми Божьими созданиями. «Может ли кто-то, — вопрошал Антонин¹, — любить город Кекропа² и не любить град Божий?»

Ни одна из эмоций сердца не является индифферентной. Она неизменно сопровождается либо оживлением и радостью, либо чувством печали, либо изъявлением удовольствия, либо конвульсиями страдания. И величайшее влияние на наше счастье или несчастье должно оказывать упражнение нашего характера, а также плоды такого упражнения.

¹ Антонин Пий Благочестивый (86—161) — римский император, при нем римская империя сохранила свои владения и укрепила границы. — *Ред.*

² Имеются в виду Афины. Кекроп — рожденный землей — первый царь Аттики. — *Ред.*

На индивиде лежит забота о его животном самосохранении. Он может существовать в одиночестве и, в условиях удаленности от общества, выполнять многие функции, предполагающие наличие чувства, воображения и разума. Он даже бывает вознагражден за надлежащее выполнение всех этих функций; все эти естественные упражнения, направленные на него самого и на окружающих, не только не доставляют ему беспокойства, но и во многих случаях сопровождаются положительными эмоциями, являясь приятным времяпрепровождением.

Однако, мы склонны полагать, что в определенной степени забота о самих себе является источником болезненного беспокойства и жестоких страстей. Последние обуславливают вырождение этой заботы в алчность, тщеславие или гордость; порождая привычку к ревности и зависти, эта забота становится столь же пагубной для наших радостей, сколь и враждебной благосостоянию людей. Это зло, однако, следует отнести не на счет излишней заботы о себе самих, а на счет ошибочности в выборе объекта: мы ищем счастья вне себя, а найти его можно лишь в своем сердце, в свойствах собственной души. Мы считаем себя зависимыми от случайностей и поэтому пребываем в уединении и в тревоге; мы считаем себя зависимыми от воли других людей и поэтому становимся робкими и покорными; мы полагаем, что наше счастье заключено в предметах, за которые нам надо конкурировать со своими братьями — и тогда, в погоне за счастьем, мы оказываемся замешаны в соперничестве, зависти, ненависти, вражде и мщении, которые ведут нас к настоящей беде. Короче, мы ведем себя так, как если бы для самосохранения нам следовало бы культивировать собственные слабости и увековечивать собственные страдания. В болезни расстроенного воображения и развращенного сердца мы виним окружающих, вызывающих в нас приступы разочарования и злости; упиваясь собственным несчастьем, мы удивляемся, что забота о себе не приносит результата. Однако, подобные затруднения не коснутся того, кто помнит, что по природе своей он — существо разумное и к тому же член общества; что хранить себя — значит хранить

собственный разум и лучшие из свойственных сердцу чувств; для такого человека забота о себе явится источником исключительно удовлетворения и радости.

Деление наших стремлений на благожелательные и своекорыстные, вероятно, в какой-то мере сбивает нас с толку в подходе к вопросу личного удовольствия и частного блага; не слишком помогает делу и наше стремление во что бы то ни стало доказать бескорыстность добродетели. Полагают, что удовлетворение своекорыстных желаний приносит преимущества или удовольствия нам самим, удовлетворение благожелательных желаний — окружающим; на деле же удовлетворение любого стремления является личным удовольствием и ценность его пропорциональна качеству либо силе чувства, и вполне возможно, что один и тот же человек получит куда больше преимуществ от благоприятного случая, который он предоставил другому, чем от собственной удачи.

Если, таким образом, за реализацию нашего человеколюбия мы имеем то же вознаграждение, что и за удовлетворение любой другой потребности, то само по себе проявление благожелательности следует во многих случаях рассматривать как главный компонент человеческого счастья. Всякий акт добра, заботы родителя о ребенке, всякая эмоция души в дружбе, или в любви, рвение в общественных делах или человечность вообще, суть деяния, сопряженные с получением удовольствия и удовлетворения. Это же можно сказать о жалости и сострадании и даже о печали и меланхолии — если названные эмоции проистекают из нежного чувства к кому-либо; не являясь удовольствиями в позитивном смысле, они, по крайней мере, представляют собой проявление весьма своеобразного страдания, которое мы не согласны променять даже на истинное наслаждение, которое получили бы от облегчения участи предмета наших чувств. Применительно к данной категории чувств даже крайности — поскольку в данном случае они являют противоположность чувству ненависти, зависти и злобы — никогда не сопровождаются теми невыносимыми беспокойствами, ревностью и страхами, которые терзают корыстную душу; если же вследствие притворности

нашей любви к ближнему и возникнет некое недоброе чувство к нему, то это чувство можно с уверенностью отместить как неистинное. Если мы чувствуем недоверие или ревность, то наша мнимая любовь, вероятно, есть не более чем желание привлечь к себе внимание и заслужить личное расположение; данный мотив часто подталкивает нас к контактам с окружающими и в жертву ему мы зачастую приносим счастье ближних. Мы смотрим на них как на инструменты удовлетворения нашего тщеславия, удовольствия или наших корыстных вожеланий, а не как на объекты нашей доброй воли и любви.

Последний род чувств, занимая душу ее привычным предметом, не принуждает ее развлечениям и удовольствиям того типа, к которому прибегает человек с дурным характером в попытке заглушить чувство отвращения; когда чувственные утехи заменяются утехами сердечными, умеренность достигается без труда. Так же легко достигается и мужество — вернее, оно является неотделимым от того проявляющегося в дружбе, в общении и в общественной деятельности душевного порыва, который заставляет нас позабыть о предметах личного беспокойства или страха и сосредоточиться в основном на предмете нашего порыва или нашей любви, а не на пустяковых неудобствах, опасностях и невзгодах, с которыми нам случается встречаться в борьбе за данный предмет.

Кажется, однако, что счастье человека как раз и заключается в превращении своего социального положения в главную движущую силу его деятельности, в утверждении себя в качестве члена сообщества, в сердце которого неистовым пламенем горит забота об общем благе, оттесняя на задний план все те личные озабоченности, которые являются основой болезненных опасений, страха, ревности и зависти; или, как выразил то же чувство м-р Поп,

«Нуждается в опоре виноград
Ты вместе с ближним крепче во сто крат»¹

¹ См.: Поуп А. Поэмы. М., 1988. Опыт о человеке. С. 174. — Ред.

Если подобное справедливо в отношении индивида, это же можно сказать и о человечестве; и добродетель уже не предписывает нам давать другим то благо, которого сами мы сторонимся, зато предполагает, что мы будем стараться максимально приобщать мир к тому счастью, которым обладаем сами.

Все мы разделяем мнение о том, что наш долг состоит в том, чтобы делать добро, а наше счастье — в том, чтобы его получать: но если в действительности составной частью счастья человеческого является мужество и сердечная преданность благу людей, то делание добра предполагает счастье той личности, от кого оно исходит, а не той, кому оно адресуется; и величайшее из благ, которое могут дать своим соплеменникам люди, обладающие силой духа и щедростью, это приобщить их к собственному счастливому характеру. «Ты принесешь величайшую пользу своему городу не возведением домов, — говорит Эпиктет, — а возвышением душ своих сограждан; ибо пусть лучше возвышенные души обитают в низеньких домишках, чем жалкие рабы — в величественных зданиях»¹.

В благожелательности, в удовлетворении других; кроется основа наслаждения и самого существования, в мире, управляемом мудростью Божьей, — благословенье. Освобожденный от забот, порождающих малодушие и изменчивость, дух становится спокойным активным, прямым и бесстрашным, способным к любому начинанию и живо проявляющим любые таланты, из тех, что присущи человеческой природе. На этой основе был воспитан восхитительный характер, свойственный знаменитым нациям древности в определенные периоды их истории; характер, делающий привычными и знакомыми в их манере поведения те образчики величия, которые в не столь благоприятных для социальных чувств условиях правления, являлись крайне редкими; или же, не будучи ни поняты, ни воплощены в жизнь, эти образчики делались объектом поклонения и напыщенных панегириков. «Такова, —

¹ Эпиктет приведен в переводе миссис Картер.

говорит Ксенофонт, — была смерть Фрасибула¹, который и впрямь представляется хорошим человеком». Какая ценная похвала, как многозначительна она для тех, кто знаком с историей жизни этой замечательной личности! Члены этих знаменитых государств, благодаря привычке думать о себе самих как о членах общества или как о людях, играющих в этом сообществе ответственную роль, были лишены личных интересов: перед их мысленным взором постоянно находились некие предметы, воодушевлявшие их души, и это заставляло их неизменно действовать в интересах своих сограждан и практиковаться в искусствах рассуждения, красноречия, политики и войны, от которых зависят судьбы народов, или судьбы отдельных людей связанных в одно целое. Этой силе духа, накопленной в ходе их исторического развития, параллельно с развитием ума, названные народы были обязаны не только своим величием и превосходством в военно-политическом плане, но и достижениями в области поэзии и литературы, которые в их среде рассматривались как всего лишь второстепенные проявления гения, вдохновение, культивирование и совершенствование которого лежит в иной сфере.

Для древних греков или римлян индивид был ничем, а общество — всем. Для современных же представителей столь многих европейских наций индивид есть все, а общество — ничто. Государство — это всего лишь совокупность департаментов; уважение, богатство, положение и власть раздаются в них в качестве платы за службу. Проявлением природы современного типа правления, с самого первого его института, явилось то, что каждый индивид наделялся определенным статусом и достоинством, которые ему надлежало самостоятельно сохранять за собой. Наши предки, жившие в более примитивных условиях, в периоды между войнами с иноземцами сражались за свои соб-

¹ Ксенофонт афинский (430—425 — после 355 г. до Р.Х.) — историк и писатель аристократической ориентации; Фрасибул. Погиб в 389 г. до Р.Х. — афинский полководец. Восстановил демократию в Афинах после правления 30 тиранов. — *Ред.*

ственные требования у себя дома, и их конкуренция и баланс сил поддерживали в государстве нечто вроде политической свободы, тогда как отдельные партии подвергались постоянным придиркам и гонениям. Их потомки в более цивилизованные времена подавляли гражданские беспорядки, в которые главным образом и выливалась общественная активность ранних веков; но спокойствие, которого они добились, было употреблено ими не на культивирование почитания законов и той формы правления, под защитой которой они действовали, а на индивидуально обособленное применение различных приемов личного продвижения или извлечения прибыли, что им вполне удавалось в данной политической системе. Коммерция, включающая в себя всевозможные приемы извлечения прибыли, соответственно, рассматривается ими в качестве важнейшей части жизни всех наций и главного объекта познания человечества.

Мы настолько привыкли считать личную удачу единственным достойным наших забот предметом, что даже в рамках общественных устройств и в государствах, где к управлению страной привлекаются различные общественные структуры и где присущие им свободы не могут долго оставаться вне бдительности и деятельности субъекта, даже те, кому, говоря народным языком, уже не надо заботиться о собственной фортуне, не могут найти себе занятия и предаются уединенному времяпрепровождению или, как они выражаются, «прививают вкус» к садоводству, строительству, рисованию или музыке. Подобным образом они пытаются заполнить пустоту пресной жизни и избежать необходимости лечить свою тоску позитивным служением стране или человечеству.

Люди слабые и порочные широко внедрились во все невинные начинания, успех сопутствует им в поиске тех родов деятельности, где их дурной нрав не может пагубно отразиться на них самих и на окружающих. Те же, кто одарен счастливым характером, способностями и энергией, имеют поистине развращающее воздействие, позволяя развлечениям занять nepозволительно большое место в их жизни; при этом они оказываются обманутыми своим счастьем, так как ре-

альность заставляет их верить в то, что веселее заниматься всем чем угодно, только не тем, что способно послужить во благо ближнему.

И действительно, такого рода увеселение не может быть избрано наемником, завистником, злодеем. Его ценность ведома лишь личностям с противоположным характером; именно к их опыту взываем мы. Ведомые одними лишь личными качествами, а не размышлением, они зачастую хорошо проявляют себя в бизнесе, в дружбе и в общественной жизни; на волне собственных чувств и эмоций они с удовлетворением переживают настоящий момент, не вспоминая о прошлом и не строя надежд на будущее. Не практика, а спекуляции навязывают ему вывод о том, что добродетель сопряжена с суровостью и самоотверженностью.

Раздел IX

О СЧАСТЬЕ НАЦИИ

Человек по природе своей является членом сообщества; рассмотренный с этой точки зрения, индивид уже не принадлежит себе самому. Он должен отказаться от счастья и свободы там, где они мешают благу общества. Он — лишь часть целого; и те похвалы, которые мы расточаем его добродетели, есть лишь частный случай того одобрения, которое можно высказывать в адрес отдельного органа тела, отдельной составляющей структуры или отдельной части мотора в связи с тем, что данная часть хорошо подогнана к целому и исправно функционирует.

Если верно все сказанное выше об отношении части к целому, и если главной целью существования индивидов является благо общества, то верно и то, что великой целью гражданского общества является счастье индивидов: ибо как может благоденствовать общество, если каждый из составляющих его членов является несчастным?

Между тем, интересы общества и его членов легко поддаются взаимопримирению. Индивид, который со вниманием относится к обществу, становится в силу этого наисчастливейшим из всех детей природы; и величайшая благодать, которой способно наделить своих членов общество — это оставить их в своем лоне. Это самое счастливое состояние, предпочитаемое его обладателями всему другому; те, чье сердце отдано сообществу, в котором они обретают всю силу великодушия и вдохновения, а также простор для развития всевозможных талантов и добродетелей — эти люди являются счастливейшими из смертных.

После того как мы определили основные положения, нам остается проделать большую часть дела — надлежащим образом применить их к конкретным случаям. Нации различаются между собой по разме-

рам, численности и богатству; они занимаются различными ремеслами и проживают на различных территориях. Все эти различия способны не только сказаться на образе поведения людей; по нашей оценке, они определяют собой нечто большее, чем тип поведения; они способны влиять на само счастье наций, независимо от их добродетелей; служить обоснованием нашему тщеславию и тщеславию других наций, исходя при этом (как и в случае с отдельно взятыми индивидами) из их и состоятельности авторитета.

Но если в приложении к отдельным личностям подобный способ измерения счастья является пагубным и неправомерным, то это же можно сказать и о применении данного способа к целым нациям. Богатство, коммерция, размеры занимаемой территории, знание ремесел — все это, будучи правильно применено, относится к числу средств самосохранения и является основой власти. Все это способно поддерживать несчастных в той же мере, что и счастливых. Все это отвечает одной единственной цели и не годится для всех прочих; а коль скоро все это обращено на поддержание забитого, угнетенного и раболепствующего народа, оно не имеет большого значения.

Великие и мощные государства способны побеждать и подчинять себе государства слабые; культурные и коммерческие нации обладают большим богатством и знают больше различных ремесел, чем нации примитивные: счастье же людей во всех без исключения случаях состоит в обладании благодатью доброжелательного, активного и усердного духа. И если оценивать состояние общества только с точки зрения того, как далеко зашло человечество в своих склонностях, — как такое состояние, оценивать которое следует лишь в плане сохранения рода, развития его талантов и поощрения его добродетелей, то для получения всех этих преимуществ нам нет нужды расширять свое сообщество. Обрести их в изрядном количестве нам зачастую удастся и в условиях сохранения независимости наций, остающихся при этом весьма небольшими.

Увеличение численности человечества может быть признано в качестве великой и значительной цели;

однако вряд ли правильным путем достижения этой цели будет расширение любого отдельно взятого государства: ведь если мы желаем преумножения числа своих собратьев, то из этого вовсе не следует, что полученное целое должно быть объединено под одним названием. Мы способны восхищаться римской империей как образчиком национального величия и совершенства: но величие, которым мы так восхищаемся в данном случае, явилось пагубным для добродетелей и счастья человечества; оно продемонстрировало несоответствие всем тем преимуществам, которыми ранее характеризовался народ-завоеватель в области правления и образа поведения.

Соперничество наций проистекает из их разделенности. Группа государств, подобно компании из нескольких человек, находит применение своим умственным способностям и добродетелям в совместных делах, которыми они занимаются на основе равенства и объединяющего их особого интереса. Принимаемые каждым государством меры безопасности, составляющие значительную часть его национальной политики, находятся в зависимости от того, чего опасается это государство с внешней стороны. Афинам для демонстрации ее добродетелей была необходима Спарта, как огонь для выплавки стали, и если бы города-государства Греции были объединены под одним именем, мы никогда не услышали бы об Эпаминонде, Фрасибуле, Ликурге или Солоне.

Поэтому когда мы говорим от лица рода человеческого (притом что злоупотребления, вытекающие из независимости и противостояния интересов порой способны вызывать у нас нарекания), то — каким бы добродетельным ни было человечество в целом — мы, тем не менее, ни за что не пожелаем втиснуть в рамки какого-либо одного общественного устройства массу людей, способных составить несколько различных устройств; мы не захотим вверить в управление единого сената или одной законодательной власти дела, которые в условиях разделенных и самостоятельных правлений дадут возможность многим проявить свои способности и получить заслуженную славу.

Относительно данного предмета вряд ли возможно предложить какое-либо определенное правило, но всякое восхищение бескрайностью владений являет собой пагубное заблуждение; и трудно, пожалуй, найти другой пример столь полного непонимания человечеством своих истинных интересов.

Желание отдельно взятого государства увеличить собственные размеры часто связано с тем, каковы его соседи. Тем, где имеет место соседство нескольких государств, отношения между ними должны быть близки к равенству, что заставляет считаться с ними и уважать их всех и дает им ту независимость, которая составляет основу политической жизни любой нации.

С объединением королевств Испании, с аннексией французской короной феодальных владений, в Великобритании также исчезла целесообразность поддержания национальной разобщенности страны.

Правда, небольшие республики древней Греции своей раздробленностью и уравновешенностью сил обеспечивали поддержание практически в каждом селении усиленного внимания к целям нации. Любая местность становилась колыбелью великих личностей, и то, что ныне является задворками великой империи, было в свое время полем, на котором человечество пожинало высшие почести. В современной же Европе республики подобных размеров, подобно кустарнику в тени высоких деревьев, задушены соседством с более мощными государствами. В этом случае определенная диспропорция сил в огромной мере сводит на нет преимущества, получаемые вследствие отдаления. Подобно польскому торговцу, они становятся лишь более жалкими и менее защищенными оттого, что не являются ни хозяевами, ни рабами.

Между тем, независимые сообщества, какими бы слабыми они ни были, не приемлют коалиции — и не только той, что сопровождается навязыванием им неравных условий, но и той, в которую их как новичков принимают на равных с прежними членами условиях. Отдельный гражданин не заинтересован в аннексии королевств; разрастание государства должно вызывать в нем ощущение уменьшения его личной роли. Но люди честолюбивые видят в разрастании территории

возможность увеличения собственной власти и богатства и упрощение процесса управления. Отсюда пагубное расползание империи, когда свободные нации сами страдают от показного роста собственных владений, попадая в конце концов под гнет ими же завоеванных рабов.

Желание увеличить мощь нации является лишь предлогом для увеличения собственной территории; но подобные начинания, будучи доведены до крайности, как правило, оборачиваются против самих себя.

Несмотря на численное преимущество и превосходство в вопросе ресурсов для ведения войны, сила нации вытекает из ее характера, а не из ее богатства или численности. Если с помощью сокровищ государства можно нанять множество людей, создать неприступную оборону и обеспечить все необходимое для ведения войны, то захватить владения боязливых не составит труда; робкое большинство само обеспечит собственное поражение; оборонительные укрепления, если они не защищены отвагой, могут быть взяты приступом; оружие тоже имеет значение тогда лишь, когда оно находится в руках смельчаков. Спартанское войско, о котором Агесилай¹ отзывался как о крепостной стене города, делал оборону его страны более устойчивой и надежной, чем укрепления других городов, сделанные из камня и цемента.

Мы мало чем будем обязаны тому государственному деятелю, который стал бы замышлять такую защиту, которая могла бы вытеснить допустимые, с точки зрения разумности, оборонительные мероприятия. В том, что человек являет собой существо разумное, заключена высшая мудрость; и применение разума есть необходимое условие его выживания. Так что если говорить о его стремлении отличиться, то счастье его в том и состоит, что личное его понимание ситуации зависит от его характера. Счастье же наций состоит в том, что для обеспечения своей силы и безопасности они должны стремиться к тому, чтобы ее народ был

¹ Агесилай II (444—ок. 361 до Р.Х.) — спартанский царь. — *Ред.*

мужественным, должны культивировать его добродетели. Прибегая к подобным средствам они одновременно достигают своих внешних целей и обретают счастье.

Главными основаниями счастья общества принято считать мир и единодушие; между тем принципами политической жизни и различных школ являются соперничество различных сообществ и агитация среди свободных людей. Как примирить эти противоположные и дисгармонирующие утверждения? Да примирять их, пожалуй, нет необходимости. Миротворцы вольны делать все что угодно для устранения вражды и примирения разноречивых мнений; и если им удастся покончить с преступностью и с крайними проявлениями страстей, то тем лучше. Между тем, только рабство и развращенность смогут стать причиной прекращения дебатов, бытующих между честными людьми, обладающими равными правами в управлении государством.

Даже в узком кругу избранных невозможно достичь полного согласия по всем вопросам; и если бы подобное было возможно, что стало бы тогда с обществом? «Так, очевидно, законодатель лакедемонский, — говорит Плутарх, — внес в свое государство честолюбие и соперничество как средство для разжигания добродетели, желая, чтобы споры и соревнование всегда существовали в среде достойных граждан; ибо взаимные послушание и благожелательность, достигнутое без предварительной борьбы, есть проявление бездеятельности и робости и несправедливо носит имя единомыслия»¹.

Предполагается, что формы правления имеют решающее значение для счастья или несчастья людей. Но формы правления должны меняться в соответствии со способом обеспечения собственного существования, характером и манерой поведения различных наций. В одних случаях, для осуществления правления следует многое вытерпеть от масс, в других —

¹ Плутарх Агесилай. Соч. М.: Художественная литература, 1983. С. 170. — *Ред.*

жестко осадить их. Жителям деревень в былые времена вполне можно было доверить выносить разумные суждения и позволить высказывать их невинные взгляды; но вряд ли можно в той же мере доверять закованным в цепи обитателям Ньюгейтской тюрьмы¹. Как же можно тогда найти единую форму правления, которая бы подошла человечеству во всех случаях?

Однако, теперь мы переходим к следующему разделу с тем, чтобы выявить различия и объяснить словоупотребление, которое имеет место в данном рассмотрении в связи с различными моделями подчинения и правления.

¹ Старинная лондонская тюрьма. Снесена в 80 гг. XIX столетия. — *Ред.*

Раздел X

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ

Есть общепринятое мнение, что изначально все люди равны. Несомненно, от природы все они обладают равными правами на самосохранение и на использование собственных талантов; но они приспособлены к различным ситуациям, и когда их классифицируют по правилам, соответствующим данной ситуации, несправедливостей в отношении их естественных прав не допускается. Очевидно, что та или иная форма подчинения столь же необходима людям, сколь и само общество; и необходимо оно не только для достижения целей правления, но и для соответствия порядку, установленному самой природой.

Еще до всяких политических институтов люди различаются сами по себе — огромным разнообразием талантов, различиями душевного настроения, силой страстей — и это уготовливает им разные роли. Стоит только свести их вместе — и каждый сам найдет подходящее ему место. Порицания или одобрения они выносят коллективом; для совещаний и раздумий они собираются в более однородные партии; выбирая или отрешая от должности представителей властей, они действуют в индивидуальном порядке; таким образом создаются условия для совместного действия большого числа людей и поддержания целостности сообщества еще до возникновения формального распределения полномочий.

Именно для такого образа действий мы созданы. И если у нас и возникают какие-либо сомнения относительно прав правительства вообще, то это лишь когда мы запутываемся в тонкостях спекулятивных рассуждений на эту тему, а не вследствие неясности чувств сердца. Вовлеченные в процесс коллективного принятия решений, мы некоторое время как бы движемся в толпе, прежде чем определим то правило, в котором

будет выражена ее воля. Мы идем за лидером еще до того, как под его притязания на власть будут подведены основания; еще до того, как будет подобрана форма его выборов. И только совершив множество ошибок применительно к способностям магистрата и его подданных, человечество начинает думать о подчинении самого правления определенным правилам.

Поэтому, если казуист, рассматривая многообразие форм, в которых существуют общества, захочет выяснить, какие полномочия имеет определенный человек или группа людей на управление его действиями, ему могут ответить: никаких — при условии, что его действия никоим образом не задевают предрассудки окружающих его людей; в противном же случае, право на самозащиту и обязанность подавлять зло лежит на коллективных органах, равно как и на отдельных личностях. Многие примитивные народы, не имея трибуналов для судебного разбора преступлений, в случае особо вопиющих нарушений собираются и сами чинят расправу над преступником, обращаясь с ним как с врагом.

Но способно ли данное положение, утверждающее право на суверенитет там, где оно осуществляется коллективной властью общества, либо теми, кому, эта власть делегирована, подтвердить притязания на суверенитет и там, где оно является случайно привнесенным или установленным с помощью силы?

Достаточным ответом на этот вопрос может послужить то замечание, что правом совершить акт справедливости или добра обладает каждый человек или объединение людей и что осуществление этого права не может быть ограничено ничем, кроме как недостатком власти. Но право творить дурное и вершить несправедливость есть неправомерное использование языка, противоречие в терминах. Оно не подобает ни коллективному органу, ни отдельно взятому узурпатору. Когда мы приписываем подобную прерогативу какому-либо суверену, то этим мы лишь выражаем степень его власти и ту силу, с которой он может добиваться получения удовольствий. Предполагается, что подобной прерогативой наделяет себя главарь банды или возглавляющий войско князь-деспот. Когда тот

или иной из них грозит мечом, путник или оседлый житель подчиняются ему по необходимости или из страха, и это не имеет ничего общего с обязанностью, продиктованной чувством долга или справедливости.

Между тем, многообразие форм, открывающихся нашему взору при рассмотрении различных обществ, почти беспредельно. Разнообразие классов, в которые объединяются члены этих обществ, способов установления законодательной и исполнительной власти, всевозможных едва ощутимых нюансов, порождающих у них различные обычаи и обуславливающих неравномерное распределение полномочий и авторитета среди различных правителей, — все это ответственно за присутствие в ряде весьма похожих друг на друга конституций стойких различий, благодаря чему человеческая жизнедеятельность характеризуется таким спектром частных, которые, будь они сведены воедино, невозможно было бы ни осмыслить, ни удержать в памяти.

Для того чтобы получить общее и всестороннее знание о целом, мы должны при выявлении различных форм правления решительно отсеять в данном предмете, как и во всяком другом, всевозможные подробности и частности и сконцентрировать внимание на тех моментах, с которыми согласны многие; тем самым мы выделим те общие аспекты, точки зрения которых данный предмет может быть внятно изучен. После того как мы определим, какие черты являются общими для всех, после того как рассмотрим результаты их действия в различных законодательных, исполнительных и судебных формах, а также в учреждениях полиции, коммерции, религии и частной жизни — только после этого можно будет считать, что нами получено новое знание, которое, не отрицая необходимости в опыте, придает некую систематичность открывающимся нашему взору деталям и служит методом их упорядочения.

Вспоминая написанное президентом Монтескье, я затрудняюсь сказать, зачем я взялся изучать дела человеческие; к этому однако, меня так же, как и его, побуждают собственные размышления и чувства; и я, будучи ближе, чем он, к уровню людей обыкно-

ных, способен сделать сказанное более общедоступным. Если есть необходимость как-то предварить предлагаемое ниже изложение общей истории наций, разъяснив объединяющие понятия, привлекаемые при рассмотрении различных форм правления, то, пожалуй, следует адресовать читателя к посвященным этой теме сочинениям названного выдающегося политика и благожелательного моралиста. Написанное им содержит не только оригинальную версию того, что, в целях последовательного изложения, я здесь пересказал, но и, возможно, первоисточник многих наблюдений, которые вследствие моей забывчивости, могут быть изложены, в различных местах, как мои собственные, без упоминания их истинного автора.

Философы древности обычно выделяли три рода правления: демократическое, аристократическое и деспотическое. В центре их внимания находилось главным образом республиканское правление, а проводимому Монтескье различию между деспотизмом и монархией они уделяли мало внимания. Монтескье также считал возможным выделить три общие формы правления; а «для того чтобы понять природу каждого, — замечает он, — достаточно вспомнить идеи, знакомые даже людям, совершенно не склонным к размышлениям, но признающим три определения или, скорее, три факта: что республика есть государство, в котором суверенной властью обладает народ или часть народа, организованная в форме коллективного органа управления; что монархия есть государство, которым правит один человек, правит в соответствии с четкими и определенными законами; что деспотизм — это когда один человек безо всяких законов и правил управления принимает решения и помыкает всем, что его окружает, повинуюсь лишь собственным порывам или капризам».

Республики обладают одним чисто материальным различием, отраженным в их общем определении: они подразделяются на демократические и аристократические. В первых верховная власть находится в руках коллективного органа. Любое чиновничье кресло открыто для любого из граждан, если его выдвинет на это место вышеназванный суверен; занимая долж-

ность, гражданин становится слугой народа, подотчетным ему во всем, что находится в его компетенции.

Во втором случае суверенитетом обладает определенное сословие или определенная категория людей, которые, будучи однажды назначены на должность, остаются в ней на всю жизнь; или же положение вне-временной верховной власти эти люди приобретают, наследуя родовые и имущественные права. Все государственное чиновничество представлено либо этой категорией людей, либо их выдвинутыми; на их ассамблеях выносятся окончательные решения в вопросах, находящихся в компетенции законодательной, исполнительной и судебной власти.

Монтескье указал также на те мнения или максимы, которые характерны для различных типов правления.

В условиях демократии необходимо любить равенство, уважать права сограждан, быть связанными с государством общими узами любви. При выдвижении личных притязаний каждый должен довольствоваться той оценкой своих способностей, которую он получит при справедливом соизмерении их со способностями оппонента; граждане должны трудиться на общество не ради прибыли; они должны отменить любые попытки порабощения личности. Опорами демократии, короче говоря, являются искренность, сила, возвышенность духа; а принципом поведения, обеспечивающим сохранение демократии — добродетель.

Каким замечательным преимуществом обладает народное правление! И как страстно должно человечество желать этой формы, если она продемонстрировала тенденцию установления этого принципа или, во всяком случае, являлась верным указанием на его присутствие!

Но, возможно, сначала мы должны были получить этот принцип для того чтобы затем, с надеждой на улучшение, обрести и форму; и там, где первый приходит в полный упадок, вторая бывает чревата злом — если, конечно, есть смысл страшиться дополнительного зла там, где люди и без того несчастны.

Где-нибудь в Константинополе или в Алжире попытки людей действовать, как бы на основе равенст-

ва, являются собой жалкое зрелище; под равенством они понимают лишь освобождение от правительственных ограничений и возможность отхватить как можно больший куш, который в обычные времена достается хозяевам.

Одним из преимуществ демократии является то, что так как главным основанием для проведения различий являются личные качества людей, людей классифицируют по их способностям и достижениям. И хотя у всех равные права на власть, на деле государством руководят лишь немногие. Большинство же людей, даже притом, что обладают качеством суверенности, лишь притворяются, что испытывают истинные чувства, когда подвергаются национальному гнету или подвергаются опасности со стороны общества; лишь притворяются, что они способны — с той же страстью, что легко разгорается при многолюдных сборищах — продолжать свои занятия или противостоять нападениям, угроза которых нависает над ними.

Даже самое совершенное равноправие не исключает появления высших умов, как и собрания коллективных органов, правящих без руководства со стороны избранных советов. Из-за этого народное правительство может оказаться в руках аристократии, что, однако, недостаточно для придания ему характера аристократического правления. При последнем члены государства разделены, по крайней мере, на два сословия: на тех, кому предопределено командовать, и тех, кому предопределено подчиняться. Никакие достоинства или недостатки не могут поднять (или опустить) человека, переместив его из одного сословия в другое. Единственное, чего может добиться человек благодаря собственному характеру, — это получить признание внутри собственного сословия — но не изменить сословную принадлежность. В одном случае его учат привыкать к собственному превосходству, в другом — смириться с превосходством другого. Он занимает положение либо покровителя, либо зависимого лица, являясь в своей стране либо сувереном, либо подданным. Все граждане могут объединиться для выполнения планов государства, но отнюдь не для обдумывания его мер или осуществления его законов. То, что

при демократии принадлежит всему народу, здесь относится лишь к его части. Возможно, что среди членов высшего сословия существует градация его членов сообразно их способностям, но все они обладают превосходством в отношении низшего сословия. Они являются одновременно и слугами, и хозяевами государства и за гражданские и военные знаки отличия они платят своим личным усердием и своей кровью.

Основной заповедью членов подобного общества уже не является обеспечение для себя и для других граждан полного сословного равенства и одинаковых привилегий. На права людей воздействуют условия их жизни. Один строй провозглашает больше того, чем он готов дать; другой должен быть готов дать то, чего не предполагает давать — так что Монтескье имеет все основания определять принцип таких правлений словом *умеренность*, а не *добродетель*.

Возвышение одного класса есть умеренная дерзость; покорность другого — ограниченное почтение. Первый должен стараться, скрывая неблагоприятные стороны неравенства, сглаживать пороки данного общественного строя и, с помощью собственной образованности, воспитания и культивированных талантов, демонстрировать обоснованность своего сословного возвышения. Другой класс должен быть приучен, в силу уважения и личной привязанности, добровольно уступать то, что невозможно было бы у него отнять. Когда подобная взаимная умеренность в поведении исчезает, конституции приходит конец. Поднявшееся на бунт население может потребовать равноправия, царящего в демократических государствах; или же настроенная на господство знать может либо выбрать из своих рядов, либо принять уже уготованного ей суверена, который благодаря состоянию, популярности или способностям, готов захватить власть для собственной семьи, которая завидовала прежнему правительству и уже вывела данный строй за рамки умеренности, заразив определенных личностей безграничными амбициями.

Соответственно возникавшие монархии носили в себе черты современной аристократии. Поначалу, однако, монарх является первым среди знати; он дол-

жен довольствоваться ограниченной властью; его подданные распадаются на классы; повсюду он сталкивается с притязаниями на привилегии, урезающими его власть; и он находит силу, достаточную для того чтобы ограничить собственное правление известными рамками справедливости и определенными законами.

Однако, при таком правлении любовь к равенству становится бессмысленной и сама умеренность — не обязательной. Цель нахождения в любом ранге — быть первым, и тогда любой строй может в полную силу продемонстрировать собственные преимущества. Сам суверен обязан большей частью собственного авторитета звонким титулам и потрясающему публику пышному выезду. Аналогичным образом доказывают свою значительность и нижестоящие ранги, для чего они в каждом удобном случае козыряют собственным благородным происхождением, или выставляют напоказ признаки своего богатства. А как еще можно показать согражданам, какое положение занимаешь ты в той бесконечной чреде «табели о рангах», что пролегал между общественным статусом суверена и крестьянина? И что еще может создать видимость порядка в огромном государстве, члены которого разделены амбициями и корыстью и обречены создавать сообщество в отсутствие чувства общности интересов?

Монархии обычно образуются там, где государство, с точки зрения численности населения и занимаемой территории, выходит за рамки размеров, совместимых с республиканским правлением. Помимо названных обстоятельств разительное неравенство возникает в сфере распределения собственности. Всепоглощающей страстью становится стремление к первенству. Ни одно сословие не забывает пользоваться своими прерогативами, и сам суверен постоянно стремится расширить собственные привилегии; если же отчаявшиеся подданные начинали молить об увеличении равенства, он охотно шел навстречу их требованиям, тем самым помогая им ослабить те силы, с которыми ему самому порой приходилось соперничать. В результате проведения подобной политики достигается кажущееся устранение неблагоприятных разграничений и поводов сетовать на существующий строй; однако,

равенство, которого достигают подданные этим путем, есть равенство рабов, в равной мере зависящих от воли хозяина, а вовсе не равенство свободных людей, способных содержать самих себя.

Согласно Монтескье, принципом монархии является честь. Люди могут обладать положительными качествами, возвышенностью души и силой духа; но чувство равенства, не терпящее посягательств на личные права даже самых недостойных из граждан; негодование духа, не приемлющего ни покровительства, ни милостей в отношении того, что и так принадлежит по праву; любовь к обществу, зиждущаяся на пренебрежении к личности, не является ни совместимой с интересами сохранения данного устройства, ни благоприятной для жизни представителей любого из сословий.

Всякие условия обладают собственным достоинством и предполагают некие нормы подобающего поведения, обязательные для представителей того или иного сословия. В общении высших с низшими предметом амбиций и тщеславия является внесение улучшений в сословные привилегии; в то же время, в целях соблюдения норм вежливости, хорошее воспитание направлено на то, чтобы скрывать и отвергать эти последние.

Несмотря на то, что объектами рассмотрения являются здесь не столько личные качества, сколько сословное достоинство, несмотря на то, что ни дружеские отношения, ни альянсы не являются здесь следствием душевной склонности, люди, находящиеся внутри этой системы отношений, даже не меняя строя, вполне способны и к моральному возвышению, и к различным степеням развращенности. Они могут выступать в качестве активных членов государства и оставаться дружелюбными в частном общении; или же наоборот — они способны утрачивать собственное гражданское достоинство, хотя приватно выказывают высокомерие и самонадеянность.

В условиях монархии все сословия получают причитающиеся им знаки отличия от коронованных особ; но они продолжают сохранять их за собой в качестве прав и обладают некой вторичной властью в государстве, проистекающей из занимаемого ими сословного

положения и из близости к тем, кем они назначены руководить и кого охранять. Хотя они не стараются пробиться в национальные органы управления и народные ассамблеи, хотя они и не слыхивали о сенате, суверен вынужден считаться с их отношением к происходящему. И каждый человек в меру своих возможностей заботится о своей стране. В той степени, в какой это не унижает достоинства его сословия, он готов послужить обществу; там же, где честь его ущемлена, он выражает неприятие, доходящее до отрицания воли своего князя.

Связанные между собой узами взаимозависимости и обоюдной защиты, но не связанные чувством общности интересов, подданные монархий, как и республиканцы, являются членами активного общества и относятся друг к другу либерально. Но что станет с европейскими нациями, если принципы чести, защищающие индивидов от рабства внутри самих себя или от превращения в орудие угнетения в руках других людей, падут; если они уступят место заповедям торговли или тонкостям философии; если они будут преданы трусостью подданных или раздавлены амбициями князей?

Деспотизм есть развращенная монархия, при которой видимость князя и двора сохранена, но уничтожены все подчиненные сословия; при которой подданному заявлено, что у него нет никаких прав; что он не может ни обладать собственностью, ни занимать положение, не зависящее от сиюминутной воли князя. Эти представления зиждутся на принципе покорения; насаждать их следует плетью и мечом; они лучше всего воспринимаются в ужасе кандалов и тюрем. Таким образом, именно страх делает подданного способным занимать свое место; а суверен, так легко протягивающий другим знамя ужаса, имеет более чем достаточно причин позволить этой страсти занять главное место и в своей жизни. Участь, которую он задумал для прав других людей, вскоре постигла и его права; он обнаружил, что его неистовое желание сохранить и расширить собственную власть обернулось, как и для других людей, чистым воображением и неудовлетворенным капризом.

Если мы можем с такой точностью наметить идеальные границы, дающие очертания правления, то в реальности мы находим его принцип и его форму перемешанными. В каком из обществ причисление человека к тому или иному классу не опирается как на внешние признаки, так и на его личные качества? В каком государстве человеком не движут всевозможные принципы: справедливость, честь, умеренность и страх? Цель науки не скрывать это смешение предметов, а находить в многообразии и сочетании частных основных моменты, заслуживающие нашего внимания и, будучи правильно поняты, спасают нас от замешательства, которое способно вызвать у нас множество единичных случаев. В зависимости от того, руководствоваться какими принципами требуют правительства от людей — добродетелью, честью, либо страхом — они могут в той или иной степени считаться республиканскими, монархическими или деспотическими, что дает возможность приложить общую теорию к их частному случаю.

Фактически, формы правления, благодаря множеству часто неощутимых градаций, способны взаимно сближаться или взаимно отдаляться. Допуская определенное неравенство положения, сближается с аристократией. Внутри как народных, так и аристократических форм правления отдельные люди, в силу собственного личного авторитета, а порой в силу веры в них членов их семей, обретали нечто вроде монаршей власти. Монарх бывает ограничен в различной степени: даже князь-деспот представляет собой не более чем такого монарха, подданные которого потребовали для себя менее всего привилегий, либо такого, кто сам наиболее готов к тому, чтобы подчинить их силой. Все эти разновидности есть лишь ступеньки в истории общества, знак тех мимолетных и преходящих состояний, через которые прошли они, поддерживаемые добродетелью или подавляемые пороком.

Совершенная демократия и деспотизм представляются противоположными крайностями, до которых иногда бывают доведены типы правления. При первой требуется совершенная добродетель; при второй предполагается господство полной развращенности: одна-

ко, с точки зрения формы, помимо случайного и временного обладания властью, в сословиях и различиях людей нет ничего неподвижного, общества с легкостью переходят от такого состояния, при котором каждый индивид обладает равным с другими правом руководить, к такому, при котором всем им в равной мере суждено служить. Одни и те же свойства — мужество, популярность, такт и военное искусство — пробуждают в обоих честолюбивое стремление к превосходству. Обладая этими качествами, и гражданин, и раб легко восходят от рядового к командующему армии, от неясного до прославленного положения. И при демократии, и при деспотии личность получает неограниченный простор для правления; и там, и там, население способно смести все преграды существующего порядка и все ограничения закона.

Если мы предположим, что равенство, установившееся между подданными деспотического государства, воодушевило его членов уверенностью, непоколебимостью и любовью к справедливости, то князь-деспот, перестав быть объектом страха, должен смешаться с толпой. Если же, наоборот, личное равенство членов демократического государства будет расцениваться просто как равные притязания на предметы алчности и честолюбия, монарх может начать все сначала и получить поддержку со стороны тех людей, кто намерены поживиться частью его доходов. Когда алчные люди и торгаши объединяются в партии, не имеет значения, под чьим руководством они объединяются, — будь то Цезарь или Помпей — единственными мотивами, заставляющими их подчиняться тому, либо другому, являются грабеж или власть.

В хаосе развращенных обществ часто происходит переход от демократии к деспотии и обратно. Из недр демократии развращенных людей и сумятицы беззакония на трон восходит тиран, чьи руки обагрены кровью. Но его злоупотребления или слабости в том положении, которого он достиг, в свою очередь, пробуждают и высвобождают дух мятежа и мщения. Призывы к убийствам и разрушениям, которые в обычных условиях военного правления вызывали ужас подданных, прячущихся в своих личных укры-

тиях, проникают сквозь крепостные стены и разрушают решетки и железные двери серала. Кажется, демократия способна выжить в обстановке бешеного беспорядка и смятения: но обе крайности суть лишь приступы пароксизма или слабости в растерянном государстве.

Везде, где люди достигали подобной степени падения, трудно было увидеть надежду на обновление в обозримом будущем. Воцарения справедливости не принесет ни восхождение к власти большинства, ни пришествие тирана: ни разгул смуты, ни затишье покорности и рабства не научат их тому, что они рождены, чтобы быть правдивыми и любить ближних. И если любители спекуляций придут к привычному состоянию войны, которое они иногда почтительно называют *естественным состоянием*, то они найдут его в том состязании, которое, не прекращаясь, идет между князем-деспотом и его подданными, а не в первом приближении простого первобытного племени к статусу и образу жизни нации.

Часть вторая

Об истории
первобытных (rude) народов

Раздел I

О СВЕДЕНИЯХ НА ЭТУ ТЕМУ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ АНТИЧНОСТИ

История человечества охватывает ограниченный отрезок времени, и отовсюду доносит до нас свидетельства того, что она имела свое начало. Народы, различающиеся между собой предметами искусства и благами, которыми их наделило то или иное политическое устройство, произошли от ничтожного прототипа. И до сих пор их история хранит вехи того медленного и постепенного прогресса, в ходе которого они приобрели упомянутые различия. Древности каждого народа, при всем их разнообразии и лицемерности, содержат одинаковые сведения о данном вопросе.

В священной истории мы имеем дело с прародителями человечества — одной единственной парой, посланной дабы получить в наследство землю и начать обеспечивать себе пропитание среди шипов и терний, в изобилии усеявших лицо земли. Род их, опять же представленный как малочисленный, должен был бороться с опасностями, подстерегающими всякий слабый нарождающийся род; по прошествии многих веков большинство уважаемых народов продолжает вести свое происхождение от одной или нескольких из тех семей, что пасли свои стада в пустыне.

Греки ведут свое происхождение от кочевых племен, частые миграции коих говорят о примитивном и первобытном состоянии их обществ. Их военные подвиги, столь прославленные в истории, свидетельствуют лишь о борьбе за обладание этой страной, которая впоследствии, благодаря таланту к баснословным выдумкам, художественной одаренности, и политическим способностям, заняла выдающееся место в истории человечества.

Должно быть, Италия была разделена на ряд примитивных и слабых племен, когда на берегах Тибра надежно обосновались те, кого мы привыкли рассматривать как шайку грабителей; тогда народ, все еще состоявший из особей одного пола, преобразовался в нацию. В течение многих веков жители Рима, в каком бы направлении не выглядывали они за пределы крепостных стен города, видели лишь вражеские территории; в те времена факторы, способные остановить или замедлить рост нарождавшегося могущества Рима, были столь же незначительны, сколь незначительны оказались и впоследствии силы противодействия разрастающейся римской империи. Подобно татарской или скифской орде, перешедшей от кочевой жизни к оседлой, нарождающееся общество было не лучше и не хуже любого из окружающих их племен. Так дуб, распростерший ветви свои над целым полем, некогда был слабым ростком и не выделялся из окружающих его сорняков, служивших помехой его росту.

Схожие условия сопровождали, по нашим данным, становление галлов и германцев; а население Британии во времена первых вторжений римлян во многих отношениях напоминало нынешних аборигенов Северной Америки: они не знали земледелия; они разрисовывали собственные тела и носили одежду из шкур диких животных.

Таким представляется начальная стадия истории всех наций, и искать изначальную природу человека нам предстоит именно в этом контексте. Данное исследование касается отдаленного во времени периода, и здесь каждый сделанный вывод должен опираться на доступные нам факты. Между тем, наш метод слишком часто делает основой целого домыслы, приписывает все преимущества нашего естества тем уменьям, которые свойственны нам самим, и воображает, будто удовлетворительного описания прачеловека можно достичь простым вычитанием всех наших нынешних достоинств. Сами мы выступаем при этом в качестве образчиков вежливости и цивилизованности; а там, где невозможно отметить никаких из наших собственных черт, там, мы полагаем, нет ничего достойного изучения. Но, возможно, и здесь, и во многих других слу-

чаях мы совершаем ошибку, когда, опираясь на эти предполагаемые знания, берем на себя смелость прогнозировать последствия или определять, каковы должны были быть некие свойства и поступки — те, что хотя и присущи нашей же природе, но проявлялись в отсутствие тех обстоятельств, в которых мы сами с ними сталкивались. Кто бы смог, с помощью одних лишь умозаключений, предположить, что из этого обнаженного дикаря получится фат и игрок? Что он будет самодовольным и тщеславным, без различий титула и состояния? И что главной его заботой станут наряды и поиски развлечений? Даже если возможно предположить, что прачеловек разделяет с нами все наши пороки и что, живя в глуши лесов, он соперничал с нами в тех же причудах, которыми мы тешимся в городах — вместе с тем, никто не дерзнет утверждать, что он мог в чем бы то ни было превосходить нас по степени таланта и добродетели; что он обладал той силой воображения и красноречием, тем душевным пылом, той любовью и мужеством, которых смогли достичь немногие из наций благодаря развитию своих искусств, дисциплины и политики. Между тем, все эти частности входят в то описание, которое дали нам свидетели первобытного состояния человечества: за пределами же их свидетельств лежит область, относительно которой мы не можем ни добыть, ни предложить достоверных сведений.

Если предположения и мнения о давнопрошедшей истории человечества, не имеют достаточного авторитета, то в силу тех же причин следует с осторожностью подходить к собственным свидетельствам древности любого народа. Последние по большей части представляют собой досужие домыслы, рассказы позднейших времен; и даже там, где они имеют некое сходство с правдой, они имеют расхождения, вследствие работы воображения того или иного рассказчика, к тому же каждое новое поколение изменяет их форму. Они несут на себе печать веков, через которые прошли, по традиции передаваемые из поколения в поколение, а не печать того времени, о котором собственно и идет повествование. Их сообщения — это не свет, отражающийся в зеркале и копирующий для нас тот предмет,

от которого он изначально исходил; скорее, они подобны преломленным и рассеянным лучам, какие отражаются от матовой и шершавой поверхности и доставляют нам лишь отдельные цвета и черты того тела, отражением которого они являются.

В народном пересказе традиционные мифы несут на себе черты национального характера; и хотя зачастую последний привносит в них некоторые нелепости, он часто возбуждает воображение и трогает сердце: превращенные в поэтические произведения, украшенные искусством и красноречием вдохновенного и высокого духа, они способны многое дать и уму и чувствам. И лишь попав в руки знатоков античности или будучи лишены прикрас, не терпящими ничего лишнего, законами истории, они становятся непригодными ни для игры воображения, ни для какой бы то ни было цели.

Нелепым было бы цитировать *Илиаду* либо *Одиссею*, легенды о Геркулесе,¹ Тесее² или Эдипе³ как фактические свидетельства истории человечества; вместе с тем, их можно с полным правом приводить для подтверждения того, каковы были представления и чувственные восприятия времен их написания, или представлять их как доказательства гениальности того народа, чьим воображением они были составлены, поколениями которого они с любовью сохранялись и повторялись.

Подобным образом художественные произведения могут служить доказательствами гениальности наций, в то время как история не в силах предложить нам ничего, достойного доверия. Греческие легенды, дающие представление об их авторах, проливают свет на эпоху, о которой у нас нет никаких иных сведений. Нигде так явно не сказывается превосходство этого народа, как в их напряженных повествованиях, в рассказах тех

¹ Он же Геракл. Любимый мифический герой Эллады. — *Ред.*

² Тесей — мифический герой, победитель человека-быка — Минотавра, царь Афин. — *Ред.*

³ Эдип (*опухшая нога* — лат.) — популярнейший герой мифов, получивший многочисленные воплощения в литературе и науке (например, «Эдипов комплекс» Фрейда и др.). — *Ред.*

легендарных героев, поэтов и мудрецов, чьи сказания, будучи вымышлены или приукрашены с помощью воображения, уже захваченного тем предметом, из-за которого воспевался данный герой, способствовали пробуждению того страстного воодушевления, с которым впоследствии этот народ шел к достижению своих национальных целей.

Несомненно, огромное преимущество этих народов состояло в том, что они обладали оригинальной мифологией, которая, будучи заключена в самих истоках народных традиций, служила распространению тех достижений разума, воображения и чувств, которые впоследствии использовались наиболее талантливыми из них для дальнейшего совершенствования этих мифов или нашли отражение в морали той или иной легенды. Страсти поэта проникали в души людей, и эта передача гениальных идей широким массам благотворно повлияла на национальный дух.

Более ограничена в своем воздействии заимствованная мифология и литература, написанная на материале чужой страны и наполненная ссылками на чуждые реалии: то и другое имеет значение лишь для образованного сословия; и хотя цель этих произведений — обогатить ум и успокоить сердце, на деле, будучи доступны немногим, эти произведения способны оказать противоположное воздействие: на обломках здравого смысла они способны породить тщеславие и превратить то, что невинно воспевал сидящий на веслах афинский моряк или повторял идущий за стадом пастух, в рассадник порока, оплот педантизма и схоластического самодовольства.

Возможно, сама наша ученость, там, где влияние ее идет вширь, в определенной мере служит угнетению собственного национального духа. Так как наша литература явилась производной от литературы другого народа (расцвет которой пришелся на период варварства наших предков, кои, понятно, являлись объектом презрения у народов, приобщившихся к искусству литературы), это породило самоуничижительное отношение к самим себе как к потомкам низшей, презренной нации, на которую не оказали никакого воздействия человеческое воображение и высокие чувства — до тех

пор пока не гений не был некоторым образом вдохновлен образцами, и не был направлен уроками из-за рубежа. Римляне, по стопам которых мы главным образом следуем, признавали в самой грубости собственных предков систему добродетелей, присущих всем примитивным народам: презрение к богатству, любовь к родине, способность терпеливо сносить тяготы, опасности и усталость. Тем не менее, наших предков они поносили за то, что они, пожалуй, лишь походили на их предков — по крайней мере, в неразвитости ремесел и в пренебрежении к удобствам, достигаемым посредством этих ремесел.

Однако, именно у греческих и римских историков находим мы не только наиболее подлинные и содержательные, но и наиболее увлекательные описания тех племен, от которых мы исходим. Их утонченные и знающие писатели понимали человеческую природу и в каждой ситуации способны представить ее черты и отобразить характеры. Ранние историки современной Европы не сумели перенять у них данной способности; получив, как правило, монашеское образование и ведя уединенную жизнь в монастыре, они отдавались описанию того, что сами сочли достойным упоминания; и хотя они сожалели о том, что эпоха гениальных творений отошла в прошлое, они не могли никоим образом воспроизвести эту активность человеческого духа — ни с точки зрения избираемых предметов, ни с точки зрения стиля. Целью их изложения было представить историю, не донося какого-либо знания о людях; истории позволялось развешиваться во всей полноте; хотя среди этого перечисления, в порядке хронологии, событий и династий властителей, мы тщетно бы пытались отыскать те характеристики, которые могли исходить лишь от понимающего сердца, единственно способного сделать любой рассказ о людях увлекательным и полезным.

Поэтому мы охотно оставляем историю наших ранних предшественников на той стадии, на которой ее оставили Цезарь и Тацит; и, пожалуй, до тех пор пока мы не достигнем того, что связано с современностью, того, что составляет часть нынешней системы, вряд ли есть смысл ожидать от истории чего-либо интересного

или поучительного. Однако, у нас нет оснований заключать из этого, что история современной Европы менее содержательна или ее свершения менее интересны, чем на любой другой стадии, отмеченной человеческими движениями души, стремлением к великодушию, величием и мужеством.

Попыток разузнать, что же заключали в себе эти века, толком так и не было предпринято; подобная попытка должна была бы заставить людей талантливых, обладающих незаурядными способностями, людей, стоящих на уровне достижений своего просвещенного и цивилизованного века, собрать воедино найденные ими материалы и максимально удачно соединить историю, не знающую письменности, с последующими событиями. Но даже для них, пользующихся понятиями современного общества, трудно составить себе верное представление о том, каким было человечество в столь различных ситуациях и в столь удаленные времена.

Почерпнув у подобного рода историков то, что есть поучительного в их работах, мы часто не обращаем внимания на употребляемые ими общие понятия и стремимся из упоминаемых мимоходом ничтожных обстоятельств составить представление о свойственной той эпохе манере поведения. С фамилиями Тарквиниев Коллатинов¹, и Цинциннатов² ассоциируются титулы *царственный* и *благородный*; но Лукреция вместе со своими служанками занималась домашним хозяйством, а Цинциннат ходил за плугом. Титулы и даже должности современного гражданского общества были известны в Европе много веков назад — и под тем же названием. Но в истории Англии мы читаем, что когда король и его двор почтили своим присутствием некое празднество, то туда же пришел и разбойник, зарабатывавший себе на жизнь грабежом и решивший тоже

¹ Тарквиний Коллатин (Колляция — сабинский город к востоку от Рима) — представитель аристократического рода из этрусского города Тарквинии, консул в Риме в 509 г. до Р.Х., супруг Лукреции. — *Ред.*

² Цинциннат Л. Квинкий, римский полководец, консул в 460 г. до Р.Х. — *Ред.*

поучаствовать в празднестве. Сам король поднялся для того чтобы выставить нежеланного гостя, между ними состоялась потасовка, в результате которой король был убит¹. Полы дома канцлера и премьер-министра, чье величие и роскошная обстановка вызывали восхищение и зависть окружающих, зимой ежедневно устилались чистой соломой и сеном, а летом — зеленым тростником и ветвями. Даже сам суверен в ту эпоху снабжался фуражом для своей постели². Эти колоритные подробности и характерные черты времени освобождают воображение от предполагаемых различий между монархом и подданными и возвращают нас в то состояние грубой фамильярности, в котором жили и действовали наши предки, имея свой особый взгляд на вещи и на принципы поведения — взгляд, понимания которого мы редко достигаем, если наша задача ограничивается фиксацией их деловых операций или изучением их характеров.

Фукидид³, афинский историк, несмотря на присущие его стране предрассудки в отношении слова *варвар*, понимал, что именно через изучение обычаев варварских наций можно узнать о том, какова была жизнь в Греции в прошедшие времена.

Образ своих предков римляне могли бы обнаружить в тех описаниях, которые они давали нашим предкам: и если когда-либо арабский клан превратится в цивилизованную нацию, если какому-то американскому племени удастся спастись от того яда, которым травят его наши европейские торговцы, то, может быть, из наших нынешних времен и из описаний современных путешественников эти люди смогут, в последующие эпохи, лучше всего узнать о своем происхождении. А их нынешнее состояние позволяет нам, как в зеркале, увидеть черты собственных прародителей; а из этого нам следует сделать выводы относи-

¹ *Hume's History, ch. 8, p. 278.* [Юм Д. (1711—1776). История Англии. 8 томов. 1754, 1757, 1759—1778 гг. — *Ред.*]

² *Ibid.* P. 73.

³ Фукидид (460—396 до Р. Х.). В первой книге «Истории» собрал ценный этнографический, социально-исторический материал о раннем периоде истории древней Греции. — *Ред.*

тельно воздействия ситуаций, в которых, как мы имели основания верить, находились наши отцы.

Что должно отличать германца или бритта, с точки зрения навыков его души и тела, с точки зрения его манер и идей, от американца, вынужденного, как и они, с луком и дротиком, пробираться сквозь лесную чащобу, добывая себе пропитание охотой в таком же суровом или переменном климате?

Если в зрелом возрасте нам понадобится составить правильное представление о том, как развивались мы с колыбели, нам придется для этого зайти в детскую и, глядя на тех, кто еще находится в том возрасте, который мы собираемся описать, скопировать с них картину, припомнить которую мы все равно не в состоянии.

Раздел II

О ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДАХ В ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ПОЯВЛЕНИЮ СОБСТВЕННОСТИ

От одной до другой оконечности Америки, от Камчатки на Запад до реки Обь, от Северного моря, через всю эту страну до границ с Китаем, Индией и Персией, от Каспия до Красного моря (за малым исключением) и оттуда внутри континента, вплоть до западных берегов Африки, — всюду находим мы народы, причисляемые к варварам или дикарям. Столь обширная часть земли, заключающая такое огромное разнообразие ландшафтов, климатических зон и почв, должно было отразиться на поведении обитателей этих регионов и продемонстрировать все те различия, которые обусловлены неодинаковым солнечным облучением вкупе с различиями в питании и образе жизни. Однако, любой вопрос на эту тему будет преждевременен, пока мы не предпримем попытку создания некоей общей концепции нашего рода в его примитивном состоянии и не научимся отличать невежество от тупости, неумение от бесталанности.

Из народов, обитающих в этих или в других, менее освоенных, частях мира, некоторые добывают свое пропитание в основном охотой, рыболовством и собирательством. У них не развит интерес к собственности и практически не существует системы подчинения или управления. Другие, обладающие стадами и нуждающиеся в пастбищах для их прокорма, знают разницу между богатством и бедностью. Им известны отношения господина и зависимого лица, хозяина и слуги и причисляются к тому или иному классу согласно их имущественному положению. Это различие должно порождать материальные различия в характере и обусловить появление двух различных понятий для рассмотрения истории человечества в ее примитивном со-

стоянии. Речь идет о понятиях *дикарь* — человек, не знающий собственности, и *варвар* — человек, для которого собственность является главным объектом забот и желаний, хотя она еще не подкреплена законами.

То, что собственность — явление прогрессивное, должно быть совершенно очевидно. Помимо прочих частных, являющихся приметой времени, она порождает необходимость определения самого понятия обладания чем-либо. Само по себе стремление к собственности вытекает из опыта; а трудолюбие, посредством которого она обретается или преумножается, требует, чтобы навык осуществления отдаленных целей мог возобладать над сиюминутным предрасположением к праздности или развлечением. Данный навык приобретает постепенно и в действительности являет собой главное отличие наций, находящихся в стадии развитых ремесел и коммерции.

В племени, добывающем пропитание охотой и рыболовством, единственными видами индивидуальной собственности являются оружие, приспособления и меха — все, что он имеет при себе. Будущая еда еще скрывается в лесу или плавает в озере; она не может стать собственностью до того, как будет поймана; и даже будучи поймана, она является добычей коллектива, совместно охотящегося или ловящего рыбу, принадлежит сообществу и либо сразу же потребляется, либо откладывается на хранение в качестве общественных припасов.

Там, где охота дополняется у дикарей определенными видами земледелия (что имеет место в большинстве частей Америки), они все еще распространяют на земледелие и его плоды те же отношения, что и в главном своем виде деятельности. Подобно мужчинам-охотникам, женщины также трудятся вместе и, с окончанием посевной, они также вместе занимаются уборкой урожая. Засеянное им поле, так же, как и его охотничья территория, объявляются собственностью данного народа, но ни то, ни другое не подразделяется на отдельные парцеллы для раздачи отдельным членам. Урожай закладывается в общественный амбар, откуда впоследствии частями выдается отдельным се-

мьям¹. Даже выручка от продажи излишков своего продукта чужакам поступает в общую казну².

Если меха и лук находятся в индивидуальной собственности, то хижина и домашняя утварь принадлежит семье; а так как работу по дому выполняют женщины, то данная утварь, кажется, считается их принадлежностью. Мужчины до женитьбы живут в родной хижине, но соединившись с противоположным полом, они меняют место обитания и становятся приобретением семьи, к которой принадлежит их жены. Охотник и воин причисляется матроной к ее ценностям; их держат про запас, на случай опасных и чрезвычайных ситуаций. В перерывах между собраниями племени, в периоды бездействия между войнами или между охотами они находились на попечении женщин и пребывали в праздности или увеселениях³.

В то время как один из полов постоянно и превыше всего ценит в себе мужество, политические таланты и военные достижения, то собственность и качества, дарованные другому полу, на деле свидетельствуют о его подчиненном положении, а вовсе не о том, что этот пол, как утверждают некоторые авторы, получил власть⁴. В ведении этого пола находятся заботы и хлопоты, связанные с той сферой, до которой воин просто не снисходит. Речь идет о непрерывном труде и служении, которыми невозможно снискать себе почестей; и те, кому выпадает подобная участь, на деле являются рабами, илотами своей страны. Если при таком предназначении полов, когда мужчины с презрением относятся к низким торгашеским занятиям,

¹ *History of the Caribbees*. — История карибов.

² *Charlevoix*. В издании 1814 г. здесь следует дополнение: «Это описание первобытных народов не слишком часто основывается на свидетельствах тех или иных цитируемых авторов в том, что касается аборигенов Северной Америки: его главный источник — рассказы живых свидетелей, имевших достаточно случаев наблюдать обычаи этих людей в ходе своей торговой, военной или переговорной деятельности. Поэтому тем, кому не довелось общаться с живыми свидетелями, необходимо делать ссылки на соответствующие издания». — *Ред.*

³ *Lafitau*.

⁴ *Ibid.*

жестокое введение рабства оказывается отсроченным на несколько веков; если в этом нежном, но неравноправном союзе сердечные привязанности не позволяют допускать жестокостей, применяемых к рабам, тогда сам обычай, как и во многих других случаях, заключает в себе основание предпочесть данное изначальное природное устройство многим ее позднейшим усовершенствованиям.

Если человечество продолжает подходить к вопросу собственности с вышепредставленных позиций, нам следует признать достойными доверия позднейшие свидетельства путешественников о том, что примитивные народы не знают различий рангов и положений; что фактически у них нет иного различия степеней подчинения, кроме того, что основан на разграничении функций, соответствующем различиям в возрасте, одаренности и характере. Личные качества дают власть в обстоятельствах, обуславливающих потребность в них; в ситуации же отдыха от дел, от связанных с ними власти и прерогатив, не остается и следа. Воин, руководивший молодежью рода в сокрушении врагов или возглавлявший охоту, по завершении своих обязанностей становится равным среди равных; там, где все его дела сводятся к тому, чтобы спать или есть, он не может рассчитывать на привилегированное положение; ибо спит он и ест не лучше остальных.

Там, где господствующее положение само по себе не несет никаких преимуществ, нет ни тех, кто заинтересован в увековечении собственного руководящего положения, ни тех, кто хотел бы положить конец собственному подчиненному состоянию: «Я люблю побеждать, я люблю свершать великие дела, — говорит Монтескье устами Суллы¹, — но ни апатичное углубление в мелочи мирного правительства, ни связанная с высоким положением показная пышность не доставляют мне удовольствия». В сказанном им было выражено чувство, являвшееся, пожалуй, преобладающим в примитивном обществе — с той лишь разницей, что вместо презрения наши предки ощущали вытекающее

¹ Сулла Луций Корнелий (138—78 до Р.Х.). — *Ред.*

из недостатка мотивации отсутствие интереса и неспособность испытывать подъем чувств там, где не было проявлено никаких достоинств.

Однако, свойства души в описанном состоянии диктуются не только незнанием. Люди обладают сознанием равенства с другими и крепко держатся за свои права. Даже следуя за вождем на поле брани, они не могут мириться с формальным подчинением: они не слушают команд и не вступают в схватку, если их не связывает взаимная преданность и они не одержимы одинаковым рвением принять участие в деле...¹

Допускаю, что данное описание не в равной мере относится к различным нациям, институт собственной у которых достигал различных стадий развития. Так у карибов и других народов, проживающих в наиболее жарких климатических зонах Америки, титул вождя является наследственным, либо выборным и присваивается на всю жизнь: неравенство в распределении собственности порождает² заметное подчинение. Но среди ирокезов и других племен зоны умеренного климата, ранги *повелитель* и *подданный*, *знать* и *чернь* так же мало известны, как *богач* и *бедняк*. Не обладающие никакой принудительной властью, старики пользуются естественным авторитетом, выступая в качестве советников и участвуя в принятии общих решений племени; военный вождь выделяется среди других особым мужеством и доблестью; государственный муж выделяется лишь тем вниманием, с которым прислушиваются к его советам; воин — той верой, с которой идет за ним в бой молодежь, — и если все эти мотивы можно в совокупности рассматривать как разновидность политической власти, то для нее ни в одном языке не придумано названия. Власть здесь есть не что иное как естественное господство духа, исполнение должностных обязанностей — естественное проявление личностных черт данного характера; и если в сообще-

¹ Charlevoix.

² *Isthmus of Darien в пересказе Wafer*. — Перешеек Дарье. [Уейфер Лионель (1660?—1705). Судовой врач. Пират. Долгое время жил среди индейцев панамского перешейка. Автор «Нового путешествия» (1699). — *Ред.*]

стве царит видимый порядок, то достижение его не связывается ни у кого из членов этого сообщества с чувством неравенства¹.

Можно сказать, что в этом счастливом, хотя и неформальном укладе, при котором только возраст давал право на место в совете племени; при котором ранг вождя достигался лишь молодостью и доблестью в сраженьях; при котором в чрезвычайных ситуациях происходили собрания всего племени — в этом укладе мы находим первоисточки сената, исполнительных властей и народной ассамблеи — институтов, слава изобретения которых приписывается античным законодателям. У греков и римлян сенат, согласно этимологии этого слова², изначально состоял из старейшин. Римский военачальник в манере, аналогичной манере американского воина, объявлял призыв — и граждане начинали готовиться к сражениям на основе добровольной повинности. Голос естества, управлявший политикой народов в дебрях Америки, господствовал ранее и на берегах Тигра и Евфрата; и Ликург с Ромулом нашли прообраз своих институтов там же, где и члены всех первобытных народов обрели самые ранние формы объединения своих талантов и сил.

У североамериканских народов каждый индивид независим; но своими привязанностями и привычками он вовлечен в заботу о семье. Семьи, подобные множеству отдельных племен, не подлежат какой-либо проверке или управлению извне; что бы ни происходило в семье — будь это даже кровопролитие и убийство — является внутренним делом семьи. Между тем, они являются составными частями кантона (округа); женщины собираются для совместного сбора кукурузы; старики ходят в совет; охотник и воин объединяются на поле сражения с молодежью своей деревни. Множество таких округов собираются для учреждения народного собрания или для осуществления всенародного предприятия. Когда европейцы организовали

¹ *Colden's History of the Five Nations.* — История пяти народов Колдена. [Колден Кадувальдер (1688—1776) — американский врач, историк. — *Ред.*]

² *Senex* — старец (лат.). — *Ред.*

первые свои поселения в Америке, шесть таких народностей образовало лигу, учредили свои амфиктионии¹ или общее государство и, благодаря надежности своего союза, возможностям своих советов, распространили свою власть над территорией от устья реки Св. Лаврентия до устья Миссисипи². Кажется, они понимали цели конфедерации, равно как и цели отдельно взятого народа; они изучали баланс власти, государственные мужи одной страны следили за замыслами и делами деятелей другой страны, иногда заставляя свое племя действовать в качестве противовеса чужим планам. Они вступали в альянсы и заключали договора, которые они, как и европейские нации, могли, руководствуясь государственными соображениями, либо соблюдать, либо нарушать. Они хранили мир по необходимости или из соображений целесообразности и вступали в войну при любой провокации или из зависти.

Таким образом, не имея какой-либо установившейся формы правления или союзных связей, руководствуясь скорее голосом инстинкта, нежели изобретательностью разума, они вели себя с подобающими народам согласием и силой. Иностранцы, которым не удалось узнать, кто здесь владыка и как образован сенат, всегда находили консультативный совет, с которым они могли вести переговоры, или войско, с которым можно было сражаться. Безо всякой полиции или принудительных законов в их обществе обеспечивался порядок, а отсутствие дурных намерений есть лучшая гарантия безопасности, чем любые общественные институты по борьбе с преступлениями.

Однако, иногда беспорядки все же имели место, особенно во времена разврата, когда неумеренное потребление алкогольных напитков, к которым они выработали сильное пристрастие, лишало их обычной осторожности и разжигало в них неистовые страсти, толкая их к ссорам и кровопролитию. Когда происходило убийство, убийцу редко тут же призывали к ответу: но

¹ Амфиктиония — союз племен, образованный для защиты святилища общего божества. — *Ред.*

² *Lafitau, Charlevoix, Colden, & ctr.*

ему предстояла ссора с семьей и друзьями, а если он был иностранцем — с земляками убитого; а иногда даже вступал в конфликт с собственным народом у себя дома, если причиненный вред вызывал смятение в обществе. Народ, округ или семья пытались с помощью подарков искупить оскорбление, нанесенное кем-либо из ее членов, и, примиряя пострадавшие стороны, стремились предотвратить то, что взволновало бы сообщество больше первого происшествия, а именно, реакция на него в виде мести и вражды¹. Между тем, кровопролитие, если совершивший его человек не скрывался, редко оставалось безнаказанным: друг погибшего знал, как затаить свою ненависть; и даже по прошествии многих лет наверняка находил возможность расквитаться за нанесенный его клану урон.

Все это делало членов данных обществ осторожными и предусмотрительными, заставляло сдерживать собственные страсти и обычно выражать их с флегматичностью и самообладанием, превосходящим самоконтроль представителей цивилизованных наций.

Приводимый здесь автор замечает, что народы, среди которых он путешествовал по Северной Америке, никогда не связывали великодушные и добрые поступки с понятием долга. Они действовали под воздействием искренних чувств (так действуют, когда ощущают аппетит), не думая о том, каковы будут последствия. Сделав добро, они тем самым удовлетворяли собственную потребность; дело было сделано и предавалось забвению. Когда кто-то другой делал им что-либо хорошее, это могло стать поводом к дружбе — но необязательно: если же дружбы не возникало, один не чувствовал обязанности выражать благодарность (как если бы следовало вернуть долг), а другой не упрекал за ее отсутствие. Настроение, с которым они дарили или принимали подарки, совпадало с реакцией, отмеченной Тацитом у германцев: они с восторгом принимали их, но не чувствовали, что это их к чему-либо обязывало². Подобные подарки не имели особого зна-

¹ *Lafitau.*

² *Muneribus gaudent, sed nec data imputant, nec acceptis obligantur.*

чения, за исключением тех случаев, когда ими скреплялась сделка или договор.

Их любимой поговоркой было: ни один человек от природы ничего не должен другому и поэтому он не обязан сносить обман или отношение к себе не как к равному¹. Так, с помощью этого, на первый взгляд, мрачного и негостеприимного принципа они вскрывают основы справедливости и соблюдают ее заповеди с той неуклонностью и благожелательностью, усовершенствовать которую не удалось никакой цивилизации. Та свобода, которая царит у них в сфере предполагаемых обязанностей изъятия доброты и друженности, помогает однажды вспыхнувшему чувству развиться в полную силу. Мы любим быть свободными в выборе своего объекта, и сама доброта представляется нам некой задачей, когда обязанность друженности навязывается правилами. Поэтому, требуя внимания, мы тем самым не улучшаем, а развращаем систему морали; силой вырывая из человека благодарность, часто предлагая вменить ее в обязанность, мы лишь показываем, что мы заблуждаемся относительно ее природы; мы приводим лишь симптомы возрастающей чувствительности к той корысти, которой мы измеряем целесообразность дружбы и самой щедрости и с помощью которой мы придаем динамизм этой торговле добрыми чувствами. Вследствие этого мы часто бываем обязаны отклонять чью-то любезность с теми же чувствами, с которыми мы отвергаем предложение, порабощающее нас, или отклоняем предлагаемую взятку. Невоспитанный же дикарь охотно приемлет всякую любезность и не раздумывая берет любой подарок.

Любовь к равенству и любовь к справедливости изначально являлись одним и тем же. И хотя с появлением различных обществ члены их получали неравные привилегии, хотя сама справедливость требует, чтобы к таким привилегиям относились с должным вниманием, те, кто забывает, что изначально люди были равны, легко вырождаются в рабов; если же

¹ *Charlevoix.*

такие люди оказываются в роли хозяев, им нельзя доверять распоряжение правами ближних. Этот счастливый принцип привносит чувство независимости, делает нас равнодушными к тем благам, которые зависят от других людей, удерживает нас от причинения вреда и оставляет сердце открытым для великодушия и доброты. Невоспитанному американцу он придает ту доброжелательность, то внимание к благосостоянию других, которое в определенной степени смягчает надменность его манер и, в периоды мира и доверия, без помощи правительства или закона обеспечивает безопасность пребывания иностранцев и их занятий коммерцией.

Основу доброго имени индивида составляют в этом народе выдающиеся способности и большая сила духа, а не такие знаки отличия, как экипаж и состояние: ценятся те таланты, применение которых диктуется их нынешней ситуацией, — доскональное знание страны и стратегий ведения войны. Проверку именно этих качеств проходит вождь карибов. Когда возникла необходимость выбрать нового вождя, сквозь леса, к границе с вражеской страной был послан разведчик, а после его возвращения кандидату предложили найти путь, которым тот шел. Ему был указан некий находящийся на границе ручей или родник и было поручено найти кратчайший путь к определенному месту и за столбить его палочкой¹. Аналогичным образом, на огромном пространстве девственного леса могут они разыскать дикого зверя или след человеческой ноги и пробраться сквозь дебри необитаемого континента, используя при этом мельчайшие наблюдения, которые ускользнут от внимания путешественника, привыкшего к иным ориентирам. Они плавают в легких каноэ по бурным морям с ловкостью опытных лоцманов². Они наблюдательны и проницательны, способны угадывать мысли и намерения людей, с которыми имеют дело; а когда хотят обмануть, то маскируют свой обман с такой изощренностью, что даже самому искушенному

¹ *Lafitau.*

² *Charlevoix.*

человеку трудно бывает не поддаться на этот обман. На своих общих собраниях они выступают с речами, полными нервного возбуждения и красноречия, а при заключении договоров выказывают совершенное понимание собственных племенных интересов.

Таким образом, искусно и с полным вниманием к подробностям ведя собственные дела, показывая, что способны постоять за себя в каждом отдельном случае, они, между тем, не изучают наук и не вдаются в общие принципы. Кажется, они даже не способны видеть отдаленных последствий чего-либо, что выходит за рамки их охотничьего или военного опыта. Они довольствуются дарами всех времен года: летом едят плоды земли, зимой преследуют свою добычу по снежным пустыням и лесам. Они не составляют для себя заповедей, способных оградить их от ошибок в будущем; им не свойственны те угрызения, которые в промежутках между приступами страсти мучают нас стыдом, состраданием, раскаянием, или влияют на аппетит. Они редко раскаиваются в содеянном насилии и не привлекают друг друга к ответу за то, что совершили в приступе страсти или в угаре разгула.

Ее предрассудки имеют пресмыкающийся и униженный характер: и если бы они имели место только среди примитивных народов, мы не могли бы в полной мере оценить плоды воспитанности; но мало кто из народов имеет право судить в этом вопросе своих соседей. Рассмотрев предрассудки одного народа, трудно найти в них много отличий от предрассудков другого народа. Они суть повторение все тех же слабостей и нелепостей, имеющих общий источник — растерянное предчувствие наличия неких невидимых сил, стоящих за всеми опасными и не поддающимися предвидению событиями.

Во всем, что касается известных и повторяющихся ситуаций, разум доверяет себе; но в ситуациях странных и необычных он становится жертвой собственного смятения и, вместо того чтобы довериться собственным рассудительности и мужеств, отдается во власть откровения и всевозможных наблюдений, почитаемых за их иррациональность. Проистекая из сомнений и тревог, суеверия питаются невежественностью и таин-

ственностью. Между тем, заповеди их не всегда ограничиваются повседневной жизнью, а их слабости и глупости не всегда являются преградой к использованию людьми таких качеств, как внимательность, пронырливость и мужество, помогающих им в управлении общими делами. Для того чтобы убедиться в том, что проявляемая при этом детская наивность вполне может сочетаться с величайшими военно-политическими талантами, достаточно вспомнить о том, что римлянин пытался заглянуть в будущее, наблюдая за клюющими зерно птицами, царь Спарты с этой же целью изучал пересечение следов диких животных, а Митридат¹ просил женщин истолковать его сны.

Вера в приметы не ограничивается какими-то определенными временами и народами. Даже в среде образованных греков и римлян мало кому удавалось освободиться от этой слабости. Даже высочайший расцвет цивилизации не помог им в этом отношении. Суеверие отступало только перед светом истинной религии или перед естествознанием, с помощью которого на место фантомов, ужасающих и развлекающих невежд, становится основанное на знании физических причин мудрое предвидение.

У первобытных племен Америки, как и у всякого не слишком развращенного народа, основным почитанием пользуется сила духа. Однако, то, как они поддерживают эту почитаемую способность, очень отличается от того, что принято в странах Европы. Войну у них принято вести из засады; при этом, перехватив врага, они стремятся убить максимальное число человек и захватить как можно больше пленников с минимальным риском для себя самих. Подвергать себя опасности при нападении на врага считается глупостью, и если победа стоила потерь им самим, они не празднуют ее. В отличие от Европы, здесь не ценится схватка с врагом на равных условиях. Они даже похваляются тем, что подкрались, как лисы или летели, как

¹ Митридат (перс. Дар Митры). Представители рода Аршакидов и династии гос-ва Понт. Самый знаменитый Митридат VI Евпатор (132—63 до Р.Х.) вел 3 войны с Римом. — *Ред.*

птицы — как и тем, что убивали, как львы¹. В Европе пасть в бою считается честью, у аборигенов Америки это — позор². Собственную силу духа они подвергают испытанию в ситуации, когда их самих застают врасплох или когда они попадают в руки врага; и тогда им приходится защищать собственную честь и честь своего народа, снося пытки, для чего требуется не столько доблесть, сколько терпение.

В подобных случаях они вовсе не пытаются уйти от конфликта. Избегать его, даже посредством сознательного выбора смерти, считается позором; а высшим оскорблением для пленника является отказать ему в звании мужчины, что выражается в способе казни: «уберите свои клинки, — говорит старик в разгар пытки, — и лучше дайте мне сгореть в огне, чтобы эти собаки, ваши заморские союзники, узнали, как сносят страдания настоящие мужчины»³. Этими словами, полными вызова, жертва обычно разжигает чувство враждебности как у своих истязателей, так и у себя самого; и хотя мы страдаем по вине человеческой природы, все же нельзя не восхищаться ее силой.

У народов, где подобное практиковалось, как правило, существовало стремление возместить причиненный им ущерб путем включения в свои семьи захваченных в ходе войны пленников; так что в последний момент рука, поднятая для того чтобы покарать, могла вместо этого подать знак принятия в семью, благодаря которому пленник становился сыном или братом своего врага и обретал все присущие гражданину привилегии. В отношении пострадавших они, как кажется, не руководствовались ни ненавистью, ни мщением: и со стороны палача, и со стороны истязаемого соблюдались правила чести; и со странной любовью и нежностью наивысшее уважение свое они выражали в наибольшей жестокости: трус получал мгновенную смерть от руки женщины, а доблестный воин обрекался на

¹ Нелишне заметить, что львы в Америке не водились. Водились «американские горные львы» — пумы. — *Ред.*

² *Charlevoix.*

³ *Colden.*

все испытания стойкости, какие только могли изобрести и применить мужчины: «Я рад, — говорил старик пленнику, — что мне достался столь храбрый юноша: я предложил поместить тебя на ложе моего племянника, убитого твоим соплеменником, и перенести на тебя всю свою нежность — ты послужил бы мне утешением на старости лет; но ты так покалечен, так изуродован, что смерть для тебя будет лучше жизни: поэтому приготовься умереть как мужчина»¹.

Видимо, именно возможность подобной участи или, скорее, восхищение стойкостью (их главным принципом) заставляет американцев с ранних лет уделять особое внимание закалке нервов². Детей учат соревноваться в способности переносить сильнейшие мучения; юношей посвящают в мужчины после испытаний голодом, огнем и удушьем³.

Следует понимать, что у первобытных народов, которым с большим трудом удается себя прокормить, помыслы никогда не могут удаляться от данного предмета; в подобной ситуации от человека следует ожидать определенной приземленности и продажности. Однако, на деле имеет место обратное. Направляемые природой, люди в их первобытном состоянии стремятся удовлетворить свой аппетит лишь в той мере, в какой это необходимо, а их мечты о богатстве не простираются далее, чем мечты о еде, способной утолить голод: они не видят превосходства в обладании состоянием, возбуждающем алчность, тщеславие или честолюбие; они были бы не в состоянии применить его к чему-то, что не пробуждает в них страсти; им не доставило бы удовольствия занятие, в котором нет ни опасности, которую надлежит преодолеть, ни возможности заслужить почести.

Торгашество и корысть пользовались презрением не только у римлян. Подобное же отношение характерно для каждого примитивного и изолированно су-

¹ Charlevoix.

² Ibid. Данный писатель говорит, что видел, как мальчик и девочка, связав вместе обнаженные руки, помещали между ними горящий уголь и состязались — кто первый сбросит его.

³ Lafitau.

ществующего общества. «Я воин, а не купец, — сказал американец губернатору Канады, предложившему ему в обмен на нескольких захваченных им пленников товары, — меня не купишь твоими одеждами и утварью; но сейчас мои пленники в твоей власти и ты можешь задержать их; но если ты это сделаешь, я возьму еще больше пленников или погибну, пытаюсь сделать это; и если мне уготована смерть, я умру как мужчина; но помни, что наш народ обвинит в моей смерти тебя»¹. Имея подобные понятия, они держатся с таким воодушевлением и величием манер, с которыми не в силах сравниться та гордость, которую демонстрирует знать иных цивилизованных стран.

Они внимательно относятся к собственным особам и посвящают много времени (а иной раз терпят сильную боль), украшая свои тела, делая на них несводимые метки, поддерживая цвет, которым они раскрашены, дабы выглядеть наиболее выгодным образом.

Отвлечение к любым занятиям, считающимся недостойными, заставляет их отводить много времени праздности или сну; человек, способный пройти по снегу много лье в погоне за зверем или в попытке застать врасплох врага, — этот же человек и не подумает заняться обычным трудом по добыванию пропитания. «Странно, — говорит Тацит, — как один и тот же человек может быть так не расположен к отдыху и так склонен к кровопролитию».

Игры, связанные с риском, не являются изобретением цивилизации; любопытствующие тщетно пытались обнаружить момент их зарождения в туманной античности²; вероятно, они восходят к временам настолько отдаленным и примитивным, что даже исследователи античности не смогли добраться до них. Тот же дикарь готов был бросить свои меха, оснащение и бусы на игорный стол: здесь он находил те страсти и взлеты, которых не могла возбудить в нем монотонная работа; и ожидая своей участи, он рвет на себе воло-

¹ *Charlevoix.*

² Имеется в виду игра в кости, изобретенная мифическим Паламедом. — *Ред.*

сы, бьет себя в грудь с тем пылом, который некоторые из наиболее продвинутых игроков уже научились подавлять в себе; часто он покидает игровой стол голым и лишенным всего, что имел; а там, где существует рабство, ради шанса вернуть себе утраченное ставит на кон самое свободу¹.

Каковы бы ни были пороки, достоинства или недостатки, свойственные роду человеческому в его первобытном состоянии, такие черты, как общительность, дружелюбие и коллективизм, проникательность, красноречие и мужество представляются его исконными свойствами, а не результатом последующих ухищрений или изобретений. Если человечество оказалось в состоянии совершенствовать собственный образ поведения, то это вытекало из самой природы; и результатом такого культивирования было не внушение человеку чувств нежности и великодушия и не привитие ему основ респектабельности, а устранение эпизодически проявляющихся издержек игры страстей и ограждение души, именно в страстях обретающей упоение, от эксцессов ожесточения и неконтролируемого насилия.

Если бы Ликург мог вновь обратиться к своему предмету, описанному нами здесь, он бы обнаружил, что сама природа сделала этот предмет более приспособленным для его целей. Так как предлагаемое им равенство в вопросах собственности уже установлено, ему не пришлось бы опасаться противодействия со стороны конфликтующих интересов бедных и богатых; предлагаемый им сенат, народное собрание, уже существует в реальности; предусматриваемая им дисциплина уже в определенной мере реализована, а выполнение задач, предписанных им илотам, взял на себя один из полов. При всех этих преимуществах гражданского общества, у него все же было бы чему научить это общество: речь идет о той науке, благодаря которой командовать научаются немногие, большинство же — подчиняться; он бы принял все меры к тому, чтобы предупредить появление в будущем наёмничества, преклонение перед роскошью и страсти к наживе;

¹ Tacitus, Latifau, Charlevoix.

еще более трудновыполнимой задачей было бы научить граждан ограничивать собственные аппетиты, равнодушно относиться к удовольствиям и презирать боль, соблюдать в боевых условиях общепринятые предосторожности и так же стараться не быть захваченным врасплох, как они сами стараются заставить врасплох врага.

Не обладая всеми перечисленными преимуществами, первобытные народы вообще, при всей их способности сносить тяготы и невзгоды, при всем их страсти к войнам, при всем том искусстве и доблести, с которыми они наводят ужас на регулярные армии противника, тем не менее всегда уступают превосходящим их в умении и дисциплине цивилизованным нациям. Так, римляне смогли завоевать галльские, германские и британские земли; с тех пор европейцы наращивали свою власть над народами Африки и Америки.

Исходя из посылки о превосходстве некоторых наций, они полагают, что имеют право на господство; и даже Цезарь, кажется, забывает о страстях и правах людей, когда жалуется, что бритты, послав ему в Галлию смиренное письмо, — видимо, чтобы предотвратить его вторжение — все еще продолжали делать вид, что борются за свои свободы и противостоят его высадке у них на острове¹.

Во всей истории человечества не найдешь, пожалуй, более примечательного явления, чем то взаимное презрение и неприятие, которое на различных стадиях развития торговли демонстрировали друг к другу нации. Погруженные в собственные заботы, все нации, считая собственные условия существования стандартом человеческого счастья, претендуют на избранность, и практика дает достаточно доказательств их искренности. Даже дикаря, еще не являющегося гражданином, можно заставить распроститься с привычным образом жизни; но он любит душевную свободу человека, не связанного никаким делом и не

¹ *Caesar questus, quod quum ultro in continentem legatis missis pacem a se petissent, bellum sine causa intulissent. Lib. 4.*

имеющего над собой начальника; и как бы его ни тянуло слиться с цивилизованными нациями и улучшить свою жизнь, первый же момент свободы влечет его обратно в леса; он чахнет и томится в шуме больших городов; с неудовольствием ходит он по открытым возделанным полям; он стремится в глушь, в дебри — и там, будучи вполне подготовлен к преодолению тягот и сложностей подобной жизни, он станет наслаждаться восхитительной беззаботностью и прелестями общества, в котором не существует правил поведения, а есть лишь чистый зов сердца.

Раздел III

О ВОЗДЕЙСТВИИ НА ПЕРВОБЫТНЫЕ НАРОДЫ СОБСТВЕННОСТИ И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА

У охотников Сибири вошло в поговорку, адресуемое врагу, проклятье «чтоб ты жил как татарин и попался в плен из-за такой глупости, как разведение скота и уход за ним»¹. Кажется, в их понимании, природа, наполнив леса и степи дичью, избавила их от необходимости заниматься скотоводством, и все, о чем они должны заботиться, — это выбрать и схватить дичь.

Людская праздность или, скорее, отвращение людей ко всему, к чему непосредственно не влечет их инстинкт и страсть, замедляет их прогресс в смысле расширения понятия собственности. Однако, было установлено, что даже если оставить средства к существованию общими, а общественные резервы неразделенными, данное понятие все равно уже можно было использовать применительно к различным предметам: так, если лук и шкуры находились в индивидуальной собственности, хижина и утварь принадлежали семье.

Когда родитель начинает желать для своих детей лучшего обеспечения, чем то, которое существовало при кровосмесительной совместной жизни нескольких партнеров, когда он обособленно применяет собственный труд и умения, он, стало быть, метит на то, чтобы получить что-либо в собственное исключительное владение и желает быть собственником земли и ее плодов.

Когда индивид уже не находит у окружающих былого желания оставлять все в общественном пользовании, его начинает заботить собственное состояние и тревожить то, что каждый занимается самим собой. Побудительным мотивом для него становится не толь-

¹ *Abulgaze's. Genealogical History of Tartars.* — Родословное древо тюрок Абу-Ль-Гази [(1603—1663). — *Ред.*].

ко чувство необходимости, но также и соперничество и ревность. Он страдает оттого, что в его душе поселяются своекорыстные помыслы и, когда каждый текущий аппетит уже в достаточной мере удовлетворен, он может действовать с прицелом на будущее или, скорее, тешит свое тщеславие тем, что занимается накоплением всего, за что идет конкуренция и что является объектом всеобщего признания. Действуя из подобных побуждений, он может — там, где практикуется ограничение насилия, — приложить руку к приносящим прибыль ремеслам, заставить себя засесть за какое-то монотонное дело и терпеливо ожидать отдаленных результатов собственного труда.

Так человечество шаг за шагом, посредством множества переходных этапов обретает трудолюбие. Люди привыкают уделять внимание собственным интересам; они учатся не идти на получение незаконных доходов; им предоставляются гарантии обладания собственностью; все это были пути постепенного формирования навыков труженика, техника, торговца. Запасы простых природных продуктов или стада скота представляли собой первый вид богатства для каждого первобытного народа. Почвенно-климатические условия ответственны за то, остановит ли население свой выбор на скотоводстве или на земледелии, будет ли вести оседлый образ жизни или продолжит кочевать по собственным владениям.

Общую предрасположенность к земледелию и оседлости демонстрировали жители в Западной Европе, а также — за несколькими исключениями — на всем протяжении от Севера до Юга Америки и в засушливых зонах. На юге же и на севере Азии жизнь всецело зависела от выпаса стад, и люди постоянно кочевали в поиске новых пастбищ. Жителями Европы практиковались и разнообразно развивались ремесла, присущие оседлому образу жизни. Те же из ремесел, которые соответствуют условиям непрестанного кочевья, оставались у скифов и татар почти неизменными со времен, о которых имеются первые исторические свидетельства. С самых ранних и до последних времен основными богатствами и непременным оснащением кочевых народов являлись крытая кибитка и лошадь, служащая

как для выполнения любой работы, так и для ведения боя и являвшаяся к тому же источником молока и мяса.

Но при любом способе выживания первобытные народы имеют некие общие черты в том, что касается их первоначального отношения к собственности. Гомер либо жил во время, когда народ его пребывал на данной стадии развития, либо имел своей задачей описать именно названные черты этого периода. Тацит же сделал эту сторону жизни предметом своего специального исследования¹; и если данный аспект рассмотрения человечества является заслуживающим внимания, то следует признать, что в плане обобщения этих черт мы обладаем уникальными преимуществами. Портрет эпохи был уже ранее нарисован искуснейшими «живописцами» — знаменитыми авторами, в чьих работах дан цельный образ того, что мы в отрывочном виде вычитываем у историков, либо же имеем возможность воочию убедиться в этом по манерам тех из людей, кто все еще не вышел из подобного состояния.

При всем различии между описанными условиями и теми, в которых мы существуем ныне, люди все еще сохранили многие из своих наиболее ранних черт. Они все еще не любят трудиться, питают пристрастие к войне, восхищаются силой и, говоря языком Тацита, готовы скорее проливать кровь, чем пот². Они обожают украшать свои одежды фантастическими орнаментами и заполнять пустоты в жизни своей, тяготеющей к насилию, связанными с риском видами спорта и азартными играми. Все работы по обслуживанию возлагаются ими на женщин или рабов. Но мы должны понимать, что теперь, когда индивид имеет свой собственный интерес, узы общества должны ослабнуть, а внутренние беспорядки участиться. Тем, что члены со-

¹ См.: очерк Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии». — *Ред.*

² *Pigrum quin immo et iners videtur, sudore acquirere quod possit sanguine parare.* — Потом добывать то, что может быть приобретено кровью, — лень и малодушие [Тацит. Соч. в двух томах. Т. 1. О происхождении германцев. 14. Л., 1969. С. 360. — *Ред.*]

общества стали различаться между собой в имущественном плане, заложен фундамент постоянной и очевидной зависимости.

При переходе от дикости к так называемому варварскому состоянию с человеком происходили соответственные частные изменения. Между членами единого сообщества возникают подогреваемые соперничеством или мстью ссоры. Они примыкают к различным группировкам, лидеры которых отличаются друг от друга размерами своего состояния и знатностью происхождения. Они объединяются жаждой добычи и любовью к славе; а вера в то, что добытое силой по праву принадлежит победителю, превращает их в охотников за людьми и решающее слово в каждом состязании оставляет за мечом.

Любая народность, без оглядки и угрызений совести охотящаяся за своими соседями, является бандой грабителей. Захватывать скот, — говорит Ахиллес, — можно на любом поле; соответственно, герои Гомера грабили берега Эгейского моря, и причиной тому было не что иное, как желание этих героев разжиться бронзой, железом, скотом, рабами и женщинами, а окружающие их народы всем этим обладали.

Конный татарин — это хищный зверь, все помыслы которого о том, где скот и как далеко надо скакать в поисках его. Монах, впавший в немилость Мангу хана, сумел выпутаться из сложного положения, пообещав, что папа римский и князя-христиане отдадут все свои стада¹.

Подобный же дух царил у всех без исключения варварских народов Европы, Азии и Африки. Примеры его силы содержатся в древнейших исторических свидетельствах Греции и Италии и в творчестве каждого античного поэта. Именно этот дух впервые привел наших предков сперва в пределы римской империи, а впоследствии не столько почитание креста, сколько этот же дух повел их на восток для того чтобы разделить с татарами трофеи сарацинской империи.

¹ *Rubruquis*. — Рубрики.

Все это может навести нас на мысль, что человечество в его первобытном состоянии стоит на пороге создания республики. К числу качеств, говорящих о том, что им соответствовала бы эта форма правления, относятся любовь к равенству, обычай устраивать общие собрания, приверженность своему племени; и, кажется, для достижения ее им осталось сделать всего несколько шагов. Все что нужно — это лишь установить число членов их советов и определить форму собраний. Им не хватает лишь постоянного органа власти для подавления беспорядков и введения некоторых правил, закрепляющих ту справедливость, которую они уже признали и — по душевной склонности — строго соблюдают.

Но данные шаги сделать не так легко, как это кажется на первый взгляд. Решение избрать из своих рядов некоего владыку, который с того момента получит право контролировать их действия, не вмещается в понятия простых людей; и, вероятно, никакое красноречие не заставит их ни принять эту меру, ни уяснить ее смысл.

Даже избрав военного вождя, народ не наделяет его гражданскими полномочиями. Вождь карибов не берет на себя управления внутренними делами; слов *юрисдикция* и *правительство* в их языке нет¹.

Прежде чем данное важное изменение станет допустимым, люди должны привыкнуть к различению рангов; а до того как они почувствуют, что подчинение есть дело выбора, они должны оказаться в ситуации неравенства случайно. Стремясь к обладанию собственностью, они хотят тем самым лишь обеспечить себе средства к существованию; но те смельчаки, которые главенствуют в бою, также имеют и наибольшее право на трофеи. Выдающиеся люди очень любят изобретать наследуемые почести, а почитающее отца большинство охотно распространяет свою оценку и на отпрыска.

Владения передаются по наследству, и с годами слава семьи увеличивается. Геракл, бывший, возмож-

¹ *History of the Caribbes.*

но, лишь выдающимся воином, в глазах потомков превратился в бога, а его род выделился своей царственностью и властью суверена. Когда имущественные отличия соединяются со знатностью происхождения, вождь получает преимущество и в бою, и на пиру. Его сторонники занимают места на различных уровнях иерархической лестницы и считают себя уже не членами сообщества, а последователями своего лидера. В защите его личности и укреплении его положения они обретают новый объект общественного внимания; они заимствуют часть его величия для формирования его статуса; они позволяют ему руководить собой с помощью улыбок или нахмуренных бровей, добиваясь, как высшего отличия, права участия в том пиру, который сами они и организовали.

Если предшествовавшее состояние человечества, кажется, имело демократическую направленность, то это новое состояние, похоже, обнаруживает рудименты монархического правления. Но оно еще не достигает по своим чертам того позднейшего установления, которое известно под именем *монархии*. Различие между лидером и его последователями, князем и подданными здесь еще неясно обозначено: их цели и занятия недифференцированы; в духовном плане они не отличаются какими-либо различиями в воспитании; они едят с одного блюда и спят все вместе на земле; дети царя, также как и дети подданных, пасут стадо; при дворе Улисса первым советником был свинопас¹.

Вождь, достаточно отличающийся от остальных членов племени — дабы возбуждать в них восхищение собственной персоной и польстить их честолюбию предполагаемым родством с их знатным семейством — является объектом поклонения, а не зависти: на него смотрят как на общее связующее звено, а не как на общего хозяина; он первым выходит навстречу опасности и несет на себе основное бремя их забот. Его слава заключена в численности его сторонников, в его

¹ Раб Эвмей, свинопас богоравный, божественный. Гомер. Одиссея. Песнь 15, 16. — *Ред.*

высшем величии и доблести, а слава его сторонников — в готовности, служа ему, пролить свою кровь¹.

Частые войны укрепляют связи внутри общества, а практика набегов сама по себе является для людей испытанием мужества и взаимной выручки. Образование внутри рода кланов и братств происходило в силу тех же обстоятельств, что угрожали разрушением всех добрых намерений в душах людей и уничтожением всякой справедливости в человеческом обществе. Данные кланы и братства, будучи устрашающими и враждебными друг другу, сохраняли внутри себя обстановку верности, бескорыстия и великодушия. А частые опасности и опыт преданности и доблести пробуждали любовь и восхищение этими достоинствами и заставляли окружающих высоко ценить тех, кто ими обладал.

К действию варваров побуждали великие страсти, любовь к славе, желание победы, а также ощущение исходящей от врага опасности и жажда мести; в перерывах же между ситуациями, чреватými гибелью или сулящими завоевание, варвары расслаблялись, предаваясь праздности. Они ни за что ни снизошли бы до физического или механического труда: хищный зверь всегда ленив; пока женщины в поте лица добывают хлеб для семьи, охотник и воин спит. Но покажите ему схватку, происходящую в отдалении, — и он сразу же становится смелым, стремительным, искусным и кровожадным: никакие решетки не остановят его натиска, никакая усталость не ослабит его активности.

Даже в данном описании люди являются щедрыми и гостеприимными к иностранцам, а также добрыми, любящими к домашним². Дружба и вражда имеют для них наивысшее значение: одно не смешивается с другим; они определяют своих врагов и выбирают себе друзей. Даже в случае опустошительных набегов главная их цель — слава, трофей же служит знаком победы. Добычей их являются народы и племена — одинокий путник, обращение с которым способно проде-

¹ Tacitus. *De moribus Germanorum*. — Тацит. О нравах германцев.

² Jean du Plan Carpen. *Rubruquis, Caesar, Tacit.*

монстрировать другим лишь их великодушие, имеет все шансы остаться невредимым, либо быть встреченным с редким радушием.

Существуя в виде мелких, разобщенных ревностью и враждой племен (каждое из которых возглавляет свой вождь), они, однако, перед лицом войны и грозного врага способны порой создавать более крупные объединения. Подобно грекам в их походе на Трою, они идут за каким-либо выдающимся вождем и на основе нескольких объединенных племен создают царство. Но подобные коалиции носят чисто случайный характер, и даже наиболее долговечные из них более походят на республику, чем на монархию. Второстепенные вожди сохраняют за собой влияние, вторгаясь с видом равных в советы главного вождя, а люди нижестоящих кланов, в свою очередь, вторгаются в сферу их полномочий¹. Из чего же могли мы заключить, что люди, живущие в крайне неформальной атмосфере и не имеющие определенных различий в статусе, вдруг откажутся от личных чувств и склонностей и станут безропотно подчиняться лидеру, не являющегося для них ни источником благоговейного страха, ни развращенности?

Для того чтобы вынудить или купить зависимость подобную той, в какую вступает татарин, обещая, что «пойдет, куда ему будет сказано; явится по первому зову; убьет всякого, на кого будет указано; и впредь будет почитать глас царя, как меч»², — для этого нужна либо военная сила, либо то, чем подкупить продажных людей.

Именно на этих условиях готово сдаться упрямое сердце варвара, являющееся жертвой собственного деспотизма; и при тогдашнем низком уровне развития коммерческих навыков люди в Европе и в Азии успели вкусить политического рабства. Когда корысть пустила корни в каждом сердце, суверену и его приближенным также не избежать ее: власть, которой он об-

¹ Kolbe. *Description of the Cape of Good Hope*. — Описание мыса Доброй Надежды.

² *Simon de St. Quintin*.

лечен, используется им для превращения своего народа в свою собственность и использования их собственности для собственной выгоды или удовольствия. Коль скоро любой народ превращает богатство в мерило добра и зла, вверение власти князю становится для него опасным. «У свевов, — говорит Тацит, — высоко ценятся богатства; и соответственно этот народ является обезоруженным и поработленным»¹.

Именно в данном удручающем состоянии, состоянии рабства, своекорыстия, коварства, лживости и кровожадности, человечество несет на себе черты если и не самой непоправимой, то определенно самой прискорбной развращенности². У них война превращается в разбой с целью личного обогащения, торговля — в систему ловушек и мошенничеств; при этом правительство становится, в свою очередь, репрессивным или слабым.

К счастью для человечества, оно, движимое корыстью и не управляемое никакими законами, в процессе развала на умеренные по размеру нации обрело в каждом племени некие естественные границы собственного расползания вширь и нашло себе достаточно занятий для сохранения собственной самостоятельности, не имея при этом возможности расширить свои владения.

В первобытном обществе различия личного статуса не настолько велики, чтобы превратить сообщество в законную монархию. В условиях, когда они занимают значительные территории, объединяясь под единым началом, кажется, возникает необходимость в обуздании их воинственного и бурлящего духа посредством деспотизма и военной силы. Там, где сохраняется какая-то степень свободы, власть князя — как это было в большинстве первобытных европейских монархий — является крайне зыбкой и зависит главным образом от его личных качеств. И наоборот, там, где

¹ *De moribus Germanorum*. — О нравах германцев [Свевы (швабы) — западногерманские племена. Известны с I в. до Р.Х. — *Ред.*]

² *Chardin. Travels*. — Шарден. Путешествия [Шарден Жан (1643—1713) — *Ред.*]

власть князя выходит из-под контроля народа, князь ставит себя и выше закона. Разбой и террор становятся главными мотивами поведения, формируя те две партии, на которые неизменно делится человечество — угнетателей и угнетенных.

Эта напасть сопровождала Европу на протяжении всех многовековых завоеваний и пришествий новых поселенцев¹. Она стала реальностью в Азии, где имели место аналогичные завоевания; и они, даже помимо обычных, приистекающих из роскоши, наркотиков изнеженности и рабской слабости, поражали татар, следующих в своих кибитках за стадом. Из этого народа, находящегося в самом сердце огромного континента, вышли смелые и находчивые воины. Они подчиняли себе соседние племена, заставляя их врасплох или демонстрируя собственное превосходство над ними; идя вперед, они наращивали численность и силы. И, подобно урагану, нарастающему по мере приближения, они сметали все на своем пути. Племена-завоеватели на протяжении веков поставляли князю его охранников и, будучи сами допущены к разделу трофеев, являлись добровольными орудиями угнетения. Так, деспотизм и коррупция коснулись районов, известных своей естественной необузданной свободой — и тогда пришел конец силе, наводившей ужас на все изнеженные провинции, колыбель народов постиг упадок².

Там, где примитивным народам удается избежать этой напасти, для поддержания внутреннего мира возникает необходимость во внешних войнах; когда же никаких врагов на горизонте не заметно, у них находится время для междоусобиц, и мужество, служащее в военное время делу защиты отечества, бывает употреблено на внутренние раздоры.

«В Галлии, — говорит Цезарь, — не только во всех общинах и во всех округах и других подразделениях страны, но чуть ли не в каждом доме существуют пар-

¹ См.: «Историю Тюдоров» Юма — для установления в правление этого королевского дома совершенного деспотизма не хватило лишь нескольких верных короле полков.

² См.: *History of the Huns*. — История гуннов.

тии,.. с тем, чтобы людям простым была обеспечена помощь против сильных»¹. В этом делении на противоборствующие стороны сила играет главенствующую роль не только в межклановой вражде, но и в семейных ссорах и даже в разногласиях и соперничестве индивидов. Когда суверену не помогают суеверия, тщетными оказываются его попытки ввести собственное законодательство или добиться послушания при помощи закона. Народ, привыкший силой завоевывать все, чем владеет, и не приемлющий богатства, не сопряженного с мужеством, не знает иного третейского судьи, кроме меча. Сципион предложил двум испанцам выступить арбитром в их споре о наследстве и получил ответ: «На это мы уже сказали нет нашим родственникам: свои разногласия мы доверим решению не человека, и даже не любому из богов, а лишь одному Марсу»².

Общеизвестно, что решение подобных вопросов было формализовано европейскими нациями до такой степени, которой не знали в других частях света: в большинстве случаев, гражданский и криминальный судья могли лишь назначить списки участников схватки, после чего они оставляли дальнейшее решение им самим. Они полагали, что победителю помогают боги; и, пуская этот своеобразный процесс на самотек, они заменяли формальности упованием на случай, опять же полагая, что исходом распорядятся боги.

Свирепые европейские народы даже любили сражение как своеобразное упражнение или азартную игру. В отсутствие настоящих ссор соратники соревновались друг с другом в боевом умении — и результатом такого соревнования зачастую была смерть одного из них. У Сципиона, на поминках его отца и дяди, для пущей торжественности были организованы поединки испанцев³.

¹ *De Bello Gallico, lib. 6* [Цезарь К.Ю. Записки о гальской войне. Кн. 6.11. — *Ред.*].

² *Livy* [Ливий Тит (59 до Р.Х. — 17 по Р.Х.) — римский историк. Автор «Истории Рима от основания города». Сохранились книги 1—10, 21—45. — *Ред.*].

³ *Livy, lib. 3.*

В этом диком и беззаконном государстве, для которого истинная религия могла бы быть столь желанна и благотворна с точки зрения ее возможных последствий, наследник — даже доблестный — часто становится жертвой суеверий; а ордена, подобные друидам у древних галлов и бриттов¹ или неким самозванным оракулам вроде тех, что были на мысе Доброй Надежды, пользуются доверием окружающих как дорогой к власти. Их волшебная палочка способна поспорить с самим мечом, и если у одних народов она, по образцу друидов, способствует появлению зачатков гражданского правления, то на другие народы она влияет так же, как влияли так называемые потомки солнца на народ Natchez или ламы на татар, сея ранние всходы деспотизма и абсолютного порабощения.

Вообще, мы теряемся в догадках относительно того, как могут существовать люди, обычаи и образ действий которых резко отличается от наших; мы склонны преувеличивать несчастья варварского состояния, так как мысленно ставим самих себя на место варваров, пытаюсь понять его переживания в непривычной для нас ситуации. Но каждой эпохе присущи не только свои страдания, но и свои утешения². В про-

¹ Друиды — жрецы у древних кельтов; галлы — римское название кельтов, населявших Галлию; бритты — кельтские племена, древнее население Британии. — *Ред.*

² *К Приску, нанятому посольством Аттилы, обратился на греческом языке человек, одетый, как скиф. В ответ на удивление Приска и на вопрос его о том, как этот грек оказался в столь диком обществе, ему было сказано, что данный грек попал в плен и некоторое время жил в рабстве, пока не заслужил свободу выдающимся поступком. «Здесь мне живется лучше, — сказал он, — чем жилось при римлянах. Ведь тех, кто живут со скифами и переносят тяготы войны, уже ничем не проймешь; они спокойно наслаждаются своими владениями — ты же все время становишься жертвой чужеземных врагов или плохих правительств; тебе запрещают носить с собой оружие для самообороны; ты страдаешь от распушенности и плохого обращения тех, кого назначили защищать тебя; зло мирной жизни даже хуже, чем в военное время; люди, обладающие властью и богатством, всегда безнаказанны; люди же бедные не знают милосердного отношения к себе; хотя ваши институты хороши по замыслу, в руках коррумпированных людей действие их сопряжено со злом и жестокостью». Excerpta de legationibus.*

межутках между вспышками неистовств дружеские взаимоотношения даже самых первобытных людей отличаются жизнерадостностью и любовью¹. В первобытные времена личность индивидов и ее качества находится в безопасности, так как у каждого есть и друг, и враг; и если один готов порицать, другой — защищать; и само восхищение перед доблестью, которое в некоторых случаях может санкционировать насилие, в других подкрепляет определенные девизы щедрости и чести, способные предотвратить несправедливые дела.

С ущербностью своей политики люди мирятся так же, как мирятся они со сложностями и неудобствами их образа жизни. Тревоги и тяготы войны стали необходимым отдыхом для тех, кто привык к ним, для тех, чья страстность выходит за рамки менее оживленных и трудных ситуаций. Старики из окружения Аттилы плакали, когда слышали о героических поступках, совершать которых сами они уже не могли². У кельтов был обычай приговаривать к смерти от руки друзей состарившегося воина, неспособного на прежние свои подвиги, дабы сократить те страдания, которые причиняла бы ему тихая, бездеятельная жизнь³.

При всей своей свирепости первобытные народы Запада оказались во власти политики и более регулярных войск римлян. Поведение в соответствии с представлениями о личной чести ставило европейских варваров в особо невыгодное положение, так как не располагало их к тому, чтобы заставить врага врасплох или прибегать к военным стратегиям — даже во внутренних войнах; поэтому, будучи смелы и непоколебимы поодиночке, они, как и другие примитивные народы, стоило им собраться вместе, оказывались во власти суеверий и панических настроений.

От сознания собственного личного мужества и силы они владели собой перед боем; их безмерно радовал успех и безмерно печалило невезенье; а так как

¹ *D'Arvieux. History of the Wild Arabs.*

² *Ibid.*

³ *Ubi transcendit florentes viribus annos, Impatiens aevi spernit novisse senectam. Silius, lib. 1, 225.* [Силий — поэт втор. половины I в., автор поэмы «Пуника» — о пунической войне. — *Ред.*]

любое событие они были склонны рассматривать как приговор богов, им было несвойственно последовательно благоразумное поведение, они не могли оптимально использовать собственные силы, с честью выходить из несчастий или увеличивать собственные преимущества.

Находясь во власти привязанностей и страстей, они были великодушны и верны к тем, кого любили. Имея пристрастие к разгулу и злоупотребляя спиртными напитками, они выносили решения по государственным делам в пылу страстей; в столь же опасные моменты замыслили они и военные операции или клали конец своим внутренним разногласиям при помощи дротиков или мечей.

На войне они предпочитали смерть плену. Победоносные армии римлян, приступом взяв или окружив город, находили матерей, убивающих собственных детей, чтобы они не попали в руки врага; и клинок родителя, обгаренный кровью его семьи, готовый последней пронзить грудь самого родителя¹.

Во всех этих частностях мы ощущаем ту силу духа, которая придает респектабельный вид самому беспорядку и позволяет людям, находящимся в благоприятных обстоятельствах, заложить основы свободы у себя дома, а также защитить национальную независимость и свободу от внешних врагов.

¹ *Liv. lib. xli. 11. Dio. Cass* [Ливий. кн. 51. Дион Кассий Коккеян (160—235) — греч. историк. Составил летописную историю Рима в 80 книгах. Полностью сохранились книги 36—60. — Ред.].

Часть третья

Об истории
политики и ремесел

Раздел I

О ВЛИЯНИИ КЛИМАТА И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ

Хотя сказанное выше об условиях и способах существования наций основывалось главным образом на материалах умеренного климата, это же в определенной степени верно и в отношении первобытных обществ во всех прочих частях света. Если мы захотим проследить дальнейшую историю нашего рода, то вскоре вынуждены будем ограничить наши наблюдения более частными случаями. Кажется, гений политической мудрости и гражданских искусств тяготеет к определенным частям света и определенным человеческим расам.

Человек как животный вид способен выжить в любом климате. Вместе со львом и тигром господствует он под экваториальным солнцем; в пределах полярного круга властвует тоже он — наравне с медведем и северным оленем. Разносторонность позволяет ему приспособиться и к тем, и к другим условиям, а способности к ремеслам позволяют компенсировать отсутствие тех или иных специфических качеств. Между тем, умеренный климат представляется наиболее соответствующим его природе; каких бы объяснений мы ни давали этому факту, человек, кажется, всегда достигает высот собственного величия именно в умеренной климатической зоне. Те умение и сноровку, которые он многократно, вновь и вновь, вырабатывал при данных условиях, а также достижения ума, плодотворность фантазии и сила гения, выразившегося в литературе, торговле, политике и военном деле — все это достаточные свидетельства того, что либо здесь он нашел особо благоприятные для себя условия, либо пребывание в этом климате давало ему врожденное превосходство ума.

Правда, и самые выдающиеся из человеческих рас, до того как обрели совершенство, находились в примитивном состоянии. И в ряде случаев им приходилось возвращаться обратно в это состояние. Говоря о гениальности таких наций, мы имеем в виду отнюдь не их настоящие достижения в сфере искусства, науки или политики.

И дикарь, и гражданин, и раб, и хозяин могут обладать жизненными силами, способностями и душевной чуткостью; одни и те же душевные силы могут быть обращены на весьма различные цели. Современный грек может иметь злую, коварную и раболепную душу — и это явится следствием того же жаркого темперамента, который делал его предка страстным, изобретательным и смелым как в бою, так и на всенародных собраниях. Современного итальянца отличают чувствительность, живость и искусность, хотя все эти способности, унаследованные им от древних римлян, растрачиваются им на пустяки; в своих развлечениях и погоне за дешевым успехом он демонстрирует тот огонь страстей, которым Гракх зажигал форум и потрясал даже самых суровых слушателей.

При определенных климатических условиях основными для людей становились навыки торговли и личной наживы, сохраняемые ими при любых невзгодах; в иных же климатических условиях им не уделяют внимания — также невзирая на всевозможные превратности судьбы; в зонах умеренного климата, будь то в Европе или в Азии, периоды почитания этих навыков чередовались с периодами пренебрежения к ним.

При одном состоянии общества определенные искусства могут быть презираемы вследствие той же пылкости души и в соответствии с теми же принципом деятельности, благодаря которым они с огромным успехом практикуются в ином состоянии общества.

Когда люди находятся во власти страстей, когда трубят фанфары, звучат призывы к народу и сердца бьются учащенно, им, разгоряченным и возбужденным, кажется, что только люди скучные или жалкие способны посвящать досуг изучению свободы или

стремиться к улучшениям ради более удобного или легкого осуществления поставленной задачи.

Превратности судьбы, пережитые нациями в той самой ситуации, которая определила расцвет их ремесел, вероятно, являются следствием развития того деятельного, изобретательного и разностороннего духа, благодаря которому любой вид деятельности нации доводился ею до крайнего выражения. Люди создали высшие воплощения идеи деспотической империи, с высот которой они лучше всего смогли осмыслить основания свободы. Они погибали в огне, пламя которого разожгли сами; и возможно, лишь они и могли попеременно демонстрировать то величайшие человеческие достижения, то предельную человеческую развращенность.

В данном контексте человечество дважды за описанный отрезок истории поднималось от изначального примитивного состояния до высот совершенства. И в каждую из эпох, независимо от того, предназначено им было создавать или разрушать, они оставляли следы деятельности своего активного и неистового духа. Мостовые и развалины Рима погребены под пылью, осыпавшейся с ног варваров, презрительно попиравших утонченную роскошь и надменно отвергавших те ремесла, которые были с восторгом обнаружены и восприняты впоследствии их же потомками. Палатки диких арабов и поныне можно найти установленными на руинах некогда величественных городов; а граничащие с Палестиной и Сирией заброшенные поля, вероятно, вновь послужат колыбелью нарождающихся наций. Возможно, вождь какого-нибудь арабского племени уже укоренил, подобно основателям Рима, то растение, которому суждено процветать здесь в будущем, либо заложил основы той структуры, что достигнет своего величия в некоем отдаленном будущем.

Большая часть Африки всегда оставалась неизвестной; но молчание молвы относительно происходящих там революций есть не нуждающийся в дальнейших доказательствах довод в пользу предположения о недостаточной одаренности населяющих ее людей. Зоны знойного климата, расположенные в различных частях

мира, дают мало пищи для истории; и хотя во многих местах они характеризуются изрядным развитием жизненно важных ремесел, нигде их жизненный уклад не вызвал к жизни значительных политических идей и не произвел на свет добродетелей, имеющих отношение к свободе и необходимых для ведения гражданских дел.

При всем том, именно в знойных климатических зонах получили наибольшее развитие ремесла, связанные с созданием механизмов и обработкой; так, Индия и экваториальные страны являются районами с древнейшей историей мануфактурных ремесел и торговли, устоявших, с наименьшим ущербом для себя, против разрушительного воздействия времени и смены империй.

Кажется, то солнце, которое обеспечивает созревание ананаса и тамаринда, размягчает и нравы, придавая им способность мириться даже со строгостями деспотического правления: следствием этого мягкого, миролюбивого расположения духа, присущего аборигенам Востока, является то, что никакое завоевание, никакое нашествие варваров не заканчивается, как это было у упрямых аборигенов Европы, полным разрушением того, что порождено любовью к безбедному и приятному существованию.

Передаваемые без особой борьбы от одного хозяина другому, аборигены Индии готовы при любых переменах заниматься исконными видами производства, сохраняя способность вкушать удовольствия жизни и плотские наслаждения. Захватнические войны ведутся не до изнеможения сторон и не до опустошения спорных земель; даже захватчики-варвары оставляют в неприкосновенности не навлекшие на себя их гнев коммерческие предприятия. Став хозяевами процветающих городов, они поселяются в их окрестностях, оставляя своим потомкам возможность постепенно приобщаться к тем удовольствиям, порокам и празднествам, которые предоставляет им это приобретение. Потомки же еще более, чем их родители, заинтересованы в бережном обращении с этим медоносным ульем; они хранят и жителей, и их дома, стада и хлева, собственниками которых они стали.

Современное описание Индии является повторением древнего; современное состояние Китая восходит к далекому прошлому, не имеющему аналогов в истории человечества. Одна правящая династия сменяла другую, но никакие революции не затрагивали государства. Африканцы и самоеды не более одинаковы с точки зрения невежества и варварства, чем были китайцы и индийцы (если мы можем доверять тому, что они сами о себе пишут) с точки зрения характера их традиционных производств и поддержания порядка предназначенной исключительно для регулировки торговли и защиты тех, кто оказывает услуги или занимается прибыльным делом.

Если мы перейдем от этого общего изложения деяний человека к более подробному описанию его как вида, населяющего различные климатические пояса и характеризующегося разнообразием темпераментов, цветов кожи и характеров, то обнаружим разнообразие и в гениальности — соответственно последствиям его поведения и результатам его истории.

Совершенствуя свои природные свойства, человек демонстрирует живость и утонченность чувств, обилие и разнообразие фантазий и мыслей, внимание, проницательность и изощренность в том, что касается его собратьев. Твердый и вдохновенный в преследовании своих целей, преданный дружбе и вражде, ревностно охраняющий собственную независимость и честь, которых он не променяет на безопасность и прибыль, человек, при всей его развращенности и цивилизованности, сохраняет свою природную чувствительность — если не силу. Коммерция может быть для него и благом, и проклятьем — в зависимости от направления его ума.

Но в условиях крайнего холода или жары активность человеческой души, кажется, сужается; другие люди, будь то друзья или враги, имеют для нее меньшее значение. При первой крайности они становятся скучными и медлительными, умеренными в своих желаниях, упорядоченными и миролюбивыми в образе жизни; при второй — лихорадочными в страстях, слабыми в суждениях и в силу темперамента предрасположенными к плотским удовольствиям. Но и в том, и в другом случае сердце продажно, готово идти на важ-

ные уступки ради пустячных подачек; в обоих случаях дух несвободен: в первом случае, его поработщает страх перед будущим, в другом — его не волнует даже сиюминутность.

Европейские нации, осваивающие или захватывающие места, находящиеся севернее или южнее их собственного благополучного климата, не встречают особого сопротивления: они произвольно расширяют собственные владения, и единственным ограничением для них служит лишь океан и пресыщение завоеваниями. (Без особых испытаний и противоборств, обычно сопровождающих процесс покорения наций, к территории России был последовательно присоединен ряд могучих провинций; а суверену этой империи, включающей в себя целые племена (с которыми его эмиссары, возможно, никогда и не вели переговоров), для расширения границ своей империи достаточно бывает выслать в новые земли нескольких землемеров — тогда как римлянам для осуществления аналогичного проекта потребовалось бы пустить в дело консулов и легионы воинов¹. Эти современные завоеватели, встречаясь с сопротивлением, начинают жаловаться на мятежников; их удивляет, что, придя за данью, они встречают враждебность.

Однако, кажется, на берегах Восточного моря они встретили народ², поставивший под сомнение их право на господство и посчитавший необоснованным требование уплаты подати. Пожалуй, здесь чувствуется гений древней Европы, где под личиной свирепости скрывается дух национальной независимости³ — тот, что усомнился в себе под натиском армий Рима, тот, что расстроил попытки персидских монархов включить греческие селенья в состав своих обширных владений.)⁴

Существенные, разительные отличия, присущие обитателям удаленных друг от друга климатических

¹ См.: *Russian Atlas*. — Русский атлас.

² Имеются в виду чукчи.

³ Примечания к «*Genealogical History of the Tartars*».

⁴ Заключенный в скобки пассаж отсутствует в русском издании «Опыта» 1817 г. — *Ред.*

поясов, так же легко наблюдать, как и различия между животными, населяющими различные регионы. Символами араба и лапландца являются конь и северный олень. Абориген Аравии, как и знаменитое животное, имя которой совпадает с названием страны¹, как в диком, так и в культивированном состоянии, отличается живостью, активностью и страстностью в том, что ему нравится. В первобытном состоянии эта человеческая раса обретает свободу в пустыне, совершая опустошительные набеги на границы империи и наводя ужас на те провинции, которых достигают их кочевые стоянки². Возбужденные перспективой завоеваний, либо настроенные действовать по плану, они распространяют свои владения и свое воображение на огромные пространства земли. Обрастая собственностью и переходя к оседлости, они служат примером живой изобретательности и в ремеслах, и в научных исследованиях. В отличие от него, лапландец, как и другие обитатели его климатической зоны, обладает стойкостью, неутомимостью и живучестью в случае голода; он скорее скучен, нежели кроток, полезен в определенном регионе и неспособен к изменениям. Целые нации век за веком сохраняют то же обличье, отзываясь с неизменным флегматизмом на имя *датчан*, *шведов* или *московитов*, согласно занимаемым ими землям, и позволяют расчленять свои страны, как если бы это была общинная территория, согласно проведенным этими нациями границам империи.

Данные отличия в гении народов четко различимы не только в крайностях. Спектр различий соответствует многообразию климатов, которые, как мы предполагаем, связаны с этими различиями. И хотя определенные степени одаренности, проницательности и страстности не являются уделом всех народов также как и общим достоянием любого из них; но эта неравномерность и неравноценность в распределении даров между разными странами достаточно очевидна из преобладающих в каждой из них манер, тона ведения раз-

¹ Арабский скакун. — *Ред.*

² *D'Arvieux.*

говора, деловой хватки, развлечений и литературных творений.

Южно-европейским племенам мы обязаны созданием и художественным оформлением той мифологии и тех ранних традиций, которые продолжают питать нашу фантазию в сфере поэтических образов. От них мы получили романтические рыцарские романы, а также и последующие образцы более рационального стиля, питающие сердце и воображение и просвещающие разум.

Промышленными продуктами изобилует в основном Север; здесь имели место наиболее фундаментальные научные исследования, в то время как работа чувств и воображения была наиболее плодотворной на Юге. Если берега Балтики прославились именами Коперника, Тихо Браге и Кеплера, то Средиземноморье зарекомендовало себя как колыбель разнообразно одаренных личностей, поставляя во множестве не только поэтов и историков, но и людей науки.

С одной стороны, ученость берет свое начало в сердце и воображении; с другой стороны, она находится под контролем способности суждения и разума. Договоры и заявления наций, даты рождения и генеалогические древа князей, будучи точным отчетом об общественно значимых событиях (не различающим, однако, сравнительной важности каждого из документов), нашли подобающее отражение в литературе северян; между тем, озарения ума и переживания сердца исчезли бесследно... История человеческих нравов, увлекательные мемуары, составленные не только из формальных гражданских актов, но и из безыскусных рассказов о частной жизни; замысловатые шутки, колкие насмешки, нежные, патетические или возвышенные фигуры речи — все это, за несколькими исключениями, являлось в древности и остается поныне принадлежностью тех широт, где произрастают инжир и виноград.

Если сказанное о различных степенях человеческой одаренности — правда, то в огромной степени основания тому заключены в животной природе человека: нередко высказывалось наблюдение, что там, где произрастает виноград, ускоряющий ферменты человечес-

кой крови, услуги его менее всего необходимы. В то же время, у южных народов запрещены спиртные напитки по причине их пагубного действия; либо же вследствие любви к приличиям и обладания весьма горячих темпераментов в них просто не ощущают большой потребности. Особо сильно очарование их ощущается на Севере, где они пробуждают души и приносят аромат той живой фантазии и пыл страстей, которые, кажется, отрицаются самим климатом.

Нежные желанья и пламенные страсти, свойственные отношениям противоположных полов в одном климате, в другом заменяются трезвым расчетом и сдерживанием взаимного отвращения. Подобную перемену можно заметить, переплывая через Средиземное море, спускаясь по Миссисипи, взбираясь по горам Кавказа и совершая переход от Альп и Пиренеев к берегам Балтики.

На границе Луизианы, благодаря двойному действию суеверия и страсти, преобладает женский пол. Женщины являются рабами у аборигенов Канады, и в основном их ценят за выполняемую работу и услуги по дому¹.

Оказывается, однако, что пламя страстей и муки ревности, присущие сералю и гарему и столь долго господствовавшие в Азии и Африке, а в южных частях Европы неохотно отступающие под напором религиозных различий и гражданских установлений, с удалением жаркого климата с большей легкостью сменяются на определенной географической широте на временные страсти, захватывающие дух, но не ослабляющие его, вдохновляя на романтические взлеты. При дальнейшем продвижении на Север на первый план выходит дух галантности, более зависящий от фантазии и остроумия и менее — от сердца; наслаждению он предпочитает интригу и подменяет иссякшие чувства и желанья притворством. По мере еще большего удаления от солнечных широт данная страсть вырождается в некую привычку домашних отношений, либо просто замораживается до состояния бесчувственнос-

¹ Charlevoix.

ти, при которой полы, предоставленные самим себе, едва находят в себе силы объединяться для создания первичных ячеек общества.

Это, конечно, не весь спектр имеющихся различий темперамента и характера, которые возможно наблюдать на всем протяжении от экватора до полюса; кроме того, сама температура воздуха не зависит напрямую от географической широты. Различия почв и местоположений, удаленность или близость к морю, как известно, влияют на атмосферу и могут решающе повлиять на особенности вида.

Климатические зоны Америки отличаются от расположенных на тех же широтах зон Европы. Ее бескрайние болота, великие озера, гибнущие непроходимые леса и прочие черты, характерные для неосвоенных земель, наполняют воздух тяжелыми и нездоровыми испарениями, делающими зиму суровой вдвойне; а растягивающийся на несколько месяцев сезон туманов, снегов и морозов делают зону умеренного климата более похожей на зону холодного климата. Однако, на американских берегах, хотя и на более южных широтах, обитают родичи наших самоедов и лапландцев. Канадцы и ирокезы обладают определенным сходством с древними обитателями умеренных климатических зон Европы; мексиканцы, как и азиаты Индии, питая пристрастие к удовольствиям, погрязали в изнеженности; в соседстве с вольными дикарями они позволили воздвигнуть на собственной слабости империю суеверий и постоянно действующий механизм деспотического правления.

Большая часть владений Татари¹ расположена на одних широтах с Грецией, Италией и Испанией; но климат у них иной; и если прибрежные районы не только Средиземноморья, но и Атлантики одарены мягким климатом с незначительными сезонными колебаниями, то восточные части Европы и север Азии знакомы с любыми климатическими крайностями. Говорят, что в летнее время жара достигает чуть ли не

¹ Термином «татары» обозначались народы, ныне называемые турками. — *Ред.*

ледовитых морей, и, спасаясь от докучливой мошкиры, аборигены бывают вынуждены прятаться в тех же клубах дыма, в которых зимой они спасаются от мороза. С приходом зимы происходит быстрое преобразование, суровые условия, распространяющиеся почти на все широты, обнажают лицо земли на всем протяжении от севера Сибири до гор Кавказа и границы с Индией.

Аналогично этому неравномерному распределению климата (по вине которого и участь, и национальный характер жителей северных частей Азии представляются незавидными по сравнению с участью и характером европейцев, живущих на тех же широтах) наблюдается распределение темпераментов и духовных свойств вдоль меридиана — какой бы из регионов мы ни взяли. Так что южные татары имеют такие же преимущества и то же превосходство перед тунгусами и самоедами, каким, как известно, обладают определенные европейские нации перед своими северными соседями, находясь в более выигрышной ситуации, чем те и другие.

Южное полушарие дает мало пищи для подобного рода наблюдений. Зона умеренного климата здесь или еще не обнаружена, или известна лишь на двух материковых оконечностях — мысе Доброй Надежды и мысе Горн, дотягивающихся до умеренных широт с противоположной стороны экватора. Но дикарь Южной Америки, несмотря на наличие промежуточных народов Перу и Мексики, обнаруживает сходство со своим североамериканским собратом; а готтентот во многом схож с европейским варваром: он свободолюбив, в его обществе имеются зачатки политики и присутствует исконная сила, отличающая его народец (этнос) от других африканских племен, живущих в более знойных районах.

С помощью данных наблюдений мы лишь указали на то, что бросается в глаза при беглом взгляде на историю человечества, высказав лишь догадки, напрашивающиеся при размышлении о том, почему одни народности, занимающие огромные пространства земли, отличаются какой-то невнятной, в то время как другие являются знаменитыми. Вместе с тем, мы все же не в состоянии объяснить, каким образом климат

способен воздействовать на темперамент и вселять гениальность в проживающих в нем людей.

То, что темперамент и интеллект в определенной мере зависят от состояния телесных органов, хорошо известно из опыта. Например, известно, что люди изменяются в зависимости от состояния здоровья под влиянием характера питания, доступности свежего воздуха и движения, однако, мы не знаем, какова здесь связь между причиной и следствием. То же и с климатом: хотя мы знаем, что он предполагает наличие целого ряда таких причин и, следовательно, постоянно влияет на характеры людей, мы не сможем объяснить, как осуществляется такое воздействие, пока не поймем структуры тех ничтожно малых органов, что отвечают за действие души, — а это мы вряд ли когда-либо поймем.

Когда, рассматривая ситуацию того или иного народа, мы указываем на обстоятельства, определяющие их занятия и тем самым регулирующие их обычаи и стиль жизни; когда, вместо того чтобы искать физические истоки особенностей этого народа, мы приписываем их предрасположенности определенному типу поведения, — в таких случаях мы говорим о следствиях и причинах, связь между которыми наиболее нам понятна. Например, нам понятно, почему такие расы, самоеды, вынужденные большую часть года проводить в темноте или укрываться в пещерах, в своем поведении и представлениях отличаются от тех, кто вовсе не ведает таких забот, или от тех, кто, вместо того чтобы спастись от холода, думает, как бы не пострадать от палящего солнца. От холода спасают огонь и движение; защитой от жары служат тень и бездеятельность. Голландец трудолюбив и активен в Европе; в Индии он становится более ленивым и праздным¹.

Сильные крайности температуры — жара или мороз — возможно, с моральной точки зрения, столь же неблагоприятны для активного человеческого

¹ Голландские солдаты, нанятые при осаде Малако, сожгли палатку, выданную им для изготовления палаток, так как им было лень возиться со всем этим. *Voj. de Matelief*. — Путешествие Де Мателье.

гения. Являя собой равно непреодолимые трудности и располагая к безделью и праздности, они не пробуждают в людях изобретательности и препятствуют ее развитию там, где она все-таки имеет место. В этой ситуации некоторые промежуточные степени неудобства одновременно и возбуждают дух, и стимулируют его устремления, суля успех. «У всех народов мира успехи разума, — говорит Руссо, — оказались в точном соответствии с потребностями... Я показал бы, как в Египте науки и искусства рождались и распространялись вместе с разливами Нила; я проследил бы за развитием их у греков, где они зародились, развились и поднялись до небес среди песков и скал Аттики, но не могли укорениться на плодородных берегах Еврота»¹.

Там, где люди изначально кормятся трудом и вынуждены постоянно бороться с трудностями, их усилия исправляют дефекты ситуации: в то время как сухие, заманчивые и здоровые земли остаются невозделанными², огромный труд тратится на осушение зловонных болот, части суши отвоёвываются у моря, отгораживаясь от него могучими дамбами, и цена использованных материалов и приложенного труда едва ли окупаются полученным в результате кусочком суши, не стоящим всех этих усилий. Открываются гавани, их заполняют грузовые суда — настолько громадные, что, если при их строительстве не делали расчета на существующие условия, то окружающие воды оказываются недостаточно глубоки, для того чтобы спустить их на воду. На илистом основании возводятся красивые и величественные здания; в этой явно негостеприимной для людей местности создается изобилие различных приспособлений для человеческой жизни. Не следует думать, что развитие ремесел и торговли определяется наличием неких природных предпосылок. Люди, встречая на своем пути определенные трудности, предпринимают больше усилий, чем живя в благополучии: жизнь в тени бесплодного дуба или

¹ Небольшая река в Лакедемоне. (См.: Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969. Рассуждение о происхождении неравенства С. 56. — *Ред.*)

² Сравните Венгрию с Голландией.

сосны более благоприятна для человеческого гения, чем жизнь среди пальм и тамариндов.

Исходя из вышеприведенных наблюдений, в число преимуществ, позволяющих нациям добиваться успехов в политике и ремеслах, следует включить все те обстоятельства, которые позволяют им дробиться и существовать в виде самостоятельных сообществ. Общество и конкуренция с другими людьми не более необходимы для становления индивида, чем межнациональная конкуренция для оживления принципов политической жизни в государстве. Их войны и договоры, их взаимная ревность и те институты, которые они образуют в расчете друг на друга, составляют более половины всех занятий человечества и составляют предмет их наиболее плодотворных приложений сил. По этой причине наилучшими условиями для появления независимых и уважаемых наций являются группы островов, континенты, пересеченные естественными преградами, великими реками, горными хребтами, морскими заливами. При четко установленном различии между государствами повсеместно идет утверждение принципа политической жизни, и столица каждого региона, подобно сердцу в теле живого существа, легко разносит по всем членам живую кровь — дух нации.

Наиболее уважаемые народы всегда селились там, где хотя бы одна из их границ омывалась морем. Однако, это препятствие, очевидно являвшееся самым непреодолимым во времена варварства, даже тогда не избавляло от забот о защите берегов; а при развитых искусствах море предоставляет прекрасные возможности для торговли.

Соответственно, благоденствующие и независимые нации оказались разбросанными по берегам Тихого и Атлантического океанов. Они окружают Красное, Средиземное и Балтийское моря; за исключением немногочисленных племен, селящихся среди гор на границе с Индией и Персией и тех, которые селились по бухтам и берегам Каспия и Понта Эвксинского¹, на

¹ То есть Черного моря. — *Ред.*

огромном азиатском континенте едва ли найдешь народ, заслуживающий названия нации. В целом же эта бескрайняя равнина служит местом непрерывного кочевья орд, вытесняющих и пугающих друг друга в ходе бесконечной вражды. Хотя на деле они, вероятно, никогда не смешиваются ни в процессе охоты, ни в поиске пастбищ, они не обладают одной важной отличительной чертой наций — определенностью территории и привязанностью к месту рождения. Они передвигаются, как войско, не обладая свойственными нациям установлениями и согласованностью; они становятся легкой добычей каждой новой империи, создающейся вблизи их, либо китайцев и московитов, с которыми они ведут обмен средствами к существованию и предметами роскоши.

Там, где складывается удачная система наций, сохранение их самостоятельных имен и их политической независимости уже не находится в зависимости от воздвигнутых природой барьеров. Взаимная ревность заставляет их поддерживать равновесие сил; и этот принцип — более чем Рейн и океан, Альпы и Пиренеи в современной Европе, более, чем ущелье Фермопилы и горы Фракии или заливы Саламина и Коринфа в древней Греции — способствует поддержанию отдельного существования, которому обитатели этого благодатного климата обязаны своим национальным благополучием, своей славой и своими гражданскими установлениями.

Если мы ставим себе целью исследование гражданского общества, то внимание наше должно быть главным образом обращено именно на последние образцы; и здесь нам надо распрощаться с теми районами земли, в которых человек в силу особенностей местоположения или климата кажется скованным в своем национальном развитии и ущербным в смысле развития способностей духа.

Раздел II

ОТ РАВЕНСТВА К СУБОРДИНАЦИИ¹

До сих пор мы рассматривали людей либо объединенными между собой на началах равенства, либо вступившими в зависимость, основанную исключительно на подлинном уважении и любви к своему вождю. И в том, и в другом случае у них отсутствовал какой бы то ни было согласованный план правления или система законов.

Дикарь, все имущество которого состоит из его хижины, шкур и оружия, сам себе обеспечивает еду и безопасность и тем довольствуется. В общении с равными ему людьми он не сталкивается с такими предметами спора, которые следовало бы передать на рассмотрение судьи; не встречает он и стремления у окружающих возвыситься над ним и установить постоянное руководство.

Варвар, несмотря на то, что его восхищение личными качествами вождя, сознание доблести героической расы своего предводителя и его имущественного превосходства заставляют его идти под знаменами вождя, играя при этом подчиненную роль в масштабе племени, даже не представляет себе, что все это, совершаемое им добровольно, можно исполнять и по обязанности. Он движим любовью, не знающей формальностей; когда его провоцируют или вовлекают в распри, он хватается за меч как окончательное средство разрешения всех споров о правах.

Между тем, человеческое развитие продолжает свое поступательное движение. На место изначального стадного чувства со временем становится принцип единства нации, на место союза ради самозащиты — согласованный план политической деятельности; забо-

¹ В издании 1814 г. этот раздел озаглавлен «История политических учреждений». — *Ред.*

та о пропитании перерастает в тягу накопительства, являющуюся основой мастерства в торговле.

Человечество, руководствуясь теми представлениями, которыми оно обладает на данный момент, достигает — в стремлении устранить неудобства и получить весомые и ощутимые преимущества — таких результатов, которых и не способно было предвидеть его воображение; как и другие животные, оно следует зову природы, не зная, куда он его приведет. Человек, первым заявивший: «Это поле будет моим: я передам его своим потомкам», не знал, что стал основоположником гражданского права и политических учреждений. Тот, кто первым последовал за вождем, не знал, что создал модель постоянной субординации, прикрываясь которой разбойники будут захватывать его собственность, а наглецы — требовать, чтобы он служил им.

Люди вообще склонны заниматься построением различного рода проектов и схем; но тот, кто возьмется строить планы за других, обнаружит, что у любого из людей, желающего самостоятельно строить свои планы, найдутся возражения против его планов. Подобно ветрам, налетающим неведь откуда и дующим, куда им захочется, общественные формы происходят из некоего туманного далека; они возникают, прежде всякой философии, из инстинктов, а не из спекуляций. Толпа в своих поступках, установлениях руководствуется наличной ситуацией, и редко когда удается свернуть ее с этого пути и заставить следовать плану, созданному кем-то одним.

Даже в так называемый просвещенный век каждый шаг и каждое движение множества людей совершается с прежней слепотой относительно будущего; целые нации спотыкаются о те установления, которые представляют собой несомненно человеческое деяние, хотя и непреднамеренное¹. Слова Кромвеля² о том, что че-

¹ *De Retz. Memoirs.* — Де Ретц. Мемуары. [Кардинал Де Ретц, Жан Франсуа Поль де Гонди (1613—1679) — французский писатель и политический деятель, участник Фронды. — *Ред.*]

² Кромвель Оливер (1599—1658) — ключевая фигура английской революции XVII в. В 1649 г. провозгласил республику. — *Ред.*

ловек никогда не заходит так далеко, как в тех случаях, когда не знает, куда идет, тем более справедливы в применении к сообществам, так как в них заключено признание того, что великие революции случались безо всякого намерения произвести данные перемены и что даже лучшие из политиков не знают, куда заведут государство их проекты.

Если мы прислушаемся к свидетельствам современной истории, а также к наиболее достоверным рассказам древности; если мы присмотримся к жизнедеятельности народов в любой из частей света и в любом состоянии (варварском или цивилизованном), мы вряд ли найдем достаточно оснований отказываться от данного утверждения. Ни одна конституция не является плодом всеобщего согласия, ни одно правление не осуществляется по плану. Члены малого государства сражаются между собой за равенство; члены большого государства оказываются разбитыми на определенные сословия, чем закладывается фундамент монархии. Путем простых переходов следуют они от одной формы правления к другой и часто под старым именем принимают новую конституцию. Семена же каждой из этих форм коренятся в самой природе человека; каждое из них прорастает и достигает зрелости в надлежащее время. Преобладание того или иного вида зачастую является следствием едва заметного присутствия в почве определенного элемента.

Поэтому мы с осторожностью должны воспринимать традиционные истории о древних законодателях и основателях государств. Имена их прославлялись в течение долгого времени, люди восторгались планами, предполагаемыми авторами которых были они; а все, что реально происходило в эту далекую эпоху и являлось, вероятно, следствием конкретной ситуации, сплошь и рядом преподносится как воплощение их замыслов. Автор и его произведение связаны друг с другом наподобие причины и следствия. Это простейшая модель, в рамках которой можно рассматривать становление наций: в этом случае мы приписываем некоему предварительно составленному плану то, к чему возможно было прийти лишь путем проб и ошибок, то, чего не могла предугадать никакая человеческая

мудрость, то, к чему бы не смогла склонить людей никакая власть, не будь она сама проникнута духом и характером эпохи.

Если и в эпоху интенсивных размышлений люди, занятые поиском путей усовершенствования общества, являются связанными со своими учреждениями и, работая, испытывают множество общепризнанных неудобств, но не могут освободиться из пут обычаев, то каково пришлось бы им во времена Ромула¹ и Ликурга². Последние определенно не выказали бы особого восторга по поводу их инноваций и не отказались бы от привычных представлений: чем меньше знает человек, тем меньшей гибкостью и податливостью он обладает; чем ограниченной ум, тем менее способен он к совершенствованию.

Однако, нам кажется, что примитивные народы должны так сильно чувствовать дефекты условий своего труда и так ясно сознавать необходимость перестройки собственного образа действия, что они бы с готовностью и радостью приняли любой план улучшения и безоговорочно согласились бы подчиниться любому дельному предложению. Таким образом, мы склонны верить, что арфа Орфея³ способна в одну эпоху добиться того, чего не в силах добиться в другую эпоху красноречие Платона⁴. Однако, мы ошибочно представляем себе первобытную эпоху: человечество, по всей очевидности, отличалось тогда наименьшей взыскательностью и меньше всего желало реформировать что бы то ни было.

Несомненно, некоторые общественные установления восходят ко временам Рима и Спарты: но, вероятно, формы правления этих государств явились следствием стечения обстоятельств и гениальности народов, а не осуществлением проектов отдельных людей; а

¹ Легендарный основатель Рима VIII в. до Р.Х. — *Ред.*

² Ликург — легендарный спартанский законодатель IX—VIII вв. до Р.Х. — *Ред.*

³ Орфей — мифологический певец, сын Каллиопы, музы эпической поэзии и науки. — *Ред.*

⁴ Платон (428/427—347 до Р.Х.) — крупнейший философ-идеалист древней Греции. — *Ред.*

прославленные военачальники и государственные мужья, почитаемые за отцов-основателей, лишь возглавляли массы, чья деятельность была направлена на создание данных институтов. Именно массы оставили потомству имена немногих прославленных личностей, указав на них как на авторов тех установлений, которые те застали уже существующими и которые помогли им сформировать их собственный талант, как и таланты прочих сограждан.

Раньше уже отмечалось, что обычаи ранних народов во многих частностях совпадают с тем, авторство чего приписывается государственным деятелем древности; что невозможно поставить в заслугу одному или нескольким людям изобретение и воплощение в жизнь модели республиканского правления, сената, народного собрания и даже принципов равенства собственности или общность владения имуществом.

Если мы будем считать основателем римского государства Ромула, то придем к очевидному выводу, что этот человек, убивший собственного брата, для того чтобы править единолично, не желал никаких ограничений со стороны такого противовеса, каковым была власть сената, и не хотел передавать часть своих полномочий коллективным органам власти. Властолюбие по самой своей природе не приемлет ограничений; так что данный вождь, как и каждый предводитель той первобытной эпохи, вероятно, столкнулся с неким готовым посягнуть на его власть классом, без которого он, однако, не мог обойтись. Он дождался случая, когда, как по зову трубы, весь народ был в сборе, и принял решения, которые, возможно, кто-то тщетно пытался оспорить, а кто-то предлагал свое. А Рим, зачатый по тому же нехитрому замыслу, что и любое древнее общество, надежно совершенствовался в процессе решения его гражданами текущих задач и принимал политические очертания по мере того, как занимался согласованием притязаний возникших в государстве партий.

Уже на самых ранних стадиях развития человечество начинает жаждать богатства и восхищаться знатностью. Ему свойственны алчность и честолюбие, порой они толкают его к грабежу и завоеваниям, но в обыч-

ных условиях эти мотивы уравниваются или сдерживаются другими привычками и занятиями — ленью или невоздержанностью, личными пристрастиями или враждой — отвлекающими от своекорыстных интересов. Данные обстоятельства по временам заставляют человечество и распускаться, и неистовствовать, они являются истоками и гражданского мира, и беспорядков, но они же лишают тех, кто идет на все эти крайности, способности удержать награбленное; порабощение и разорение в основном представляют собой внешние угрозы, война же, как наступательная, так и оборонительная, является для каждого племени делом огромной важности. Враг занимает их мысли. Не оставляя места для внутренних раздоров. Однако, каждая самостоятельная общность стремится обезопасить себя; и по мере того как ему удастся достичь этой цели — с помощью укрепления границ, ослабления своих врагов, усиления друзей — индивиды начинают задумываться о собственной прибыли или убытках: вождь норовит увеличивать преимущества собственного положения; подчиненные его с ревностью относятся к посягательству на свои права; а стороны, ранее объединявшиеся в силу сердечной склонности, привычки и заботы о коллективном самосохранении, расходятся и каждая сторона стремится доказать свои права на старшинство или прибыль.

Когда, таким образом, внутри страны начинается фракционная вражда, и стремлению к свободе начинает противостоять стремление к господству, члены каждого общества обретают новую область приложения собственных сил. До этого им приходилось ссориться в связи с отстаиванием личных интересов; они балансировали между различными вождями; но они никогда не объединялись как граждане для оказания отпора посягательствам на свой суверенитет или для утверждения собственных прав как единого народа. И если в этом состязании князь находит много сторонников, а также и противников своих устремлений, то меч его, ранее обагрившийся кровью иностранных захватчиков, мог теперь быть приставлен к груди соплеменника. Теперь каждое перемирие с внешним врагом могло быть заполнено войной внутри страны. На народных

собраниях звучат священные имена Свободы, Справедливости и Гражданского порядка; в отсутствие иных тревог они придают обществу исчерпывающие основания для возбуждения и враждебности.

Если то, что рассказывают о мелких царствах, существовавших в древности в Греции, Италии и в других частях Европы, соответствует тому, что мы говорили о новых чертах людей, выявившихся под влиянием собственности, частных интересов и различий в происхождении, то возникновение в рамках данных государств мятежей и внутренних войн или споры вокруг прерогатив суверена и привилегий подданного вполне соответствуют нашим описаниям первых шагов к политическим установлениям и законной конституции.

То, какой была эта конституция в ее первоначальном виде, зависит от разнообразных обстоятельств, связанных с условиями существования племен. Это зависит от размеров первобытного племени, от степени неравенства, которому подчинилось человечество, прежде чем начало обсуждать его злоупотребления: это зависит также от того, что мы зовем *случайностями* — от личности индивида и событий военного времени.

Каждое сообщество изначально является маленьким. Начальная склонность людей к объединению не тождественна с тем принципом, в соответствии с которым они впоследствии стремятся расширить границы своей империи. Мелкие племена, если их не объединяют общие цели, такие как завоевания или безопасность, являются даже противниками коалиции. Если многие племена объединялись для осуществления общей цели, как это было в случае с реальной, либо мифической конфедерацией греков во имя разрушения Трои, то затем они легко размежевывались и вновь превращались в соперничающие государства.

По-видимому, разные народы обладают неодинаковой способностью сообщения страстей одного индивида другому, другим или всем; у каждой общности свой количественный предел, в рамках которого люди способны собираться вместе и действовать как единой целое. Если же при размерах общества, не выходящих за эти пределы, члены его легко сходятся вместе и между ними возникают споры, государству в таких ус-

ловиях, как правило, удается сохранять республиканские принципы и установить демократию. В наиболее древних царствах прерогативы царька основаны на славе его рода и на добровольном подчинении ему членов племени: находящиеся под его началом люди являются и его друзьями, и его подданными, и его войском. Если же что-то в их поведении дает основания полагать, что они перестали чтить его и претендуют на равенство, считая, что он слишком много на себя берет, значит власть его уже подорвана. Когда добровольный подданный отказывается повиноваться, когда значительная часть общества или коллективный орган управления начинает действовать в собственных интересах, маленькое царство, такое как Афины, конечно же, превращается в республику.

Смена условий и поведения, при которой в ходе развития человечества происходит закрепление власти за вождем или князем, одновременно порождает знать и сословные различия, и каждое из сословий, будучи иерархически подчинено какому-то другому, имеет притязания на собственное достоинство. Предрассудки также способны выстраивать иерархии личностей, которые, благодаря обладанию определенным духовным саном, тоже имеют собственные интересы; таковые вследствие их организационного единства и твердости, а также неизменных амбиций заслуживают того, чтобы числиться в ряду претендентов на власть. Данное разнообразие общественных слоев составляет ту совокупность, которая и является политическим субстратом; каждая из сторон привлекает к себе какую-то часть общей массы. В определенных случаях и сам народ превращается в отдельную партию; а некоторые сегменты общества, каким бы ни было их классово-сословное положение, начинают — благодаря дисгармонии их притязаний и воззрений — играть роль взаимных сдержек и противовесов. Выдвигая в общественном собрании принципы и воззрения определенного политического свойства, защищая определенные интересы, эти сегменты общества вносят свою лепту в формирование и сохранение данного политического устройства.

Притязания любого политического строя, не будучи уравновешены какой-то другой силой, непременно

заканчиваются установлением тирании; если это притязания властителя, развязкой будет деспотизм; притязания знати или духовенства чреваты издержками аристократического правления; притязания народа заводят в хаос анархии. Поскольку к подобным результатам никто не стремится, то их не найдешь в программах партий ни в явном, ни в скрытом виде. Однако, если позволить любой партии последовательно осуществить задуманные меры, это постепенно заведет ее в указанную крайность.

В процессе этого восхождения к власти и преодоления помех, создаваемых противоборствующими интересами, свобода может приобретать как постоянный, так и временный статус, а конституция быть столь же различной по своей форме и содержанию, сколь различны сочетания множества противоборствующих сторон.

Для воцарения в обществе некоторой политической свободы, пожалуй, достаточно чтобы члены этого общества, либо поодиночке, либо как участники различных организаций, отстаивали свои права. В условиях республики гражданам надлежит либо настойчиво утверждать принцип равенства, либо умерять притязания прочих сограждан, налагая на них некоторые ограничения. В условиях монархии представители каждого сословия должны заботиться о своей личной и сословной чести и не приносить в жертву ни двору, ни толпе тех сословных привилегий, которым назначено, не взирая на имущественный статус, в определенном смысле служить опорой трону и обеспечивать уважение к подданным.

В ходе межпартийных споров порой забываются интересы общества и даже принципы справедливости и благодушия; и все же подобное развращенное состояние не всегда ведет к фатальным последствиям. Соблюдение общественного интереса обеспечивается не радением за него всех людей, а тем, что каждый индивид со своей стороны решительно отстаивает собственный интерес. Свобода сохраняется благодаря постоянным противоречиям и столкновениям между группами людей, а не благодаря конкурентным усилиям, предпринимаемым внутри справедливого правительства. Поэтому в свободных государствах мудрейшие из за-

конов никогда, пожалуй, не принимаются под давлением интересов и воззрений какой-то одной организации: их выдвигают, им противостоят и улучшают самые разные силы; и в конце концов они становятся выражением того посредничества и компромисса, которые соперничающие партии вынуждены принять.

Рассматривая под этим углом зрения историю человечества, мы не можем не заметить причин, в силу которых в мелких сообществах перевес оказывался на стороне демократии, а в более крупных, с точки зрения численности населения и территории, государствах приводили к власти монархию. Эти же причины в различные периоды и при различных обстоятельствах позволяли объединять и смешивать отдельные черты различных общественных форм, результатом чего являлась не упомянутая нами простая конституция¹, а некое смешение всего, что только возможно.

От людей, выходящих из первобытного состояния, следует ожидать, что они поступками их будет двигать тот дух равенства или умеренного подчинения, к которому они привыкли. Сгрудившись в городах или на другой ограниченной территории, они поддаются стадному чувству, и каждый человек чувствует, что его фигура обладает собственной долей влияния в данной толпе и обладает сознанием малочисленности целого. Искатели власти и господства представляются большинству слишком знакомыми и к тому же не обладают подкреплением для обуздания упрямцев, противодействующих их устремлениям. Рассказывают, что Тесей, царь Аттики, собрал население своих двенадцати племен в одном городе. Тем самым ему удалось составить единую демократию из того, что раньше было его отдельными подданными монархии, и ускорить падение царской власти.

Монарх, владеющий обширной территорией, обладает многими преимуществами в смысле сохранения собственной власти. Не причиняя никаких неудобств своим подданным, он способен крепить величие царской династии, поражая воображение людей тем

¹ См.: Часть 1. Раздел 10.

самым богатством, которым он им и обязан. Он может срашивать между собой население различных местностей; а так как дух мятежа и повстанчества в каждый данный момент способен охватить лишь часть его владений, он всегда остается обладателем надежной власти. Даже та отдаленность, на которой находится он в отношении многих из своих подчиненных, увеличивает мистическое поклонение и уважение к его правящей особе.

Все описанное представляет собой лишь общую тенденцию; между тем, стечение обстоятельств или развращенность общества способны изменить естественную тенденцию, порождая исключения из общего правила — что и имело место в ряде поздних принципалитетов Греции, а также в современной Италии, Швеции, Польше и в германской империи. Но Соединенные Штаты Нидерландов и швейцарские кантоны представляют собой, пожалуй, наиболее обширные из сообществ, которые, сохраняя единство страны, неизменно преуспевают в противостоянии тенденции монархического правления; а Швеция является единственным примером республики, созданной в обширном королевстве на руинах монархии.

Суверен крошечной местности или одного единственного города, не культивируя монархических традиций, как это случается в современной Европе, держит свой скипетр неуверенно, постоянно опасаясь бунта собственного народа, ведомый ревностью и удерживает свою власть с помощью жестокости, насилия и превентивных мер.

С аналогичными трудностями в сохранении своего положения могут столкнуться народная и аристократическая власти в масштабе великой нации, как это имеет место в Германии и Польше. Дабы избежать угрозы узурпации власти королевской династией, они оказываются вынуждены поступаться даже контролем над исполнительной властью.

Своими первоначальными поселениями государства Европы заложили основы монархии и были готовы объединиться в рамках постоянных и правительств с обширными полномочиями. Если греки, чье внутреннее развитие привело к созданию множества независи-

мых республик, осуществили при Агамемноне захват и создание поселений в Азии, то этому примеру могли бы последовать и другие народы. Но аборигены различных стран, образовав самостоятельные племена, постепенно пришли к той коалиции, в которую устремились племена-захватчики, совершившие уже свои завоевания и желавшие закрепить их за собой. Цезарь насчитал несколько сотен независимых народов в Галлии, объединить которые надлежащим образом не могла даже общая опасность. Германские завоеватели, поселившиеся на землях римлян, образовали там несколько государств, но это были более крупные единицы, чем то, чего смогли достичь галлы за многие века договоров, союзов и войн.

Семена великих монархий и обширных владений были повсеместно заронены поселениями, являвшимися осколками распавшейся римской империи. У нас нет точных сведений о численности тех, кто с видимым единодушием стремился на протяжении ряда веков захватить этот вожделенный приз. Там, где ожидалось сопротивление, они пытались стянуть достаточное количество сил; когда же они собирались организовать поселение, к разделу трофеев подтягивались целые нации. Разбросанные по обширным владениям, в пределах которых они могли обеспечить свою безопасность лишь сохранением союза, они продолжали слушаться военачальника, под чьим руководством сражались ранее; и подобно любой армии, расквартированной по разным местам, были готовы воссоединиться всякий раз, как только того возникнет нужда воевать или обсуждать проблемы.

Каждая отдельная сила занимала определенное положение, каждый начальник внутри иерархии обладал собственностью, за счет которой должен был содержать и себя, и своих подчиненных. Модель правления была позаимствована из военной практики, и чиновник-офицер наделялся поместьем как некой временной платой, соответствовавшей его рангу¹. Одним

¹ См.: *Dr Robertson. History of Scotland. V. 1.* — Робертсон У. История Шотландии [Робертсон Уильям — ректор Эдинбургского университета. — *Ред.*].

классам было назначено нести военную службу, другим — работать и обрабатывать землю в пользу своих хозяев. Офицер постепенно улучшал собственное положение — прежде всего, он сменил временное владение на пожизненное; последнее же при определенных условиях могло перерасти в право передачи имущества по наследству.

Знатность повсеместно превратилась в наследственную категорию, что вызвало к жизни в каждом государстве сильный и постоянный сословный порядок. Знать, державшая народ в подчиненном положении, в то же время, оспаривала притязания суверена; порой она самоустранялась или восставала против него. Она создавала прочный, непреодолимый барьер, защищающий от общего деспотизма в государстве; но сами они с помощью своих воинственных вассалов повсеместно утверждали собственную тиранию, препятствуя установлению порядка и надлежащему применению закона. Они использовали слабость власти или поддержку меньшинств для организации посягательств на суверена; либо, сделав монархию выборной, они затем, посредством ряда уступок и договоренностей, использовали каждые выборы для ограничения и подрыва монаршей власти. В некоторых случаях, как например в германской империи, прерогативы короля сводились к простому обладанию титулом, а сам национальный союз — к соблюдению нескольких незначительных формальностей.

Там, где борьба суверена и его вассалов в условиях обладания короной обширными наследственными прерогативами развивалась по иному сценарию, феодальные лорды постепенно лишались власти, знать была поставлена в положение подданных государства, и возможность пользоваться привилегиями и полномочиями была поставлена для них в зависимость от князя. Именно его интересам отвечало низведение их до положения таких же подданных, как и остальная масса народа, а также расширение собственной власти, чего он мог достичь, избавив работника и вассала от гнета со стороны их непосредственных хозяев.

В этом плане европейские князья действовали с переменным успехом. Защитив людей и стимулировав тем самым развитие коммерции и предпринимательст-

ва, они вместе с тем подготовили почву для государственного деспотизма. Политика, освобождавшая подданных от многих видов угнетения, одновременно усиливала власть короны.

Но там, где по конституции люди имели своего представителя в правительстве и главу, под защитой которого они могли пользоваться собственным богатством и обладать сознанием собственной значимости, — там эта политика оборачивалась против короны; она создавала новую власть для того чтобы ограничить прерогативы, установить власть закона и открыть новые перспективы в истории человечества; союз монархии и республики в условиях обширности владений обходился без военной силы на протяжении нескольких веков.

Таковы были те этапы, через которые нации Европы пришли к их нынешним установлениям: в некоторых случаях, они пришли к обладанию правовыми конституциями, в других — к осуществлению необузданного деспотизма или к продолжению борьбы с тенденцией тяготения к той или иной из названных крайностей.

Расширение империи в период становления Европы угрожало своей стремительностью и могло похоронить независимый дух наций в той же могиле, в которой нашли упокоение османы-завоеватели вместе с теми несчастными народами, которые были стерты ими с лица земли. Римляне же были вынуждены расширять границы своей империи медленно; каждое новое приобретение давалось им ценой утомительной войны, а для обеспечения сохранности нового владения требовалось создавать поселения и принимать ряд других мер. Но так как с момента вступления во владение феодальный господин был одержим стремлением расширять свою территорию и умножать численность своих вассалов, он часто присоединял к себе новые территории путем чисто формального вступления во владение ими и обретал, таким образом, независимые государства в качестве подданных его растущего доминиона, не производя при этом никаких инноваций в их политике.

Отдельные княжества были готовы к объединению, как детали машины, они походили на кирпичики, при-

готовленные для строительства дома. В результате боев между ними происходило либо соединение их в одно целое, либо легкое расчленение их. Независимость слабых государств сохранялась исключительно благодаря взаимной ревности сильных или вследствие стремления всех сторон к поддержанию сложившегося баланса сил.

Удачная политическая система, на которую опирались европейские государства при сохранении данного баланса, умеренность, которая в процессе заключения договоров стала привычной даже для мощных и победоносных монархий, — все это делает честь человечеству и позволяет надеяться на достижение благополучия. Данное упование, никогда ранее не достигавшее, пожалуй, такой силы, как сейчас, основано на предположении, что народ-завоеватель погубит себя самого и своих соперников.

Именно наблюдая подобные государства, мы, как под увеличительным стеклом, можем с наибольшей отчетливостью различать отдельные составляющие политического целого и констатировать то совпадение или несовпадение интересов, которое ответственно за объединение или размежевание различных представителей общества, заставляющее их выдвигать различные требования и устанавливать различные политические формы. Между тем, из аналогичных частей слагаются и самые мелкие республики; тем же духом движимы и их жители. Они дают примеры правительств, различающихся по составу входящих в них партий и по неравенству возможностей участия в конфликте, которыми обладают различные партии.

В каждом обществе существуют стихийные зависимости, не связанные с формальными общественными установлениями и зачастую противоречащие конституции. В то время как правительство и народ говорят формальным языком и, кажется, не признают притязаний на власть, если те не имеют под собой, в одном случае, правовых оснований, а в другом — соответствующих наследственных привилегий, то названная стихийная зависимость, способная возникнуть на почве распределения собственности или из других обстоятельств, ответственных за неравенство в плане

влияния, придает государству его специфический облик, его индивидуальный характер.

Жизнь плебса в Риме долгое время считали явлением низшего порядка, высшие структуры власти игнорировали ее; но она оказалась достаточно сильным институтом и уничтожила это постыдное разграничение. Но индивид, продолжающий находиться в плену представлений о низшем сословии, при любых выборах отдавал свой голос патрицию, под покровительством которого ему уже довелось жить и чей личный авторитет был для него вполне осязаем. Благодаря этому, господство семей патрициев на протяжении определенного периода являлось настолько полным, насколько это позволяли признанные принципы аристократии; но по мере того как высшие государственные должности стали занимать плебеями, влияние бывших различий было ослаблено или вовсе исчезло. Законы, призванные учитывать притязания различных слоев общества, с легкостью обходились. Чернь превратилась в особую фракцию, и альянс с нею стал наивернейшим путем к господству. Клавдий¹, инсценировав усыновление его плебейской семьей, получил право стать народным трибуном; а Цезарь оказанием поддержки этой фракции проложил себе путь к узурпации власти и тирании.

В данных мимолетных, преходящих ситуациях формы правления выступают как процедурные правила, которыми каждый последующий век отличается от предыдущего. Фракции всегда готовы использовать любые случайные преимущества; а люди, спасаясь от какой-то одной партии, как правило, оказываются в объятиях ее конкурента. Катон² выступил с Помпеем³ против Цезаря и ничего так не остерегался, как такого

¹ Тиберий Клавдий Нерон Германик (10 до Р.Х. — 54 н.э.). Рим. Представитель древнего патрицианского рода. Император с 41 г. — *Ред.*

² Порций Катон (Младший или Утический), Марк (95—46 до Р.Х.) — государственный деятель-республиканец. — *Ред.*

³ Помпей Великий (106—48 до Р.Х.) — представитель римского плебейского рода. Полководец и государственный деятель. После поражения при Фарсале бежал в Египет и там был предательски убит. — *Ред.*

примирения партий, которое на деле явилось бы объединением различных вождей, направленным против свободы республики. Эта прославленная личность выделялась из других деятелей эпохи, как зрелый муж из числа детей, он возвышался над своими оппонентами благодаря справедливости выносимых им суждений, пронизательности, а также мужским достоинством и беспристрастностью, с какими он стремился разрушать всякие тщетные и ребячливые амбиции, пагубные для человечества.

Хотя свободные конституции правления почти никогда не являются созданием одного творца, сохранение их часто обеспечивается бдительностью, активностью и воодушевлением отдельной личности. Счастливы те, кто понимает это и посвящает свои заботы данному предмету; счастливы люди, когда эти заботы не приходят слишком поздно. Все это было отложено до кануна великой революции, дабы осветить собой жизни таких личностей, как Катон или Брут¹, дабы тайно подогревать негодование Тразея² и Гельвидия³ и занимать умы мыслителей во времена упадка. Но даже в подобных запоздалых и недейственных примерах полезно распознать и оценить столь важный для человечества предмет. Само по себе исследование и любовь к нему, пусть даже безрезультатная, проливают свет на человеческую природу.

¹ Юний Брут, Марк — друг (возможно, сын) Юлия Цезаря, один из организаторов его убийства. — *Ред.*

² Клодий Тразея Пэт Публий — римский сенатор, был в оппозиции к Нерону. Покончил с собой в 56 г. по Р.Х. — *Ред.*

³ Гельвидий Приск (Старший), Гай — зять Тразея Пэта. Казнен в 73 или 74 г. — *Ред.*

Раздел III

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ ВООБЩЕ И О СВЯЗАННЫХ С НИМИ УСТАНОВЛЕНИЯХ И ОБРАЗАХ ДЕЙСТВИЯ

Если способ реализации зависимости складывается стихийно, а формы правления возникают, главным образом, благодаря характеру первоначального сословного деления, а также разнообразным обстоятельствам, поспособствовавшим укреплению позиций в данной стране тех или иных категорий граждан, то некоторые цели заслуживают особого внимания любого правительства. Эти цели занимают ведущее место в представлениях и рассуждениях о человечестве в любом обществе, они не только составляют объект забот государственных деятелей, но и в определенной мере нацеливают сообщества на те институты, благодаря авторитету которых правительство сохраняет за собой власть. К числу таких целей относятся национальная оборона, судопроизводство, сохранение государства и его благоденствие. Мы должны сознавать, что при невнимании к этим целям исчезает то поле деятельности, в рамках которого происходит борьба за власть, привилегии или равенство между различными партиями, исчезает и само общество.

Рассмотрение любых вопросов с точки зрения данных целей является обязанностью каждого народного собрания; именно оно должно привносить в политическую борьбу стремление ориентироваться на здравый смысл и общечеловеческие позиции. Такой подход, противостоящий индивидуальным позициям отдельных людей, равно как и притязаниям отдельных партий, сможет играть роль верховного законодателя наций.

Способы достижения большинства целей общенационального масштаба являются взаимосвязанными и должны быть осуществляемы вместе: зачастую между

ними существует полное совпадение. Сила, предназначенная для обороны против внешнего врага, может быть использована и для поддержания мира внутри страны. Законы, обеспечивающие права и свободы народа, могут служить стимулами к росту населения и развитию торговли. И любое сообщество, безотносительно к тому, какую классификацию или определение дадут его целям мыслящие люди, будет обязано отдавать предпочтение той форме, которая наилучшим образом послужит сохранению имеющихся преимуществ или предупреждению возможных бед.

Между тем, нации, как и люди, отличаются собственными излюбленными целями и имеют каждая свои главные занятия, что придает неповторимый облик образу их поведения и их общественным установлениям. Одна и та же цель может достигаться ими разными способами, и, подобно, людям, каждый из которых зарабатывает себе на жизнь своей профессией, они при любых обстоятельствах сохраняют те специфические навыки, которые дало им их призвание. Римляне разбогатели благодаря завоеваниям, и хотя этот настрой на войну грозил опустошением, на протяжении некоторого времени им, вероятно, удавалось увеличивать численность населения земного шара. Некоторые нации ширятся и достигают господствующего положения на принципах коммерции; таковые, несмотря на то, что намерения ограничиваются накоплением богатства у себя на родине, наращивают вместе с тем и имперское влияние за рубежом.

Воинственные и торговые наклонности объединяются в одном характере весьма многими способами, и здесь в той или иной степени играют роль обстоятельства, — такие как частота возникновения войн и появления захватнических настроений; обстоятельства способны предоставить людям возможность наращивать собственные ресурсы, либо приобретать у иностранцев, в обмен на продукты собственного производства, то, чего нельзя произвести на своей земле и в своих климатических условиях.

Членов каждого сообщества в той или иной степени (а именно, в зависимости от того, позволяет ли им их конституция участвовать в управлении и обращает

ли она их внимание на общественно значимые цели) занимают государственные вопросы. Таланты каждого народа развиты или неразвиты ровно настолько, насколько они используются в занятии ремеслами и в общественных делах; человеческая деятельность способна совершенствоваться или деградировать в зависимости от того, получают ли люди стимулы и наставления поступать в соответствии с принципами свободы и справедливости или же их низводят до состояния униженности и раболепия. Но каких бы преимуществ ни получали и каких бы опасностей ни избегали нации в данном важном вопросе, достигнутое ими рассматривается как нечто случайное и несущественное и лишь изредка попадает в разряд целей проводимой политики или причисляется к основам государственного строительства.

Мы боимся быть осмеянными в случае, если потребуем, чтобы политическое устройство занималось такими делами, как развитие человеческих талантов и привитие обществу либерального духа: для того чтобы вдохновить обычных людей на что бы то ни было, повлиять на их поступки, мы считаем необходимым пробудить в них личную, корыстную заинтересованность; посулить им внешние преимущества. Смелыми, изобретательными, красноречивыми они способны быть лишь по необходимости или ради наживы; они превозносят ценность богатства, многочисленного населения и других ресурсов, необходимых для ведения войны, и часто забывают при этом, что эти факторы утрачивают всякое значение в отсутствие умения распорядиться талантами, в отсутствие поддержки национальной жизнеспособности. Поэтому уместней ожидать, что государства станут проводить политику, направленную на обеспечение общественной безопасности, свободы личности или неприкосновенности частной собственности, нежели политику, рассчитанную на определенный моральный эффект и нацеленную на совершенствование человеческого гения.

Раздел IV

О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ И БЛАГОСОСТОЯНИИ

Когда мы пытаемся представить, что чувствовали римляне, когда их достигла весть о том, что в Каннах погиб цвет их войска¹, когда мы задумываемся о том, что подразумевал оратор, говоря: что «Молодое поколение в каждом народе, что весна среди других времен года»; когда мы узнаем, с какой радостью в Америке принимают в семью охотника или воина, способного защитить честь семьи и племени, мы начинаем сознавать, сколь несравнима по своему значению задача сохранения и преумножения сограждан. В ней сливаются воедино корыстные интересы, душевная привязанность и политические соображения. Не принимать во внимание этой цели способен лишь тиран, не видящий, в чем состоит его выгода, и государственный муж, пренебрегающий своими обязанностями, а также те развращенные люди, которые видят в своих собратях лишь соперников, чьи личные интересы противоречат их собственным, лишь конкурентов в погоне за наживой.

Для первобытных обществ и всех малых сообществ вообще, жизнь которых проходит в постоянной борьбе с невзгодами, главной целью является сохранение и преумножение численности членов своей общины. Абориген Америки измеряет собственное поражение не сдачей позиций, а числом потерянных в схватке людей, победу же — не отвоеванной территорией, а количеством захваченных пленников. Самым дорогим приобретением считается у него человек: тот, с кем он может разделить все свои дела и заботы, кого может по-дружески обнять; человек для него — это и объект любви, и соратник в бою.

¹ Поражение от карфагенского полководца Ганнибала при Каннах, (Апулия) в 216 г. до Р.Х. — *Ред.*

Даже в ситуации, когда дружба между людьми исключена, общество, формирующее массы, способные защитить себя и бросить вызов врагу, видит свою главную цель в преумножении численности людей. Соответственно, ценнейшим трофеем врага явятся пленники, которых можно будет включить в собственную семью, или дети обоих полов, из которых можно вырастить членов своего общества. Принятие римлянами побежденных в число жителей своего города, похищение ими сабинянок¹ и последующее вступление в коалицию с сабинянами — то были не единичные и не исключительные для истории человечества случаи. Эта же политика осуществлялась и считалась естественной и бесспорной везде, где сила государства заключалась в руках горстки людей, где люди обладали собственной ценностью, не связанной с их сословным и имущественным положением.

Следовательно, несмотря на то, что первобытные люди существовали в виде малочисленных объединений, представляется, что эта слабая населенность не являлась результатом невнимания их государств к вопросу увеличения численности. Кажется даже, что наиболее эффективной стратегией увеличения численности рода было бы предотвращение межнациональных коалиций и такое ограничение числа членов сообществ, при котором главной заботой каждого сообщества стало бы поддержание его численности. Правда, этого одного было бы недостаточно: вероятно, пришлось бы увеличить деторождение, что легко достижимо в условиях проведения благоприятствующей этой цели политики и достатка средств к существованию, обеспечиваемому развитием ремесел.

Если матери приходится с большим трудом добывать пропитание для себя самой, она не желает умножения числа своих детей. В Северной Америке, говорят, что она тяготеет к холодному или умеренному темпераменту, к воздержанию, на которое ее толкает тяжелая жизнь. Согласно ее представлениям о чести и

¹ При первом римском царе Ромуле. Второй царь Рима — Нума был сабинянин. — *Ред.*

совести, она должна сначала вырастить одного ребенка настолько, чтобы он смог питаться дичью и самостоятельно следовать за ней — и только тогда она может пойти на риск новой беременности.

На более теплых широтах (возможно, вследствие, иного темперамента, подогреваемого этим климатом, а также относительной легкостью обеспечения пропитания) численность людей возрастает, а сама эта цель предается забвению; половые связи, не вызванные заботой о приросте населения, становятся актом разврата. Говорят, что в некоторых местах они даже становятся предметом варварской политики, направленной на подавление или ограничение природных импульсов. На острове Формоза мужчинам запрещено жениться до достижения ими сорока лет, женщине же забеременевшей ранее тридцатилетнего возраста, решением магистрата делают аборт, означаящий насилие и риск для ее жизни и жизни ребенка¹.

В Китае предоставление родителям права убивать или бросать на произвол судьбы собственных детей, вероятно, было продиктовано желанием облегчить им бремя заботы о несметном потомстве. Но, несмотря на эти сообщения, столь отвратительные для человеческого сердца, подобная практика хотя и могла бы снизить численность населения, этого наверняка не произошло и, как это часто случается, имела эффект, противоположный предполагаемому. Названная поправка облегчала решение пар вступать в брак, а детей они все равно сохраняли.

При всей важности для человечества такой цели, как увеличение численности населения, в истории гражданской политики трудно отыскать какое-либо мудрое или действенное установление, специально предназначенное для достижения этой цели. Практика первобытных или слабых народов по своим целям не имеет к этому отношения или же сам образ жизни составляет непреодолимое препятствие для ее достижения. Конечно, самыми эффективными путями увеличения численности населения являются развитие про-

¹ *Collection of Dutch Voyages.*

мышленности, стремление людей совершенствовать ремесла, расширять торговлю, обеспечивать безопасность своих владений, а также утверждать свои права; но все это развитие происходит по иным мотивам: его движущими силами являются жажда наживы и обеспечение личной безопасности. Оно происходит ради блага тех людей, кто существует ныне, а не ради увеличения численности людей в будущем.

Между тем, важно сознавать, что чем совершенней политические институты страны и чем успешней развивается народное хозяйство, тем быстрее растет население. Что же до прочих факторов, считающихся благоприятствующими, то они лишь приносят разочарование и отвлекают от цели.

Те или иные приемы, применяемые государственными мужьями, могут быть полезны при организации поселения или компенсации единовременных потерь, причиненных эпидемией чумы или войной; но если, замышляя увеличение населения вообще, мы не думаем о свободе и счастье этих людей, наша забота о населении становится слабой и неэффективной. В этом случае мы скользим по поверхности, гоняемся за тенью, не замечая главного. Имея дело с государством в состоянии упадка, мы довольствуемся паллиативами, оставляя незатронутыми корни зла. Октавий¹ возродил или ввел в действие законы относительно населения Рима; но о нем и о многих других суверенах, находящихся в схожем положении, можно сказать, что они давали яд, думая, что дают лекарство, принимают за жизнь уныние и паралич и пытаются припарками вернуть цветущий вид увядшему и хилому телу.

К счастью для человечества, этот важный аспект не всегда зависит от мудрости суверенов и политики отдельных людей. Свободолюбивый народ оказывается в состоянии лучше следовать естеству, чем любой государственный департамент. Когда в роли знатоков этого вопроса выступают суверены или разработчики проектов, лучшее, что они могут сделать, это проявить

¹ Октавий Гай — отец будущего императора Августа Октавиана. Представитель древнеримского патрицианского рода. — *Ред.*

осторожность и не нанести вреда тем интересам, которым не в состоянии существенно способствовать, а также не разрушать того, чего не в состоянии восстановить.

«Когда народы заселяли небольшие территории и образовывали содружества, в которых каждый человек обладал своим домом и полем, а каждая страна — собственным свободным и независимым капиталом, какое удачное это было устройство, — говорит Юм, — как благоприятствовало оно росту промышленности и народонаселения!» Однако, при этом устройстве, вероятно, не существовало механизмов поощрения людей семейных и наказания одиночек, привлечения иностранцев на поселение и запрета для жителей покидать страну. Всякий житель, имевший возможность обезопасить свою собственность и создать определенные гарантии для наследников, был избавлен от мрачных опасений, связанных с риском оказаться под чьим-то гнетом или впасть в нужду; а там, где есть свобода реализации всех естественных функций, свобода растить потомство также не может быть ограничена. Природа выдвигает к сильным требование быть справедливыми; вместе с тем, сохранение содеянного ею самой она не решилась отдать в руки фантазеров. Какого еще горючего может подлить государственный муж в огонь молодости? Только бы он не заглушал этот огонь — и результат не замедлит сказаться. Если мы одной рукой угнетаем и унижаем человека, бессмысленно другой рукой протягивать пряник для семейных или грозить кнутом бездетным, как это делал Октавий. Бессмысленно приглашать из-за границы новых поселенцев, если даже коренные жители чувствуют себя на родине неуверенно, если не только перспектива содержания многолетней семьи, но и задача самообеспечения повергает их в отчаяние. Произвол суверена, поставившего своих подданных в подобные условия, ставит остатки его подданных в зависимость от мощных природных инстинктов, а не от тех или иных его ухищрений.

Люди скапливаются там, где возникает многообещающая ситуация, и, спустя несколько поколений, численность населения каждой страны становится соразмерна предоставляемым ею средствам к существо-

ванию. Население демонстрирует тенденцию к возрастанию даже в обстоятельствах, предвещающих спад. Человеческих ресурсов хватало и для частых войн римской империи, и для войн других жизнеспособных обществ; их хватало даже для эпидемий чумы и практики работорговли — важно было лишь не уничтожать источник пополнения этого, регулярно расходуемого ресурса и, заботясь о потомстве, не разрушать поставляющих его семей. Когда человечество оказывается в наиболее благоприятных условиях для размножения, государственный муж, мнящий, что прирост населения есть результат предпринятых им шагов, — таких как поощрение браков, привлечение иностранцев или запрет покидать страну, — становится похож на ту муху из басни, которая сидя на плече пахаря, воображала, будто пашет сама. На деле же он не более чем присутствует при процессе, разворачивающемся безо всякого его участия: работает веслом с намерением ускорить бурный поток, машет веером, дабы увеличить силу ветров.

Проекты масштабных поселений и резкого увеличения популяции, притом что, в конечном счете, они приносят успех, всегда даются человечеству большой ценой. Рассказывают, что в Петербург крестьян завозили, как скот, сотнями тысяч¹ ежегодно — с целью создания первоначального поселения; и столько же их ежегодно умирало там от голода². Житель Индии стремится селиться исключительно вблизи банановых деревьев и по мере роста своего семейства подсаживает к плантации по дереву.

Если бы для поддержания жизни человека было достаточно плантаций какао или пальм, то в теплом климате людей бы было, столько же сколько деревьев в лесу. Но во многих частях земли климат и почвы таковы, что само собой там практически ничего не вырастает, пропитание добывается исключительно трудом и умением. А если люди, оставаясь бережливыми,

¹ «Великое множество» — в русском издании 1817, часть II. С. 163. — *Ред.*

² *Strahlenberg.*

наращивают производство и совершенствуют ремесла, численность их должна соответственно увеличиваться. Поэтому-то возделанные равнины Европы лучше заселены, чем глухие леса Америки и татарские степи.

Но и у прироста населения, вызванного приращением богатства, есть свои пределы. Понятие о *жизненно необходимом* туманно и относительно: в представлении дикаря это одно, в представлении цивилизованного человека — другое. Для последнего это понятие предполагает интерес к жизни и определенные навыки. По мере совершенствования ремесел и приращения богатства, по мере того, как люди начинают рассматривать личную собственность и перспективы обогащения в качестве необходимых предпосылок создания семьи, они рьяно берутся за создание этих предпосылок. Но когда размер собственности индивидов, даже если они обладают ею в изобилии, не достигает стандартной величины, когда индивидам с трудом удастся сколотить себе состояние, достаточное для создания семьи, рост населения приостанавливается или же начинается его сокращение. Сознание гражданина начинает возвращаться к первобытному состоянию: он опасается, что дети его умрут с голоду, и перестает жить на широкую ногу, так как не обладает состоянием, соответствующим его положению и запросам. Накопление богатства само по себе не является панацеей от этого зла; ибо в обществе не кончается погоня за всякими редкими и дорогостоящими материалами; и если бы шелк и жемчуг вдруг стали общедоступными, люди начали бы стремиться к чему-то, что по карману лишь богатым. Дай им волю — и запросам их не будет предела: не обладание богатством, а лишь постоянная погоня за ним способно будоражить воображение.

Трудиться и заниматься предпринимательством людей заставляет стремление к наживе. Гарантируй работнику причитающееся ему вознаграждение за труд, обещай ему независимость и свободу — и общество получит верного слугу в деле обогащения и верного казначея для сохранения приобретенного богатства. Что же до роли государственного деятеля, то здесь, как и в вопросе увеличения численности насе-

ления, его дело — не мешать. Хорошо, если на стадии становления торговли он сможет победить присущее торговле мошенничество. В зрелой же стадии коммерция являет такой род деятельности, при котором люди, озабоченные успехом дела, менее всего склонны к нечестности.

В примитивном обществе торговец представляет собой недальновидное, жульничающее и продажное существо; но с развитием и совершенствованием своего ремесла он расширяет свой кругозор и вырабатывает определенные принципы: торговец становится пунктуальным, либеральным, честным и предприимчивым. В период всеобщей развращенности он один остается обладателем всех достоинств — всех, кроме одного: способности защитить свое достояние. От государства ему не нужно ничего, кроме защиты; и зачастую он является наиболее разумным и уважаемым его гражданином. Рассказывают, что даже в Китае, где мелкое воровство, мошенничество и коррупция процветают во всех слоях общества, солидный купец — фигура, достойная доверия: в то время как его соотечественники привычно следуют предписаниям и ограничениям, налагаемым полицейскими правилами, рассчитанными на чернь, он действует по законам торговли и в соответствии с общечеловеческими принципами.

Если численность населения связана с богатством нации, то свобода и личная безопасность суть неотъемлемые условия и того, и другого: и если воплощением этого условия является государство, то природа обеспечивает ему рост численности населения и его трудолюбие: первое — благодаря самой неистовой из человеческих страстей, второе — благодаря самой типичной и неизбывной из идей ума человеческого. В этой связи великой политической задачей является обеспечение семей жильем и средствами к существованию, защита тружеников, примирение социальных пристрастий человечества с их частными занятиями и увлечениями.

В вопросах частных профессий, промышленности и торговли учителем является опытный практик, а ре-

зонер — новичком. Коммерцией занимаются с целью обогащения; чем больше благ добывает человек для себя лично, тем богаче становится его страна. Если ему понадобится защита, она должна быть ему предоставлена; если случатся преступления и мошенничества, должна последовать кара — этим и ограничивается роль правительства. Когда же искушенный политик начинает активно во все вмешиваться, он лишь мешает и вызывает нарекания; когда купец забывает о собственной выгоде и начинает думать за всю страну, подобное знаменует приближение периода фантазий и химер и подрыв основ коммерции. Видимо, такому купцу следует указать на то, что, преследуя собственный интерес и не давая повода для нареканий, он охраняет и интересы самой коммерции.

Политика Франции, основанная на допущении, что экспорт зерна разорит страну, в которой оно выращивается, до последнего времени налагала суровые ограничения на данный вид коммерции. А в Англии землевладельцам и фермерам доверяли настолько, что поощряли подобный экспорт, дабы поставить сбыт их товаров в наиболее выгодное положение. Жизнь показала, что частный интерес — лучший проводник коммерции и изобилия, чем все ухищрения государства. Одна нация вырабатывает изощренный план поселений на североамериканском континенте, не слишком доверяя в этом вопросе торговцам и простым обывателям; другая предоставляет людям самим находить свое место в свободном государстве, самим о себе заботиться. Активная промышленность и ограниченные воззрения одной нации обеспечили появление жизнеспособного сообщества; а великие проекты другой так и остались проектами.

Здесь я охотно оставляю данный предмет, в котором не слишком хорошо разбираюсь и который не имеет особого отношения к излагаемым мною взглядам. О коммерции и богатстве достаточно рассуждали способнейшие исследователи; самое важное, что можно почерпнуть у них, это общее предостережение против превращения коммерции и богатства в главные

цели государства и сведения счастья наций к этим двум понятиям¹.

Одна нация в поиске золота и благородных металлов способна пренебречь собственными источниками богатства и в обеспечении себя самым необходимым для жизни попасть в зависимость от соседей. Другая нация так увлекается развитием собственных ресурсов и торговли, что попадает в зависимость от иностранцев в деле защиты своего достояния. Порой бывает даже больно обнаружить во время беседы, что тон всем рассуждениям собеседника задают торговые интересы, а дело, постоянно преподносимое как национально значимый предмет, к которому правительства редко когда подходят надлежащим образом, оставлено без внимания, которого оно заслуживает.

Мы жалуемся на недостаток гражданского чувства; но каковы бы ни были результаты этой ошибки на практике, в спекулятивной сфере мы в ней не виноваты: мы постоянно рассуждаем от лица общества, но, как правило, лучше вовсе не иметь общенациональных взглядов, чем обладать такими взглядами, как эти: ведь обладание такими взглядами означало бы, что нации, подобно купцам, заботились бы только о пополнении своих запасов, сходились бы, чтобы порассуждать о прибылях и убытках и, подобно купцам, доверяли бы дело своей защиты силе, которой сами они не обладают.

Поскольку люди, как и другие животные, скапливаются в местах сгущения необходимых средств поддержания их существования, — там, где сконцент-

¹ Данный абзац, начиная со слов «способнейшие исследователи...», в издании 1814 г. имеет следующий вид: «...и вскоре, вероятно, общественность получит теорию национальной экономики, превосходящую все, что до сих пор публиковалось в любой из отраслей науки» (речь идет о м-ре Смите, авторе «Теории нравственного чувства»). Но согласно моему собственному взгляду на проблемы человеческой жизни, нет ничего важнее той общей осторожности, которую так хорошо понимает упоминаемый мною автор — не говоря уже о том, что то же самое в огромной степени составляет в сумме счастье нации и является главным предметом любого государства. В науке мы считаем наши предметы далеко отстоящими друг от друга; на практике же было бы ошибкой не рассматривать их в единстве. — *Ред.*

рированы наибольшие богатства, — мы отказываемся заботиться о счастье, а также о нравственном и политическом облике народа. Ухаживая за стадом с целью обеспечить его размножение, мы не идем в своих помыслах дальше хлева и пастбища. Мы забываем о том, что меньшинство всегда становится жертвой большинства, что для бедных нет ничего заманчивей, чем добраться до сундуков богачей; и что когда приходится расплачиваться за свободу, на противоположную чашу весов может упасть меч завоевателя.

Каким бы ни было действительное поведение наций в данном вопросе, очевидно то, что ход наших мыслей делает нас, ратующих за богатство и рост населения, свидетелями ситуаций, когда человечество, избалованное в испорченности, не сможет защитить свое достоинство и подвергнется разорению и гнету. Мы подсекаем корни и хотим при этом добиться роста ветвей и появления густой кроны.

Возможно, отворачиваться от общественных дел и заниматься исключительно вопросами богатства и народонаселения некоторых людей заставляет убеждение, что человеческие добродетели надежно защищены; с другой стороны, именно боязнь человеческой испорченности заставляет иных заботиться лишь о национальных добродетелях и ни о чем другом. Но человеческое общество многим обязано и тому, и другому. И противопоставление этих двух аспектов есть ни что иное, как ошибка. Ведь даже будучи объединены, они не в силах противостоять той порочной части общества, которая все сводит к личной корысти и заботится лишь о безопасности и изобилии своего дома.

Раздел V

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЕ И ЗАВОЕВАНИЯХ

Невозможно определить, в какой степени политика того или иного государства связана с войной и национальной безопасностью. «Наш законодатель, — говорит критянин в диалоге Платона, — думал, что государства по природе своей враждебны друг другу, в соответствии с этим он и разрабатывал меры; заметив, что вся собственность побежденного переходит к победителю, он пришел к мысли, что смешно делать благо для своей страны, прежде чем защитишь ее от захватчиков»¹.

Крит, служивший эталоном военной политики, как принято считать, был тем прообразом, с которого списал свои знаменитые законы Ликург. Видимо, человечеству в каждом конкретном случае нужен некий осязаемый объект приложения собственных усилий. И даже при оценке достоинств человек ориентируется на некую внешнюю полезность. Спарта придерживалась военной дисциплины; сознание того, что на поле брани некоторые правила дают больше пользы, чем неписанные, традиционные законы или олицетворяемые законодателями общественные полномочия, заставляло народ соблюдать многие из этих правил, в то время как другие нации считали применение этих правил оправданным лишь в присутствии врага.

Любой институт этого уникального народа способен дать общественности урок послушания, силы духа и усердия; примечательно, однако, что тех блага, которые другие нации вынуждены приобретать в обмен на богатство, этот народ предпочитает достигать собст-

¹ Критянин — Клиний — участник Диалога «Законы». Ср. русский перевод соответствующего пассажа: 625D—626B. — *Ред.*

венными силами. Хорошо известно, что в ходе исторического развития дисциплина стала рассматриваться ими именно с точки зрения ее морального значения. Они познали счастье духа мужественного, беспристрастного и преданного лучшим чувствам; они упорно прививали себе этот характер, для чего вырабатывали в себе презрение к честолюбивым помыслам и военной славе и даже жертвовали многими из своих сограждан.

Не те, кто пал вместе с Клеомбротом при Левктрах, а те из спартанцев, кто бежал с поля боя, стали поводом для траура и тяжелых раздумий жителей Лакедемона¹; по именно опасение, что общение за границей с низкими и продажными людьми развратит их сограждан на чужбине, заставило их отказаться от ведущей роли в войне с Персией, а также оставить Афины на пятьдесят лет и вести беспрецедентную погоню за славой и различными благами, снискавшую Спарте столько власти и богатства².

Нам уже приходилось отмечать, что во всех первобытных государствах войне отводится чрезвычайно важная роль и что во времена варварства человечество, жившее, как правило, мелкими объединениями, практически непрерывно находится в состоянии межплеменной вражды. Это обстоятельство придает военному вождю устойчивое влияние у себя на родине и порождает склонность любого воюющего народа к монархическому правлению.

Поведение армии менее, чем что бы то ни было, поддается классификации. Мы испытали бы законное удивление, узнав, что римляне, имея за плечами многовековой опыт ведения войн, после того как извели силу Ганнибала, во многих сражениях ставили во главе единой армии двоих военачальников, заставляя их приспособливаться друг к другу, командуя поочередно. В других же случаях тот же народ мог счесть целесообразным приостановить полномочия всех подчиненных органов власти и (в чрезвычайных ситуаци-

¹ *Xenophon*. [Ксенофонт Афинский (430—425 — после 355 г. до Р.Х.) — историк и писатель. Продолжил историю пелопонесской войны Фукидида. — *Ред.*].

² *Thucydides, book I*. — Фукидид. История. Книга 1.

ях) отдать всю полному государственной власти в руки одного человека.

В военное время республики вообще находили необходимым оказывать особое доверие исполнительной ветви власти. Римский консул, с момента объявления им призыва в армию и принятия присяги, становился хозяином общественной казны, равно как и жизнью находящихся под его командованием людей¹. В руках ликтора скипетр и секира переставали играть роль исключительно символов власти, пустой маскарадной детали; по команде отца они обагрялись кровью его же сыновей, безжалостно разя любого смутьяна и непокорного.

Во всяком свободном государстве существует необходимость различать между законами военного времени и законами гражданскими. И тот, кто не научился безоговорочному подчинению в ситуации, когда государство дает ему военачальника, кто не научился отказываться на поле боя от личной свободы и делать это с той же величественностью, с какой он защищает ее во время политических дискуссий, — тому еще предстоит усвоить самый важный из уроков гражданского общества, а пока он его не усвоил, место его — в первобытном и развращенном государстве, в котором не различают между принципами мятежа и раболепства, и одно часто возникает там, где должно быть другое.

Исходя из потребностей войны, нации, склонные к народному или аристократическому правлению, прибегают к установлениям, граничащим с монархией. Даже там, где высшая государственная власть в обычное время осуществляется коллективно, в чрезвычайных ситуациях вся полнота властных полномочий переходит к одному человеку. Во времена великого смятения, когда возникала угроза крушения самого политического здания, монаршей властью пользовались как подпоркой, помогавшие государству устоять под ударами судьбы. Так, время от времени Рим называл своих диктаторов и губернаторов объединенных территорий. Так, при смешанной форме правления прерога-

¹ Polybius. [Полибий (ок. 200—120 до Р.Х.) др. греч. историк, автор «Всемирной истории», повлиявшей на Ливия, Посидония, Макиавелли, Монтескье. — *Ред.*]

тивы монарха увеличиваются путем временного приостановления действия законов¹, а барьеры свободы временно устраняются с целью наделения короля диктаторскими полномочиями.

Не будь у человечества иного занятия, кроме ведения войны, оно, вероятно, продолжало бы отдавать предпочтение монархической форме правления; во всяком случае, любая нация, в целях установления тайных и объединенных советов, наделила бы исполнительную власть безграничными полномочиями. Но, к счастью, для гражданского общества, у людей есть и иные цели: опыт учит нас, что хотя управление армией предполагает абсолютную и неделимую власть, сила нации организуется наилучшим образом там, где массы приучены к равенству и даже ничтожнейший из граждан должен быть готов при случае как к подчинению, так и к тому, чтобы взять на себя командование. Именно в этом истоки преемничества диктатора; здесь заложена сила, формирующая самого диктатора, благодаря чему общественности на выбор предлагается несколько лидеров. Именно при таком устройстве процветание государства не зависит от отдельных людей, и нетленная мудрость, предполагающая сохранение постоянной и регулярной армии, способна и в случае величайших невзгод продолжить борьбу нации. Обладая этим преимуществом, римляне, выдвигавшие одного выдающегося вождя за другим, были во все времена способны дать достойный отпор врагу и в Азии, и в Африке. Участь же их врагов, наоборот, всецело зависела от случая, рождающего таких людей, как Митридат² или Ганнибал³.

У солдата, говорят нам, своя честь и свой образ мысли, столь же присущий ему, сколь и ношение ору-

¹ В Британии приостановлен был *Habeas corpus*. [«Ты имеешь представить тело...» — конституционная гарантия неприкосновенности личности. Впервые введена в Англии 1679 г. — *Ред.*]

² Митридат VI Евпатор (132—63). Вел три войны с Римом. — *Ред.*

³ Ганнибал — сын Гамалькара (247/246—183 до Р.Х.). Вел упорную борьбу с Римом. Был разгромлен при Заме (202 г. до Р.Х.). — *Ред.*

жия. В свободных и неразвращенных государствах честь солдата заключается в служении народу; и война для него есть накал страстей, а не просто выполнение долга. Ощущения добра и зла переживаются им предельно обостренно: он демонстрирует самую горячую привязанность к другу и самую суровую враждебность к врагу. Такой подход позволял великим нациям античности вести войну в высшей степени цивилизованно и искусно.

В мелких варварских обществах в каждой из междусобиц индивид оказывается объектом нападения и ему не от кого ждать защиты. «Испанский король — великий государь, — говорил вождь американского племени губернатору Ямайки, готовящему отряд воинов для объединенных военных действий против испанцев, — неужели ты собираешься воевать против столь великого короля столь малыми силами?» Когда ему сказали, что данный отряд должен был соединиться с войсками, прибывшими из Европы, после чего губернатор сложит с себя командование, абориген спросил: «А кто эти люди, эта толпа зевак? Разве они не твои люди? И почему ты сам не возглавишь столь великую войну?» Получив ответ, что зеваки — это купцы и другие невоеннообязанные жители, вождь продолжал: «Но должны ли они оставаться купцами, если на тебя идет войной король Испании? По моему мнению, купцам вообще не следует разрешать жить в стране: когда я иду на войну, дома остаются только женщины». Кажется, этот простодушный воин рассматривал купцов как неких нейтральных людей, безучастных к сражениям своей страны и не представлял, в какой мере сама война может становиться объектом торговли, какие мощные армии могут быть приведены в движение «из-под прилавка»; как часто безо всякой национальной враждебности ведется торговля кровью человеческой; и как часто государь, знать и государственные деятели цивилизованных наций могут быть, согласно его критериям, причислены к купцам.

Развитие искусств и политики сопровождается подразделением граждан на классы; серьезнейшим из них является деление на военных и гражданских; это все, что нужно для того, чтобы создать между людьми от-

ношения хозяина и раба. Но даже когда ужасы рабства отступают, как это случилось в современной Европе вследствие существования защиты, а также вследствие доступности собственности и ремесленнику, и рабочему, данное различие продолжает действовать, отделяя знать от черни и указывая на то, какому классу суждено править и руководить страной.

Человечество не могло предвидеть того, что в стремлении к совершенству оно перевернет этот порядок; оно не могло предвидеть даже того, что преобразует правительство и вооруженные силы в отдельные институты. Но разве возвращение первоначального порядка является столь же непредвиденным? Трудно ли предвидеть, что однажды гражданское лицо, какими бы привилегиями и саном оно не обладало, поклонится тому, кому оно само вручило когда-то меч. Если такие преобразования действительно последуют, возродит ли новый хозяин при новом строе дух знатности и свободы? Возродит ли он характеры воина и государственного мужа? Восстановит ли он гражданские и военные добродетели? Я боюсь услышать ответ. Монтескье замечает, что правительство Рима, даже при императорах, находилось в руках военных, которые были выборными и принадлежали к республиканцам. Но после того как отряды преторианцев стали республиканцами, о фабиях¹ и брутах больше не слыхивали.

Мы перечислили некоторые категории, с помощью которых можно говорить о народе, вышедшем из состояния варварства. К числу таковых относятся понятия знати, народа и приверженцев князя; даже духовенство не было забыто. Если же говорить о цивилизованных временах, то к этому списку надо будет добавить военных. После того, как были разделены департаменты гражданского управления и войны и главенствующая роль была отдана государственным мужам, честолюбцы естественно оставили военную службу тем, кто готов мириться с подчиненным положением. Те, кому принадлежит наибольшая доля со-

¹ Фабий Максим Кунктатор — медлитель, вел войну с Карфагеном. Ум. в 203 г. до Р.Х. — *Ред.*

стояния и кто больше других заинтересован в защите своей страны, отдав меч в другие руки, должны платить за это; так что армии, находясь не только в походе, но и дома на покое, должны получать плату. Дисциплина изобретена для того, чтобы приучить солдат к выполнению — по привычке или из страха — тех опасных обязанностей, на которые их уже не вдохновляет любовь к народу или национальный дух.

Говоря о том ущербе, который наносит системе национальных добродетелей подобное установление, приходится с неудовольствием отметить, что данную практику так или иначе приняло большинство народов, отдавших предпочтение ремеслам. Пользоваться услугами иностранных наемников или содержать регулярные армии стали не только государства, желающие вести войны или защищать владения, которые из-за их удаленности легко потерять, не только князья, ревностно охраняющие свои власть или спешащие воспользоваться преимуществами дисциплины, но и республики — хотя они и находятся в совершенно иной ситуации и им чужды мотивы, движущие монархиями.

Если военное строительство занимает столь важное место во внутренней политике наций, то не менее важны для истории человечества и реальные последствия войн. Наиболее ранними «яблоками раздора» были слава и трофеи; платой за мир — господствующее положение или выкуп. Нарастивать мощь человечество побуждало также стремление к безопасности и жажда власти. И победители и побежденные стремятся к вступлению в коалиции; могущественные нации, присоединив к себе пограничную территорию или крепость, стремятся к дальнейшему расширению своих границ.

Принципы завоевания не всегда возможно отличить от принципов самообороны. Если соседнее государство опасно, если оно часто является источником неприятностей, то принцип отношения к нему (основанный как на интересах обеспечения безопасности, так и на захватнических интересах) следующий: его следует ослабить и разоружить; а если, однажды подавленное, оно вновь настроится на завоевания, следует установить в нем собственное правление. Рим ни-

когда не принимал никаких иных принципов завоеваний; он во все стороны посылал свои наглые армии под благовидным предлогом установления у себя и своих союзников прочного мира, нарушить который под силу лишь ему самому.

Равенство, царящее в тех союзах, которые сформировали противостоящие друг другу греческие города-государства, на время обеспечило им независимость и самостоятельность: это был счастливый и славный период истории Греции. Его продлению более способствовали бдительность, чередуемая с руководством, нежели умеренность органов управления или особенности внутренней политики, тормозившие развитие городов-государств. Иногда победители довольствовались тем, что придавали собственным формам правления покоренных государств лишь видимость сходства с их формами. Трудно сказать, каким бы был следующий шаг в истории захватов. Но если принять во внимание, что одна сторона боролась за обложение покоренных данью, а другая — за победу в войне, то не подлежит сомнению, что и афиняне с их национальными амбициями и жадой обогащения, и спартанцы (хотя изначально они думали лишь об обороне) и их союзники, по крайней мере, одинаково стремились стать хозяевами Греции и каждый готовил для другого то иго, которое оба, вместе со своими конфедератами, вынуждены были терпеть по вине иноземцев.

В завоеваниях Филиппа¹ к стремлению к самосохранению и безопасности, кажется, примешивалось естественное для царя честолюбие. Он последовательно обращал оружие против стран, причинивших ему какой-либо вред, испугавших или спровоцировавших его. А когда он покорил Грецию, то предложил грекам повести их на их давнишнего врага — Персию. Тем самым он набросал тот план, выполнение которого выпало на долю его сына.

Римляне завладели Италией и завоевали Карфаген, их беспокоила Македония, и они были вынуждены

¹ Филипп II (382—336 до Р.Х.) — отец Александра Македонского. Македонский царь. — *Ред.*

пересечь море в поисках новых полей сражений, где бы можно было приложить свою военную силу. Ведя войны на всем протяжении своей истории, не желая даже тех завоеваний, которые им доставались, не будучи в состоянии предвидеть, что они смогут выгадать от покорения отдаленных провинций, и не понимая, как следует управлять этими новыми владениями, они все-таки продолжали захватывать все, что попадалось им под руку. Под воздействием политики, втягивающей их в непрестанные войны, непрестанные победы и захваты территорий, они раздвинули границы государства, которое несколько веков назад ограничивалось сельскими территориями, до Евфрата, Дуная, Везера¹, Форты² и океана.

Нет смысла утверждать, что гений любой нации не приемлет завоеваний. Подобное можно сказать о действительных интересах нации; но каждое государство, способное к самообороне и победам, тоже не чуждо искусства к завоеваниям.

В Европе, где повсеместно формируются наемнические и регулярные армии, готовые прошагать по всему миру где, подобно реке, заключенной в узкие берега, они сдерживались лишь политическими формами или временным равновесием сил; если же шлюзы будут проломлены, какого ожидать наводнения? От Корейского моря до Атлантического океана протянулись изнеженные царства и империи. Каждое государство, войска которого были разгромлены, могло быть превращено в провинцию; любая неприятельская армия могла в будущем сделаться армией наемников; каждая новая победа обеспечивала победителю доступ к новой военной силе.

Римляне, обладавшие отсталыми средствами коммуникации как на земле, так и на море, сохраняли господство над большей частью Европы, Азии и Африки, над свирепыми и непримиримыми нациями. Чего бы не одолели флот и армии Европы — при том доступе ко всем частям мира, что обеспечивала им

¹ Везер — река впадающая в Северное море. — *Ред.*

² Река в Шотландии. — *Ред.*

коммерция, и при их средствах сообщения — сохрани они верность разрушительному принципу, гласящему, что величие нации измеряется размерами ее территории и что интерес всякого народа состоит в том, чтобы покорить своих соседей?

Раздел VI

О ГРАЖДАНСКОЙ СВОБОДЕ

Если бы война, грабительская или оборонительная, составляла главную цель наций, каждое племя с самых ранних этапов развития стремилось бы развиваться по модели татарской орды, и каждый успешный эпизод его истории приближал бы его к величию татарской империи. Военный лидер главенствовал бы над гражданской администрацией, а структура любого общества соответствовала бы потребности регулярно переходить с места на место со всем своим имуществом или концентрировать все силу для нанесения единого удара.

Человек с берегов Волги или Енисея, первым обучивший скифов ездить верхом, устраивать дом на колесах, наводить ужас на врага как своими атаками, так и бегством, на полном скаку стрелять из лука и метать копьё и, будучи вытесняем с поля боя, преграждать путь преследователя градом стрел; человек, научивший соплеменников использовать одно и то же животное на все случаи жизни (и для дойки, и для забоя, и для езды) — такой человек получил бы почетное звание основателя нации, либо подобно Церере и Бахусу¹ у греков был бы причислен к богам — в награду за сделанные им ценные изобретения. Аналогичные заслуги прославили в памяти потомства имена и деяния Геракла и Ясона²; имена же Ликурга и Солона³, афинский законодатель героев политического общества, не могли войти в списки славы, ни мифической, ни настоящей.

¹ Римские названия греческих богов Деметры — богини земледелия и Вакха — бога вина. — *Ред.*

² Мифологические герои. Геракл совершил 12 подвигов, очистив землю от чудовищ. Ясон возглавил экспедицию за золотым руном в Колхиду. — *Ред.*

³ Солон (ок. 640—560 до Р.Х.). — *Ред.*

Внутри племени воинственных варваров должны царить отношения самой горячей любви и почитания, в то время как все прочие представители рода человеческого заслуживают у них звания бандитов и грабителей¹. Эти люди могут отличаться бескорыстием и презрением к опасности; однако наше чувство человеколюбия, наше забота о сохранении прав наций, наше преклонение перед гражданскими свободами и справедливостью и даже сама наша беззащитность заставляют нас с презрением, либо с ужасом отворачиваться от тех, в ком отсутствует так много положительных качеств и чей образ служит упреком нашей собственной слабости.

Ни в чем, как в ведении дел гражданского общества, не находит человек столь широкого применения своим талантам и столь подходящего объекта для изъяснения своих лучших чувств. Именно в соединении с преимуществами гражданского общества достигает совершенства искусство войны; именно в условиях гражданского общества легче всего добраться до скрытых пружин управления ресурсами армии. Знаменитейшие из воинов являлись одновременно и гражданами: в сравнении с греком или римлянином вождь Фракии², Германии или Галлии выглядел новичком. Уроженец Пеллы³ перенимал основы мастерства у Эпаминонда и Пелопида⁴.

Если, как было отмечено в предыдущем разделе, нации должны приспособлять свою политику к перспективам войны с иноземцами, то не менее важно для них обеспечить мир дома. Но без справедливости нет и мира. Мир совместим с размежеваниями, разногласиями, с конфликтом точек зрения — но не с несправедливыми поступками. Слова, не менее, чем само

¹ *D'Arvieux. History of Arabs.*

² Фракия — Область на юго-востоке балканского полуострова. — *Ред.*

³ Пелла — столица Македонии с 400 г. до 168 г. до Р.Х. — *Ред.*

⁴ Пелопид — фиванский военачальник, друг Эпаминонда. Погиб в 364 г. — *Ред.*

состояние вражды, порождают оскорбленных и оскорбляющих.

Состоянием мира граждане бывают обязаны либо взаимоуважению и любви, либо ограничениям, налагаемым законом. Счастливы те государства, которые обеспечивают мир своим гражданам первым из указанных способов; но не только первый, но и второй способ достижения мира является достаточно редким. Первый способ предполагает исключение войны и конкуренции, второй — обуздывает поползновения к войне при помощи оговорок и договоров. Спарта учила своих граждан избегать корыстолюбия; иные же свободные народы охраняют интересы своих граждан, считая их основой их прав.

Закон есть договор, заключенный между членами общества; в согласии с ним осуществляют свои права и правительство и подданные; в согласии с ним поддерживается мир в обществе. Сильнейшим мотивом к причинению ущерба другим является стремление к наживе: поэтому в законе главное место занимает вопрос собственности. В нем оговорены различные способы вступления в обладание собственностью, такие как приобретение права, передача и наследование, а также предоставляет гарантии обладания собственностью.

Помимо алчности, существуют и другие мотивы нечестности людей — например, гордость, злоба, зависть и месть. Закон призван уничтожить сами эти принципы или, по крайней мере, предотвратить их последствия.

Каковы бы ни были мотивы несправедливого поведения, ущерб может причинен несколькими способами. Человек может пострадать материально, лично или же пострадает его свобода. Природа сделала человека мастером в любой деятельности, не приносящей ущерба другим. Законы общества, в котором он живет, разрешают ему определенные действия, делая его участником управления своей страной. Поэтому любой ущерб, о котором можно сказать, что он налагает на него несправедливые ограничения, можно рассматривать как ущемление его политических прав.

Там, где за индивидом закрепляются права собственности и положения и где осуществление этих прав находится под защитой, индивид может быть признан свободным; и сами ограничения, не позволяющие ему совершать преступления, являются частью его свободы. Никто не может быть свободен там, где кто-либо из людей страдает от несправедливости. И сидящий на троне царь-деспот не является исключением из этого всеобщего правила. С того момента, как он решит находить выход из какого бы то ни было спора при помощи насилия, он сам становится рабом. Игнорирование им прав своего народа бьет рикошетом по нему самому; и в созданном им положении всеобщей незащищенности нет ситуации более зыбкой, нежели его собственная.

Рассматривая свободу в различных аспектах (личной и имущественной безопасности, занимаемого положения, участия в политических делах), а также различные способы обеспечения прав, что люди приходят к различным интерпретациям самого термина свобода; и каждый народ склонен воображать, что он вкладывает в него свой, неповторимый смысл.

Некоторые, считая несправедливым неравномерное распределение богатства, требовали в качестве основы свободы нового распределения собственности. Данная схема подходит демократическим правительствам и лишь при них может возыметь хоть какое-то действие.

Новые поселения, вроде тех, что организует народ Израиля, а также отдельные государственные единицы типа Спарты и Крита, явили образцы того, как эта схема осуществляется на деле. Но в большинстве других государств даже демократический дух ограничился лишь продолжающейся борьбой за аграрные законы или за разрешение списать долги и напоминанием людям, что при всем имущественном неравенстве они имеют право на равенство.

Гражданин Рима, Афин и многих других республик сам пекся о себе и о своем общественном строе. Аграрный закон выдвигался и обсуждался веками: он пробуждал разум, подогревал дух равенства и подготавливал почву для развертывания этого равенства, —

но так и не был установлен со всеми своими практическими и правовыми следствиями.

Многие из тех установлений, что служат защите слабых от гнета, гарантируя обладание собственностью, закрепляют неравенство ее распределения и усиливают власть тех, с чьей стороны как раз и приходится опасаться злоупотреблений властью. Эти злоупотребления давали о себе знать уже очень рано и в Афинах, и в Риме¹.

Предлагалось предотвращать избыточную концентрацию власти в одних руках посредством увеличения отдельных состояний, посредством запрета майоратных наследований и исключения права первородства в последовательности наследования. Предотвратить разорение средних имений и ограничить использование, а значит и аппетиты, крупных имений введением законов, регулирующих расходы. Данные многообразные методы более или менее соответствуют интересам коммерции и могут в той или иной степени быть восприняты народами, чей национальный интерес состоит в обладании богатством. Они также обладают определенной способностью прививать умеренность, чувство равенства, подавляя страсти, толкающие людей на несправедливые поступки в отношении друг друга.

Уничтожение питательной среды для тщеславия, склонности кичиться богатством и ослабление, тем самым, стремления к обогащению, поддержание в душах граждан таких регуляторов поведения, как умеренность и честность — все это и есть в некотором роде та цель, к которой стремятся законы по регулированию расходов.

Эта цель никогда не является в полной мере достижимой в государстве, допускающем неравенство в распределении собственности, как и в таком государстве, где обладание богатством может приносить положение и знаки отличия. Трудно, конечно, какими-либо путями перекрыть этот источник развращения нравов. Из всех наций, история которых нам достаточно хорошо

¹ *Plutarch in the life of Solon.* — *Livy.* Плутарх в жизнеописании Солона. — Ливий.

известна, единственной страной, сознававшей необходимость борьбы с этим злом и знавшей, как это сделать, была Спарта.

Собственность, конечно, признавалась законом. Но вследствие ряда правил и процедур были до известной степени сохранены отношения, преобладавшие в первобытном обществе до появления собственности, оказавшиеся самыми действенными из всего, что изобрело человечество¹; страсть к обогащению в течение многих веков находилась в подавленном состоянии; и гражданин считал самого себя собственностью страны, а не владельцем частной собственности.

Покупка или продажа родового имущества считалась бесчестьем для гражданина. Забота о собственности находилась в каждой семье в ведении рабов; свободные граждане были чужды предпринимательству; правосудие основывалось на презрении к тем соблазнам, которые обычно являлись причиной преступлений; а роль гаранта гражданских свобод в государстве играли убеждения, коренящиеся в сердцах его граждан.

Гражданин был избавлен ото всех возможных забот, связанных с имуществом; он был образован и имел пожизненную должность на службе общества; питался он в общественном месте, в котором не имели значения никакие отличия, кроме тех, что давали ему талант и добродетели; дети его были и подопечными, и учениками государства; самого его тоже обучали роли учителя и наставника молодежи страны, а отнюдь не роли заботливого отца отдельно взятой семьи.

Рассказывают, что эти люди уделяли некоторое внимание красоте своего одеяния, их можно было распознать издали по красному или пурпурному цвету их одежд; но в том, что касается дома, экипажа или мебели, у них нет никакой фантазии, точнее того, что мы зовем *вкусом*. Плотник и строитель весьма ограниченно использовали возможности топора и пилы: это были простые мастера, и, вероятно, их умения веками

¹ См.: *Часть 2, разд. 2.*

оставались неизменными. Художественная фантазия была направлена лишь на собственную личность, а отнюдь не на условия жизни сограждан.

В этом смысле, можно говорить, что у них были сенаторы, правители, военачальники, государственные министры, но не было богатых людей. Подобно героям Гомера¹, они пользовались почестями, размеры которых определялись размерами кубка или блюда. Гражданин, являющийся третейским судьей Греции, воспринимал как честь двойную порцию простого угощения за ужином. Это был активный, проницательный, смелый, беспристрастный и благородный человек; но его имение, стол и обстановка были способны, по нашему мнению, испортить впечатление от всех его достоинств. И, тем не менее, соседние нации предпочитали приглашать командуемых из этого инкубатора государственных мужей и военачальников, подобно тому, как мы приглашаем знатоков своего дела из тех стран, которые славятся соответствующими ремеслами — поваров из Франции, а музыкантов из Италии.

В конце концов, мы, наверное, недостаточно осведомлены о характере спартанских законов и институтов для того чтобы понять, каким образом достигались все цели, преследуемые данным уникальным государством; но восхищение, которое вызывал этот народ, и постоянное упоминание историков того времени об их общепризнанном превосходстве, не позволяет нам усомниться в справедливости этих суждений. «Когда я заметил, — говорит Ксенофонт, — что этот народ, будучи не самым многочисленным, представляет самое сильное государство в Греции, мне очень захотелось понять, каким образом достигла она этого превосходства; но стоило мне познакомиться с их институтами — и удивление мое пропало. Подобно тому, как один человек имеет превосходство над другим (а человек, старающийся духовно развиваться, наверняка превзойдет того, кто этого не делает), так и спартанцы должны иметь превосходство надо всяким другим народом, так

¹ Гомер — слепой певец, живший предположительно в VIII в. до Р.Х. [Автор «Илиады» и «Одиссеи». — Ред.]

как только в этом государстве добродетель является целью правительства».

Предметы собственности, рассмотренные с точки зрения их содержания или даже с точки зрения приносимого ими удовольствия, имеют мало отношения к развращению людей или к пробуждению в них духа соперничества и ревности; но с точки зрения знаков отличия и почестей, состояние определяет занимаемое положение, и собственность становится объектом самых неистовых страстей и вызывает все богатство чувств человеческой души: здесь происходит примирение алчности и низости с честолюбием и тщеславием, ведя человека к так называемым вершинам чести и достоинства путем низости и продажности.

Там же, где данный источник коррупции надежно перекрыт, граждане обладают сознательностью, а правители — честностью; при любой форме правления возможно править мудро; страна, которой доверяют, как правило, лучше снабжается. И от кого бы ни исходила власть, определяющая должности и полномочия, на службе у нее должны быть все способности и силы страны. Данное допущение основано на вере, что не титулы, а опытность и способности достойны доверия общественности; если же граждане разделены на классы, их взаимоограничение принимает форму расхождения во взглядах, а не борьбы эгоистичных планов.

Легко понять критику, звучащую в адрес управления Спарты со стороны тех, кто рассматривал лишь формальные характеристики этого правления. Данное правление не было рассчитано на предупреждение преступлений путем взаимного уравнивания корыстных и односторонних интересов людей; оно было рассчитано на воспитание добродетелей души, на невинность, зиждущуюся на отсутствии криминальных склонностей, и на мир в стране, построенный на непричастности ее граждан к обычным мотивам, лежащим в основе всякого соперничества и беспорядков. Не имело смысла искать аналогию этому устройству в конституции какого-либо иного государства, не обладающего ни его основными характеристиками, ни его отличительными чертами. В других республиках име-

лись аналоги коллегиального правления, сената и эфор, особое сходство обнаруживалось с правительством Карфагена¹: но какое сходство можно найти между одним государством, единственной целью которого была добродетель, и другим, чья главная цель — богатство; между народом, цари которого все вместе размещались под одной крышей и не имели никакой личной собственности, кроме еды, и республикой торговцев, в которой необходимым условием занятия высших государственных должностей являлось обладание солидным имуществом?

Другие карликовые государства изгоняли царей, начав ревновать их к их проектам или испытав на себе их тиранию; здесь же сохранялось родовое престолонаследие; другие государства боялись интриг и заговоров своих граждан, соперничающих между собой за высокие посты; здесь же единственным условием для занятия места в сенате было чье-нибудь ходатайство. Высшая инквизиторская власть была в надежных руках членов эфор, избираемых по жребию из всех слоев общества без разбора. Если взглянуть на всеобщую историю человечества, то она являет собой полную противоположность этому и другим аспектам политики Спарты.

Но Спарта, несмотря на то, что в ее государственном устройстве находили много ошибок, процветала не один век благодаря безупречности ее действий и характеру ее граждан. Когда данная безупречность была нарушена, народ Спарты не выказал слабости, как это сделали бы нации, погрязшие в изнеженности. Они попали в тот же поток, который ранее увлек другие нации в стремнину неистовых страстей, в варварское беззаконие. Когда древней Спарте пришел конец, они пошли по стопам других народов: они возвели крепостные стены и, перестав заниматься человеческим совершенствованием, взялись за совершенствование своего имущества. В этом новом качестве, поглощенные борьбой за политические институты, они пережили ряд государств, погибших в условиях влады-

¹ *Aristotle*. [Аристотель Стагирит (384—322 до Р.Х.) — величайший древнегреческий философ. — *Ред.*].

чества македонян: они дожили до иного правления, возникшего во времена Ахейского союза¹ и стали последним греческим поселением, оказавшимся в роли провинции римской империи.

Может показаться, что мы уделили чрезмерное внимание истории этого уникального народа. Оправданием этому увлечению служит то обстоятельство, что лишь спартанцы, говоря словами Ксенофонта, превратили добродетель в цель государства.

Нам же приходится довольствоваться иным источником свободы — ожидать справедливости в рамках ограничений, устанавливаемых властью, и полагаться на защиту законов, призванных охранять имущество и личность подданного. Мы живем в обществе, где необходимым условием величия является богатство, где даже удовольствий зачастую ищут из тщеславия, где жажда того, что принято считать счастьем, возбуждает в людях худшие из страстей и становится основой несчастья, где общественная справедливость, подобно кандалам на теле, способна предотвратить преступления, не пробуждая при этом таких чувств, как благожелательность и справедливость.

Подобному определению человечество начинает соответствовать, как только попадает во влияние богатства и власти. Но то, как характеризуется людьми данное состояние, описывается по-разному в разных ситуациях: в лучшем случае, как примесь дурного, в худшем — как благо. Не имея никаких иных механизмов, регулирующих их поведение, кроме пенитенциарных законов и полицейских мер, они инстинктивно чувствуют склонность к справедливости и благожелательности и под влиянием общества отдают должное тому, что достойно почитания и одобрения. Жизнь в коллективе прививает им неприятие общего врага, радение за свое сообщество и мужество в отстаивании прав этого сообщества. Если часто проявляемое невнимание к добродетели как к особой политической цели способно обесценивать ее в глазах людей, то час-

¹ Ахейский союз образован в 280 г. до Р.Х. Объединил пелопонесские государства в противостоянии Македонии. — *Ред.*

тота и великолепие ее как спонтанного движения души неизменно восстанавливает ее истинное значение для природы человека.

Когда образ поведения народа находится в переходной и смешанной стадии, безопасность каждого индивида и его политическое значение во многом зависят от него самого, но более от партии, в которой он состоит. Отсюда склонность всех, кто обладает общностью интересов, объединяться в партии и осуществлять взаимопомощь в том, что касается общих интересов.

Там, где граждане свободного сообщества объединены в несколько организаций, каждая организация выдвигает собственные требования и притязания, выступая по отношению к другим членам государства как единая партия; в то же время в отношении различий интересов ее членов она допускает бесчисленные подразделения. Но в любом государстве легко различимы два объединения: группировка царя и его сторонников и группировка знати, либо любая другая временная фракция, противопоставляющая себя народу.

Там, где власть суверена ограничивается наличием коллективного органа, любые другие установления, предназначенные для защиты прав граждан, представляются необязательными. Но действовать так, чтобы не возникало необходимости во всяких других политических предосторожностях, для коллективного органа представляется задачей трудновыполнимой или даже невозможной.

Если народные собрания возьмут на себя все функции правительства и станут в присущей им возбужденной манере выражать свои праведные чувства, заявлять о правах и демонстрировать враждебность к внешним и внутренним врагам, претендуя тем самым на роль выразителей чаяний нации, или займутся вопросами справедливости и равенства, то тем самым они создадут для общества множество неудобств. Из всех правительств именно народные окажутся наиболее подверженными ошибкам управления и недостаткам осуществления публичной политики.

Дабы избежать этих недостатков, люди всегда с готовностью делегируют часть своих полномочий. Они учреждают сенат, в обязанности которого входит если

не принятие решений, то рассмотрение и подготовка вопросов к окончательному решению их на собрании коллективного органа. Исполнительную же власть они доверяют какому-нибудь совету или правлению, председательствующему на их собраниях. При таком общепринятом и необходимом ведении дел получается, что даже в условиях самого тщательного соблюдения демократических норм к существующим партиям как бы добавляется еще одна, противостоящая прочим. Одна партия атакует, другая защищается, и обе готовы в любой момент поменяться местами. Но хотя в действительности великая угроза свободе исходит от самого народа, легко становящегося в смутные времена орудием узурпации и тирании, в ситуациях повседневного правления исполнительная власть ведет себя как верховная, и в этом заключена опасность посягательства права людей.

Хотя в дни народных собраний римлян сенаторы смешивались с толпой, и сам консул становился не более чем слугой народа, коль скоро это ужасное собрание заканчивалось, сенаторы сходились вместе для определения круга дел для своего суверена, а консул расхаживал, вооруженный секирой и розгами, готовый преподать каждому римлянину урок повиновения государству.

Таким образом, даже там, где верховная власть принадлежит коллективному органу, собирается он лишь время от времени; и хотя в такие моменты он решает все вопросы, затрагивающие общенародные права и интересы, и с неотразимой силой утверждает свободу каждого, подобное не является достаточным (что и сами они понимают) в плане управления, и требуется наличие более постоянной и единообразной власти, действующей в их интересах.

Масса повсеместно обладает силой; но и в объединенном и в разобленном состоянии она нуждается в руководстве, направляющем и организующем ее силы. С этой целью, как сообщают, в Спарте существовали эфоры¹, в Карфагене — совет сотни, в Риме — трибу-

¹ Эфоры — наблюдатели — пять высших должностных лиц, избираемых спартанцами на 1 год. — *Ред.*

ны. Благодаря подобным учреждениям, народное объединение во многих случаях находило возможность справиться с противниками, как из аристократического, так и из монархического лагеря, бороться с которыми в противном случае ему было бы не по силам. Государство в таких случаях обычно страдает от различных вмешательств, проволочек и путаницы, которые привносят в действия правительства народные лидеры, движимые личной завистью или распространенной среди них ревностью к высшим чинам.

Там, где народ обладает лишь частью законодательных полномочий (а это имеет место в ряде более крупных сообществ), он оказывается не в состоянии взять верх над своими партнерами, которые, обладая своей долей власти, способны защитить себя: там, где народ действует исключительно через своих представителей, он может выступать в качестве единой силы. И тогда они способны сыграть роль в установлении более долговечного правления, чем то, которое возможно в случае, когда народ обладает (либо делает вид, что обладает) всем объемом законодательных полномочий и выступает либо в роли коллективного тирана, либо, разрозненно, в роли рабов находящегося в состоянии хаоса государства. Так как в пропорционально сформированном правительстве интересы народа уравновешены интересами царя или знати, между ними возникает подлинное равновесие, обеспечивающее общественную свободу и общественный порядок.

Из случайных сочетаний различных интересов вытекает все разнообразие смешанных форм правления; от того, с каким вниманием отнесутся к каждому данному интересу, зависит справедливость принимаемых законов и то, сколь обязательным и соответствующим букве закона будет их выполнение. Соответственно, и государства обладают неравными законодательными возможностями; не все из них обладают достаточно полным гражданским кодексом и не все достигают надлежащего его исполнения.

В демократических системах граждане, чувствуя себя обладателями суверенитета, не так озабочены разъяснением, обеспечением или реальным статусом

их прав, как это бывает при других типах правления. Они доверяют личностям, партийной поддержке и общественному мнению.

Если коллективный орган стоит во главе не только законодательной, но и судебной власти, он редко думает о разработке правил собственного функционирования и, даже если таковые правила будут установлены, этот орган редко когда им следует. Они то вводят в силу, то отменяют законы; и в своей судебной деятельности — еще более, чем в законодательной — руководствуются эмоциями и пристрастиями, связанными со спецификой рассматриваемого дела.

Но при простейших формах правления иного рода (аристократических или монархических) возникает необходимость в установлении закона, и каждая его статья предполагает согласование различных интересов. Суверен с помощью четких, обнародованных правил стремится придать правлению стабильность и упорядоченность. Подданные желают знать условия и границы его обязанностей. Они соглашаются с ними или восстают против них — в зависимости от того, соответствуют ли его представлениям о собственных правах те условия, в которых им приходится сосуществовать с сувереном или с согражданами.

Ни монарх, ни совет знатных людей, обладая суверенитетом, не могут осуществлять правление или судебные функции исключительно по собственному усмотрению. Ни выборный, ни наследственный магистрат не может функционировать без оглядки на то, пользуется ли он репутацией справедливого и беспристрастного судьи или нет: от этого в огромной степени зависит уважение к нему, его личный авторитет. Между тем, качественное и эффективное исполнение законов при любой, репрезентативной или иной, системе правления зависит от того, все ли слои населения получили свою долю реального участия в законотворчестве. В данной системе отношений закон в буквальном смысле представляет собой договор всех участвующих сторон, каждая из которых выставила при обсуждении его свои условия. Рассматриваются и те интересы, на которые способно повлиять принятие закона. Каждый из классов выдвигает свои возражения,

дополнения или изменения к закону. Далее они в соответствии с уставом согласовывают все предметы споров; и пока за ними сохраняется свобода, они продолжают, том за томом, преумножать законы — как будто таким образом можно будет уничтожить все основания для разногласий, как будто возможно обеспечить свои права простым занесением их на бумагу.

Величайшими из законодателей зарекомендовали себя Рим и Англия — в обоих этих государствах были смешанные типы правления, хотя первый тяготел к демократии, а вторая — к монархии. Первый оставил в наследство Европе основы и большую часть надстройки своего гражданского кодекса; вторая у себя на острове довела до такого совершенства авторитет и главенство закона, какого не знала вся предыдущая история человечества.

В подобных благоприятных условиях общепринятые обычаи, судебная процедура и решения суда, а также позитивные уставы обретают силу закона; и каждая процедура осуществляется в соответствии с четкими и определенными правилами. Во обеспечение беспристрастности применения правил к отдельным случаям принимаются самые эффективные предосторожности; и примечательно, что в обоих рассматриваемых примерах наблюдается поразительное совпадение уникальных методов законотворчества. И там и там люди в определенном смысле сохраняли за собой право вынесения суждений и право выносить приговоры по гражданским и уголовным делам предоставляли суду равных им людей, которые, творя суд над согражданами, определяли условия жизни и для себя самих.

Однако, гарантии справедливости заключены не только в законах, но и в тех силах, с помощью которых данные законы были приняты и без постоянной поддержки которых они перестанут соблюдаться. Уставы закрепляют права людей и выражают намерения партий защитить то, что прописано в законе; но без воли к поддержанию того, правота чего признана, в одной лишь констатации правоты или слабой попытке осуществления закона мало толку.

Много статей закона, уступок и оговорок отвоевывает для себя чернь, восставшая вследствие угнетения,

или любое из сословий, получивших временное преимущество; но там, где не проведено соответствующей подготовки к тому, чтобы сохранить эти притязания, написанное на бумаге скоро будет забыто — вместе с тем, что послужило к тому поводом.

История Англии и каждой свободной страны изобилует примерами того, как принимались на собраниях народа или его представителей различные уставы, но так и не исполнялись, коль скоро монарх или исполнительная власть оставались единственными гарантами их претворения в жизнь. Самые справедливые законы, существующие лишь на бумаге, совместимы с самым отпетым деспотизмом на практике. В законе Англии присутствуют даже суды присяжных, хотя реальное судопроизводство грешит произволом и насилием.

Устав, заставляющий обнародовать тайны каждой тюрьмы, раскрывать причины каждого ареста и предоставлять личности обвиняемого право потребовать по истечении определенного периода суда над ним, либо освобождения, должен восхищать нас как краеугольный камень гражданской свободы. Никакой более мудрой защиты против злоупотреблений власти до сих пор не придумано. Но для обеспечения ее действительности требуется, ни много, ни мало, вся политическая система Великобритании и дух — не менее непокорный и бурный, чем дух этого удачливого народа.

Если очевидно, что даже личная безопасность и обладание собственностью, столь хорошо укладывающиеся в формулировки уставов, могут быть гарантированы лишь благодаря энергичному и ревностному отношению свободных людей, то еще очевидней, что только такой фундамент необходим и для институтов, именуемых нами политической свободой или правом индивидов действовать в интересах самих себя и общества. Сохранение имущества или освобождение человека осуществимо с помощью гражданских процедур; права же, принадлежащие духу, не могут быть обеспечены никакой силой, кроме силы самого духа.

Раздел VII

ОБ ИСТОРИИ ИСКУССТВ¹

Мы уже отмечали, что человеку присуще искусство и что то умение, которые он приобретает за многовековую практику, суть лишь совершенствование таланта, которым он изначально обладал. В форме скифского жилища Витрувий² находит зачатки архитектуры. Первыми изделиями, определившими профессию оружейника, могли быть лук и клинок, а первым кораблестроителем был дикарь, изготовивший каноэ. Даже историк и поэт могут нащупать истоки своих искусств в преданиях и песнях, славящих войны, приключения первобытных людей и их возлюбленных.

Человек, которому судьбой предназначено совершенствовать собственную природу и улучшать условия своей жизни, находит в этом постоянную сферу приложения своей изобретательности, своих трудов, своего внимания. Даже там, где он не предполагает никакого совершенствования собственной личности, в деятельности вполне самозабвенной, происходит упражнение его способностей. Таким образом, участвуя умом и чувствами в делах общества, он получает выгоду для себя самого; в создании жилища и обеспечении себе пропитания находят применение его изобретательность и умения; специфика его занятий определяется особенностями места и времени: в одной ситуации он занят войной и политикой, в другой — предпринимательством, созданием комфортной обстановки для себя лично. Выбор средств зависит от той цели,

¹ Фергюсон употребляет слово «art» — «искусство» в широком смысле, как искусность, умение, ремесло, профессия. Ср. греч. «технэ». — *Ред.*

² Витрувий Марк, Витрувий Поллион или Луций Витрувий Мамурра (2-я половина I в. до Р.Х.) — 1 римский архитектор, автор трактата «Десять книг об архитектуре». — *Ред.*

которую он сам перед собой ставит; преумножая способы достижения своих целей, он постепенно приближается к совершенству в каждом из ремесел. Так, идя вперед, развивая шаг за шагом свои умения, он одновременно и расширяет сферу своих устремлений; и тщетны были бы попытки найти такой способ, к которому не прибегал бы он, как и тщетно полагать, что какой-то из счастливых даров его минует.

Общепринят взгляд, согласно которому каждый новый век наследует то, что было достигнуто предшествующими поколениями; полагают также, что нации частично заимствуют знания и умения из-за границы. Считается, что римляне учились у греков, а современная Европа — и у тех, и у других. Думая так, мы часто доходим до того, что перестаем видеть что-либо оригинальное в практике или образе поведения народов. Греки будто бы копировали египтян, и даже египтяне кому-то подражали, хотя мы и не знаем кому.

Известно, что люди совершенствуются в общении друг с другом и, следуя примеру друг друга; но говоря о народах, представители которых воодушевляют и направляют друг друга, стоит ли искать за границей истоки их искусств — ведь достаточно лишь подходящего случая для того, чтобы каждая из наций сама их выработала?

Когда тому или иному народу предоставляется подобный случай, он, как правило, его не упускает; и пока подобные случаи ему предоставляются, он продолжает делать в данной области все новые изобретения, либо сознательно копировать изобретения других; там же, где общие интересы не задействованы, молчит и дух изобретательства и не возникает желания учиться у иностранцев; люди никогда не будут совершенствоваться в том, чему не найдут реального применения.

Изобретения, как мы часто отмечаем, делаются случайно; но есть вероятность, что тот самый случай, который не дастся в руки умельцу в одну эпоху, предоставится в следующую эпоху другому умельцу, лучше к нему подготовленному. Там, где обстоятельства благоприятны, где народ целеустремленно развивает то или иное искусство, каждое изобретение сохраняется, будучи постоянно используемо на практике; каж-

дый образец и каждый случай становится предметом изучения. Если же нации занимаются заимствованиями у соседей, то скорей всего они заимствуют то, к изобретению чего они уже и сами подошли.

Поэтому любая конкретная практика одного народа редко переносится на другой народ — до тех пор, пока не сложатся аналогичные условия, подготавливающие почву для подобного переноса. Отсюда наши частые жалобы на косность и упрямство людей и на медлительность передачи ремесел из одной местности в другую. В то время как римляне перенимали ремесла и умения греков, фракийцы и иллирийцы¹ с безразличием взирали на них. Изначально эти ремесла оставались уделом греческих колоний, позже — уделом римлян. Даже там, где налицо было распространение ремесел через общение с другими народами, независимые народы воспринимали ремесла весьма неизобретательно. В Риме прогресс был не более быстрым, чем в Афинах; на окраины римской империи они пришли лишь вместе с новыми поселенцами, вместе с италийской политикой.

Современная раса, пришедшая из-за рубежа дабы вступить во владение культурными провинциями, приносила с собой собственные ремесла и умения: новый хозяин охотился на вепря или пас стада там, где мог бы выращивать обильный урожай, строил хижины рядом с дворцом, позволил похоронить в руинах здания, скульптуры, картины и библиотеки бывших обитателей края; он строил поселение по собственному плану и открывал новые сферы для изобретений, не будучи в состоянии понять издали, куда заведет его потомков развитие в данном направлении. Жилье современной расы, как и жилье предыдущей, постепенно увеличивалось в размерах; общественные здания приобретали величественность, свойственную новому вкусу. Но и этот вкус был, по прошествии веков отвергнут, и народы Европы вернулись к образцам, раз-

¹ Фракийцы и иллирийцы — со времен Геродота так называлась большая группа индоевропейских племен, населявших со времен Великого переселения народов (ок. 1200 до Р.Х.) Балканы, некоторые области Италии и Малой Азии. — *Ред.*

рушенным их отцами, и рыдали над руинами, которых не могли восстановить.

Литературные памятники античности стали объектом изучения и подражания после того, как прорезался собственный гений современных наций: грубые поэтические поползновения Италии и Прованса несли на себе сходство с творчеством греков и римлян. Трудно сказать, были бы наши творения лучше, если бы не опирались на эти образцы, или же они более выиграли от подражания, чем потеряли, изменив своему родному образу мысли, своему повествовательному слогу. Несомненно, мы многим обязаны им как в смысле творческого материала, так и в смысле формы многих наших произведений; без их примера содержание как нашей литературы, так и нашего поведения, нашей политики не было бы таким, каким оно является ныне. Одно можно сказать с уверенностью: хотя современная литература и литература римлян одинаково напоминают греческий оригинал, человечество в любую из эпох не стало бы пить из этого потока, не поспеши оно открыть собственные ручейки.

Чувство и воображение, пользование руками или головой не есть изобретения отдельных людей; и зависящий от них расцвет искусств и ремесел является у любого народа свидетельством не столько науки, полученной извне, и не какого-то естественного превосходства в смысле трудолюбия и талантов, сколько удачности господствующего в стране политического строя.

Когда внимание людей обращено на определенные объекты, когда приобретения одного века полностью переходят в следующий, когда каждый индивид оказывается защищен на своем месте и сохраняет за собой свободу следовать собственным влечениям, происходит накопление различных приемов; и трудно бывает найти начальные истоки искусства. Совершенства можно достичь многими путями; и мы не знаем, кому воздать высшую хвалу — первым или последним участникам прогресса.

Раздел VIII

ОБ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Если признать справедливыми общие наблюдения предыдущего раздела, если литературные, равно как технические умения, будучи естественным продуктом человеческого духа, спонтанно возникают везде, где люди чувствуют себя комфортно; а, говоря о некоторых нациях, искать их истоки за границей столь же необходимо, сколь и в любом из своих проявлений (будь то удовольствия или дело), к которым питает склонность человечество, находясь в состоянии процветания и свободы.

Мы склонны рассматривать умения как нечто чужое, наносное в отношении природы человека. Но нет такого умения, которое хоть когда-нибудь не пригодилось бы в жизни людей, которое не сыграло бы роли средства к достижению цели в какой-то из тех ситуаций, в которых приходилось бывать роду человеческому. Технические и коммерческие умения возникли из любви к собственности и подстегивались перспективами безопасности и наживы; литературные навыки и навыки свободы шли от понимания, воображения и души. Они суть упражнения духа, ищущего особых, свойственных ему наслаждений и занятий; их стимулируют обстоятельства, позволяющие духу получать удовольствие.

Люди в равной степени вовлечены в прошлое, настоящее и будущее, они готовы к любому делу, дающему применение их силам. Поэтому любое творение (повествовательное, художественное или логическое), предполагающее работу воображения или затрагивающее сердце, на протяжении веков продолжает приковывать к себе внимание и служить источником восторгов. Память о делах человеческих, запечатленная в традиции или в литературе, дает естественное удовлетворение той страсти, что проявляет себя как любопытство, восхищение или любовь к развлечениям.

И до того как было написано множество книг и получила широкое развитие наука, произведения чис-

того гения иногда отличались полнотой: творец не нуждается в помощи познаний, при помощи которых его описание или рассказ привязывается к ближайшим или случайным объектам, к поведению и характерам людей, с которыми взаимодействовал он сам, разделяя их судьбу и их занятия.

Обладая подобным преимуществом, поэт первым представил людскому суду плоды своего гения и возглавил развитие тех искусств, в которых проявляется воображение души и выражаются ее страсти. Любое племя варваров обладает собственными страстными или традиционными рифмами, заключающими в себе суеверия, воодушевление и восхищение славой, наполнявшими грудь человека первобытного общества. Он обожает стихосложение — потому ли, что метрические размеры естественны для языка чувств, или потому, что, не имея письменности, они были вынуждены делать услышанное более легко запоминающимся, дабы облегчить повторение и обеспечить сохранение своих произведений.

Если рассмотреть тот язык, которым говорят дикари в торжественные минуты, то покажется, что человек является поэтом по природе. Возможно, вследствие несовершенства своего языка и отсутствия в нем достаточного числа выражений, а, может быть, из желания тешить собственное воображение поиском аналогий, он прячет любое понятие за образом и метафорой. «Мы посадили дерево мира, — говорит оратор из числа американских аборигенов, — и похоронили под его корнями топор; и с той поры мы будем отдыхать в его тени; мы объединимся, чтобы сильнее засверкала цепь, связующая наши народы». Вот какое изобилие метафор употребляют эти народы во время публичных выступлений. Кроме того, в их речевом обиходе уже присутствуют живые фигуры речи и та дерзновенная свобода языка, которую впоследствии образованные люди сочли столь подходящей для описания полета воображения и порывов страстного духа.

Если от нас потребуют объяснить, каким образом люди могли быть поэтами или ораторами без помощи ученого или критика, в ответ мы спросим, каким образом могли падать тела под весом собственной тяжести, до того, как книги запечатлели законы тяготения.

Душа, как и тело, имеет свои законы, проявляющиеся в деятельности людей, и критик собирает их лишь после того, как конкретные примеры продемонстрируют, каковы они.

Каждое сказание примитивных народов, явившись, вероятно, плодом упомянутой физической связи между эмоциями воспаленного воображения и впечатлениями, полученными от музыки и патетических звуков, повторяется в стихотворном виде и приспособляется к песенной форме. Это — общая для всех первобытных народов черта. В древней Греции и священники, и государственные деятели, и философы придавали своим творениям стихотворную форму и отдавали ее на обработку музыкантам и слагателям героических мифов.

Между тем, не особенно удивляет тот факт, что первым видом литературы у всех народов была поэзия; что столь трудная и столь удаленная от повседневного обихода форма почти повсеместно являлась первой литературной формой. Самые почитаемые из поэтов жили за горизонтом истории и почти за гранью традиции. Безыскусная песнь дикаря, героическая легенда барда порой обладает величественной красотой, которую не улучшит никакая перемена в языке, ни изменят никакие утонченные критики.

Находясь, как полагают, в невыгодном положении из-за ограниченности знаний и грубости восприятия, первобытный поэт с лихвой компенсирует нехватку умения избытком воображения. Лучшие предметы его поэзии, характеры неистовых и смелых, щедрых и незыблемых, великие опасности, испытания силы духа и верности — все они проявляются у него на глазах или передаются ему по традиции в виде достоверных образов, в которые верят, как в живых. Он не предается, на манер Вергилия¹ или Тассо², описанию чувств или пейзажей отдаленных времен; он не нуждается в заме-

¹ Публий Вергилий Марон (70—19 до Р.Х.) — крупнейший римский поэт. Автор эпической поэмы «Энеида», сб. стихотворений «Буколики». — *Ред.*

² Тассо Торквадо (1544—1595) — итальянский поэт Возрождения и барокко. Автор героической поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1580). — *Ред.*

чаниях критиков¹, в воспоминаниях, о чем подумал тот или иной персонаж, или каким бы образом выразил свою мысль другой. Простые страсти — дружба, презрение, любовь — суть движения его собственной души, так что ему не надо кого-то копировать. Простой и неистовый в своих понятиях и чувствах, он не знает вариантов в мысли или в стиле, ничто не уводит в сторону его суждений и ничто не служит для них упражнением. Его эмоции идут от сердца, и сердце подсказывает ему слова — иного он не знает. Поэтому, восхищаясь суждениями и изобретениями Вергилия? других поздних поэтов, мы не можем подходить с той же меркой к Гомеру. Представления его, при всей их мудрости и утонченности, непредсказуемы, как непредсказуемы движения его души: кажется, в нем говорит вдохновение, а не изобретательность; кажется, в выборе идей и способов их выражения он руководствуется не рефлексией, а неким сверхъестественным инстинктом.

Первобытный язык, простой и ограниченный в одном отношении, является свободным и разнообразным в другом отношении: он допускает ту свободу обращения с собой, которой лишены поэты последующих эпох.

В первобытном обществе люди не разделены различиями положения и профессии. Они живут однообразно и говорят на едином диалекте. Бард, стремящийся к самовыражению, не стоит перед выбором какого-либо из нескольких говоров. Ему не приходится оберегать чистоту своего языка от ошибок, свойственных ремесленнику, крестьянину, ученому или придворному, в поисках той элегантности и того неподдельного пафоса, которые означают свободу от вульгарности одного класса, педантизма другого и легкомыслия третьего. За каждым предметом и каждым чувством закреплено у него определенное имя; и если его замысел обладает достоинством естества, то его выражения будут исполнены чистоты, не зависящей от его выбора.

Будучи очевидным образом связанным в выборе слов, он обладает свободой ломать устоявшиеся кон-

¹ См.: Longinus. [Лонгин (III в. по Р.Х.) — древнегреческий ритор и философ-неоплатоник. Предположительный автор трактата «О возвышенном». Казнен в 273 г. — *Ред.*].

струкции; и в некоей не установленной правилами языковой форме он может найти для себя каденцию, созвучную тону его души. Допускаемая им свобода, наполненная потрясающим смыслом и выраженная в возвышенном языке, представляется усовершенствованием, а не нарушением норм грамматики. Он определяет стиль последующих столетий и становится для потомков мерилom совершенства.

Но каким бы ни было отношение первобытных людей к поэзии, какими бы преимуществами ни обладали они в культивировании этого вида литературы; независимо от того, проистекала ли зрелость первобытных поэтических сочинений из сознания того, что они есть первое изo всех изученных творений, или же из их чарующей способности вовлекать слушателя в непосредственное переживание гения, лучше других умевшего развить красноречие родного языка, — каким бы ни было объяснение, примечателен тот факт, что не только в странах, в которых всякое произведение являлось оригинальным и открывалось в естественной последовательности событий, но и в Риме и современной Европе, где ученые люди исстари практиковали подражание иностранным образцам, мы имеем дело с поэтами всех национальностей, с удовольствием перечитываемых, в то время как прозаики той эпохи преданы забвению.

Подобно тому, как Софокл и Еврипид¹ предшествовали историкам и моралистам Греции, не только Невий² и Энний³, написавшие историю Рима в стихах, но и Луцилий⁴, Плавт⁵, Теренций⁶ (добавим еще Лук-

¹ Еврипид (485/484 или 480—406 до Р.Х.) — младший из трех великих драматургов Древней Греции — Эсхил, Софокл, Еврипид. — *Ред.*

² Невий Гней (ум. ок. 201 до Р.Х.) — римский поэт и драматург. — *Ред.*

³ Энний Квинт (239—169 до Р.Х.) — поэт-архаик. — *Ред.*

⁴ Луцилий (180—102 до Р.Х.) — римский поэт-сатирик. — *Ред.*

⁵ Плавт Тит Макций (ок. 250—184 до Р.Х.) — знаменитый римский комедиограф. — *Ред.*

⁶ Теренций Афер (африканец) (190—159 до Р.Х.) — великий римский комедиограф, автор сохранившихся 6 комедий. — *Ред.*

реция¹), являлись предшественниками Цицерона, Саллюстия² или Цезаря. В Италии Данте³ и Петрарка⁴ появились раньше любого хорошего прозаика; Корнель⁵ и Расин⁶ предворяли во Франции век прекрасной прозы; а у нас в Англии были не только Чосер⁷ и Спенсер⁸, но также Шекспир⁹ и Мильтон¹⁰ — в то время как наши история или наука находились еще в младенческом состоянии и заслуживают внимания лишь с точки зрения важности их предметов.

Гелланик¹¹, числившийся среди первых прозаиков Греции, бывший непосредственным предшественником или даже современником Геродота, заявил о себе намерением изъять из истории те неистовые сцены и причудливые измышления, которыми ее исказили поэты¹². Возможно, воспользоваться всеми преимуществами, которыми давал ему переход на прозу, мешало отсутствие записей или свидетельств, относя-

¹ Лукреций Кар (ок. 96—55 до Р.Х.) — поэт и философ. Выдающийся представитель теории атомистики. Автор поэмы «О природе вещей». — *Ред.*

² Гай Саллюстий Крисп (86—35 до Р.Х.) — римский историк. Автор «Заговора Катилины» и «Югиртинской войны». — *Ред.*

³ Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, автор «Божественной комедии» (1307—1321). — *Ред.*

⁴ Петрарка Франческо (1304—1374) — итальянский поэт, предтеча гуманизма эпохи Возрождения. — *Ред.*

⁵ Корнель Пьер (1606—1684) — французский драматург-классицист. — *Ред.*

⁶ Расин Жан (1639—1699) — французский драматург, поэт-классицист. — *Ред.*

⁷ Чосер Джефри (1340?—1400) — английский поэт. Автор «Кентерберийских рассказов». — *Ред.*

⁸ Спенсер Эдмунд (ок. 1552—1599) — английский поэт, «Поэт поэтов», автор изысканной поэмы «Королева фей» (неоконч. 1590—1596). — *Ред.*

⁹ Шекспир Уильям (1564—1616) — английский поэт и драматург. — *Ред.*

¹⁰ Мильтон Джон (1608—1674) — английский поэт и государственный деятель. Автор поэм «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671). — *Ред.*

¹¹ Гелланик — писатель из Митилены (V в. до Р.Х.). — *Ред.*

¹² Цитируется по Деметрию Фалерскому. Деметрий Фалерский (350—283 до Р.Х.) — афинский философ и государственный деятель. — *Ред.*

щихся к отдаленным во времени событиям. Однако, в истории обществ бывали эпохи, когда подобное предложение приветствовалось. Когда людей занимают проблемы политики или коммерции, они стремятся получать не только эмоции, но также знания и умения. Они желают знать, что действительно происходило в прошлом. Для них знание является отправной точкой размышлений и умозаключений относительно настоящего, они хотят быть информированы относительно положения дел в различных областях, а также тех планов, в которых собираются участвовать. Поведение людей, повседневная практика и форма общества поставляют темы для работ моралистов и политиков. Литературные достоинства этих работ усматриваются в простой изобретательности, верности чувств, правильности отображения, — все это, изложенное простым языком и апеллирующее не к воображению и страстям, а к разуму, оценивается в соответствии с мерой поучительности представленного опуса.

Человеческие таланты находят применение в самых различных сферах, и исследования, осуществляемые людьми, направлены на различные объекты. Знание играет важную роль в любой сфере гражданского общества, оно необходимо для реализации любого умения. Естествознание, мораль, политика и история — все они находят немало поклонников; и даже сама поэзия, сохраняя прежнее место в сфере возбужденного воображения и возвышенных страстей, предстает во все большем разнообразии форм.

Столь далеко продвинулись дела безо всякого воздействия иностранных образцов и без руководящего влияния школ. Колесница Феспиды¹ была преобразована в театр не ради ученых мужей, а ради афинской черни; а давать оценку поэтическим достоинствам эта чернь была способна как до, так и после введения правил. Греки не знали никаких языков, кроме собственного, и учились они на тех образцах, которые сами и произвели на свет: та ребячески наивная мифология,

¹ Феспид — грек из Икарии, впервые использовал на Великих Дионисиях вместе с хором актера-декламатора. (534 г. до Р.Х.) — Ред.

которую, как говорят, они заимствовали из Азии, не могла иметь отношения ни к развитию их любви к искусствам, ни к тем успехам, коих они на этом поприще достигли.

Когда историк потрясен увиденным или услышанным, когда он горит желанием поведать о своих мыслях или страстях; когда государственный муж, перед тем как выступить перед людьми, вынужден для большего впечатления тщательно готовить свою речь; когда беседы обретают свойства обстоятельности и утонченности, а свои социальные чувства и размышления люди начинают доверять бумаге, из этого взрыва жизненной активности может возникнуть система учебы. Само общество являет собой школу, и уроки свои оно преподает в практике реальных дел. Автор опирается на собственные наблюдения, а не на то, что вычитал в книге; каждое его произведение не только свидетельствует о его искусности в качестве исследователя или ученика, но и несет на себе отпечаток его личности. Возникает вопрос, не способны ли трудоемкий процесс поиска далеких образцов, попытки разобраться в темных аллюзиях и неизвестных языках заглушить вдохновение, превратив данного автора во второразрядного писателя.

Если, таким образом, общество можно рассматривать как школу литературного творчества, ее уроки, вероятно, разнятся в различных государствах и в различные эпохи. Суровая сосредоточенность римского народа на политике и войне на некоторый период отеснила на задний план литературу, отрицательно повлияв даже на исторический и политический гений нации. Все институты Спарты демонстрировали открытое презрение ко всему, что не было связано с практическими достоинствами живого и решительного духа: красоты воображения и языковые изыски ставились этим народом в один ряд с искусством кулинаров и парфюмеров. Некоторые писатели упоминают о песнях, восхваляющих силу духа; по сей день сохранились собрания их остроумных высказываний и находчивых ответов: они свидетельствуют о добродетелях и способностях активного народа, а не о достижениях в сфере науки и литературы. Обладая всеми достоинствами

духа, необходимыми для счастья, они умели ценить его и не обращали внимания на те бесчисленные предметы, о коих так хлопочет человечество, не знающее, как правильно определить их ценность: имея на все собственную точку зрения, этот народ не поддался на глупости человечества. «Когда же ты перейдешь к практическому осуществлению?» — спросил один спартаец человека, который, будучи в преклонных летах, все продолжал заниматься вопросом природы добродетели.

Если данный народ ограничивал собственные исследования вопросом о том, как улучшать и хранить в сердце человеческом мужество и бескорыстие, то их соперники афиняне с размахом оттачивали свое совершенство во всем, что касалось размышления и страсти. Награждая либо богатством, либо славой любое достижение, делающее жизнь более приятной, красивой и удобной; ставя своих граждан в самые различные условия; позволяя им существовать в имущественном неравенстве, заниматься кому войной, кому политикой, кому коммерцией, кому предпринимательством, афиняне пробуждали в себе все, как лучшие так и худшие черты человеческой природы. Перед ними были открыты все пути к величию: красноречие, сила духа, военное искусство, зависть, клевета, распри, государственная измена и даже сама муза были поставлены на службу честолюбию этим деловым, сметливым и темпераментным народом.

Из этого примера мы можем с уверенностью заключить, что хотя порой занятие делом составляет конкуренцию исследованиям, уединение и досуг не являются главными условиями совершенствования и даже упражнения литературных талантов. Даже самые поразительные взлеты воображения и чувств связаны с человечеством: они вдохновлены людьми и их взаимоотношениями; наибольшей энергией они обладают тогда, когда возбуждаются главными движущими силами духа — соперничеством, дружбой и оппозицией — присущими прогрессивным и целеустремленным людям. Захваченные великими событиями, приводящими в движение свободное и даже распущенное общество, члены этого общества оказываются способными ко всему чему угодно: те же обстоятельства, поро-

дившие деяния Фемистокла¹ и Фрасибула, в свою очередь, вдохновили на гениальные творения Софокла², Платона. И дерзкие, и изобретательные находят здесь применение своим талантам; литературные памятники становятся свидетельствами зависти и глупости, равно как мудрости и добродетели.

Греция, разделенная на множество мелких государств и, более, чем какая-либо другая часть света, возбужденная внутренними распрями и внешними войнами, создала образцовые творения во всех литературных жанрах. Это пламя перекинулось на Рим — но не тогда, когда это государство утратило воинственность и прекратило политические дискуссии, а тогда, когда любовь к совершенству и удовольствиям стала составной частью национального образа жизни и среди брожения, вызванного войнами и борьбой фракций, народ выработал в себе склонность к исследованиям. Оно возродилось в современной Европе в беспокойных государствах Италии и распространилось на Север вместе с тем духом, который преобразил облик готской политики: оно ширилось там, где люди были разделены на партии, гражданские или религиозные, расхождения между которыми затрагивали самые важные и священные темы.

Многовековой опыт может убедить нас в том, что либеральные дары, распространяемые в образованных обществах, и досуг, предоставленный им для занятий, не являются лучшими средствами для пробуждения сил гения; это справедливо даже в отношении науки, этого предполагаемого плода досуга, чахнувшего в тени монашеского уединения. Находясь в отдалении от объектов полезного знания, будучи недосыгаемы для импульсов, пробуждающих живой и действенный дух, люди способны изобретать лишь технический жаргон и накапливать не относящиеся к делу академические формы.

¹ Фемистокл (524—459 до Р.Х.) — афинский полководец и государственный деятель. Создатель военного флота Афин. — *Ред.*

² Софокл (ок. 496 — 406 до Р.Х.) — древнегреческий драматург. — *Ред.*

Для того чтобы с полным правом говорить и писать о своих наблюдениях над природой, необходимо сначала испытать природные чувства. Тот, кто демонстрирует пронизательность и воодушевление в повседневной жизни, вероятно, проявит такую же силу и изобретательность в реализации своих литературных талантов. И хотя литература может превратиться в профессию и потребовать от писателя всей прилежности и подготовки, которой требует любая другая профессия, основными требованиями к писателю все равно останутся одухотворенность и чувствительность живого ума.

В один временной период школа может черпать свое просвещение и руководство из активной жизни, в другой же период, остатки активного духа во многом опираются на литературные памятники и историю тех дел, которые стали образцами и опытом прежних, лучших времен. Но каким бы образом ни осуществлялась подготовка людей к великим усилиям красноречия или реальных поступков, отношение к этим достижениям человеческого характера как к завоеваниям спекулятивного духа представляется величайшей из ошибок, зиждущейся на недооценке силы духа и общительности, столь необходимых для превращения нашего знания в источник счастья и пользы¹.

¹ Здесь заканчивается русский перевод И.Тимковского «Опыта истории гражданского общества», изданный в Санкт-Петербурге в типографии гвардейского штаба в 1817 году. — Ред.

Часть четвертая

О последствиях, вытекающих
из развития гражданских и
коммерческих профессий

Раздел I

О РАЗДЕЛЕНИИ ИСКУССТВ И ПРОФЕССИЙ

Очевидно, что ни сознание необходимости, ни стремление к удобствам, ни благоприятная ситуация (в том числе политическая) не дают особого прогресса в искусстве выживания, если отсутствует разделение труда и специализация людей на выполнении отдельных задач, требующих особых умений и особого внимания к себе. Дикарь или варвар, вынужденный строить, сажать и производить те или иные предметы для собственного использования и потребления, предпочитает в промежутках между великими тревогами и испытаниями предаваться праздности, а не заботиться об увеличении своего состояния; возможно, трудолюбию мешает разнообразие его желаний, а развитию умений, связанных с каким-то определенным предметом, — рассеянность его внимания.

Однако, мирная жизнь и возможности обмена товарами постепенно превращают охотника и воина в торговца и купца. Случайности, порождающие неравномерное распределение средств к существованию, а также личные наклонности и благоприятствующие обстоятельства закрепляют за отдельными людьми различные занятия; а соображения целесообразности подталкивают их к бесконечному разграничению профессий.

Ремесленник обнаруживает, что чем более сосредоточивает он внимание на какой-либо определенной части своей работы, тем совершенней получается его продукт и тем больше этого продукта он может производить. Всякий предприниматель приходит к открытию, что, расчлняя процесс производства на большее число операций, он получает возможность нанимать больше людей для выполнения этих отдельных опера-

ций, а это сокращает его расходы и увеличивает прибыль. Потребитель также начинает требовать такого качества товара, которое не в состоянии обеспечить работник, производящий разнообразные продукты; следовательно, прогресс коммерции есть не что иное, как постоянное дробление механических навыков.

Любое мастерство поглощает собой все внимание человека и содержит в себе секреты, познать и овладеть которыми можно лишь пройдя весь курс учебы в подмастерьях. Торговые нации оказались состоящими из людей, не знающих ничего, кроме собственного узкого ремесла, и способных вносить свой вклад в сохранение и преумножение общего достояния, не превращая это общее дело в объект собственного внимания, собственной заботы. Каждого из людей отличает его призвание и то место в обществе, которое он согласно этому призванию занимает. Дикарь, не знающий иных отличий, кроме тех, что дают ему добродетели, принадлежность к тому или иному полу, к тому или иному роду, с изумлением обнаруживает, что в новой ситуации звание человека само по себе не дает никакого определенного статуса, — и он бежит в леса, исполненный удивления, неприязни и отвращения.

Выделение особых ремесел и профессий открывает доступ к богатству; обработка каждого материала доводится до совершенства, каждый товар начинает производиться в изобилии. Свои доходы и прибыли государство может соизмерять с численностью своего народа. Мощь и значение нации государство может увеличивать уже не с помощью кровопролития, как это было у дикарей, а благодаря своим богатствам.

Преимущества, полученные от разделения труда в низших сферах производства, кажется, сопоставимы с преимуществами, которые вследствие аналогичных причин получают высшие сферы политики и войны. Солдата избавляют ото всех забот, за исключением обязанности нести свою службу; а государственные служащие различных учреждений, не обладая никакими навыками в ведении государственных дел, могут успешно справляться со своими обязанностями при помощи простого соблюдения тех правил, которые были выработаны до них опытом других служащих.

Они подобны частям единого механизма, которые, сами того не сознавая, служат определенной цели: оставаясь в таком же неведении относительно общей задачи, что и торговец, с которым они взаимодействуют, они совместными усилиями обеспечивают государство всеми необходимыми ресурсами, услугами и мощью.

Бобёр, муравей и пчела обязаны своим искусством природе. Цивилизованные же нации обязаны своими умениями самим себе, что, видимо, говорит о превосходстве их над примитивными народами. Но человеческие изобретения, как и умения животных, подсказаны природой и являются результатом действия инстинктов, направляемых многообразием ситуаций, в которые попадает человек. Приспособления, которыми обладает человек, претерпевали последовательные улучшения, общие результаты которых явились чем-то непредвиденным; они придали человеческим делам такую сложность, которой невозможно было бы предположить и при самом полном развитии человеческих способностей; даже когда названное целое приводится в исполнение, оно не поддается полному осмыслению.

Кто мог предвидеть или даже перечислить все те отдельные занятия и профессии, которые отличают членов любого коммерческого (commercial) государства, все то многообразие приемов, что используются в различных цехах, будучи изобретены старательным ремесленником для ускорения и облегчения своей работы? Двигаясь к этой главной цели, каждое поколение в сравнении с предшественниками выглядело изобретательным, в сравнении же с потомками — бездарным: человеческая изобретательность, каких бы высот ни достигла она по прошествии веков, продолжает развиваться устойчивыми темпами, участвуя как на заключительных, так и на начальных стадиях коммерческого или гражданского развития.

Можно подвергнуть сомнению утверждение о том, что с развитием технических искусств увеличиваются и способности нации. Есть много умений, для обладания которыми не требуется вовсе никаких способностей; лучше всего они удаются при полном подавлении чувств и разума; невежество приходится матерью трудолюбия — так же, как и суеверию. Размышление и

фантазия могут привести к заблуждению; навык же двигать рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Соответственно, наибольшего процветания производители достигают там, где производство требует минимального участия ума и где не требуется большого воображения, чтобы представить мастерскую в виде машины, а людей — в виде ее частей¹.

Дикари валили лес без помощи топоров и поднимали тяжести без механических приспособлений. Вероятно, заслуга изобретателя во всех областях является первичной по отношению к заслуге исполнителя; и изобретательность того, кто изобрел орудие труда или смог обойтись без его применения, заслуживает гораздо большей похвалы, чем того ремесленника, который с помощью этого орудия произвел превосходную вещь.

Однако, если в любом ремесле, в любой сфере деятельности присутствуют многие составляющие, для осуществления которых не требуется особых способностей (эти составляющие имеют тенденцию суживать кругозор человека), то есть и другие составляющие, располагающие к общим размышлениям, к развитию мышления. Даже в промышленности, в то время как простой рабочий остается опустошенным, гений хозяина получает, пожалуй, дальнейшее развитие. Государственный деятель может обладать широким пониманием состояния дел в обществе, а те, кто служит его орудиями, не имеют представления о той системе, частью которой являются. Генерал может быть отличным знатоком военного дела, тогда как знание солдата ограничено несколькими движениями руки и ноги. Возможно, первый приобретает то, что теряет второй; и, командуя дисциплинированной армией, может с большим размахом освоить все премудрости выживания, обманных маневров и стратегий, к которым прибегает дикарь, возглавляющий горстку людей или защищающий себя самого.

¹ Цитируемый по французскому изданию «Опыта» (Париж, 1783) Марксом отрывок в «Нищете философии» (См.: Маркс и Энгельс. Соч. Изд. 2. М., 1955. С. 149. См. подробнее предисловие). — *Ред.*

Представитель каждого ремесла и каждой профессии способен поставлять ученому материал для общих размышлений; в этот век разделения [труда] само мышление может стать особой специальностью¹. В суете гражданских дел и занятий люди выступают то в одном, то в другом свете и выдвигают вопросы, будящие исследовательский интерес и воображение, оживляющие и расширяющие общение. Плоды изобретательности выбрасываются на рынок, а люди готовы платить за все, что способно информировать или развлекать. Тем самым и занятой человек, и праздный содействуют прогрессу ремесел и приносят в цивилизованные нации атмосферу высшего творчества, в обстановке которой они достигают тех же целей, которые преследовал дикарь у себя в лесу — знания, порядка, богатства.

¹ См. Марксов монтаж предшествующего абзаца и начало этого в «Нищете философии» на указанной 149 с. — *Ред.*

Раздел II

О СОПОДЧИНЕНИИ, ВОЗНИКАЮЩЕМ ВСЛЕДСТВИЕ ВЫДЕЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ И ПРОФЕССИЙ

Одним из оснований подчинения является различия природных талантов и способностей, вторым — имущественное неравенство, и третьим, не менее ощутимым, — профессионализм, приобретенный в занятиях различными ремеслами.

Одни занятия относятся к разряду свободных, другие — к разряду механических. Они предполагают использование разных талантов и возбуждают несхожие чувства. И, независимо от того, на чем мы реально строим свои предпочтения, несомненно, есть смысл выстраивать иерархию значимости профессий, исходя из того влияния, которое их образ жизни оказывает на развитие духовных сил или на сохранение чувств сердца.

Человеку свойственно некое возвышенное чувство, благодаря которому он, даже в первобытном состоянии, склонен, вопреки давлению необходимости, подниматься над заботой о пропитании и корыстью. В дружбе или вражде он, кажется, следует исключительно велению сердца; проявить себя он готов только в опасности и трудностях, оставляя повседневные заботы слабым и покорным.

Те же самые представления в любой ситуации влияют на его понятия о низости и достоинстве. В цивилизованном обществе стремление человека избежать душевной приземленности заставляет его скрывать интерес к вопросам самосохранения или пропитания. В его понимании нищий, просящий милостыни, рабочий, зарабатывающий себе на хлеб, мастеровой, чье ремесло не требует творчества, — все они принижены

своими занятиями и теми средствами, к которым они прибегают. Профессии, требующие накопления знаний и учебы, упражнения в фантазии и любви к совершенствованию; профессии, приносящие и оvationи, и прибыль, ставят владеющих ими на более высокую ступень, приближая к людям наиболее высокого положения, так как на этой ступени они не связаны каким-либо определенным занятием и свободно следуют наклонностям своей души и присоединяются к тому обществу, к которому влечет их сердце или призывает общественность.

Именно такое положение стремились занять и сохранить за собой граждане всех античных республик, противопоставляющих свободных граждан рабам. Изначально работа по дому и физический труд была уделом женщин или рабов; с развитием предпринимательства последние стали получать технические профессии, им даже доверили занятие торговлей в интересах своих хозяев. Считалось, что свободные люди должны заниматься исключительно политикой и военным делом. Таким образом, одна часть рода приносила себя в жертву амбициям другой его части, подобно тому, как камни из одного карьера частично зарываются в землю, образуя фундамент здания, сложенного из других камней того же карьера. Вознося панегирики в честь греков и римлян, мы должны помнить о том, что ни один человеческий институт не совершенен.

Во многих греческих городах-государствах названные преимущества свободных людей, построенные на основе столь жестокого разграничения, не в равной мере даровались всем гражданам. При неравномерном распределении богатства только богатые были освобождены от обязанности трудиться; бедные должны были сами себе обеспечивать средства к существованию. В обоих случаях основной движущей силой была корысть, и обладание рабами, как и любой другой собственностью, стало вопросом стяжательства, а не способом выхода из низкого положения. Только в Спарте этот институт имел многообразные последствия и продержался в течение значительного времени. Мы сознаем его несправедливость, мы переживаем за илотов, живших в обстановке жестокости и неравенст-

ва. Когда же мы думаем только о верхней страте граждан, оценивая возвышенность и величие их духа, не боящегося опасности и не поклоняющихся золотому тельцу; когда мы представляем их своими друзьями или согражданами, то вместе с ними демонстрируем тенденцию забывать о том, что и рабы имеют право на человеческое отношение к себе.

Возвышенность чувств и свободу духа мы ищем в тех слоях общества, которые в силу своего социального и имущественного положения избавлены от низменных забот и интересов. Таковы были свободные граждане Спарты. И если участь раба в древности была более тяжелой, чем участь живущего в бедности работника или мастерового в наше время, то и верхние слои, обладавшие общественным весом, вряд ли получали в античную эпоху все соответствующие их положению почести. Если претензии на всеобщую свободу и равенство приведут к тому, что все классы станут одинаково раболопными и продажными, мы получим не свободных граждан, а нацию илотов¹.

В любом коммерческом государстве, несмотря на все претензии на равноправие, возвышение меньшинства должно подавлять большинство. В этом случае мы бываем склонны относить крайнюю приниженность некоторых классов главным образом на счет отсутствия знаний и свободного образования и говорить об этих классах как о неких пережитках первобытного, нецивилизованного состояния человечества. Но, говоря это, мы забываем о множестве обстоятельств, развращающих низшие слои — особенно в многонаселенных городах. Невежество — это самый невинный из их недостатков. Восхищение чужим богатством превращается в принцип зависти или низкопоклонства; привычка изо всего извлекать прибыль, быть в подчинении у кого-либо; преступления, совершаемые для

¹ Маркс трактует этот пассаж как обращенный к современной Фергюсону Британии. См.: Капитал. Т. I. Отдел 4. Глава 12. Разделение труда. «Мы — нация илотов, и между нами нет свободных людей!» ссылка на А.Фергюсона (An Essay on the «History of Civil Society». Edinburgh. 1767. P. IV. Section 2. P. 285). См. предисловие. С. 22. — *Ред.*

того чтобы продлить кутеж или удовлетворить собственную алчность, — все это примеры не невежества, а развращенности и низости. Если дикарь не обладает нашими знаниями, то не знает он и наших пороков. Над ним нет начальников, и он не умеет быть покорным; ему неведомы имущественные различия, и он не умеет завидовать; общество дает ему возможность реализации его талантов на высшем социальном уровне — в качестве советника и солдата своей страны. Он знает все, что нужно, для того чтобы иметь собственное эмоциональное отношение к окружающему миру; он способен понять, кто ему друг, и любит этого человека, он знает, в чем состоит общественный интерес, вызывающий у него воодушевление.

Принципиальные возражения против демократического или народного правления возникают в силу того, что в результате занятий коммерцией между людьми возникает неравенство. Следует признать, что хотя народным собраниям, состоящим из людей, руководствующихся своекорыстными соображениями и обычно проявляющих нетерпимость, можно доверить право избрания собственных хозяев и лидеров, сами они определенно не подходят на роль командующих. Как может быть доверено руководство нациями тем, чьи интересы ограничены заботой о собственном пропитании и выживании? Когда такие люди оказываются допущенными к рассмотрению государственных дел, они приносят в соответствующее ведомство либо путаницу и суматоху, либо раболепие и коррупцию; при них руководство редко оказывается в состоянии избежать распада на противоборствующие фракции, а принимаемые решения оказываются плохи как по замыслу, так и по исполнению.

Все эти недостатки характеризовали и афинское правительство. Ремесленник под страхом наказания был обязан появляться в местах общественных собраний и слушать дебаты на темы войны и мира. С помощью денежного вознаграждения его поощряли к присутствию на рассмотрении гражданских и уголовных дел. Но, несмотря на все меры, направленные на воспитание талантов беднейших слоев, бедные все

равно приносили своекорыстные настроения и нелиберальное поведение. Подавляемые чувством собственного несоответствия и собственной слабости, они готовы были слепо довериться отдельным демагогам, тем, кто льстил их страстям и пользовался их страхами; либо же, подстрекаемые завистью, они готовы были изгнать из страны всякого уважаемого и выдающегося представителя высшего сословия. Суверенитет в любой момент мог ускользнуть из их рук — либо из-за неуважения общества, либо из-за ошибок в управлении.

В подобных случаях людьми, как правило, руководят один или несколько человек, знающих, как с ними обращаться. Перикл был для Афин чем-то вроде царя; в Риме суверенной властью в разное время обладали, поодиночке или вместе, Красс¹, Помпей и Цезарь.

Демократию, как в больших, так и в малых государствах, бывает трудно сохранить из-за противоречий в обществе, разницы в духовном развитии граждан, неодинаковых по своим целям и занятиям, разобщающим человечество на развитой стадии коммерческих занятий. В этом смысле, однако, мы можем лишь предостеречь против сохранения формы демократии после того, как уничтожен принцип демократии, видя всю бессмысленность претензий на равенство влияния и положения людей, характеры которых уже не одинаковы.

¹ Марк Лициний Красс по прозвищу Богатый (115—53 до Р.Х.) — консул в 70 и 55 гг. член триумvirата с Помпеем и Цезарем (60 г.). — *Ред.*

Раздел III

О МАНЕРАХ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ И КОММЕРЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

В своем примитивном состоянии люди обладали весьма однообразным поведением, но, достигнув цивилизованности, они стали различаться меж собой большим разнообразием занятий; увеличился спектр их деятельности, увеличилась и их непохожесть. Между тем, если бы они продолжали руководствоваться одинаковыми планами и схожим мировоззрением, они, вероятно, с начала до конца своего развития хранили бы согласие по многим частным вопросам. Если же, как признают общества в лице своих членов, описанным выше разнообразием рангов и профессий они обязаны коммерции, то они должны демонстрировать сходство результатов разделения труда и прочих общих для них обстоятельств.

При каждой форме правительства государственные деятели стремятся устранить опасность, угрожающую им извне, а также беспорядки, угнетающие их дома. При такой линии поведения они, по прошествии столетий, получают власть в стране, устанавливают границу в удалении от столицы; благодаря всеобщей тяге к спокойствию, охватывающей человечество, и способствующим поддержанию мира учреждениям, они получают передышку от внешних войн и ослабление внутренних распрей. Они обретают умение разрешать любой спор без лишнего шума и силой закона обеспечивать каждому гражданину его личные права.

Заложив подобными условиями, к которым устремлены жизнеспособные нации и которых они в той или иной мере достигают, основу безопасности, человечество стремится создать соответствующую собственным взглядам надстройку. Последствия этого стремления различны в различных странах и даже в различных слоях одного и того же общества; его воздействие на

каждого конкретного человека соответствует тому, в каком положении он находится. И государственному деятелю, и солдату оно позволяет установить присущие его званию специфические процедуры, представителю любой профессии — преследовать собственные выгоды, людям праздным дает время для самосовершенствования, а мыслителям — досуг для литературных дискуссий или исследований.

В данной ситуации объектом исследования становятся вопросы, имеющие мало связи с практической жизнью, а упражнение ума и чувств становится профессией. Песни бардов, речи политиков и полководцев, традиции и истории древности начинают рассматриваться в качестве образчиков или ранних проявлений различных специальностей, а подражание им или усовершенствование их становится целью многих профессий. Плоды фантазии, как и объекты естественной истории, подразделяются на классы и виды; формулируются правила, характерные для каждого вида; и библиотека, как некий склад, заполняется образцами продукции различных ремесел, которые с помощью грамматика и критика стремятся, каждое на свой лад, образумить мысли и растрогать сердце.

Каждая нация представляет собой пестрое собрание различных характеров и при любой форме правления дает примеры того многообразия, в которое выливается различное применение людских характеров, темпераментов и образов мысли. Каждая профессия обладает собственными предметами гордости и собственной системой манер; купец — пунктуальностью и честностью, государственный муж — способностями и манерой говорить, светский человек — воспитанностью и остроумием. Каждый слой общества отличает особая манера держаться, одежда и церемониал, с помощью которых национальный характер начинает подразделяться на сословные и индивидуальные варианты.

Данное описание одинаково верно для Афин и для Рима, для Лондона и для Парижа. Простой и необразованный наблюдатель подметит различие в типах жилища и в занятиях людей, но не национальные различия. На улицах одного города он обнаружит все то же

разнообразие, которое существует в масштабе целой страны. Он не пробьется сквозь множество непосредственных впечатлений и не заметит, что торговец, мастеровой и ученый в одной стране отличаются от тех же профессий в другой. Но местный житель любой провинции отличит иностранца, а, путешествуя сам, уже в момент пересечения границы поймет, что он на чужбине. Впечатление, производимое на него окружающими, их голос, употребляемые ими выражения, манера говорить, патетическая или расслабленная, веселая или суровая, покажутся ему иными.

Многие из таких различий могут возникнуть у цивилизованных наций из-за климатического воздействия или из-за мод, являющихся еще более необъяснимыми и туманными, чем климат. Главное же отличие, на которое нам можно опереться, — это та роль, которую данный народ должен играть как нация; это цели, поставленные перед ним государством; структура правительства, которое, предписывая своим подчиненным условия существования в обществе, оказывает огромное влияние на формирование их понятий и привычек.

Римляне, коим суждено было обогащаться путем завоеваний и разграбления провинций; карфагеняне, стремящиеся к возврату купечества и созданию торговых поселений, не могли не наполнить улицы своих столиц людьми двух различных характеров и мировоззрений. Римлянин, желая достичь величия, брался за меч, и сам уклад жизни в римском государстве предполагал постоянную готовность к выступлению. Когда же аналогичный план зрел в голове карфагенянина, он начинал копить деньги; и стоило государству забить тревогу или решиться на войну, как он пускал свои доходы на покупку заграничной армии.

Республиканец и подданный монархии должны отличаться друг от друга, поскольку их государственные формы предписывают им различные роли: одному суждено жить равным среди равных или собственным характером и талантами добиваться выдвижения из этой массы; другой был рожден членом определенного сословия, где каждое поползновение к равенству по-

рождает путаницу и где ничто не имеет значения, кроме сословного положения. Каждый из двоих в условиях зрелости государственной формы может найти в законах защиту личных прав; но сами эти права понимаются ими по-разному и, подразумевая различные системы понятий, порождают различные свойства души. Республиканец для осуществления своих притязаний должен быть общественно активен; для обеспечения своей безопасности он должен вступить в партию; для достижения величия он должен сам основать партию. Подданный монархии добивается почестей указанием на свою родовитость; для демонстрации своего значения он служит при дворе; дабы получить уважение публики, он выставляет напоказ знаки своего служения и оказанных ему милостей.

Если национальные институты, предназначенные для сохранения свободы, вместо того чтобы призывать публику саму о себе заботиться и защищать собственные права, будут предоставлять безопасность и требовать, со своей стороны, не выступать с собственными инициативами, это кажущееся усовершенствование может ослабить узы общества и, в условиях действия принципа независимости, посеять изоляцию и взаимное отчуждение тех самых слоев общества, кои оно желало примирить. Там, где чувство взаимозависимости перестает объединять членов общества, невозможны ни республиканские партии, ни собрания двора. Люди чаще станут уходить в коммерцию и толпа будет больше стремиться к простым развлечениям, а частное жилище станет местом уединения, отстраненного от волнений, проистекающих из интересов и пристрастий. Последние, согласно политическому кредо обитателя такого жилища, не имеют никакого значения, и презрение к ним становится выражением собственного достоинства.

Распространение подобного настроения маловероятно как в республиках, так и в монархиях. Оно более всего свойственно смещению того и другого: такому состоянию общества, при котором правосудие оставляет желать лучшего, где подданный ищет равенства, но находит лишь заменяющую ее самостоятельность, где

дух равенства заставляет его ненавидеть те самые различия, которые он же высоко чтит из-за их реального значения.

В любой из двух данных форм, республиканской и монархической, действуя по принципам каждой, люди, для того чтобы улучшить свое состояние или даже для обеспечения собственной безопасности вынуждены считаться со своими согражданами, употреблять свои способности и выбирать формы общения с окружающими. И там, и там они проходят школу распознавания и постижения сути; но в одном случае они научаются не придавать значения частным достоинствам, сосредоточивая основное внимание на общественно значимых качествах; в другом же — игнорировать великие, пользующиеся всеобщим уважением таланты и отдавать предпочтение качествам, ценящимся в развлечениях и личной жизни. Каждое из обществ заставляет их старательно приспособливаться к собственным модам и обычаям. Они не могут позволить себе каприза или своеобразия. Республиканец должен пользоваться популярностью, а придворный — отличаться вежливостью. Первый должен быть в любой компании, как дома; второй же должен тщательно выбирать общество и стремиться, чтобы уважение к нему самому проистекало не только из уважения к обществу, к которому он принадлежит. По отношению к нижестоящим он играет роль покровителя; когда же подобное отношение выказывается к нему самому, он испытывает страдания. Спартанцу, не боящемуся ничего, кроме неисполнения своего долга, и не любящему никого, кроме друзей и государства, для поддержания духа, вероятно, не требовалось, как это зачастую требуется подданному монархии, постоянно стараться приспособливать доходы и расходы к потребностям своего тщеславия и сохранять за собой максимально высокое положение, какое только позволяют ему его родовитость и тщеславие.

Между тем, ни в чем другом мы так не ошибаемся, как в приписывании индивиду предполагаемого характера его страны, и ничему другому мы так не подвержены, как тщетным попыткам судить о народе по

одному или нескольким его представителям. Клеон¹ и Перикл² были яркими представителями Афин; но это не означает, что все афиняне были похожи либо на Клеона, либо на Перикла. В ту же эпоху там проживали Фемистокл и Аристид³; один толковал своему народу о выгоде, другой — о справедливости.

¹ Клеон (ум. 422 до Р.Х.) — афинский стратег и политик. Соперник Перикла. — *Ред.*

² Перикл (ок. 495—429). Его эпоха — эпоха культурного и политического расцвета Афин. — *Ред.*

³ Аристид (ум. ок. 468/467 до Р.Х.) — политический деятель Афин, один из стратегов в Марафонской битве. Предводительствовал афинянами в битве при Платеях. Инициатор создания афинского морского союза. Слыл образцом справедливости и неподкупности. — *Ред.*

Раздел IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ

В отношении народам закон природы действует так же, как и в отношении к индивидам; он дает коллективам право заботиться о самосохранении, беспрепятственно пользоваться средствами поддержания жизни, сохранять за собой плоды своего труда, требовать соблюдения договоров и условий. В случае, когда имеет место насилие, закон природы осуждает агрессора и устанавливает право потерпевшей стороны обороняться и требовать возмездия. Однако, применение этого закона допускает различные толкования и порождает множество вариантов, как в интерпретации его, так и в его практическом осуществлении.

Между народами царит согласие по вопросам различения добра от зла, а также в том, что возмещение ущерба должно происходить и добровольным, и принудительным порядком. Люди всегда в той или иной степени верили договоренностям, но действовали при этом так, как если бы высшим арбитром во всех их спорах была сила, а надежнейшим гарантом собственной безопасности являлась сила для самозащиты. Руководствуясь этими общими понятиями, они отличались друг от друга не только в формальном аспекте, но и в таких важнейших вопросах, как право прибегать к войне, последствий захвата в плен и права завоевателя и победителя.

Когда ряд независимых стран часто оказываются втянутыми в войну и образуют систему официальных альянсов и оппозиций, у них вырабатываются обычаи, которые они кладут в основу правил или законов, которые предполагается соблюдать, либо декларировать во всех их взаимоотношениях. Даже сама война ведется ими по определенной системе; они требуют соблюдения формальностей даже в практике самоистребления.

Манера ведения войны античными городами Греции и Италии вытекала из природы их республиканского правления, государствами современной Европы — из влияния монархии, оказавшей вследствие своего преобладания в этой части света огромное воздействие на народы — даже там, где не была официально установленной формой правления. В рамках этого правления различие между государством и его членами мы понимаем как различие между царем и народом, что превращает войну в акт политики, а не народной ненависти. Мы наносим удар в интересах общества, личные чувства при этом должны быть исключены; мы с уважением и вниманием относимся к отдельным личностям, что часто останавливает торжествующего победителя от кровопролития и заставляет его оказать пленнику гостеприимный прием в том самом городе, который он пришел разрушить. Эти процедуры настолько отработаны, что вряд ли провокация со стороны врага или любая чрезвычайная ситуация на службе способны послужить оправданием нарушению общепринятых правил гуманности и упасти повинного в этом нарушении вождя от отвращения и ужаса окружающих.

Общепринятая практика греков и римлян составляла полную противоположность вышеописанной. Они пытались нанести урон государству, уничтожая его граждан, опустошая его территорию и разрушая владения его подданных. Они даровали ту или иную местность для того лишь, чтобы поработить ее или подвергнуть пленников более торжественной казни; и враг их, будучи разоружен, по большей части, либо продавался на рынке, как товар, либо его убивали, чтобы он не смог больше возвратиться и усилить собой противную сторону. Так что, когда дело доходило до войны, неудивительно, что велась она отчаянно, и каждая крепость оборонялась до последнего. Человеческая жизнь включалась в опасную игру, а это придавало игре особый азарт.

При таком состоянии отношений термин *варварский* не мог использоваться греками и римлянами в том же значении, что используем его мы — для характеристики народа, не ценящего коммерческие навыки,

расточительно относящегося к собственной жизни и к жизни других, неистово приверженного к одному обществу и неизменного в своей антипатии к другому. Таким в наиболее величественные и славные моменты их истории был их собственный характер, также как и характер других народов, что и позволяет причислить их всех к разряду *варваров* или *первобытных* народов.

Было замечено, что славой своей эти народы по большей части обязаны не содержанию своей истории, а манерой ее подачи и способностям своих историков и других писателей. История их была рассказана людьми, знающими, как привлечь наше внимание к вопросам, требующим мысли и чувства, а не к фактическим деталям; людьми, которые умели среди ненавистных и осуждаемых нами деяний показать характеры, вызывающие нашу любовь и восхищение. Подобно Гомеру, этому эталону греческой литературы, они могли заставить нас забыть об ужасах мстительного, жестокого и беспощадного обращения с врагом, превознося упорство, мужество и страстность, с которыми защищал герой дело своего друга и своей страны.

Наши манеры столь различны, а способы устранения поводов для опасений во многих отношениях столь противоположны, что трудно себе представить существ, более невосприимчивых к античности, чем мы. И если бы рассказ об античности принадлежал перу журналиста, живописующего лишь подробности и не уделяющего никакого внимания личности действующих персонажей; подобно татарскому историку, сообщающего, сколько крови было пролито на поле брани и какое количество жителей города было убито, нам никогда не пришло бы в голову проводить различие между греками и их соседями-варварами. И даже римлян они причислили бы к цивилизованным народам лишь на поздней стадии их развития, в период упадка их империи.

Несомненно, приятно было бы узнать о впечатлениях путешественника, подобного тем, кого мы порой посылаем за границу, изучавшего безо всякой помощи истории нравы греков по состоянию их страны и способам ведения войны. «Эта страна, — мог бы сказать такой путешественник, — в сравнении с нашей произ-

водит впечатление разорения и опустошенности. По пути я видел отряды работников, занятых на полях; но нигде не было видно жилища хозяина и землевладельца. Мне сказали, что в сельской местности оставаться небезопасно, и люди отовсюду стягиваются в города в поисках защиты. Конечно, невозможно, чтобы они стали более цивилизованными, пока не установят настоящее правительство и суды для рассмотрения жалоб. Сейчас же каждый город, нет, даже каждая деревня живет сама по себе и везде царит хаос. Конечно, на меня не нападали; ибо вы должны знать, что они называют себя народами, и все свои бесчинства оправдывают войной.

«Я не позволяю себе ничего из тех вольностей, которые позволяют себе путешественники, и не хочу соперничать со знаменитым автором путешествия в Лилипутию¹; и все же я не могу не попытаться пересказать, что я чувствовал, слушая их разговоры о своих местах, своих армиях, своих доходах, договорах и союзах. Представьте себе церковных старост и констеблей Хайгейта² или Хемпстеда³ в роли государственных деятелей и генералов — и вы получите довольно точное представление об описываемой мною стране. Мне довелось быть в одном государстве, где лучший столичный дом был не больше беднейшего из домов ваших работников; и даже ваши нищие не согласились бы отобедать в нем вместе с царем; и все же они считаются великой нацией, и у них не меньше двух царей. Одного из них я видел: что за монарх! Тело его едва прикрыто одеждой, а свой царский стол он делит в общей столовой со своими подданными. Денег у них — ни гроша, так что мне пришлось получать пищу за общественный счет; на рынке ничего нельзя было купить. Вы можете подумать, что мне подавали блюдо за блюдом, что за мной как за знаменитым иностранцем

¹ Джонатан Свифт (1667—1745). «Путешествия Гулливера» изданы в 1726 г. Фергюсон использует идею и фразеологию глав VII и VIII из III части «Путешествий Гулливера». — *Ред.*

² Северные ворота Лондона. — *Ред.*

³ Еще одна из глухих, криминализованных окраин старого Лондона. — *Ред.*

ухаживали. Но все, что я получил, это несчастную чечевичную похлебку, принесенную мне обнаженным рабом; ею мне и пришлось довольствоваться — но и ее чуть не опрокинули на меня дети, рыскавшие вокруг в поисках лишнего куса, как голодные гончие. Короче, трудно передать, как несчастны эти люди и как несчастен был я, пока находился там вместе с ними. Кажется, они желают подвергать себя как можно большим мучениям: один из их царей даже вызвал у них неудовольствие тем, что снискал любовь к себе. Во время моего пребывания там он подарил корову одному из своих любимцев, другому подарил жилет¹; и тогда было публично сказано, что его способ приобретать друзей разорителен для общества. Хозяин, сдававший мне жилье, с большой серьезностью говаривал мне, что человек не должен брать на себя обязанностей, способных ослабить его любовь к своей стране, и не должен заводить личных привязанностей более сильных, чем просто привычка жить рядом со своим другом и оказывать ему посильные услуги.

«Однажды я спросил его, почему они в своих же интересах не позволяют своему царю установить более сильное государство. Потому, — ответил он, — что мы хотим, чтобы он счастливо жил со своим народом. Когда я подверг критике их дома и сказал, в частности, что удивлен тому, что они не построили лучших храмов, он сказал: «Кем бы вы стали, если бы ваша религия заключалась в каменных стенах?» Такими вот были наши беседы; и при всей их нравоучительности они не заставили меня остаться там подольше.

«Тамошний народ отнюдь не так глуп. У них есть довольно большая рыночная площадь и несколько сносных домов; и, как мне говорили, у них есть несколько парусных судов и лихтеров (баржи — *Ред.*), используемых в торговых целях. Из них они при случае собирают флот, как на параде лорд-мэра. Но больше всего радует меня то, что скоро я, очевидно, поки-

¹ Plutarch — Плутарх. Жизнеописание Агесилая IV (в русском переводе: каждому вновь избранному старейшине он посылал в качестве почетного дара теплый плащ и быка. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. М., 1963. С. 306). — *Ред.*

ну эти места, распрощавшись с сей несчастной страной. Я приложил некоторые старанья к тому, чтобы пронаблюдать их религиозные церемонии и коллекционировать редкие вещи. Я скопировал некоторые надписи, и ты сам сможешь судить, когда просмотришь мой журнал, так ли уж напрасны были пережитые мною тяготы и отсутствие должных развлечений. Что же до людей, то из сказанного мной ты видишь, что они представляют собой не слишком приятную компанию: нищие и грязные, они хранят гордый вид; субъект, не стоящий и ломаного гроша, считает ниже своего достоинства зарабатывать себе на жизнь. Они выступают за границу босые, с непокрытыми головами, завернутые в одеяла, которыми, наверное, укрываются и ночью. Занимаясь своими неистовыми упражнениями и тренировками, в ходе которых у них особо ценятся ловкость и сила, они сбрасывают с себя все это и предстают этакими обнаженными людоедами. Загорелые члены, мускулистые руки, способность не спать ночи напролет, подолгу голодать и довольствоваться любой пищей — вот что считается у них признаками благородства. Я не смог найти у них никакого подлинного правительства; решения принимает иногда толпа, а иногда — лучшие люди: они собираются огромными скоплениями народа под открытым небом и редко когда приходят к согласию по какому бы то ни было вопросу. Великой личностью имеет шанс стать тот, у кого больше самоуверенности и у кого громче голос. Некоторое время назад у них здесь был один такой кожевник¹. Вы думаете, его сделали рекрутом? Ничего подобного: его послали командовать армией. Вообще они редко достигают единодушия — исключение составляет лишь всеобщая готовность нападать на соседей. Они наваливаются всем скопом и грабят, мародерствуют, убивают всюду, куда ни придут». Вот что должен был бы написать наш путешественник, а, па-

¹ *Thucydides, lib. 4. — Aristophanes.* — Фукидид. История. Кн. 4. Аристофан. [Аристофан (ок. 445 — ок. 386 до Р.Х.) — древнегреческий комедиограф. Кожевник (Клеон) персонаж комедии Аристофана «Всадники». Политический деятель, радикальный демократ. Современник Перикла. — *Ред.*]

мятуя о той репутации, которая закрепилась за этими народами в отдаленных странах, он, пожалуй, мог бы добавить, что «не мог понять, каким образом ученые, утонченные джентльмены и даже дамы могли объединиться в восхищении народом, столь непохожим на них самих».

Для того чтобы сформировать суждение о том характере, который они демонстрировали на поле боя и в соперничестве с соседними народами, мы должны пронаблюдать их дома. Они были смелы и бесстрашны в своих гражданских распрях, с легкостью доходили до крайностей и в разрешении споров прибегали к силе. Индивиды могли снискать признание собственной силой духа и живостью, а не стоимостью своих владений и знатностью своего рода. Они обладали личной возвышенностью, основанной на чувстве равенства, а не на родовых привилегиях. Тот, кто был генералом во время одной кампании, в следующую мог быть солдатом и служить рядовым. Они заботились о том, чтобы стать физически сильными, ибо, когда им выпадало браться за оружие, сражения оказывались испытанием не только для тактики полководца, но и для силы бойца. В остальном их портрет составляют мужественный облик, создаваемое ими впечатление простоты и непринужденности, которое так часто встречается в природе и так знакомо художникам. Их духовная сила и спокойствие, видимо, были отражением телесной силы и ловкости; их красноречие и стиль были под стать их осанке. Интеллектуальные способности их главным образом обнаруживались в ведении дел. Даже самые уважаемые из людей обязаны были смешиваться с толпой, и власть их зависела исключительно от того, как они держались, насколько были красноречивы и энергичны. В их лексиконе отсутствовали слова, отражающие церемонные и сдержанно-уважительные отношения. Язвительные слова перерастали в перепалку, и даже самые авторитетные и выдающиеся ораторы часто прибегали к крепким выражениям. Ссоры велись не по правилам, в них господствовали страсти, заканчивающиеся словами упрека, насилием и обменом ударами. К счастью, они никогда не носили с собой оружия: иметь при себе меч в дни мира явля-

лось для них признаком варварства. Когда же в столкновении фракций они брались за оружие, сильная сторона утверждала свои права изгнанием противников путем кровопролития и объявлением оппонентов вне закона. Узурпатор сохранял свое положение при помощи самых скорых и насильственных казней. Противостояние ему оказывалось с помощью заговоров и покушений, при этом и самые уважаемые из граждан готовы были взяться за дротик.

Таковы были проявления их духа во время эпизодических волнений дома; с таким же неистовством и силой вспыхивал этот дух в столкновении с иностранными соперниками и врагами. Дружественные поползновения не принимались ими в расчет, когда дело доходило до войны. Города либо разрушались ими до основания, либо порабощались. Пленников продавали, увечили или приговаривали к смерти.

С этой точки зрения античные народы не могут снискать высокой оценки со стороны населения современной Европы, чье кредо — заканчивать военные действия заключением цивилизованного мира; современная Европа ценит милосердие ко всем без разбору выше даже, нежели вооруженную борьбу за правое дело или любовь к родине. И все же, в других отношениях они заслужили нашу похвалу. Их страстная преданность родине, презрение к страданию и смерти, выказываемые теми, кто воюет за родину; их мужественные представления о свободе личности, делающие из каждого индивида гаранта свободы сограждан — и это несмотря на шаткость общественных институтов и несовершенство законов; их духовная активность; короче, их проницательность, их деятельный характер и сила духа сделали их первыми среди народов.

Как велики были испытываемые ими враждебные чувства, так велики были и их привязанности: пожалуй, они способны были возлюбить того, кого мы можем лишь пожалеть; они были суровы и неумолимы там, где мы, вместо милосердия, выказываем лишь нерешительность. В конце концов, достоинства людей измеряются его дружелюбием и щедростью к собратьям, его преданностью национальным задачам и той энергичностью, с которой он отстаивает политические

права; а не только умеренностью, проистекающей зачастую из равнодушия к интересам народа и общества и позволяющей расслабиться — а это сказывается как на индивидуальном характере, так и на характере общества.

Когда во времена македонской и римской монархий народ стали рассматривать в качестве достояния царя, а обитатели провинции стали его собственностью, целью завоевания стало обладание территорией, а не уничтожение народа. Миротлюбивый гражданин мало интересовался распрями, в которых участвовал его суверен; кровожадность солдата была ограничена дисциплинарными канонами. Он сражался, потому что был обучен носить оружие и подчиняться приказам; порой, воодушевленный победой, он способен был пролить слишком много крови; но, за исключением гражданских войн, оставался бесстрастным к своему врагу, чувствуя вражду лишь непосредственно на поле брани. О целях предприятия судили вожди и когда таковые были достигнуты, они останавливали схватку.

У современных европейских наций размеры занимаемых ими территорий позволяют проводить различие между государством и его подданными, и мы привыкли думать об индивидуе с состраданием и редко воспринимаем общественные дела с воодушевлением. Мы усовершенствовали правила ведения войны и те послабления, что призваны смягчить ее бесчинства; мы соединили меч с галантностью; мы выучились вести войну согласно пунктам договоров и соглашениям об обмене пленными, мы верим в честность того врага, к падению которого стремимся. Триумфа легче достичь сбережением и защитой, нежели разрушением покоренных: так достигается видимое осуществление наиболее дружественной из всех задач; сила применяется лишь для восстановления справедливости и сохранения прав нации.

Таковы, пожалуй, главные черты, снискавшие некоторым современным нациям славу *цивилизованных и культурных*. Но мы видели, что они не имели никакого отношения к развитию ремесел у греков и не совпадали с уровнем развития у них политики, литературы

и философии. Данные черты не были следствием становления современной образованности и вежливости, так как они наблюдались и в ранние периоды нашей истории и, пожалуй, были в большей мере свойственны не современности, а манерам тех веков, которые в иных отношениях справедливо характеризовались грубостью и невоспитанностью. Четыреста лет назад король Франции, став пленником своих врагов, встретил у них такой почтительный и куртуазный прием, какой и подобало оказывать коронованной особе в аналогичных обстоятельствах в эпоху большей вежливости¹. Принц Конде², разгромленный и захваченный в плен в битве при Дрю (Dreux), спал в одной постели со своим врагом герцогом Гизом³.

Если мораль, заключающаяся в народных традициях, и вкус сказочных мифов, являющихся порождением и развлечением людей определенных эпох, дают адекватное отражение их представлений и нравов, можно предположить, что основы того, что ныне рассматривается как закон войны и наций, коренились в европейских манерах и в тех чувствах, которые заключены в сказаниях о рыцарях и галантном веке. Наша система ведения войны отличается от греческой не более, чем знаменитые персонажи наших ранних романов от персонажей *Илиады* и любой античной поэмы. Герой греческого мифа, наделенный огромной силой, мужеством и ловкостью, во всем превосходит врага и убивает, сам оставаясь невредимым; его, вдохновляемого охотой за трофеями или принципом мщения, никогда не останавливали раскаяние или жалость. Гомер, лучше всех других поэтов умевший передать чувства страстной любви, редко пытается возбудить сострадание. Гектор⁴ пал, не вызвав ничьей жа-

¹ Hume. *History of England*. — Юм. История Англии.

² Конде Луи I Бурбон (1530—1569) — командующий армией гугенотов. — *Ред.*

³ Davila. [Давила Энрико Катарина (1576—1631) — итальянский историк, автор книги о гражданской войне во Франции. Гиз Франсуа (1519—1563) — главнокомандующий армией католиков. — *Ред.*]

⁴ Гектор — главный герой Трои. — *Ред.*

лости, и тело его было сделано объектом поругания любого грека.

В отличие от этого, в современных сказах или романах жалкие, слабые, угнетенные и беззащитные персонажи обычно сочетаются с теми, кто служит предметом восхищения — смелыми, благородными и удачливыми персонажами; либо же герои этих романов оказываются в чужих землях в поисках опасностей и случаев показать свою отвагу. Вооруженные принципами утонченной учтивости, соблюдать которые надлежало даже в отношении врага, обостренным чувством чести, не позволяющим заставить противника врасплох или обманывать его, безразличные к трофеям, они сражаются только за великие цели и проявляют свою доблесть, дабы помочь тем, кто находится в беде, и защитить невиновных.

Отметив данную противоположность античной и современной литературы, было бы трудно судить о происхождении представлений о чести — столь различных и даже противоположных — бытующих у народов, в равной мере примитивных, воинственных и ищущих славы на поле брани. Герой греческой поэзии руководствуется принципами вражды и ненависти. Принципы ведения войны у него те же, что наблюдаются в лесах Америки. Они предписывают ему быть смелым, но позволяют использовать против врага всевозможный обман. Герой современного романа демонстрирует презрение ко всяческому уловкам, равно как и презрение к опасности и объединяет в одном лице на первый взгляд противоположные черты и склонности: свирепость и мягкость, кровожадность и сентиментальную нежность и жалостливость.

Идея рыцарства в ее полной зрелости зиждилась на непостижимом почтении и превозношении противоположного пола, на соблюдении установленных правил ведения боя и на вере в единство героизма и святости. Процедура дуэли и что-то вроде права вызова на дуэль существовали в Европе у древних кельтов. Еще в бытность свою в качестве лесных жителей германцы выказывали некое почтение к женщинам. Христианская религия предписывала варварскому веку кротость и сострадание. Будучи соединены, эти различные принци-

пы могли послужить основанием мировоззрения, в котором мужество становилось частью религии и любви. Так воинственность соединялась с мягкостью. Когда характер героя соединился с характером святого, кроткий дух христианства (хотя фанатизм противоборствующих сторон часто служит основанием мировоззрения, в котором мужество становилось частью религии и любви. Так воинственность соединялась с мягкостью. В ранней и традиционной истории греков и римлян изнасилования были обычным делом на войне; и оба пола, несомненно, относились друг к другу безо всякого почтения. Восторженное отношение к любви сильнее всего проявилось на территориях, граничащих с Азией и Африкой; а красота как богатство, вероятно, более ценилась соплеменниками Гомера, а не Амадиса Галльского¹ или авторами современных рыцарских романов. «Что удивительного в том, — говорит старик Приам, — что за такую красоту сражаются народы?»² Надо сказать, что эта красота принадлежала нескольким любовникам; современный герой в этом вопросе слишком утончен — кажется, он витает в облаках. Его обожание протекает на почтительном расстоянии, доблесть его призвана вызывать восхищение, а отнюдь не обеспечивать обладание возлюбленной. Холодное и неприступное целомудрие установилось в качестве идола для поклонения героя-любовника во всех его трудах, страданиях и сражениях.

Феодальный строй несомненно способствовал этому романтическому мировоззрению тем, что поднимал некоторые семьи на недостижимую высоту. Не только блеск благородного происхождения, но и внушительный замок, снабженный бойницами и башнями, разжигал воображение и порождал преклонение перед сестрами и дочерьми галантных рыцарей, честь коих заключалась в их целомудрии, неприступности и способности оценить лишь достоинства возвышенной

¹ Герой рыцарского средневекового романа, которому подражал Дон Кихот. — *Ред.*

² Собственно, нечто подобное изрекли старцы, узревшие «идущую к башне Елену». См.: Гомер. Илиада. Песнь третья. 155—156. — *Ред.*

и смелой личности и принимать лишь интеллигентные и почтительные ухаживания.

Неповторимые черты данного мировоззрения получили в романах крайнее выражение; под маркой рыцарства преподносилась некая модель поведения, предписываемая даже в повседневной жизни: рыцарство должно было проявляться в решении судебных народов, и человеческая жизнь в ее звездные мгновенья заполнялась аффектацией и причудами. Воины желали реализовать в жизни то, что вычитали в мифах; принцы и военачальники посвящали важнейшие из своих начинаний реальным или воображаемым дамам сердца.

Но каким бы ни было происхождение понятий, часто возвышенных и смешных, они несомненно долгое время оказывали влияние на наши манеры. Несомненными отголосками этого устаревшего мировоззрения являются представления о чести, галантность, соблюдаемая в разговоре и на сцене театра, многие представления о правилах ведения войны, разделяемые даже простым людом — мнение, что если командующему войском предложено сражение на равных условиях, честь не позволит ему отклонить это предложение. Вероятно, особенности законов современных наций, отличающие их от античных законов, представляют собой сплав рыцарства с нашим политическим гением. И если подобное (равно как и развитость занятий коммерцией) считать мерилom вежливости и цивилизованности, то следовало бы признать наше явное превосходство над любой из прославленных античных народов.

Часть пятая

Об упадке наций

Раздел I

О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ВЕЛИЧИИ НАЦИЙ И О ПРЕВРАТНОСТЯХ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Ни одна из наций не является настолько неудачливой, чтобы считать себя ниже остального человечества: даже званием равных мало кто из них довольствуется. Большинство же, признав самих себя судьями и, в своем роде, совершенством, являются в собственных глазах чем-то непревзойденным и судят о достоинствах других в соответствии со степенью приближенности к ими же самими провозглашенному образцу. Одна нация кичится национальным характером или познаниями некоторых своих представителей; другая — собственной политикой, своим богатством, своими торговцами, своими садами и зданиями; те же, кому нечем похвастаться, тщеславны в силу собственного невежества. В допетровской Руси русские считали себя обладателями всевозможных национальных достоинств и, соответственно, презирали *немцев* или *немые народы* (так называли они своих западноевропейских соседей)¹. Древним китайцам мир представлялся плоской тарелкой, бульшую часть ее занимали провинции этой великой империи, оставляя на своих задворках несколько темных углов, в которых и ютилось все остальное несчастное человечество. «Если вы не пользуетесь нашими иероглифами и не читаете наших книг, — сказал один ученый китаец европейскому миссионеру, — какая у вас может быть литература и наука?»²

Применительно к нациям определение *усовершенствованная*, если судить по его этимологии, первоначально относилось к законам и формам правления.

¹ *Strahlenberg.*

² *Gemelli Carceri.*

Позднее оно распространяется и на развитие у них свободных и технических искусств, литературы и коммерции. Но как бы ни употребляли этот термин, кажется, найдись определение более достойное, чем это — и каждая, даже самая варварская и развращенная, нация тотчас примет его на свой счет, а противоположным определением будет награждать тех, кого сочтет неприятными или непохожими на себя. Слова *чуждый* или *иностранный* редко когда произносятся без намерения осудить. Один народ называют *варварским*, а другой *языческим*, когда хотят указать на иностранца, язык и добродетели которых отличаются от их собственных.

Даже когда мы желаем исходить в своих суждениях из разумных оснований и давать объяснение тому, почему мы отдаем одной нации преимущество перед другой, мы зачастую подвергаем анализу те черты, которые не связаны со спецификой национального характера и не способствуют благосостоянию человечества. О достоинствах других народов — их завоеваниях, занимаемой ими территории (как бы населена она ни была) и размерах их богатства (какое бы распределение или употребление ему ни было дано) мы судим так же, как и о наших собственных, приравнивая их к отдельным людям с их богатством и статусом. Порой мы даже спорим о том, чей капитал больше, власть какого из царей наиболее абсолютна и при чьем дворе хлеб подданных поглощается с самой бессмысленной пышностью. Все это, конечно, вульгарные представления; однако, трудно сказать, в какой мере человечество руководствуется именно вульгарными соображениями.

Конечно, среди государств весьма немного таких, которые смогли при помощи ремесел или политической деятельности улучшить изначальные качества человеческой природы, либо попытались мудрыми и действенными предостережениями удержать их от коррупции. Любовь и сила духа, будучи цементирующими силами обществ, явились Божьим промыслом и изначальными атрибутами человеческой природы. Нам кажется, что в подавляющем большинстве случаев даже самая мудрая политика наций способна была скорее укрепить мир в обществе и устранить внешнее воздей-

ствие пагубных страстей, нежели укреплять настрой сердец на добро и справедливость. Она имела тенденцию развивать человеческую изобретательность, вводя множество ремесел, а также просвещать, а зачастую развращать дух, вовлекая людей во множество занятий, исследований и изысканий. Она имела тенденцию создавать почву для появления социальных различий и тщеславия и, внушая человеку новые идеи относительно необходимости заботы о себе самом, подменять ею веру в собратьев и любовь к ним.

Независимо от того, справедливо или нет высказанное мнение, не следует указывать на обстоятельства, подтверждающие либо, наоборот, опровергающие его. И если реальная одаренность наций есть важный вопрос, не менее важно знание и тех слабостей, тех пороков, которыми люди не только наносят ущерб этой одаренности, но и, в течение одной эпохи, сводят на нет все те внешние преимущества, которые были завоеваны в предыдущую эпоху.

Богатство нации и усиление ее власти, как правило, являются следствием ее добродетельности; утрата благ часто приходит как следствие порочности.

Если предположить, что люди уже преуспели в открытии и применении всех тех умений, с помощью которых осуществляется сохранение государства, что их мудрость и величие позволили им достигнуть всех тех прекрасных установлений и преимуществ, которыми отмечен цивилизованный и процветающий народ, последующий отрезок их истории, в который, согласно представлениям простых людей, все эти блага (которые они до сих пор имели лишь в зачаточном состоянии) должны достичь наивысшего развития, должен быть предметом нашего внимания и восхищения в еще большей степени, чем предыдущий.

События, однако, разошлись с ожиданиями. Наибольших высот людские достоинства достигали в период борьбы, а не после того, как их цели были достигнуты. Эти цели, притом что для их достижения требовались добродетели, часто являлись причинами коррупции и порока. Человечество, стремясь к счастью наций, подменило умения, совершенствующие его природу, умениями, увеличивающими его богатства.

Оно любовалось самим собой, называя себя *цивилизированным* и *усовершенствованным*, тогда как должно было бы сторгать от стыда. И даже если некоторое время принципы их деятельности были ориентированы на развитие, оживление и сохранение национального характера, раньше или позже они все равно изменяли этим принципам и становились жертвой либо неблагоприятных обстоятельств, либо собственной небрежности, к которой располагало процветание.

Война, в которой находит применение беспокойный дух человека, поставляет разнообразные события, обуславливающие несхожесть судеб человеческих. Если одному племени или сообществу она открывает дорогу к возвышению и дает ему возможность занять господствующее положение, другого она повергает в положение зависимости и перекрывает дорогу национального развития. Знаменитое соперничество Карфагена и Рима представляло собой естественное проявление амбиций обеих сторон, не терпящих ни противодействия, ни даже равенства. Поведение и богатство вождей некоторое время поддерживало состояние неустойчивого равновесия; но на чью сторону ни склонялась бы чаша весов, падение великой нации было предрешено; местонахождение империи и политики должно было измениться, после чего следовало определить, какому из языков — сирийскому или латинскому — в будущем предстоит стать копилкой знаний и языком науки.

Таким образом, еще до того как государства выявили первые признаки упадка, они были завоеваны извне — даже в разгар своего расцвета, в период наивысшей преданности национальным целям. Афины, находясь на вершине своих амбиций и в зените славы, получили роковой удар, пытаясь распространить свое морское владычество за пределы греческих морей¹. И народы, подпадающие под любое описание, грозные своей первозданной свирепостью, уважаемые за дисциплинированность и опыт ведения войн, народы, на-

¹ Имеется в виду злосчастная экспедиция афинского войска в Сицилию в 415—413 гг. до Р.Х., закончившаяся полным разгромом греческой армии. — *Ред.*

ходящиеся как на взлете, так и в упадке, одна за другой пали жертвами амбиций и самонадеянности римлян. Подобные примеры могут взволновать и возбудить ревность и опасения государств; наличие аналогичных опасностей способно дать применение талантам политиков и государственных деятелей; но переменчивость фортуны хорошо известна истории и давно уже должна перестать удивлять нас.

Если бы мы выяснили, что нации, начинавшие с малого и поднявшиеся до искусств, ставящих их в господствующее положение, способны были закрепить свои достижения лишь в той мере, в какой они реально овладели ими; что они продолжают наслаждаться удачей, пока не вмешаются внешние неурядицы; что нации сохраняют силу, пока не возникнет более удачливой или мощной державы, способной подавить их, — если бы все было так, рассмотрение вопроса не составило бы труда и не стало бы предметом долгих размышлений. Но когда мы замечаем в нациях что-то вроде стихийного возврата к безвестности и слабости; когда, несмотря на постоянные предупреждения о том, что они вступили на опасный путь, в какой-то момент они позволяют покорить себя тем силам, которые ранее не могли составить им конкуренции и которые они так часто расстраивали и презирали, — тогда проблема становится запутанней и решение ее осложняется.

Сам по себе этот факт выявляется на множестве разнообразных примеров. Азиатская империя не раз оказывалась во власти то великой, то второразрядной силы. Греческие полисы, некогда такие воинственные, почувствовали упадок сил и уступили власть, за которую спорили с восточными монархами, с силами неизвестного княжества, нарастившего мощь за несколько лет и достигшего могущества в условиях единоличного правления. Римская империя, ни разу не дрогнувшая в течение веков, покорившая всех своих врагов и не боявшаяся никакого соперничества, в конце концов пала от руки неискусного и презренного врага. Ставшая объектом набегов, мародерства и, наконец, захвата пограничных областей, она отказалась от них, уменьшившись в размерах со всех сторон. Территория

ее была расчленена, от нее отпадали целые провинции — подобно ветвям, усыхающим с возрастом, а не отрываемым силой. Не было более того духа, который позволял Марию сдерживать и отражать наступления варваров в былые дни, не было той гражданской и военной мощи, с которой консул и его легионы расширяли свою империю. Величие римлян было обречено растаять так же, как возникло — незаметно и постепенно — каждое новое столкновение наносило ему новый урон. Они вернулись к своим первоначальным размерам, ограниченными пределами одного города; выживание его зависело от того, переживет ли он осаду — и Рим был разрушен одним ударом. Так пламя, некогда заполнившее весь мир, заглохло, как свечка в углублении.

Подобные уроки истории породили общее представление, согласно которому восхождение обществ к тому, что мы зовем высотами национального величия, не более естественно, чем неизбежный возврат их в положение слабости и неизвестности. Понятия молодости и старости приложимы и к нациям; у обществ, как и у отдельных людей, есть своя продолжительность жизни. Эта разматываемая судьбой нить жизни местами сильна и ровна, местами — ослаблена и истерта; она разматывается, затем чтобы быть обрезанной там, где другие берут на себя роль носителей жизни. Карфаген, будучи намного старше Рима, тем быстрее, говорит Полибий¹, почувствовал упадок: он чувствовал, что и тот, кому суждено пережить его, тоже несет в своей груди семя смертности.

Это подходящий образ, им не редко можно пользоваться, говоря об истории человечества. Но должно быть очевидно, что нации — это совсем не то, что отдельные люди. Всех людей объединяет то, что они обладают недолговечной плотью и век их короток; он стареет от работы и изнуряется повторением своих функций. Что же до общества, то его составляющие возобновляются с каждым новым поколением, и ка-

¹ Полибий (ок. 200—120 до Р.Х.) — древнегреческий историк, автор «Всемирной истории» в 40 книгах (полностью сохранились первые пять) где воссоздана история становления Рима как господствующей империи. — *Ред.*

жется, что раса переживает вечную молодость и накапливает преимущества: так что мы не можем, используя аналогию, объяснять бессилие нации простым старением и преклонным возрастом.

Этот предмет не нов, и у каждого читателя найдутся на этот счет свои соображения. Между тем, даже те понятия, которыми мы пользуемся в спекулятивных целях, не могут быть в столь важном вопросе совершенно бесполезны для человечества. Как ни мало влияние спекуляций на поведение людей, вера писателя в то, что своими произведениями он может принести большую пользу, является самой извинительной из всех его возможных ошибок. Оставляя другим возможность оказывать воздействие, мы переходим к рассмотрению оснований непостоянства в человеческих делах, источников внутреннего упадка, губительной коррупции, которой подвержено человечество в условиях кажущейся образованности.

Раздел II

О ВРЕМЕННЫХ УСИЛИЯХ И ОСЛАБЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА

Из вышеотмеченных общих характеристик человеческой природы явствует, что человек создан не для покоя. Любое из его привлекательных и достойных уважения качеств представляет собой активную силу и все, что есть в нем похвального, связано с определенным усилием. Если ошибки и преступления человека являются проявлениями активности, то и добродетели и его счастье также состоит в действии души; и вся та слава, которая сопровождает его, привлекая внимание соплеменников, подобна пламени метеора: светит, пока движется; моменты же покоя суть моменты безвестности. Мы знаем, что сопровождающая человека молва может быть и слишком велика, и слишком мала по сравнению с его усилиями; что он может быть и чрезмерно и недостаточно возбужден для выполнения задуманного, но не будучи в состоянии определить золотую середину между ситуациями, вызывающими его тревогу, и ситуациями, располагающими его к апатии. Мы знаем, что человека можно использовать применительно к огромному разнообразию объектов, вызывающих в нем самые разные страсти, и что вследствие привыкания он способен примиряться с самыми различными ситуациями. Единственный общий вывод, который мы способны сделать в этой связи, состоит в том, что его природа требует от него быть занятым чем-либо — неважно чем — а для того чтобы быть счастливым, он должен сохранять справедливость.

Теперь нам предстоит выяснить, почему утрачивают народы свое выдающееся положение; почему общества, некогда служившие образцами величия, достойного поведения и национального процветания, затем низвергаются с высот своего почетного положения и уступают пальму первенства другим. Тому может

быть много причин. Одной из них является непостоянство и непоследовательность человечества, скоро устającego от своих занятий и усилий, несмотря на то, что причины, породившие эту деятельность, могут продолжать действовать. Другой причиной может быть изменение ситуаций и исчезновение объекта, побуждавшего дух к действию.

Предметами, занимающими внимание наций, являются: общественная безопасность и связанные с ней государственные интересы, притязания различных партий, коммерция, ремесла. Прогресс, достигнутый в каком-либо из названных направлений, определяет степень национального процветания. Страстность и энергия, с которой на данном отрезке истории осуществляется достижение этих целей, определяют силу национального духа. Когда названные цели перестают воодушевлять народ, о нациях можно сказать, что они впадают в апатию. Когда же эти цели в течение длительного времени предаются забвению, государство должно прийти в упадок, а народ — начать вырождаться.

Даже у самых передовых, предприимчивых и трудолюбивых наций данный дух подвержен колебаниям; и даже те, кто дольше других продолжают получать преимущества или сохранять их, переживают как периоды вялости, так и периоды страстности. Стремление к общественной безопасности во все времена являлось мощным побудительным мотивом; но чаще всего оно действовало в единстве со случайными страстями: распаляющими провокациями, обнадеживающими успехами и нестерпимыми унижениями.

Народ в целом, как и индивиды, из которых он состоит, действует под влиянием временных настроений, радужных надежд и неистовой вражды. В один период они предрасположены неистово отстаивать национальные ценности, в другой — позабыть о них из чистой лени и отвращения. В своих внутренних гражданских спорах и дискуссиях они бывают и страстными, и вялыми. Страсти, подобно эпидемиям, нарастают и затихают; и поводом для них могут служить как тривиальные, так и важные вопросы. Выбор партиями собственного названия, а также повода для оппозиции

может быть продиктован капризом или случаем; в других случаях они обходят молчанием даже самые серьезные события. Если случайно находится литературный гений или предоставляется новый предмет для изучения, начинают множиться одно за другим реальные или мнимые открытия, и каждый разговор обретает заинтересованный и оживленный характер. При нахождении нового источника обогащения или новых перспектив завоевания, воображение людей распаляется, и обширные части земного шара вдруг оказываются втянутыми в разорительные, либо удачные авантюры.

Если бы мы могли вспомнить, каков был тот дух или представить себе те взгляды, что были свойственны нашим предкам, когда они, подобно лавине, срывались с насиженных мест и обрушивались на римскую империю, мы, вероятно, смогли бы, по крайней мере, после того как они добились первых успехов, отыскать в душах людей ту движущую силу, для которой нет пределов и непреодолимых сложностей.

Последующие века европейского предпринимательства были наполнены энтузиазмом; в то время крестоносцы двинулись на восток разграбить страну и вернуть гроб Господень, народы различных государств боролись за свободу и восставали против проявлений гражданской и религиозной узурпации; а население одного полушария, обретя возможность пересечь Атлантику и обогнуть мыс Доброй Надежды, хлынуло на другое полушарие; представители всех стран, ценою всевозможных преступлений, проливая реки крови и презрев опасности, в погоне за золотом исколесили всю Землю.

Под влиянием этих замечательных веяний даже слабые и вялые люди решались на предпринимательство. И даже государства, не исповедовавшие принципа постоянных усилий как во благо, так и во вред процветанию человечества, страдали от приступов воодушевления и временных всплесков национальной активности. Возвращение таких стран к умеренности поведения означало, конечно, возвращение в неизвестность; завоевания одного века перечеркивались последующим.

Когда же речь идет о государствах, счастливых в своей внутренней политике, то для них даже безумие может, после всех неистовых конвульсий, обернуться мудростью. Тогда народ, излечившись от глупостей и наученный опытом, возвращается к своему нормальному состоянию духа; или же, усовершенствовав свои таланты в искусстве справляться с последствиями безумия, люди оказываются еще более подготовленными к успешному осуществлению национальных задач. Подобно античным республикам сразу после тревожных мятежей или королевству Великобритании в конце периода гражданских войн, они сохраняют дух активности, недавно пробужденный и равно мощный во всех областях, будь то политика, познание или ремесла. От пробуждения за минуту до краха они переходят к величайшему процветанию.

В различные начинания люди бросаются с воодушевлением, несоразмерным важности поставленной цели. Если эти цели выдвигаются в качестве оппозиции или к ним присоединяются из солидарности, тогда они представляют собой лишь обещание поступков. В пылу вражды объект спора оказывается позабытым; либо же формальное рассуждение о нем служит лишь ширмой, скрывающей их страсти. Когда сердце воспламеняется, никакие рассуждения не в силах усмирить его рвение; когда же возбуждение стихает, прежних эмоций не воскресят ни доводы, ни красноречие.

Продолжение соперничества между государствами, должно быть, зависит от степени уравновешенности их сил или от инициативности сторон, намеренных продолжать борьбу. Длинные перерывы между войнами на всех этапах развития гражданского общества приводили к угасанию воинственности. Покорение Лисандром¹ Афин нанесло роковой удар по институтам Ликурга; а спокойное обладание Италией — возможно, к счастью для человечества — почти положило конец военной экспансии римлян. После нескольких

¹ Лисандр (ум. в 395 г. до Р.Х.) — спартанский военачальник-наварх (адмирал). С помощью 30 тиранов ликвидировал на время демократический строй в Афинах. — *Ред.*

лет покоя Ганнибал застал Италию неподготовленной к его нападению, и на берегах реки По римляне были готовы отказаться от тех воинских амбиций, которые впоследствии были вновь разбужены в них чувством новой опасности и привели их к Евфрату и Рейну.

Даже государства, славящиеся воинской доблестью, иногда не проявляют склонности к сражениям и устают от бесплодного соперничества. Но если они сохраняют статус независимых сообществ, у них остаются все шансы восстановить и продемонстрировать свою силу. Даже при народных правительствах люди иногда отказываются от своих политических прав и проявляют вялость и инертность; но если они сохраняют способность самозащиты, этой способности не приходится долго оставаться без применения. Когда политическим правам не уделяют должного внимания, на них всегда посягают; исходящие с этой стороны тревожные сигналы должны настораживать партии. Любовь к знанию, интерес к ремеслам способны изменить направленность или оказаться во временном упадке. Но когда люди обладают свободой, и ничто не мешает их изобретательности, настроения общества могут меняться во времени; но прогресс редко когда останавливается окончательно, и полученные на одном этапе преимущества они впоследствии редко полностью утрачивают.

Если мы хотим найти причины окончательной коррупции, нам следует изучать такие государственные революции, которые сметают или оттесняют на задний план все предметы творческих исследований или либеральных устремлений, которые лишают граждан ощущать себя членами общества, сокрушают его дух, унижают его чувства и лишают разум дееспособности.

Раздел III

ОБ ЭПИЗОДИЧЕСКОМ ОСЛАБЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА У ЦИВИЛИЗОВАННЫХ НАЦИЙ

Совершенствующимся нациям в ходе своего развития приходится бороться с внешними врагами, к которым они питают крайнюю неприязнь и с которыми во многих конфликтах народ бьется не на жизнь, а на смерть. Кроме того, в определенные периоды в своей внутренней политике они находят неудобные и конфликтные черты, вызывающие раздражение; в них можно угадать реформации и нововведения, внушающие оптимистические надежды на достижение счастья нации. В ранние века всякое ремесло несовершенно и открыто для множества улучшений. Первые же принципы любой науки по сей день являются нераскрытыми секретами, которые один за другим предстоит раскрывать человечеству под аплодисменты и ликование общественности.

Мы можем представить себе, как на заре человеческой истории разведчики выбирают на чужбину в поиске новых плодородных земель — и перед ними открыт весь мир, и каждый шаг их связан с новыми открытиями. Каждый новый шаг в неведомое вызывает у них надежды и радость: в любое свежее начинание они пускаются с воодушевлением, свойственным людям, верящим, что они приближаются к национальному благоденствию и вечной славе; в надежде на будущий успех они забывают недавние разочарования. Невежество первобытных людей делает их открытыми для всех страстей; пристрастно относясь к собственной ситуации и собственным занятиям, они считают все не относящееся к ним явлениями второстепенной важности. Переживая и удачу, и неудачу, они отличаются оптимизмом, страстностью и опрометчивостью, оставляя на долю последующих поколений зачатки

умений и ремесел. Сами же они оставляют свидетельства живого и страстного духа, равного которому мы не найдем у их последователей.

Таково, пожалуй, верное описание процветающих обществ — по крайней мере, на определенных стадиях их развития. Духовная напряженность их движения вперед может быть не всегда одинаковой в различные эпохи: в ней возможны всплески и отливы, связанные с непостоянством человеческих страстей и с наличием, либо отсутствием вдохновляющих их обстоятельств. Но делает ли данный дух, некоторое время толкающий вперед прогресс в гражданских и коммерческих делах, естественную передышку в процессе осуществления своих задач? Уменьшают ли неоднократные разочарования оптимистические надежды и притупляет ли ощущение новизны знакомство с предметами? Охлаждает ли опыт душевное рвение? Можно ли сравнить общество с отдельно взятым человеком? И можно ли предположить, что хотя жизнеспособность нации, как и жизнеспособность живого тела, не растрачивается с физическим упадком, она может зачахнуть из-за отсутствия практики и умереть, когда перестанет упражняться? Могут ли общества, воплотив все свои планы, подобно старым людям, потерявшим интерес к развлечениям и бесчувственным к страстям молодости, стать холодными и безразличными к тем вещам, что вдохновляли их в первобытное время? И можно ли сравнить цивилизованную нацию с человеком, который, осуществив свои планы, построил себе дом и зажил оседлой жизнью, который, короче говоря, получив от каждой вещи все, что она может дать, и растратив весь свой пыл, впадает в апатию и полное безразличие? Если да, то, по крайней мере, у нас стало одним полезным сравнением больше. Правда, возможно, что и это сравнение хромает; вывод из него, как и из всякой аналогии, скорее забавен, чем полезен с точки зрения заключенных в нем знаний о предмете.

Источник человеческих ремесел никогда не иссякает, человек всегда находит для себя какой-либо предмет приложения усилий. Воодушевление нации никогда не зависит от того, имеется ли сфера для ее

деятельности, как не зависит любопытство от масштаба объекта изучения.

Люди невежественные и неумелые, не знакомые с предметами научных исследований и менее других обеспеченные жизненными удобствами, вместо того чтобы демонстрировать больше активности и любопытства, бывают, как правило, инертными и не столь любознательными, как люди знающие и культурные. Сравнивая занятия людей первобытных и культурных, мы увидим, что занятия последних во много раз многочисленней и разнообразней. Между тем, поставленный вопрос заслуживает ответа; и если на развитых стадиях изначальные заботы общества не исчезают и даже незначительно уменьшаются, они изменяются качественно; исследуя дух нации, мы можем обнаружить, что в то время как некий род занятий предан забвению, он компенсируется, правда, недостаточно, повышенным вниманием к другому роду занятий.

В целом, верно то, что конечным пунктом всех наших занятий является избавление от забот и обретение покоя. Наши труды вызваны желанием устранить неудобство или получить преимущество. «Когда я завоюю Италию и Сицилию, — говорит Пирр¹, — я смогу насладиться покоем». Предполагается, что таков должен быть венец трудов как индивида, так и нации, а также что он является собой высшее счастье, хотя опыт и говорит об обратном. Но природа во многих отношениях мудро расстраивает наши планы, никогда не позволяя нам приблизиться к заветной цели абсолютного покоя. Достижение одной цели означает лишь начало новых забот; овладение одним умением есть лишь продолжение пути, ведущего нас к новым исследованиям, единственная надежда выйти из лабиринта.

К занятиям, стимулирующим дух изобретательства и культивирующим таланты людей, можно причислить заботы о крове над головой и о достатке, включая всевозможные приспособления, служащие повышению объемов производства и совершенствованию техники. Но

¹ Пирр (319—272 до Р.Х.) — царь Эпира, подражал Александру Македонскому, но не был так удачлив. — *Ред.*

следует понимать, что если возможно беспредельное накопление предметов торговли, то также возможно и беспрестанное совершенствование ремесел, направленных на улучшение этих предметов. Никакое состояние и никакое умение не приводит к уменьшению предполагаемых потребностей человеческой жизни; совершенство и изобилие, предоставляя средства и методы удовлетворения прежних потребностей, порождают новые.

Коммерческая практика приводит к резкому усилению имущественного неравенства, и в составе каждой нации большинство людей в силу необходимости или, крайней мере, под влиянием амбиций и алчности, вынуждены реализовывать все свои таланты. Китайцы, имея за плечами исторический опыт в несколько тысяч лет производственной и коммерческой деятельности, все еще остаются самым прилежным и трудолюбивым народом на свете.

Отчасти эти наблюдения относятся к изящным искусствам и литературе. Они также предполагают соответствующий материал и порождаются потребностями, окончательно удовлетворить которые невозможно. Однако, уровень уважения к литературным достижениям колеблется во времени, оно подвластно моде. С накоплением объема знаний, овладение этими знаниями начинает поглощать то время, которое можно было бы посвятить творчеству. Для учебы требуется относительно небольшой талант, талант низшего свойства, а растущее число претендентов на ученость уменьшает славу немногих выдающихся представителей науки. Когда мы желаем выучить лишь то, чему учат другие, наше знание может оказаться даже меньше того, которым обладают наши учителя. Люди продолжают с восхищением повторять великие имена и после того, как перестали анализировать содержание содеянного великими; и новые претенденты отменяются не потому, что они не могут встать вровень с предшественниками, а потому, что не могут их превзойти, либо потому, что в действительности мы принимаем достоинства первых как нечто, само собой разумеющееся и не можем судить ни о тех, ни о других.

Получив библиотеки и реализовав весь потенциал изобретательности мы, в той же мере, в какой ценим

прошлое, не склонны приветствовать дальнейшие усилия. Из соперников мы превратились в учеников и поклонников и подменили книжными знаниями тот живой и творческий дух, благодаря которому эти книги были написаны.

Коммерция и предпринимательство могут продолжать процветать, но свое влияние они приобретают за счет других занятий. Жажда наживы притупляет любовь к совершенствованию. Корысть остужает воображение и ожесточает сердце; делая желанными только прибыльные профессии, она превращает изобретательность и само честолюбие в пленников мастерских и лавок.

Но помимо этих соображений, выделение профессий, обещая совершенствование умений и действительно являясь причиной того, что по мере развития коммерции продукты любого ремесла становятся более совершенными, — это выделение, в конечном счете, отчасти служит разрыву существующих в обществе связей, замене изобретательности некой формой и отвлечению людей от тех общедоступных занятий, в которых так счастливо присутствуют чувства и разум.

В условиях существования *различных* призваний, отделяющих членов культурного общества друг от друга, ожидается, что каждый индивид должен обладать собственным талантом, неким уникальным умением, которого нет у других; таким образом, общество распадается на части, и никто не воплощает собой дух общества в целом. «В одних и тех же людях, — говорит Перикл, — мы видим равное внимание к частным и общественным делам; а в людях, обратившихся к отдельным профессиям, мы находим полную осведомленность обо всем, что связано с обществом; ибо только мы считаем совершенно незначительными тех людей, кто не уделяет внимания государственным делам»¹. Этот панегирик афинянам, вероятно, возник из опасения, что их враги могут говорить о них обратное или что обратное может вскоре произойти. Соответственно, случилось так, что государственные, а

¹ Цитата из надгробной речи Перикла, переданной Фукидидом. См.: История. Кн. II. Гл. 38. — *Ред.*

также военные дела стали хуже управляться в Афинах, когда они, вместе с другими сферами, перешли в ведение различных профессий; и история этого народа изобиловала свидетельствами того, что люди перестали быть гражданами, перестали даже быть хорошими поэтами и ораторами, по мере того, как они становились профессионалами в этих и других областях.

Даже не столь почтенным, как мы, животным хватает ума добывать себе пропитание и средства получения уединенных удовольствий; и лишь человеку дано советоваться, убеждать, воодушевляться обществом своих собратьев, утрачивая чувство личного интереса или личной безопасности в пылу дружбы или борьбы.

Когда мы участвуем в какой-либо из частиц общества, будь то страна, племя или любое другое сообщество, объединенное общими интересами и движимое общими страстями, разум признает естественность такого состояния; чувства сердца и таланты понимания находят здесь свое естественное выражение. Мудрость, бдительность, верность и сила духа суть необходимые для таких сообществ черты, которые эти сообщества стремятся совершенствовать.

В первобытные или варварские времена, когда народы слабы и осаждаемы врагами, любовь к родине, партии или группировке суть одно и то же. Общество в этом случае представляет собой единство закадычных друзей, остальное человечество — их враги. Основное зло, которому они вынуждены противостоять — это смерть или рабство; целями их являются победа и господство. В условиях постоянной угрозы иностранного вторжения каждое благоденствующее общество будет стремиться к одному — к повышению собственной мощи и расширению пределов своих владений. Чем дальше общество зашло в осуществлении этой задачи, тем выше его безопасность. Те же, кому принадлежат второстепенные, далеко отстоящие от границ территории, не привыкли к внешней угрозе. Люди, обитающие на периферии, вдали от правительств, не привыкли к рассмотрению политических вопросов; в таком случае общество становится жертвой концепций политиков. Им нравится заботиться о своих законах и своих армиях; они кичатся их величием и мощью; но

общественные чувства, к которым в маленьких городках примешивается нежность родителей и влюбленных, друзей и приятелей, в более крупных образованиях теряют часть своей силы.

Образ жизни первобытных народов нуждается в преобразовании. Их столкновения с соседями, их внутренние распри есть проявления крайних, кровавых страстей. Более спокойное состояние обладает многими положительными сторонами. Но если нации становятся до того крупными и спокойными, что их члены уже не чувствуют себя связанными общими узами и не чувствуют любви к отечеству, они не могут не впасть в противоположное заблуждение. Когда в обществе не хватает факторов, возбуждающих человеческий дух, общество впадает в апатию, а то и в упадок.

Тем самым члены общества, утрачивают, подобно жителям покоренной страны, все связи, кроме родственных и соседских, и не имеют между собой иных дел, кроме торговли. Последние, конечно, тоже не исключают верности и дружбы; но национальный дух, о взлетах и падениях которого мы сейчас рассуждаем, в этой ситуации невозможен.

Наблюдаемая нами связь между тенденцией к разрастанию и ослаблением связей, однако, не применима к нациям, являвшимся изначально ограниченными и никогда не разраставшимися, а также к тем, которые уже в первобытном состоянии составляли великие царства.

На территориях значительной протяженности, подчиненных единому правлению и обладающих свободой, национальный союз является в первобытную эпоху крайне несовершенным. Каждая местность образует отдельную партию; отпрыски различных семей противостоят друг другу как *племена* или *кланы*; их трудно заставить действовать заодно; кровная месть и вражда делают их похожими на несколько различных наций, а не на единый народ, объединенный определенной политикой. Однако, в своих частных ссорах и дрязгах они обретают тот дух, сила которого во многих случаях придает мощи государству.

Каковы бы ни были масштабы нации, гражданский порядок и надлежащее правительство являются факторами огромного преимущества; из чего, однако, не

следует, что всякое организованное для этой цели установление, оказавшееся способным упражнять и культивировать лучшие качества людей, должно по природе своей порождать непреходящие результаты и обеспечивать сохранность того национального духа, на почве которого оно возникло.

У нас есть все основания бояться политических ухищрений обычных людей в том случае, когда мы видим, что во многом их целью является отдых или бездеятельность и что они готовы зачастую нацеливать свои правительства не только на предотвращение несправедливостей и заблуждений, но и на недопущение возбуждения и шума; что барьеры, воздвигаемые ими ради предотвращения порочных поступков, пресекают всякую деятельность вообще. Любой диспут свободного народа, по мнению таких политиков, равносителен беспорядкам и наносит ущерб национальному спокойствию. Какие такие возбуждения? Какие такие помехи для дел? Какие могут быть поползновения к тайнам и казням? Какое такое несовершенство полиции? Людям высших способностей порой кажется, что простой люд не имеет права ни на поступки, ни на мысли. Великий князь потешается над предостережением, ограничивающим функции судей в свободной стране точными толкованиями законов¹.

Мы легко научаемся суживать наше представление о том, что позволительно делать людям в соответствии с общественным порядком. Возбуждение республики и распущенность ее членов вызывают у подданных монархии неприязнь и отвращение. Та свобода, с которой европеец гуляет по улицам и полям, китайцу показалась бы предзнаменованием смуты и анархии. «Могут ли люди без трепета взирать на своего повелителя? Могут ли они общаться без соблюдения точного, письменно зафиксированного церемониала? Как можно надеяться на мир, если в течение часа не поставит за-слон на улицах? Что за дикий беспорядок возникает, когда людям позволено делать все, что им заблагорассудится?»

¹ *Memoirs of Brandenburg.*

Если бы предосторожности, которые предпринимают люди, необходимы для пресечения преступлений, а не есть следствие дурных амбиций или жестокой ревности их правителей, то им следует аплодировать как лучшему средству справиться с пороками. Гадюку следует держать на расстоянии, тигра же — на цепи. Но если жесткая политика, нацеленная не на устранение преступлений, а на порабощение, на деле ведет к порче образа жизни людей и к удушению национального духа; если ее ежовые рукавицы применяются не для того чтобы исцелить от коррупции, а для того чтобы загасить эмоции свободного народа; если тем или иным формам отдается предпочтение из-за их способности приглушить глас народный, либо же формы признаются вредными, так как позволяют звучать этому гласу — в таких случаях мы можем ожидать, что многие из хваленых усовершенствований гражданского общества суть лишь способы усмирить политический дух, которые не столько воспрепятствуют беспорядкам, сколько скуют активные добродетели.

Если священной целью политики любого народа, какой бы отточенной она ни была, станет безопасность личности подданного и его собственности, безотносительно к его политической ориентации, это, конечно, гарантирует свободную конституцию, но члены этого общества могут оказаться недостойными этой свободы и неспособными сохранить ее. Последствиями такой конституции может быть предоставление каждому слою общества возможности беспрепятственно и независимо от других слоев пускаться в погоню за удовольствиями или за собственной выгодой, плоды которой они могут вкушать без оглядки на общество в целом.

Если такова цель политической борьбы, то осуществление намерения закрепить за индивидом его собственности и средств к существованию может положить конец тем самым добродетелям, которые требовались для проведения в жизнь этого намерения. Человек, борющийся вместе со своими братьями с узурпацией и защищающий свою личность и свою собственность, преисполняется при этом благородством и силой духа; но тот, кто в условиях прочного политического устройства посвящает себя безмятежному на-

слаждению своим достоянием, тем самым фактически превращает в источник испорченности те преимущества, которые были добыты для него добродетельностью другого человека. В определенные эпохи индивиды бывают защищены главным образом мощью партий, к которым они принадлежат; но во времена всеобщей коррумпированности они льстят себе уверенностью, будто все еще могут получать от общества те гарантии безопасности, которыми ранее были обязаны лишь собственной бдительности и собственному духу, теплым чувствам своих друзей и реализации всех тех талантов, благодаря которым их уважали, боялись или любили. Поэтому если в одни период для пробуждения духа и сохранения образа жизни людей достаточно простого стечения обстоятельств, в другой период для достижения этой цели требуется огромная мудрость лидеров, истовое радение их за благо человечества.

Нам представляется, что Рим умер не от летаргии и не от ослабления внутренних политических страстей. Неполомки имели в данном случае более острую и неистовую природу. Но если в роковой для республики час проявились добродетели Катона и Брута, то это же неблагоприятное время стало временем нейтральности и осторожного ухода от дел озабоченного собственной безопасностью Аттика¹. Огромная масса народа осталась незатронутой той бурей, которая не пощадила верхние слои общества. Понятие общественности было дискредитировано в глазах народа; притихла даже борьба фракций; лишь солдаты-легионеры или сторонники лидера приняли участие в происходящем. Однако, в безвестность это государство впало не из-за отсутствия в нем знаменитых личностей. Если в упомянутое время мы видим здесь лишь несколько исторических деятелей, то не больше их бывало и в иные времена. Но эти имена зазвучали в контексте борьбы за установление своего владычества, а не за равные права; народ был развращен; известной империи недоставало хозяина.

¹ Аттик Тит Помпоний (110—32) — влиятельный и богатый римский всадник, корреспондент Цицерона. — *Ред.*

Республиканские правительства вообще находятся под постоянной угрозой разрушения со стороны отдельных восходящих к власти фракций, а также со стороны мятущейся черни, которая в ее развращенном состоянии не способна принимать участие в управлении государством. При иных же установлениях, облегчающих достижение свободы в условиях развращенности людей, энергия нации иссякает под гнетом тех самых мер безопасности, что предпринимаются с целью усовершенствования общественного строя.

Распределение власти и должностей, реализация закона, пресекающего взаимные посягательства и обвинения, закона, благодаря которому надежно обеспечивается личная безопасность индивида и его собственности без необходимости заручаться поддержкой друзей, брать на себя кабальные обязательства и пр., — все это делает честь гению нации; всего этого невозможно было бы полностью осуществить без той сознательности и честности, без тех движений решительного и сильного духа, которые составляют историю всякого народа, являя будущим поколениям предмет справедливого восхищения и одобрения. Если же предположить, что цель достигнута, люди перестают придавать своим действиям либеральную окраску и направленность на сохранение настоящего образа жизни — они просто вкушают свободу. Если индивиды думают, что могут не проявлять бдительности и не предпринимать никаких усилий для сохранения собственной безопасности, тогда этого хваленного преимущества хватит лишь на то, чтобы позволить им празднично наслаждаться удобствами и необходимыми жизненными устройствами; либо, говоря языком Катона, на то, чтобы научить их ценить свои дома, особняки, усадьбы и картины больше, чем саму республику. Может случиться, что они начнут ощущать тайную усталость от свободной конституции, которой они публично не перестают воздавать хвалу и которой никогда не принимают в расчет на практике.

Опасности, которыми чревата свобода, не являются предметом настоящего рассмотрения; но ничто не делает их столь вероятными, как предполагаемая нерадивость народа, от личных усилий которого зависит ее

сохранение, так же, как зависело от их усилий установление ее. Этот дар надежен ровно настолько, насколько ответственны обладающие им люди — те, кто полагает, будто свобода им гарантирована и кто поэтому смотрит на общество лишь как на сферу извлечения прибыли, ради которой им приходится порой жертвовать теми правами, которые делают их объектами управления или заботы.

Из общей направленности этих рассуждений следует, что национальный дух часто носит преходящий характер не потому, что в природе людей заложен какой-то неисправимый изъян, а лишь как следствие их добровольного отказа от обязанностей, как следствие их испорченности. Пожалуй, единственными моментами проявления национального духа являлись моменты осуществления ряда проектов, целью которых являлось овладение территориями и богатством; здесь он сыграл роль орудия, которое, став бесполезным, откладывается в сторону.

Обычные установления приводят к расслаблению духа и поэтому неэффективны в деле сохранения государств; они заставляют человечество чрезмерно полагаться на собственные умения, а не на собственные добродетели и принимать за совершенствование человеческой природы простое приращение удобств или богатств. Те же институты, что укрепляют дух, вселяют мужество и способствуют благоденствию нации, никогда не приведут к национальному краху.

Так разве невозможно нам, восхищающимся различными умениями, распространить наше восхищение и на эти институты? Позвольте сказать свое слово государственным мужам, коим доверено руководить народами. Их обязанность показать, вскарабкались ли они на вершины могущества лишь в силу собственных корыстных соображений (которым, по справедливости, им следовало бы предаваться в безвестности), и способны ли они понять, в чем состоит счастье тех людей, управление делами которых они с такой готовностью взяли на свои плечи.

Раздел IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ

Заботясь об улучшении своей судьбы, люди часто забывают о себе самих; и, рассуждая о стране, не уделяют внимания наиболее важным соображениям. Массы, богатства и другие ресурсы войны играют весьма важную роль, но нации состоят из отдельных людей. Нация, состоящая из деградировавших, трусливых людей, слаба; нация, состоящая из энергичных, решительных людей, болеющих за общество, сильна. Данные обстоятельства, при прочих равных ресурсах для ведения войны, могут сыграть решающую роль в соперничестве сторон; в руках людей, не умеющих распорядиться военными ресурсами, эти ресурсы бесполезны.

Необходимой составляющей национальной силы является добродетель; не менее важны для судеб государств способности и живость суждений. И то, и другое можно совершенствовать при помощи дисциплины и упражнения этих способностей посредством определенных занятий. Мы презираем или жалеем тех людей, что живут в институциональной неопределенности и вынуждены терпеть объединение в одном лице характеров сенатора, государственного деятеля и солдата. Культурные нации узнали, что одному лицу достаточно обладать одним из этих характеров; что каждому из этих характеров легче достигать своих целей поодиночке. Однако, изначальное состояние наций соответствовало их прогрессу и процветанию; впоследствии же их дух расслабился и нация вступила в стадию упадка.

Мы можем с полным основанием поздравить род человеческий с тем, что он выбрался из хаоса и насилия варварства и достиг положения внутреннего мира и правильной политики, вложив кинжал в ножны, исключили дух враждебности из гражданских споров,

сделав единственным оружием спорящих мудрые доводы и красноречие. Между тем, мы не можем не пожалеть о том, что в поиске совершенства человечество все время будет ставить все ветви управления по ту сторону прилавка и вместо государственного деятеля и воина поставит себе на службу клерка и счетовода.

Совершенствование этой системы породило людей, способных скопировать военные наставления Цезаря и даже осуществить часть его планов, — но не таких, кто смог бы действовать во всех многообразных ситуациях, в которых надлежит действовать вождю, в руководстве государством и битвой, во времена затишья и смятенья; не таких, кто был бы способен воодушевить совет на рассмотрение как обычных дел, так и тревожащих душу нападений извне.

Политика Китая являет собой идеальный пример устройства, являющегося целью любых усовершенствований в правлении; население этой империи в высшей степени овладело теми искусствами, от которых, по оценке простых умов, зависит счастье и величие наций. Государство в исторически беспрецедентном масштабе сконцентрировало в своих руках человеческие и другие ресурсы войны. Сделанное ими способно вызвать у нас восхищение; национальные дела они низвели до уровня простейшего занятия; они разбили их на части и разбросали эти части по различным департаментам; каждую процедуру они обставили пышными церемониями и величественными формами; там же, где преклонение перед этими формами не смогло предотвратить беспорядков, выполнение этой задачи возлагается на жесткую и суровую полицию, вооруженную всеми средствами применения телесных наказаний. Плетка и дубинка угрожающе занесена надо всеми слоями общества; каждый суд одновременно и держит их в руках, и сам боится быть ими наказанным. Если мандарин, приказывая наказать карманника, назначит ему слишком много или слишком мало ударов, его самого выпорют плетью.

Каждому государственному учреждению соответствует отдельная профессия, и любой кандидат на занятие должности обязан иметь свидетельство получения официального образования; искомая им должность,

так же, как и университетский диплом, должна быть заслужена его умениями или авторитетом. В комиссиях по делам государства, военным делам и доходам работают люди, прошедшие соответствующий курс обучения. Но если учение представляет собой важный путь к высокому положению, его нижней границей является умение читать и писать; а великая цель правления состоит в выращивании и потреблении плодов земли. При всех этих ресурсах и при всей этой ученой подготовленности, находящей ресурсам должное применение, в действительности государство является слабым; оно неоднократно поставляло образцы, которые мы стремимся объяснить; и среди знатоков войны и политики, среди миллионов людей, предопределенных для военной профессии, мы не можем найти никого, кто бы вышел на первый план в момент, когда его страна в опасности, или организовал бы оборону против непрестанных набегов врага, известного своей необразованностью и примитивностью.

Трудно сказать, сколь долго можно противостоять упадку государств при помощи культивирования тех ремесел, от которых зависит их действительное благоденствие и сила; при помощи культивирования в высших слоях тех государственных и военных талантов, которые невозможно разделить, не нанеся тем самым вреда; при помощи культивирования в народе той любви к родине и той воинственности, которая позволяет им принимать участие в защите своих прав.

Могут настать времена, когда каждый собственник должен будет сам защищать свое имущество и каждый свободный народ — поддерживать собственную независимость. Можно представить, что от такой крайности способна упасть нас армия наемных солдат; но собственные войска порой превращаются во врага, с которым вынужден воевать народ. Мы можем уверять себя в том, что подобные крайности редко случаются в конкретных ситуациях; но, говоря об общих судьбах человечества, мы не можем не предусматривать этой вероятности и не вспомнить о том, что это уже случилось. А случилось это везде, где культурные народы становились жертвой народов примитивных и где мирные жители были покорены силой военных.

Если защита и управление народом были бы поставлены в зависимость от горстки людей, превративших руководство государством или военное дело в свою профессию, — будь то иностранцы или местные люди, будь они однажды отозваны, как римский легион из Британии, восстань они против своих нанимателей, как армия Карфагена, либо будь они сметены и рассеяны под ударами судьбы — все равно большинство трусливых и недисциплинированных людей должны были бы воспринять этого внешнего или внутреннего врага, как чуму или землетрясение — с безнадежным удивлением и ужасом и увеличить всей своей массой триумф и трофеи завоевателя.

Государственных деятелей и военачальников, привыкших к простому следованию формам, обескураживает отсутствие привычных правил, они сразу же теряют веру в свою страну. Они умеют действовать лишь в установленных рамках; за их пределами они оказываются неспособными управлять людьми. Они ограничиваются лишь формальностями, не понимая, какую тенденцию эти формальности выражают; уничтожение установленной процедуры означает для них уничтожение и самого государства. Многочисленный народ, его собственность и ресурсы являют, по их мнению, картину безнадежного хаоса и ужаса.

В первобытную эпоху термины *общество*, *народ*, *народность* в равной мере означали людские массы; и считалось, что государство сохраняет свою целостность до тех пор, пока существуют входящие в него люди. Скифы¹, спасаясь бегством от Дария², насмеялись над его ребяческими попытками; Афины пережили опустошительное нашествие Ксеркса³, а Рим на варварской стадии его истории — нашествие галлов⁴.

¹ Собирательное название племен, обитавших в древности у Черного моря, на Дону, Днепре и Дунае. — *Ред.*

² Дарий I (522—486) — персидский царь. Предпринял поход против скифов в 514 до Р.Х. — *Ред.*

³ Ксеркс (ум. 465 г. до Р.Х.) — сын и преемник Дария I. Успешно начатая война с Афинами закончилась полным поражением и гибелью Ксеркса от рук заговорщиков. — *Ред.*

⁴ 387 г. до Р.Х. — *Ред.*

Несколько иная ситуация наблюдается в случае с культурными, торговыми нациями. Для них нация — это территория, культивируемая и улучшаемая ее владельцами; стоит разрушить это владение — и государству приходит конец, даже если владельцы остаются.

Та слабость и изнеженность, в которых иногда обвиняют культурные нации, возможно, являются не более, чем плодами воображения. Сила животного и человека, в частности, зависит от питания и от той работы, которую он привык выполнять. Полноценное питание и тяжелый труд, свойственные многим представителям культурной и торговой нации, обеспечивают общество изрядным числом людей, наделенных телесной силой, умеющих трудиться и переносить тяготы и лишения.

Даже легкая, хорошо обустроенная жизнь, как выяснилось, не расслабляет тела. Этот факт проверили на себе европейские армии. Воспитанные в изнеженности, взлелеянные родителями отпрыски благоденствующих семейств были поставлены перед необходимостью состязаться с дикарями. Подражая этим последним, они выучились ходить по лесам и выживать в пустыне в любое время года. Возможно, они вспомнили ту заповедь, которую на протяжении веков пытались забыть цивилизованные нации: человек может быть вполне счастлив, лишь когда принадлежит самому себе.

Однако, приходит на ум, что немногие из этих прославленных народов античности, чья судьба породила столько размышлений о превратностях жизни человеческой, достигли сколько-нибудь значительного прогресса в упоминаемых нами расслабляющих искусствах, и не они совершили то обустройство жизни, из которого, как мы полагаем, вытекает названная опасность. В частности, греки во времена полного порабощения их македонянами явно не обладали той степенью развития коммерческих искусств, которая свойственна большинству благоденствующих и процветающих наций Европы. У них все еще сохранялось нечто вроде ряда независимых республик; люди, как правило, участвовали в управлении страной и, не имея возможности держать наемные армии, они по необходи-

мости участвовали также и в обороне страны. Частые войны и внутренние беспорядки приучили их к опасности и чрезвычайным ситуациям: соответственно, их признавали лучшими воинами и управителями государства всех времен. С их помощью младший Кир¹ прочил себе империю, которая распространялась бы на всю Азию; когда же он потерпел поражение, десяти тысячное войско наемников, несмотря на то, что была лишена командиров, смела, отступая, все военные силы персидской империи². Завоеватель Азии³ счел себя готовым к подобному поступку только после того, как сформировал армию из покоренных греческих республик.

Верно, однако, что во времена Филиппа⁴ военно-политическому духу этих народов был нанесен значительный урон; как нам представляется, виной тому были разнообразные интересы и занятия, а также удовольствия, которым предавались представители этих народов: они даже допустили нечто вроде деления на гражданские и военные качества характера. По свидетельству Плутарха, Фокион⁵ заметив, что ведущие деятели его времени идут в разных направлениях — одни посвящают себя гражданским, а другие военным делам, побуждал их следовать примеру Фемистокла, Аристиды и Перикла, — вождям прошлого, равно подготовленным и к тому, и к другому.

Бесконечные свидетельства подобного состояния общества находим мы в речах Демосфена⁶. Мы видим, что он призывает афинян не только объявлять войну, но и вооружаться для осуществления собственных

¹ Кир — сын Дария, погиб в 401 до Р.Х. в войне против брата Артаксеркса II. — *Ред.*

² Имеется в виду событие, описанное в соч. Ксенофонта Анабасис. — *Ред.*

³ Александр Македонский. — *Ред.*

⁴ Филипп II (382—336 до Р.Х.) — отец Александра Македонского. — *Ред.*

⁵ Фокион (402—318) — афинский государственный деятель промакедонской ориентации. — *Ред.*

⁶ Демосфен (384—322 до Р.Х.) — афинский политический и судебный оратор. Вождь афинской демократии. Выступал против Фокиона и македонского влияния за независимость Афин. — *Ред.*

военных планов. Мы узнаем о существовании определенного разряда людей, легко переходящих со службы одному государству на службу другому; этих людей забывали у них на родине, и они начинали существовать сами по себе. Пожалуй, во все предшествующие века не было лучших воинов, чем они; но эти воины не были связаны с каким-то одним государством, а оседлые жители городов считали себя непригодными к военной службе. Вероятно, армейская дисциплина улучшилась, но в жизненной силе народов наметился спад. Нанося поражение греческим армиям, состоящим в основном из наемников, Филипп или Александр без труда покоряли остальную часть населения; когда же последний, подкрепленный этими же солдатами, вторгся в персидскую империю, он не встречал там особой воинственности; ему было достаточно просто разделаться с военными, для того чтобы, даже в свое отсутствие, сохранять власть над этим мятежным и непокорным народом.

В определенных случаях выделение ремесел и профессий благотворно сказывается на человеческой практике, на способности людей достигать поставленных целей. Выделив искусство портного и искусство кожевника в две самостоятельные профессии, мы стали получать одежду и обувь более высокого качества. Однако, разделение на две разные профессии искусства гражданина и государственного деятеля, искусства политика и военного, является попыткой расчленивать на части человеческую личность и разрушить те самые навыки, которые мы хотели бы усовершенствовать. Этим разделением мы фактически лишаем свободных людей необходимых средств обеспечения собственной безопасности, или, подготовка к отпору внешним агрессорам оказывается чревата узурпацией власти и установлением правления военных внутри страны.

Мы будем удивлены, узнав, что зачатки обучения военному делу в Риме относятся к периоду не ранее войны с кимврами¹. Именно тогда, по свидетельству

¹ Кимвры — германские племена. В конце II в. до Р.Х. вторглись в пределы римской республики. — *Ред.*

Валерия Максима¹, пользоваться мечом римских воинов обучали гладиаторы; этот писатель рассказывает о том, что противники Пирра и Ганнибала все еще не обладали элементарными знаниями в области своего ремесла. Уже тогда искусство выбора ими места для стоянки и царящий там порядок вызывал у греческих захватчиков уважение и благоговейный страх; желание заключить с ними мир вытекало не из их победоносности, а из той национальной силы и твердости, которую они демонстрировали в условиях многочисленных поражений. Но, вероятно, надменный римлянин и без превращения в низменного наемника знал цену порядку и объединению и имел достаточно мужества для того, чтобы оказывать сопротивление врагам своей страны и, не прибегая — из страха быть выпоротым — к использованию оружия. Его трудно было убедить в том, что придет время, когда образованные и просвещенные нации сведут искусство войны к нескольким техническим формам; что различие между гражданами и солдатами станет таким же очевидным, как между мужчинами и женщинами; что граждане будут обладать собственностью, защищать которую сами не смогут, — да этого от них и не потребуется; что солдат будет обязан хранить достояние другого, — то, чего он будет обучен желать и для себя и что мог бы захватить в свое владение. Короче говоря, придет время, когда одна часть людей будет заинтересована в сохранении гражданских установлений, защищать которые она будет не в силах; а другая часть, обладая силой, не будет питать никакой склонности или заинтересованности играть роль защитника.

Постепенно, однако, устройство вооруженных сил было поставлено на вышеописанную основу. Марий² произвел кардинальные преобразования в деле призыва новобранцев в Риме: он наполнил свои легионы простым и нуждающимся людом, чьим единственным

¹ Валерий Максим (1-я половина I в. до Р.Х.) римский писатель, автор труда «Достопримечательные деяния и высказывания» в 9 книгах. — *Ред.*

² Марий Гай (156—86 до Р.Х.) — римский полководец и политический деятель, создатель профессиональной армии. — *Ред.*

средством существования была та зарплата, которую платили в армии; он создал силу, единственной основой которой была дисциплина и искусство гладиатора. Он научил свои войска обращать оружие против конституции своей страны; им были заложены те образцы, которые восприняли и усовершенствовали последующие поколения.

Цель римских армий состояла единственно в покушении на свободу других народов, свою же свободу они блюли. Они забыли, что, призвав наемных солдат и позволив некоему вождю возглавить дисциплинированную армию, они на деле отказались от своих политических прав и допустили появление владыки, стоящего над государством. Короче говоря, этот народ, чьей главенствующей страстью были набеги и захваты, погиб от того же оружия, которым сам пользовался против остального человечества.

Таким образом, хваленыя усовершенствования культурного века не лишены опасностей. Возможно, они так же определенно открывают дверь определенным бедам, как определенно закрывали дверь перед бедами иного характера. Воздвигая стены и крепостные валы, они одновременно ослабляли дух тех людей, которые должны были держать оборону за этими укреплениями; создавая дисциплинированные армии, они снижали тем самым боевой дух всех народов; обнажая меч всякий раз, когда им не нравились те или иные гражданские установления, они подготовили человечество к правлению с точки зрения силы.

К счастью для наций Европы, отличия между солдатом и гражданским человеком никогда не были столь велики, как между греками и римлянами. Пользуясь современным оружием, новичок с легкостью овладевает всем тем, что знает и умеет ветеран; а если бы обучение его представляло истинную сложность, счастливы были бы те, кого не отпугнули бы подобные трудности и кто смог бы постичь искусство укрепления и сохранения своей страны. А не ослабления и разрушения ее.

Раздел V

О НАЦИОНАЛЬНОЙ РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ

Сила наций состоит в богатстве, численности и характере народа. История поступательного развития народов, начальным пунктом которого является их первобытное состояние, по большей части представляет собой одну из сторон проведенных ими сражений и практикуемых ими ремесел — ведь и то, и другое имело целью укрепление народов и обеспечение их безопасности. Их завоевания, их население, их торговля, их гражданские и военные институты, их умения в области изготовления оружия, а также в методах атаки и обороны; само распределение обязанностей как в частном бизнесе, так и в общественных делах, — все это либо способствовало наращиванию силы народа и военных ресурсов, либо давало возможность плодотворного применения того и другого.

Если предположить, что при всех этих преимуществах воинственность как черта характера народа сохраняется без изменений или увеличивается, то, следовательно, достижения цивилизации означают действительное увеличение мощи, а также те, что распад народа никогда не происходит сам собой. Там, где государства остановились в своем развитии или находятся на спаде, есть основания полагать, что, при всей их предрасположенности к развитию, они подошли к тому рубежу, преодолеть который они не в силах; либо, вследствие ослабления национального духа и слабости характера, они не смогли оптимально использовать собственные ресурсы и природные преимущества. Если все это так, то их состояния застоя они начали движение вспять и, век за веком скатываясь обратно, оказались более слабыми, чем на той начальной стадии, с которой начался их прогресс; а с появлением усовершенствованных ремесел и более развитых отношений они стали жертвой тех самых варва-

ров, кого так презирали и кому так легко давали отпор в те времена, когда сами находились в зените славы.

Каким бы ни было естественное богатство и пределы совершенствования рода человеческого, представляется вероятным, что ни одному народу не доводилось достичь этих пределов или предотвратить выпадающих на их долю бедствий и последствий неправильного поведения, пока не были исчерпаны имеющиеся в ее распоряжении материальные ресурсы и не была доведена до истощения ее земля, либо пока не произошло радикального сокращения численности народа. Те же политические ошибки, те же огрехи поведения, что были ответственны за неправильное использование ресурсов, являются сдерживающим фактором в плане роста численности нации и совершенствования ее.

Богатство государства составляется из состояний его членов. Реальным доходом государства является та часть личного состояния, которую общество привыкло отдавать на общенациональные цели. Этот доход не всегда будет пропорционален тому, что может считаться излишками частного хозяйства, но он будет пропорционален тому, что сам хозяин считает излишками и что он способен потратить, не нарушая собственного жизненного стиля, не отказываясь от собственных запланированных трат и от коммерческих планов. Поэтому нам представляется, что любое чрезмерное увеличение частных затрат является прелюдией к ослаблению нации; правительство, даже если потребление каждого из его субъектов обладает королевским размахом, может быть стеснено в доходах, и объяснением этому парадоксу будет, например, то, что общество бедно, в то время как члены его богаты.

Мы часто заблуждаемся, путая деньги с богатством; мы думаем, что народ не может обеднеть, тратя деньги, циркулирующие внутри нации. В действительности же, люди могут обеднеть двумя способами: либо не получая прибыли, либо потребляя то, что имеют; а деньги, которые тратятся дома, циркулируя и не потребляясь, не могут уменьшить богатство, перераспределяемое между определенным числом человек, как не может уменьшиться некая сумма от того, что ее разде-

лили на несколько частей. Но пока деньги обращаются внутри страны, необходимые элементы жизни, являющиеся истинными составляющими богатства, могут праздно поглощаться, а промышленность, пригодная для увеличения общественных запасов в это время может бездействовать или использоваться не по назначению.

Огромные армии внутри страны или за рубежом, не имея перед собой никакой общенациональной задачи, представляют собой огромное множество ртов, кормить которые следует из закромов общества, и такое же количество пар рук, отвлеченных от ремесел, приносящих доход. Провал предприятий — это определенная доля неудачных начинаний, понесенных потерь в общей массе находящегося в обращении капитала. Гельветы¹ для того чтобы осуществить вторжение в римскую провинцию Галлия, сожгли свои жилища, побросали орудия земледелия и за один год потребили то, что накапливали годами. Названное предприятие провалилось, и народ прекратил свое существование.

В некоторых случаях государства пытались, заложив собственные кредиты, — вместо того чтобы пускать в ход свои капиталы — тем самым завуалировать те риски, которым они себя подвергали. Получаемые ими займы играли для них роль некоего случайного ресурса, стимулирующего развитие их предприятий. Судя по созданию ими фондов переводных средств, они оставляли капитал, необходимый для ведения торговли в руках своих подданных, хотя на деле им распоряжалось правительство. Тем самым они подходили к осуществлению общенациональных задач, не приостанавливая при этом частных промышленных предприятий и отчасти возложив на плечи будущих поколений расчет по долгам, наделанным ими в надежде на будущие доходы. До сих пор подобное поведение представлялось весьма целесообразным и правомерным. Но вместе с тем постепенно идет и увеличение

¹ Гельветы — кельтский народ. Проживал сначала между Майном, Неккаром и Альпами. В 107 г. до Р.Х. после войны с Римом обосновался между женевским и боденским озерами. — *Ред.*

бремени; и если когда-то в будущем народ окажется в плачевном положении, каждый правитель все еще будет надеяться на то, что она самостоятельно удержится на плаву. Но эти же меры, при всех их преимуществах, представляются, в силу тех же причин, крайне опасными в руках опрометчивых и честолюбивых правителей, живущих одним лишь сегодняшним днем и считающих государство неисчерпаемой кладовой, коль скоро речь идет о заимствованиях капитала и выплате процентов.

Рассказывают о нации, которая в течение определенного периода соперничала в славе с античным миром, сбросила с себя господство властелина, за которым стояла мощь великого царства, положила конец гнетущему ее игу и почти что за один век сумела благодаря собственному трудолюбию и силе духа превратиться в новую, грозную державу, способную внушать бывшим ведущим державам Европы благоговейный страх и тревогу, так как печать нищеты, которой она была отмечена ранее, сменилась печатью воинственности и властности. Данная цель была достигнута великими усилиями духа, успешным приращением богатства народа и обеспечением скорого получения доходов. Но это знаменитое государство, как полагается, было занято делом, причем не только таким, о котором говорилось в предыдущей главе, но и урезанием наследия многих последующих веков.

Великие затраты народа необязательно означают страдания народа. Если доходу найдено успешное приложение, позволяющее достичь те или иные важные цели, то выгоды от любого начинания будут более чем достаточны для возмещения сопряженных с ним затрат, население окажется в выигрыше и общественные ресурсы будут неуклонно нарастать. Те же затраты (будь то расходы внутри страны или за рубежом, будь то расходы в настоящем или расходы, отложенные на будущее), что не дают должной прибыли, должны быть отнесены к числу причин национального краха.

Часть шестая

**О коррупции
и политическом рабстве**

Раздел I

О КОРРУПЦИИ ВООБЩЕ

Если счастье наций, их движение к величию или к краху определяется, согласно принципам предыдущего раздела, соотношением прибылей и убытков, то любой довод в политике должен исходить из сопоставления национальных затрат и национальных завоеваний; на сопоставлении численности потребителей и численностью производителей или накопителей средств, необходимых для жизни. Во всех слоях населения есть и труженики, и бездельники, и само государство, имея оно ровно столько правителей, политиков и воинов, сколько необходимо для управления и обороны, должно было бы отнести к числу своих убытков любого лишнего человека из числа как гражданских, так и военных служащих; все категории людей, которые, обладая состоянием, существуют за счет достижений других людей и предпочитают затрачивать много труда и времени на собственное потребление; всех тех, кто праздно занимает высокую должность; всех тех, чья профессия — право, физика или богословие, а также любые исследования, ничего не дающие для увеличения прибыльности того или иного бизнеса. Короче говоря, ценность любого человека определяется его трудом, а ценность труда — способностью его создавать и накапливать средства к существованию. Ремесла, служащие излишества, должны быть запрещены, за исключением тех случаев, когда их продукт может быть обменен с иностранцами на товары, кои возможно употребить на благо общества, обеспечив последнее полезными людьми.

Так должны выглядеть правила, согласно которым должен оценивать состояние своих дел — или дел своей страны — скряга; но образ действий, носящий исключительно коррумпированный характер, также невозможен, как исключительно добродетельный тип

поведения. Не все люди — скряги; не все удовлетворяются стяжательством; следует смириться с тем, что они наслаждаются собственным богатством, дабы у них не пропадало стремление к обогащению. Собственность обычно неравномерно распределяется между отдельными людьми; поэтому мы должны терпеть мотовство богатых, дабы обеспечить выживание бедных; мы должны смириться с существованием определенной категории людей, коей нет необходимости трудиться — с тем чтобы их положение составляло бы предмет честолюбивых устремлений для людей дела. Мы не только обязаны смириться с теми, кто с точки зрения жесткой экономии может быть признан излишним в гражданской, военной и политической сферах, но и — будучи людьми и предпочитая занятие делом, улучшение и совершенствование своей природы простому ее существованию, — мы должны желать также, чтобы как можно больше людей в каждом обществе принимали бы участие в обороне его и управлении им.

Фактически, люди, преследуя в обществе различные цели и придерживаясь различных взглядов, обеспечивают широкое распределение власти и волей случая приходят к гражданскому устройству, более благоприятному для человеческой природы, нежели то, к которому способна прийти человеческая мудрость.

Между тем, если сила нации состоит в тех людях, на которых она может положиться и который случайно или намеренно объединены с целью сохранения ее, из этого следует, что способ поведения столь же важен, сколь и численность или богатство, и что главной причиной упадка и краха нации следует признать коррупцию.

Любой, кто имеет представление о превосходных качествах человека, может при помощи этого критерия различить в нем и наличие дефектов или коррумпированности. Если разумная, мужественная и любящая душа участвует в совершенствовании человеческой природы, то явная нехватка любого из этих качеств души, соответственно, должна пагубно влиять на человеческий характер.

Мы уже отмечали, что счастье индивида зависит от выбора им правильной линии поведения; что такой

выбор приведет его к утрате чувства личной выгоды в общественных делах; занимаясь вопросами целого, он подавляет в себе беспокойства, связанные с ним самим как частью этого целого.

К этому счастливому расположению духа человека может подвигнуть его естественная предрасположенность к гуманности и сила темперамента. Возвышенность устремлений человека в огромной степени зависит от формы общества, в котором он живет; но он может и не навлекая на себя обвинения в коррумпированности, приспособливаться к великому разнообразию типов правления. Та же независимость и сила духа, которая позволяет ему отстаивать равенство в демократическом обществе, в условиях аристократического или монархического правления заставляют его поддерживать существующую систему подчинения. В отношении различных сословий, вместе с которыми он составляет единое государство, он способен вести себя с уважением и доброжелательностью, выбирая ту или иную манеру поведения, он способен действовать в соответствии с принципами справедливости и чести, уничтожить которые не способны ни соображения безопасности, ни предпочтения, ни выгода.

Тем не менее, из сетований по поводу развращенности нации должен следовать тот вывод, что целые сообщества порой бывают охвачены эпидемией слабоумия или душевной испорченности, делающей их непригодными для должностей, которые они занимают, и представляющие угрозу для государства, гражданами которого они являются, ибо в каком бы цветущем состоянии оно ни находилось, ему все равно грозит упадок и крах.

Ухудшение манер нации может проистекать от нарушения условий, необходимых для возникновения и развития талантов, либо вследствие изменения общественного мнения относительно того, в чем состоит честь и счастье человека. Когда представление о высоком общественном положении сводится к богатству и приближенности ко двору, дух не поднимается до рассмотрения того, какие личные качества людей заслуживают доверия. Величие, мужество и человеколюбие приносятся в жертву алчности и тщеславию, либо по-

давлиются чувством зависимости. Индивид начинает смотреть на сообщество исключительно с точки зрения тех возможностей личного продвижения и извлечения выгоды, которые предоставляет ему общество: он утверждает себя в конкуренции с окружающими, подталкиваемый такими страстями, как соперничество, страх, ревность, зависть и злоба, он уподобляется животной особи, обреченной на борьбу за выживание, потакая собственным капризам и аппетитам в ущерб интересам вида.

В этих развращающих условиях люди становятся либо более ненасытными, лживыми и жестокими, более готовыми попираť права других; либо более раболепными, продажными и низкими, готовыми отказаться от собственных прав. И чем большими талантами, способностями и силой духа обладает первый из описанных типов, тем несчастней становится он, тем более неистовой становится агония его жестоких страстей; и это заставляет его обрекать окружающих на такие же муки. Для второго же типа людей воображение и сам разум низводятся до роли средств определения мнимых объектов страха или желания, а также преумножения объектов разочарования или сиюминутной радости. В обоих случаях, независимо то того, полагаем ли мы, что людей развращает алчность или что их предает страх, мы можем — безотносительно к тем преступлениям, на которые толкает их тот или другой тип характера, — с уверенностью утверждать вслед за Сократом, что «всякий хозяин должен молить Бога, чтобы не достался ему подобный раб; а каждый такой человек, будучи неприспособлен к свободе, должен просить Бога послать ему милосердного хозяина».

Находясь в состоянии подобной испорченности, человек — хотя его и может купить в качестве раба тот, кто знает, как с прибылью для себя использовать его умения и труды; хотя при известной строгости содержания сосуществование с ним может быть удобным и полезным — такой человек определенно непригоден для того чтобы взаимодействовать с окружающими на основе свободного объединения или согласия: душа его не расположена к дружбе или доверию; он не желает думать о безопасности других и не досто-

ин того, чтобы кто-то другой рисковал ради него своей безопасностью.

В действительности же характер человечества, как в лучших, так и в худших условиях, несомненно является смешанным; и даже те нации, что характеризуются с лучшей стороны, во многом обязаны своим выживанием не только благим расположением своих членов, но и тем политическим институтам, при помощи которых жестоким людям не позволено совершать преступления, а трусливые или своекорыстные люди вынуждаются к участию в обеспечении обороноспособности и процветания общества. Благодаря таким институтам и мудрой предусмотрительности правительства, нации получают возможность выживать и даже процветать при самой разной степени испорченности и единства общества.

До тех пор пока предполагается, что большинство людей живут честно, общее впечатление единства и невинности создают примеры добра и даже стремление уберечься от зла. Там, где люди являются друг для друга объектами любви и доверия, там, где они не настроены друг против друга, правительство может быть и нерадивым; и к каждому человеку можно относиться как к невинному — пока не будет установлена его вина. Так как в этом случае подданный и не слыхивал о преступлениях, нет необходимости говорить ему о тех наказаниях, которым подвергают людей иного характера. Там же, где манера поведения людей существенно ухудшилась, любой из подданных должен хранить бдительность, и само правительство должно исходить из подходящих ситуации принципов страха и недоверия. Индивида, устремления которого уже не соответствуют критериям самоуважения, независимости и свободы, кои он мог бы употребить во зло, следует учить при помощи внешней силы и устрашения подражать тем результатам, которые достигаются людьми невинными и обладающими чувством долга, неведомыми данному индивиду. Плетями и виселицами должны подкрепляться доводы государства, требующего от индивида осторожного поведения и не ожидающего от него, что тот будет руководствоваться такими мотивами, как добродетель.

Правила деспотизма писаны для правительств, стоящих над испорченными людьми. Ими и впрямь пользовались в ряде исключительных случаев — даже в римской империи; и окровавленный топор, это наводящее ужас орудие удержания граждан от совершения преступлений и противодействия эпизодическим вспышкам греха, не раз становился орудием диктаторского произвола. В конце концов они были введены и на руинах республик, когда либо народ становился слишком испорченным для того, чтобы пользоваться свободой, либо сами правители были слишком испорчены для того чтобы отказаться от диктаторской власти. Этот тип правления становится естественным завершением продолжительной и усиливающейся порчи; но в некоторых случаях он, несомненно, наступал слишком рано, принося остатки добродетели, заслуживавшие лучшей участи, в жертву тиранам, спешившим стяжать как можно больше власти. В подобных случаях данный метод правления не может не привносить определенной испорченности, будучи задуман в качестве противодействия против ее внешних проявлений. Если полагается, что лишь страх может быть единственным стимулом к выполнению долга, то любая душа становится корыстной и низкой. Если же подобное лекарство применить к здоровому организму, оно непременно вызовет ту болезнь, для лечения которой оно предназначено.

Именно к такой форме правления склонны подталкивать своих соплеменников алчные и наглые люди, стремясь удовлетворить свои неблагоприятные желания; именно этой форме правления бессловесно подчиняются робкие и раболепные личности; когда же человечество оказывается сплошь состоящим из двух типов людей — ненасытных и кротких, даже добродетельности Антонина¹ или Траяна² не хватит на большее, чем выказывать добродушие и решительность при употреб-

¹ Марк Аврелий Антонин (121—180 по Р.Х.) — римский император. Философ на троне и гонитель христиан. Автор книги «Наедине с собой». — *Ред.*

² Траян Марк Ульпий (53—117 по Р.Х.) — первый римский император из провинции. Получил титул «наилучшего императора». — *Ред.*

лении кнута или меча и пытаться, методом «кнута и пряника», достичь быстрого и своевременного исцеления людей от таких болезней, как преступность или слабоумие.

В государствах иного типа возможна та или иная степень развращенности; и только в этом государстве развращенность играет роль основы его самого. Порою здесь рукой суверена-деспота движет справедливость; но самим именем справедливости чаще всего пользуются для обозначения своекорыстности, каприза или господствующей силы. Человеческое общество, способное приобретать такое большое разнообразие форм, в данном случае довольствуется простейшей из всех форм. Труды и собственность многих призваны здесь утолять страсти одного или нескольких человек; из всех возможных партий здесь сохраняется лишь партия угнетателей, выставляющих свои требования, и партия угнетенных, не смеющих отказаться им.

Народы, участь которых была не столь суровой, как, например, неоднократно покоряемые греки, были низведены до подобного состояния при помощи военной силы. Кроме того, в названное состояние они впадали и тогда, когда их собственная испорченность достигала наибольшего развития; так римляне, возвращавшиеся с победой с войны, нагруженные трофеями, пускались в междоусобицы и совершали слишком частные и дерзкие преступления для того, чтобы обычное правительство могло положить им конец; и обгаренный кровью меч правосудия, постоянно пускаемый в ход для того чтобы подавлять беспорядки, возникающие по вине всех участвующих сторон, уже не мог мириться с проволочками и перестраховкой со стороны ограниченного законами правления.

Между тем, история человечества свидетельствует о том, что та или иная степень испорченности не характерна для народов, находящихся на спаде или в стадии заметного расцвета, отмеченной существенными достижениями в искусстве общения. Как правило, мелкие и нарождающиеся сообщества отличаются крепостью внутренних уз; члены их, питающие либо неистовую преданность собственному племени, либо безудержную враждебность к врагам, обладают незауряд-

ным мужеством и вполне способны инициировать или поддерживать надлежащее развитие своего сообщества. Тем не менее, когда речь идет о целом народе, дикарь и варвар демонстрируют примеры присущей им слабости и робости¹. Еще чаще наблюдается в их среде та разновидность испорченности, которую мы уже описывали, говоря о варварских народах; разорение было у них целым бизнесом, а не просто способом ведения войны, не попыткой обогатить свое сообщество, а стремлением приобрести в виде собственности то, что они научились ценить выше кровных и дружеских уз.

На низшей стадии развития технических ремесел страсть к обогащению и господству порождала такие образчики угнетения и раболепия, равных которым не знала даже эпоха сколачивания состояний, породившая самых законченных наглецов, трусов и наемников, чьими движущими мотивами была стремление к наживе и боязнь утратить свое достояние. На названной стадии людские пороки, не имея формальных ограничений и не страшась полиции, получают истинный простор и проявляются в полной мере. Соответственно, слияние или размежевание партий осуществляется здесь по законам, действующим внутри банд грабителей; в жертву корысти приносятся здесь нежнейшие страсти, присущие человеческой природе. Для насыщения рынка работорговли родитель готов использовать даже собственных детей; дом перестает служить пристанищем слабых и беззащитных пришельцев; обычаи гостеприимства, некогда столь высоко чтимые первобытными народами, попираются без страха и угрызений совести, а вместе с ними попираются и все прочие человеческие узы².

Нации, прославившиеся в позднейшие периоды своей истории гражданской мудростью и справедливостью, возможно, в предыдущую эпоху также грешили приступами беззакония и беспорядков, к которым также отчасти применимо данное выше описание. И

¹ Так все варварские народности Сибири характеризуются пошлостью и застенчивостью.

² См.: «Путешествия Шардена через Менгрелию в Персию».

сама их последующая политика, ставшая мерилom их национального процветания, была не чем иным как средством спасения от этой напасти. Совершение насилий и убийств стало начальным моментом процесса установления порядка; возмущение и личная месть были теми принципами, от которых стал возможен переход народа к изгнанию тиранов и освобождению людей, к полному уяснению ими своих политических прав.

Дефекты, присутствовавшие в правлении и в законе, в некоторых случаях могли служить признаками невинности и добродетели. Там же, где власть уже укрепилась, где сильные не желают иметь перед собой ограничений, а слабые не могут найти защиты, несовершенства закона суть признаки самой отпетой коррупции.

У слаборазвитых народов правление часто имеет ущербный вид; это происходит как оттого, что люди здесь еще не познали всех тех зол, против которых пытаются искать противоядия цивилизованные нации, так и оттого, что даже там, где мир общества был нарушен самым очевидным пороком, спасение от последнего еще не было найдено. С развитием цивилизации обнаруживаются новые несоответствия и изобретаются новые средства исцеления: однако, лекарство не всегда появляется одновременно с болезнью; и законы, вызываемые к жизни совершенными преступлениями, отражают не имеющую место коррупцию, а стремление найти средство истребления некоторых застаревших язв, поразивших государство давным давно.

Однако, при некоторых видах испорченности люди находят в себе силы и решимость встать на путь исправления. Сюда относятся насилие и жестокость, сопровождающие столкновения отчаянных и дерзновенных душ, схватки которых порой являются предвестниками зари прогресса в гражданской и производственной сферах. В подобных случаях людям часто удавалось отыскать средство против тех зол, главными причинами которых являлись их собственная неоправданная импульсивность и высокий полет мысли; если бы восхищение богатством и страсть к обогащению соединились бы с презрением к опасностям и к заня-

тиям делом; если бы люди, доблесть которых востребована обществом, утратили бы свою отвагу; если бы все вообще члены общества не обладали личными качествами, необходимыми для установления условий равенства и чести, к которым располагают их соответствующие государственные формы, они погрязли бы в таком болоте, выбраться из которого им не позволили бы даже не столько их порочные наклонности, сколько собственное слабоумие.

Раздел II

О РОСКОШИ

Мы отнюдь не согласны с тем употреблением термина *роскошь* или с тем оттенком его значения, которое соответствует процветанию нации или моральной правоте нашей природы. Иногда этим словом пользуются для обозначения того образа жизни, который мы считаем неотъемлемой частью цивилизованности и даже счастья. Прославляя просвещенные времена, мы выставляем ее прародительницей искусств, опорой торговли и вдохновительницей величия и процветания нации. Когда же мы критикуем деградацию образа жизни, она выступает источником развращенности и предзнаменованием упадка и краха нации. Ею восхищаются и ее обвиняют; к ней относятся как к украшению и как к чему-то полезному, но ее же порицают как порок.

При всех этих разночтениях мы едины в понимании под этим словом всей совокупности приспособлений и средств, изобретенных человечеством для облегчения своей жизни, для повышения ее комфортности. Это дома, обстановка, экипаж, одеяния, домашняя утварь, изысканные столовые приборы и вообще все то, что служит не столько реальным потребностям, сколько удовольствию, являясь не столько функциональным, сколько декоративным.

Таким образом, когда мы проявляем склонность называть *роскошью* порочное наслаждение этими предметами, мы тем самым либо подразумеваем привычку к чувственным наслаждениям, разврату, расточительности, с которой ассоциируют порой обладание состоянием; либо мы имеем в виду определенную меру того, что необходимо для человеческой жизни, сверх которой все наслаждения следует считать излишествами и пороком. Когда же, наоборот, роскошь представляется в качестве атрибута величия и счастья нации,

мы представляем ее себе всего лишь как невинное последствие неравного распределения богатства, как тот способ, с помощью которого различные социальные положения становятся взаимозависимыми и взаимопользовательными. Бедных заставляют заниматься делом, а богатых — платить им. Само общество начинает получать выгоду от того, что кажется растратой его ресурсов, оно начинает — под влиянием этих растущих appetitов — наращивать собственное богатство и вырабатывать те изысканные вкусы, которые, казалось бы, представляют угрозу для потребления и создают опасность краха.

Определенно, нам следует либо принимать вместе с торгово-промышленными навыками и приносимые ими плоды, наслаждаться ими и даже, до определенной степени, восхищаться ими; либо, подобно спартанцам, нам следует запретить сами эти ремесла, коль скоро мы опасаемся их последствий и считаем, что приносимые ими удобства являются излишествами по отношению к природным потребностям.

Но даже остановив развитие ремесел на любой из стадий их развития, мы все равно будем слышать критику роскоши, исходящую от тех, кто еще не достиг данной стадии развития. Искусство строителей и плотников Спарты ограничивалось применением топора и пилы¹, однако, фракийцам дом спартанца показался бы дворцом; так что, случись тогда спор о том, что является физически необходимым для выживания и что может здесь служить морально обоснованным критерием, то и в те времена, как и сейчас, у каждого индивида, вероятно, была бы своя точка зрения как на физическую, так и на моральную норму. Казуист склонен по большей части считать общечеловеческим критерием практику собственного места и времени. Если в одних пространственно временных условиях он порицает использование средств передвижения, в других он с не меньшей суровостью осудил бы ношение обуви; всякий, кто возражает против первого, скорей

¹ Крыши домов в Спарте сооружались только с помощью топора, двери только с помощью пилы. — *Ред.*

всего, не пощадил бы и второго, не будь это второе известно ему на протяжении веков. Критик, родившийся в деревне и привыкший спать на соломе, не считает, что людям следует вновь искать убежище в лесах и пещерах; он признает разумность и полезность того, с чем уже знаком, и усматривает излишества и развращенность лишь в новейших изощрениях следующего поколения.

Европейское духовенство последовательно выступало против всех новых веяний, против любого нововведения в одежде. Молодежная мода вечно является предметом критики со стороны старшего поколения; с другой стороны, мода прошлого века есть предмет насмешек со стороны молодых и легкомысленных людей. Объяснением этому, пожалуй, может быть лишь то, что старость сурова, а молодость весела.

Возражение против многих жизненных удобств на том лишь основании, что они не являются необходимыми, столь же естественно слышать от дикаря, настроенного против промышленных новшеств, сколь и от моралиста, настаивающего на суетности промышленности. «Предки наши, — мог бы сказать любой из них, — находили кров вот под этой скалой; они собирали пищу в лесах, они утоляли жажду из родника, они были одеты в шкуры добытых ими животных. К чему же нам предаваться ложной изнеженности или требовать от земли таких плодов, которые сама она давать не привыкла? И без того уже лук отцов слишком туг для наших рук, а дикие звери начинают чувствовать себя хозяевами лесов».

Таким образом, в любой эпохе моралист находит те предметы порицания, глядя на которые он выставляет на суд и свое собственное время; смущение, вызываемое в нас данным предметом, вероятно, является частью того общего замешательства, которое охватывает нас всякий раз, когда мы пытаемся определить нравственный статус по внешним обстоятельствам, сопровождающим или не сопровождающим дефекты души и сердца. Один находит порочным ношение белья; другой не видит в том порока — за исключением тех случаев, когда оно изготовлено из тончайшего полотна. Если же признать за каждым право носить как грубую,

так и утонченную одежду, останавливаться на ночлег как в поле, так и во дворце, ходить как по коврам, так и по голой земле, то в ситуации утраты, либо сохранения проницательности и силы духа, сохранения или утраты сердцем любви к ближнему бессмысленно искать различия между пороком и добродетелью или упрекать цивилизованного гражданина в слабости за то, что тот имеет тот или иной экипаж и носит меха — возможно те же самые, в которых ходил раньше какой-нибудь дикарь. Тщеславие проявляется не в каком-то определенном типе одежды. О нем свидетельствует тот невообразимый набор перьев, ракушек и со смыслом раскрашенных шкур, которыми украшает себя индеец, и то, сколько времени проводит он наряжаясь и любуясь своим отражением. Смысл подобных нарядов един и для лесной глуши, и для городов: один, изменением своего облика и искусственным чернением зубов, стремится вызвать той же восторженной реакции окружающих, которой другой добивается при помощи позолоченного экипажа и ношения форменной одежды.

Часто в своем развитии цивилизованные нации начинают превосходить примитивные народы в умеренности и строгости своих манер. «Не так давно, — говорит Фукидид, — греки, как и варвары, носили в волосах золотые блески и ходили при оружии в мирное время»¹. Простота одежд этих людей служила у них признаком хорошего тона, да и сами материалы, с помощью которых люди питают и одевают свои тела, вероятно, не имеют для них особого значения. Характеры людей мы должны определять по качествам души, а не по особенностям их питания или манере одеваться. Посмотрите на одеяния людей серьезных и суровых; то, что считается ныне поистине удобной одеждой, некогда считалось предметом щегольства у моло-

¹ См.: Фукидид. История. Кн. I. Гл. 6.(3). В русском переводе Г.Стратановского: «Афиняне прежде всех перестали носить оружие в мирное время... Только недавно пожилые люди из состоятельной среды оставили такое проявление изнеженности, как ношение льняных хитонов и сложной прически, закалываемой золотыми булавками в форме цикад». — *Ред.*

дежи, либо изобреталось в угоду неженкам. Конечно, новая мода зачастую является уделом фатов; но мы часто меняем свои пристрастия в области моды, не изменяя при этом размеров собственного тщеславия и причуд.

Следует ли поэтому считать выносимые во все века суровые суждения беспочвенными и неразумными? Может быть, нам вовсе не следует опасаться все новых изысков в области средств к существованию или жизненных удобств? Дело в том, что постоянно существует риск ошибиться в этом вопросе — и не только потому, что люди привыкли к удобному жилью или к какой-либо особой пище, но и потому, что в любых условиях определенное жилье и пища может пользоваться предпочтением друзей, страны или человечества в целом. И они действительно совершают ошибку всякий раз, когда придают значение ничтожным различиям или пустячным преимуществам, всякий раз, когда страшатся мелких неудобств и оказываются неспособными энергично выполнять свои обязанности. Нравственность в данном вопросе означает не навязывание людям какого-то определенного типа жилья, питания и одежды, а противодействие тому, чтобы эти удобства рассматривались как главные цели человеческой жизни. Если же спросить, где следует положить предел погоне за мелочными удобствами, обратившись к высшему предназначению жизни, то ответом должно быть: этому пределу следует находиться там, где он и находится. Именно этому правилу следовали в Спарте: цель правления они видели в сохранении духа общества и в привитии людям навыков культивирования своей природы, а не в накоплении богатства и внешних удобств. И наоборот, не считалось, что топор и пила обладают большими политическими преимуществами, нежели рубанок и стамеска. Когда Катон шествовал по улицам Рима босоногий и без мантии, тем самым он скорее всего демонстрировал презрение к тому, что так почиталось его соотечественниками, а не стремился доказать, что одна одежда хороша, а другая — плоха.

Таким образом, роскошь, рассматриваемая как предрасположенность к предметам, разжигающим

тщеславие, и к дорогостоящим предметам вообще, пагубно влияет на характер человека. Если же под ней понимать простое использование новейших приспособлений и удобств, то в этом смысле роскошь зависит не столько от расположенности отдельных людей к греху или к добродетели, сколько от прогресса техники и неравномерного распределения богатства меж людьми.

Однако, различные степени роскоши неодинаково подходят к разным структурам правления. Развитие ремесел предполагает неравенство в распределении богатства; и привносимые этим развитием средства разграничения служат дальнейшему выявлению сословных различий. В этом плане роскошь, помимо ее морального воздействия, не приемлет демократической формы правления и при любой форме общества может быть допустима лишь в той мере, в какой допускается неравенство в положении различных членов общества и в какой принцип подчинения играет роль конструктивного элемента общества. Изобилие предметов роскоши представляется желательным и даже необходимым при монархической и смешанной системах правления, где, помимо поощрения ремесел и торговли, это изобилие придает особый блеск тем наследственным или конституционным регалиям, которые играют столь важную роль в этих политических системах. Вопрос о том, порождает ли в данных случаях роскошь особые, специфичные для века утонченности и благоденствия, злоупотребления, мы рассмотрим в последующих разделах.

Раздел III

О СЛУЧАЯХ РАЗВРАЩЕННОСТИ В ЦИВИЛИЗОВАННЫХ НАЦИЯХ

Роскошь и развращенность часто идут рука об руку и даже употребляются как синонимы. Но дабы избежать здесь спора о словах, под первой мы можем понимать то накопление богатства и ту утонченность наслаждения им, которые и составляют цель промышленности или являются плодами техники и торговли; а под второй — ту истинную слабость или испорченность человека, которая может сопутствовать любому состоянию этих искусств и проявляться при любых внешних обстоятельствах и условиях. Остается узнать, при каких условиях она процветает в цивилизованных нациях, достигших определенной степени роскоши и обладающих определенными преимуществами.

Нам нет нужды сопоставлять манеры наций, находящихся в состоянии наивысшей цивилизованности и крайней дикости, для того чтобы убедиться в том, что пороки людей не пропорциональны их владениям и что алчность или привычка предаваться чувственным удовольствиям не связана с определенным имущественным статусом или определенным типом удовольствий. Там, где положение отдельных людей отличаются как в смысле их личного статуса, так и в смысле национального развития, в любом состоянии преобладающими являются страсть к достижению личных целей и удовольствий. Они проистекают из особенностей темперамента или из приобретенной любви к собственности, а не из каких-то частных особенностей образа жизни тех или иных слоев и не из какого-то особого вида собственности, способного играть роль объекта их забот и устремлений.

Среди тех, кого мы называем высшим классом, умеренность и скромность встречаются, по крайней мере, так же часто, как и среди низшего сословия; и

хотя такое качество, как трезвость, мы можем отнести на счет дешевого питания и других приспособлений, которыми довольствуются люди определенной эпохи или определенного класса, хорошо известно и то, что для того чтобы пуститься в разгул вовсе не обязательно использовать дорогостоящие средства, и под соломенной крышей разврат имеет место не реже, чем под величественным сводом. Люди в равной мере осваиваются в различных условиях, одинаково наслаждаются и одинаково демонстрируют свою чувственность и во дворце, и в пещере. Обретение ими привычки как к невоздержанности, так и к лени зависит от отказа их от других устремлений и от душевного неприятия ими иных занятий. Если разбужены чувства сердца и распалены страсти любви, восхищения и гнева, то и дорогое убранство дворца, и уют хижины уже не играют роли: находясь в состоянии подъема чувств, люди отмечают покой; когда же они чувствуют себя уставшими, они с готовностью ищут покоя как на шелковых простынях, так и на соломе.

Из этого, однако, не следует делать вывод, что роскошь со всеми сопутствующими ей обстоятельствами, кои либо способствуют разрастанию ее, либо выступают, в контексте гражданского общества, как ее последствия — не может превратно влиять на манеры нации. Если данному временному спасению от опасностей и невзгод, благодаря которому становится возможным развитие деловых навыков, позволить перерасти в практику, злоупотребляющую силами нации; если не призывать индивида к единству со своей страной и предоставить ему преследовать лишь личную выгоду, то следует ожидать, что данный индивид станет изнеженным, продажным и сладострастным — не потому, что вкушение удовольствий и выгод является чем-то более соблазнительным, а потому, что у него не будет достаточных стимулов заниматься чем-то помимо них и слишком многое будет побуждать его углубляться в вопросы собственной выгоды и преследовать собственные частные интересы.

Если неравенство в положении и состоянии, являющееся необходимой предпосылкой обретения роскошной жизни, создает ложные критерии оценки (в

том числе, оценки социальной значимости того или иного сословия); если исключительно на том основании, что данное сословие является бедным или богатым, оно либо возвышается, либо опускается в собственном мнении; если преступник горд собой, если кто-то незаслуженно унижен, а каждое сословие, подобно тирану, полагающему, что нации существуют для него, и склонному попирать права людей; хотя, если сравнить, то высшие сословия могут оказаться наименее развращенными — либо, как можно предположить, образованность и чувство собственного достоинства способствуют лучшему сохранению в них свойств добродетели. Как бы там ни было, один становится продажным и раболепным, другой — высокомерным и надменным, и тот, и другой попирают справедливость и достоинство; испорченность охватывает весь народ, манеры общества ухудшаются по мере того, как члены его перестают руководствоваться принципами равенства, независимости и свободы.

Если следовать данной логике абстрактного рассмотрения человеческих достоинств, то саму по себе перемену образа поведения, такую как переход от республиканского правления к монархизму, от равенства к иерархии, основанной на врожденных привилегиях, титулах и состоянии, — следует рассматривать как разновидность растления людей. Но указанная степень испорченности все еще совместима с безопасностью и процветанием некоторых наций; она допускает сохранение такого качества личности, как мужество, благодаря чему возможно долговременное сохранение прав отдельных людей и целых царств.

В условиях монархии обладание большим состоянием, все еще являясь действенным фактором, представляет собой один из критериев сословного деления общества; однако, в отсутствие некоторых других составляющих богатство само по себе не может считаться основой возвышения в обществе; наличие же этих составляющих делает богатство второстепенным фактором, с отсутствием которого можно легко смириться. К таковым относятся принадлежность к знатному роду и обладание титулами, репутация мужественного человека, изысканные манеры и некая возвышенность духа.

Если предположить, что все эти отличия будут преданы забвению и единственным признаком благородства станет пышная свита, обеспечить которую могут лишь деньги, а также щедрые расходы, лучшим обеспечением которых служат вновь сколоченные состояния, то роскошь превратится тем самым в силу, разлагающую как монархическое, так и республиканское государство и порождающую фатальную деградацию манер, в результате которой у людей не остается и намек на амбиции, притом что они со страстью занимаются приобретением богатства и выставлением его на всеобщее обозрение. Они не обладают ни возвышенностью знати, ни верностью подданных. Чувство чести, задающее тон личному мужеству, превратилось у них в изнеженное тщеславие, а лояльность, связывавшая каждого с его местностью, с его непосредственным господином и с тронном, — в низкое раболепие.

Именно с этой стороны грозит нациям наибольшее разложение в случае, когда получившие широкое развитие механические приспособления предоставляют людям бесчисленные возможности украшения собственного быта в плане обстановки, развлечений или экипажей, когда становятся престижными подобные предметы, обладателями которых могут стать лишь богатые, и когда в зависимость от богатства ставятся авторитет человека, его общественный вес и положение.

При незначительном же развитии ремесел, даже в условиях неравного распределения, обеспеченные люди имеют возможность накапливать лишь простые жизненные ресурсы: все, что они могут, — это наполнить закрома зерном, хлева — скотом, собирать урожай с более обширных полей и пасти скот на более просторных пастбищах. Для того чтобы иметь возможность вкушать плоды собственного величия, они должны жить скученно, охранять свои владения, окружить себя друзьями, которые бы принимали участие в их междоусобицах. Их честь, также как и их безопасность зависит от численности примкнувших к ним людей; их личные достоинства вытекают из их раскованности и предполагаемой возвышенности их помыслов. Таким образом, обладание богатствами служит лишь для того, чтобы позволить данному лицу создать

образ собственного величия, образ народного заступника или объекта всеобщего уважения и любви. Когда же появляется возможность обменять все эти громоздкие атрибуты провинциального величия на утонченность, когда возникает случай обменять урожай на экипаж и украшения, когда для обеспечения личной безопасности уже не требуется жить в окружении большого числа людей, хозяин может превратиться в единоличного пользователя собственного состояния; он может демонстрировать щедрость ради удовлетворения собственного тщеславия или же предаваться болезненным и изнеженным развлечениям, благодаря которым необходимой составляющей бытия становятся дурачества и потакания собственным слабостям.

Рассказывают, что персидский сатрап, увидев царя Спарты на месте их встречи, расположившегося на траве вместе с солдатами, он покраснел от стыда за свои собственные приготовления к встрече и приказал убрать меха и ковры; он почувствовал собственную униженность, осознав, что ему предстоит общаться с человеком, а не состязаться с марионеткой в пышности обстановки и в величии.

Когда мы привыкаем к тому, что в обстановке, не являющейся питательной средой для человеческих добродетелей и талантов, дух превосходства одних людей над другими связан с обладанием свитой, мы можем забыть о том, что основой человеческого превосходства являются добродетели и способности людей. Мы начинаем ценить своих сограждан по тому, что за *фигуру* они представляют — по их домам, одеяниям, экипажам и численности их приближенных. Все эти обстоятельства влияют на наше представление о превосходстве; и даже если известно, что сам владыка является марионеткой среди своих владений, мы тем не менее демонстрируем почтение в отношении его положения и с завистью, раболепством и удрученностью наблюдаем за тем, что вовсе не представляет интереса. Когда же все эти атрибуты являются знаком отличия, они разжигают честолюбие тех, кого мы называем великими людьми, и порождают уважение и благоговение масс.

О целых нациях мы судим по нескольким техническим изобретениям и думаем, что говорим о людях, расхваливая их имения, одежды и дворцы. Тот смысл, который мы вкладываем в слова *великий, благородный, высокопоставленный* и *высший свет*, показывает, что представление о человеческом превосходстве мы переносим с личности на то, что ее окружает, и что само превосходство есть, в нашем понимании, пышность обстановки, достигнутая при помощи огромных затрат и давшаяся трудом многих тружеников.

Тем, кто не замечает этих подспудных превращений в сфере воображения, может показаться, что коль скоро богатство способно лишь поставлять средства к существованию и покупать плотские удовольствия, то наши алчность и продажность должны быть соразмерны страху перед нуждой или же аппетиту к чувственным наслаждениям; и что там, где аппетит утолен и нет страха перед нуждой, душа должна с легкостью относиться к обладанию состоянием. Но такие страсти, как алчность и продажность, разжигаются не простыми удовольствиями, доставляемыми богатством, не выбором яств за богатым столом. Природа легко насыщается собственными радостями. Слепыми ко всему, кроме богатства, и бесчувственными к любому позору, кроме бедности, делает людей представление о том, что высокое положение связано с богатством, а также чувство унижения, связанное с нищетой. Именно эти неудачные представления порой подталкивают нас к полной безответственности, к согласию с любым бесчестьем и к смирению перед любым преступлением, которое может быть совершено безнаказанно.

Аурангзеб¹ был известен умеренностью не только в бытность его частным лицом и в период тайных махинаций, которые он проделывал в стремлении обрести власть суверена, но так же и на троне Индостана. Отличаясь простотой, воздержанием и умеренностью в еде и прочих удовольствиях, он продолжал вести жизнь отшельника, посвящая все свое время усердным

¹ Аурангзеб (1618—1707) — правитель могольской империи в Индии с 1658 г. — *Ред.*

занятиям делами великой империи¹. Он распрощался с положением, в котором мог бы предаваться безграничному сладострастию, будь его целью получение удовольствий, и предпочел жизнь, полную забот и беспокойств; обладая таким достоянием, как империя, он стремился не к удовлетворению плотских appetитов и безмятежным наслаждениям, а к вершинам человеческого величия. Будучи выше сладострастия и природных инстинктов, он низверг с трона своего отца и убил братьев для того чтобы получить возможность самому ехать в карете, инкрустированной алмазами и перламутром; для того чтобы его слоны, верблюды и лошади, будучи выстроены в походном порядке, растянулись бы на много лье; для того чтобы их упряжь сверкала на солнце; для того чтобы все эти сокровища представили взору подобострастной толпы то грозное великолепие, при виде которого они должны были пасть на землю, переполненные сознанием его величия и их собственного ничтожества.

Так как именно такого рода цели подталкивают к господству и вдохновляют честолюбцев на возвышение над своими собратьями, они вызывают в рядовых людях чувство неуверенности и приниженности, что подготавливает их к унижениям и к превращению в собственность людей, которых они почитают гораздо выше себя и по положению, и по природе.

Соответственно, оковы постоянного рабства были, скорее всего, выкованы на Востоке — и не только пышностью, сопровождающей обладание властью, но и страхом перед мечом и военным вторжением. На Западе, как и на Востоке, мы готовы склонять голову перед блеском убранства и держаться на почтительном расстоянии от царственно великолепного поместья. Нас тоже способны приводить в ужас насупленные брови и радовать улыбки тех, чья благосклонность означает для нас получение богатства и почестей, а неудовольствие — нищету и безвестность. Мы тоже можем не замечать достоинств человеческого духа, восхищаясь присущей большим состояниям пышнос-

¹ *Gemelli Carceri.*

тью. Процессия слонов, облаченных в золотую упряжь, способна превратить в рабов людей, считающих слабость и испорченность результатом собственных поступков и ухищрений, равно как и тех, кто унаследовал рабский дух от предков и кого ослабляет их природный темперамент и воздействие земли и климата, оказывающих морально разлагающее воздействие.

Нам представляется поэтому, что, хотя само по себе использование материалов, составляющих роскошь, следует отличать от порока как такового, вместе с тем, нации, находящиеся на стадии развитых ремесел, подвержены испорченности, так как признают богатство, не подкрепленное возвышенностью и добродетелью, в качестве солидного основания превосходства и уделяют особое внимание эгоизму как верному способу завоевать уважение и почести.

Так роскошь может стать силой, разлагающей демократические государства посредством насаждения разновидности монархического подчинения, не сопровождающегося представлениями о высокородстве и наследственных почестях; последние жестко очерчивают рамки привилегированного положения и придают представителям сословий уверенность и чувство правоты. Роскошь может послужить возбудителем политического разложения даже при монархическом правлении, вызывая уважение к богатству как таковому; бросая тень на блеск личных достоинств и происхождения и заражая все слои общества равной продажностью, раболепством и трусостью.

Раздел IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ

Возрастающее, в ходе развития коммерческих профессий (commercial arts), внимание людей к вопросу получения прибыли, та утонченность, с которой они предаются удовольствиям, даже само трудолюбие или привычка заниматься монотонной и не приносящей почестей работой, — все это, пожалуй, можно считать признаками усиления эгоизма или изнеженности, развившейся от легкого и удобного образа жизни. Всякое следующее занятие, посредством которого индивид учится улучшать свое материальное положение, на деле являет собой некое дополнение к его частным занятиям, некое новое отклонение от общества.

Испорченность, однако, возникает не только вследствие злоупотребления делами коммерции; свою роль играет здесь и политическая ситуация. И возникнуть под влиянием предметов, проникнутых духом подлости и продажности, испорченность способна лишь при наличии обстоятельств, позволяющих людям без опаски демонстрировать усвоенное ими недостойное поведение.

Провидение предопределило людей к высшему назначению, которое они порой и обязаны выполнять; именно выполняя такое предназначение, они бывают наиболее предрасположены к обретению новых добродетелей и сохранению старых. Способности сильного духа формируются в борьбе с трудностями, а не тогда, когда он наслаждается покоем и отдохновением; мудрость и пронизательность являются плодами опыта, а не уроками, полученными в уединении и досуге; воодушевление и благородство — это качества, пробуждаемые и оживляемые в душе участием в сценах, вызывающих к сердцу, а не знанию и размышлению. Тем не менее, порой за общественное благо принимают

простой перерыв в национальной и политической деятельности; и нет другой ошибки, которая бы так же сильно способствовала возникновению порока, поощрению слабости в неустойчивых и корыстных людях.

Если возьмут верх обычные политические уловки или, точнее, возобладает безразличие к общественно значимым вопросам и, в условиях свободной конституции, будет положен конец тем спорам о партии и будет заглушен ропот несогласных, которые обычно сопровождают свободную жизнь общества, — в таком случае мы дерзнули бы спрогнозировать грядущее ухудшение манер нации и ослабление национального духа. Наступает период, когда никакому предмету — будь он связан с общественными, частными интересами или с плотскими удовольствиями — не уделяется надлежащего внимания. Когда люди, освобожденные от стресса великих событий, предаются пустякам; и доведя вольности и назойливость, которые они предпочитают называть *сентиментальностью* и *изысками*, до тех крайностей, на которые только способны слабости и причуды, они затем находят прибежище в аффектации, дабы подчеркнуть свои претенциозные притязания, накапливая тревогу болезненного воображения и ослабленного духа.

Находясь в подобном положении, человечество обычно льстит себе, называя это слабоумие *вежливостью*. Они начинают верить в то, что пресловутые воодушевление, благородство и сила духа, присущие прошлым векам, граничили с безумием, либо возникали по необходимости у людей, не имевших возможности вести себя так, как им бы хотелось. Они поздравляют себя с тем, что им посчастливилось избежать тех катаклизмов, которые порождали необходимость в подобных вдохновенных добродетелях. С тщеславием, свойственным роду человеческому в его худших проявлениях, они похваляются сценами аффектации, апатии или причуд как образцами человеческого счастья, как лучшими применениями его рациональной природы.

Отнюдь не самым невинным из симптомов эпохи вырождения является то, что души людей теряют спо-

способность различать достоинства, слабеет дух, а сердце не может найти себе достойного предмета. Мудрость начинают усматривать в заботе о собственном благосостоянии; уход от общественных дел и безразличность к общечеловеческим вопросам приветствуются как проявления умеренности и добродетели.

Конечно, не всегда при достижении важных целей требовались сила и возвышенность духа; но когда мы действуем во благо человечества, находясь в состоянии воодушевления, эти качества всегда являются необходимыми и почитаемыми. Поэтому, говоря о неправильном их приложении, мы должны проявлять осторожность, чтобы не уронить их значимости. Люди, чьи моральные принципы отличаются суровостью и напыщенностью, не всегда проявляют подобную осторожность; не понимают они и того, что потакают испорченности, обращая свою сатиру против наиболее вдохновенных и выдающихся качеств человеческой души.

В век безнадежного упадка¹ язвительность сатирика, имевшего перед собой столько объектов для исправления и так хорошо владевшего искусством декламации, могла бы пощадить таланты Демосфена и Туллия² и даже неумеренное величие македонца или дерзновение карфагенского вождя:

I, demens, et saevos per Alpes,
Ut pueris placeas, et declamatio fias³.

Это часть непросвещенного порицания, адресованного поэтом личности и поступкам вождя, чье мужественное поведение, выразившееся в тех самых действиях, о которых идет речь в сатире, спасло его страну от краха, настигшего ее впоследствии.

Геройства лик един, в том спору нет,
Будь македонский то безумец, будь то швед.

¹ См. *X сатиру Ювенала*.

² Цицерона. — *Ред.*

³ Шагай, безумный, чрез суровые Альпы, Чтобы мальчишек пленить и стать декламаций предметом. — *Ред.*

Это двустишие, в котором другой одаренный дивным талантом поэт попытался принизить имя, до которого, вероятно, смог возвыситься мало кто из его читателей.

Если люди обречены на ошибки, то у них есть выбор — как в ошибках, так и в добродетелях. Честолюбие, любовь к самолюбованию и стремление к славе (притом что они иногда приводят к преступлениям) вместе с тем нуждаются в подкреплении их некоторыми величайшими качествами человеческой души; и если основная цель состоит в достижении величия, то это, по крайней мере, создает вероятность изучения тех качеств, на которых зиждется истинная возвышенность духа. Когда же смятение в обществе затихает и презрение к славе становится в сознании людей признаком мудрости, подлые привычки и склонность к продажности, к которым предрасположены члены цивилизованных коммерческих государств в условиях общего безразличия к общенациональным целям, предстает одновременно как самое действенное средство подавления всех свободолюбивых настроений и как самое фатальное возвращение всех тех принципов, в которых черпают сообщества свои надежды на выживание и свою силу.

Обладание счастьем и независимостью как в уединении, так и в общественной жизни является признаком благородства. Счастливых людей характеризует способность хорошо проявлять себя в любых обстоятельствах — при дворе и в деревне, в сенате и в местах уединенного существования. Если же они проявляют пристрастие к какому-то определенному положению, то именно к такому, в которых их поступки приносят наибольшую пользу. Таким образом, отношение наше к уединению как к признаку умеренности и добродетельности является либо отголоском той системы, при которой монахи и анахореты былых времен причислялись к лику святых, либо проистекает из привычки — привычки, столь же чреватой нравственным разложением — рассматривать общественную жизнь как к сфере, подходящей для удовлетворения собственного тщеславия, алчности и честолюбия, а отнюдь не как к

такой сфере, в коей наилучшим образом осуществляются благие начинания ума и сердца.

Соперничество, стремление к власти суть не что иное как наиболее жалкие из мотивов, определяющих поведение в обществе; но будь они главными движущими силами участия людей в служении своей стране, любые попытки преуменьшить их роль и значение явились бы истинным попранием манер нации; а притворная умеренность высших сословий роковым образом сказывается на государстве. Бескорыстная любовь к обществу есть тот принцип, без которого невозможно было бы существование ряда правительственных учреждений; но принимая во внимание то, как редко выступала эта любовь в качестве господствующего чувства, мы не можем с достаточным основанием однозначно ставить ей в заслугу все случаи расцвета принципа самосохранения нации.

Вероятно, при одной форме правления достаточно бывает и того, чтобы люди дорожили своей независимостью и были готовы противостоять узурпации и не допускать унижения собственного достоинства. При другой форме правления достаточно, чтобы они дорожили своим положением с присущими ему знаками отличия и, вместо радения за общество, бдительно и ревностно относились бы к сохранению своих прав. Когда немалое число людей характеризуется определенной возвышенностью и силой духа, они способны ограждать друг друга от ошибок и выказывать дееспособность в самых разных ситуациях из числа тех, что уготовливают для своих членов различные структуры правительств; при наличии же неблагоприятных условий, коими является ослабление духа нации, последняя оказывается в ненадежной ситуации — независимо от того, какова направленность ее развития и как велика степень ее осведомленности; и никакое разрастание государства не способно при этом обеспечить ему политическое благополучие.

В государствах, где собственность, положение и удовольствия выставляются в качестве соблазнов для воображения и стимулов к действию, общество поддерживает свою политическую жизнь благодаря опре-

деленному распространению соперничества и ревности, заставляющих партии противостоять друг другу и заниматься взаимным сдерживанием. Живущее в душе гражданина стремление выделиться, а также получить прибыль представляют собой мотивы, по которым он принимает участие в делах общества и которыми руководствуется в своем политическом поведении. Поэтому падение накала таких страстей, как честолюбие фракционная вражда и общественная зависть, является в подобных ситуациях не шагом к обновлению, а симптомом ослабления и прелюдией к появлению более низменных занятий и более разрушительных развлечений.

В преддверье подобной революции манеры высшие слои любого общества с монархическим или смешанным типом правления ощущают нужду в том, чтобы позаботиться о себе самих. В низших же слоях общества деловые люди и люди, занятые промыслом, не меняют своих занятий: гарантией их безопасности служит наличие общественной потребности в их профессии, которая обеспечивает им спокойное и умеренно безбедное существование. Что же до высших сословий, то стоит им отказаться от занимаемого положения, утратить то мужество, ту возвышенность помыслов, а также те таланты, которые они употребляли для защиты общества и управления им, как они оказываются поистине отбросами того самого общества, украшением которого они некогда являлись; из наиболее уважаемых и счастливых членов общества они превращаются в самых несчастных и растленных его членов. Приближаясь к подобному состоянию, в условиях отсутствия какого-либо иного достойного мужчин занятия, они чувствуют необъяснимую неудовлетворенность и апатию: они изнывают среди призрачных наслаждений, либо же выказывают своенравной пестротой своих пристрастий и увеселений некое раздражение, которое, подобно лихорадочному поведению больного, свидетельствует не об удовольствии, а о боли и страдании. Один предается заботе о своих домах, экипажах и столе, другой — литературным развлечениям или какому-нибудь фривольному занятию.

Сельские игры и забавы, городские увеселения¹, ломберный стол, собаки, лошади, вина, — все это служит заполнением опустошенной и беспутной жизни. О видах человеческой деятельности они говорят так, как если бы главная жизненная сложность состояла в том, чтобы чем-нибудь себя занять; они цепляются за какое-нибудь фривольное времяпрепровождение так, как если бы достойных занятий вовсе не существовало; то, что составляет благо для братьев, воспринимается ими как нечто, неподходящее для них самих; они уклоняются от любого дела, к которому требуется прилагать усилия и свершением которого они принесли бы пользу своей стране. Жалея бедных, мы просто не понимаем того, что богатые куда больше них достойны жалости — ведь они первыми становятся жертвами той ужасающей безвестности, в которую так легко скатываются члены всякого падшего государства благодаря своим слабостям и порокам.

Именно в подобной ситуации изобретают сластолюбцы все те ухищрения для получения удовольствий и пытаются возбудить те уже пресыщенные аппетиты, которые ведут к усугублению испорченности, свойственной эпохе распутства. Результаты господства грубых аппетитов и простого разврата являются, пожалуй, более вопиющими в первобытную эпоху, нежели в последующие времена коммерции и роскоши; но эта постоянная привычка искать плотских наслаждений там, где их не может быть, — в удовлетворении уже пресыщенного вожделения, а также в отголосках животных потребностей — не более губительна для добродетелей души, чем для способности наслаждаться бездельем и удовольствиями; она несет с собой не только уклонение от общественных дел и очевидную прелюдию к упадку нации, но и, в не меньшей степени, крушение наших надежд на личное счастье.

¹ Подобные разнообразные занятия отличаются друг от друга как по своему достоинству, так и по степени невинности; однако, ни одно из них не являет собой школы, учащей переносить превратности национальной судьбы; все они суть уклонения от главной заботы человека — блага человечества.

Целью данных размышлений было не установление некоего точного размера, которого достигает испорченность у наций, достигших выдающегося положения, либо охваченных упадком, а описание той распушенности духа, той душевной слабости, того состояния оглупления нации, наиболее вероятным исходом которого является политическое рабство; последнее есть зло, которое предстоит обозначить нам в ходе дальнейшего рассмотрения как своего рода окончательное предостережение, как предмет, заключающий наше исследование темы гибели наций и их судеб.

Раздел V

О КОРРУПЦИИ, ПОСКОЛЬКУ ОНА ВЕДЕТ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ РАБСТВУ

Свобода есть в некотором смысле удел исключительно просвещенной нации. Дикарь обладает личной свободой постольку, поскольку ведет ничем не ограниченную жизнь и выступает как равный среди своих соплеменников. Варвар часто бывает независим вследствие изменяющихся обстоятельств или благодаря тому, что обладает мужеством и мечом. Но обеспечить надежные позиции справедливости, создать в государстве силу, готовую в любом случае защищать права своих граждан, способна лишь правильная политика.

Обнаружилось, что всегда — за исключением единичных случаев — развитие коммерческих и политических профессий шло рука об руку. Они так переплелись в современной Европе, что мы не в состоянии определить, какое из них явилось исторически предшественником и какое больше выгадало от этого взаимодействия и взаимовлияния. Замечено, что у некоторых наций коммерческий дух, нацеленный на получение прибыли, проложил путь к политической мудрости. Народ, обладающий богатством и страшющийся утраты своей собственности, разработал планы освобождения и, благодаря обретенному влиянию, пошел в своих притязаниях еще дальше, поставив под сомнение прерогативы, которыми пользовался его суверен. Однако, напрасно ожидать, что в данную эпоху обладание богатством принесет те же плоды, что и в предыдущую. В недавнем прошлом создание огромных состояний, сочетавшееся с экономией и чувством независимости, делало их обладателей уверенными в собственных силах, готовыми презреть угрозу угнетения. Кошелек, если его открывают не для личных рас-

ходов, не для того чтобы предаваться тщеславию, а ради защиты интересов своей партии, для удовлетворения высших ее чаяний, превращает богатого гражданина в грозную силу по отношению к тем, кто имеет претензии на обладание властью. Но из этого не следует, что во времена развращенности общества равная или булышная власть будет действовать с тем же эффектом.

И наоборот, когда власть сосредоточена исключительно в руках скупца, утекая из рук транжиры; когда наследники семейства оказываются в стесненных обстоятельствах и в нищете, окруженные благоденствием других семей; когда страсть к роскоши заглушает даже партийную и сословную солидарность; когда надежда получить награду за послушание и страх утраты свободного владения заставляет людей пребывать в состоянии тревоги и страха; короче, когда обладание состоянием, вместо того чтобы считаться орудием укрепления духа, становится идолом алчного, либо расточительного, ненасытного, либо робкого духа, то основание, на котором высилась свобода, может стать оплотом тирании; то, что некогда усиливало устремления подданных, укрепляло их веру в себя, впоследствии может вовлечь их в рабство, стать той ценой, которую платят они за собственную продажность. Даже те, кто, будучи в дееспособном возрасте, давали образцы того, как в хороших руках богатство становится носителем свободы, в период упадка способны были служить живым подтверждением афоризма Тацита: преклонение перед богатствами ведет к появлению деспотических правительств¹.

Людей, познавших вкус свободы и ощутивших собственные права, не просто убедить мириться с посягательствами на то и другое; для того чтобы заставить их подчиниться гнету, следует предварительно подготовить их к этому. Подготовкой к столь печальному превращению могут служить всевозможные формы правления, исходящие от разных людей и ведущие — хотя

¹ *Est apud illos et opibus; eoque unus imperitat, &c. Tacitus. De mor. Ger. C. 44* [О правах германцев. — Ред.].

и различными путями — к единому исходу. В условиях республики данное превращение осуществляется одним путем, в условиях монархии и смешанных форм правления — другим. Но всюду, где государство достигало действенной защиты своей безопасности, оставляя при этом без внимания необходимость беречь добродетели подданных, наиболее вероятным следствием являлась распущенность и игнорирование общества; для всевозможных просвещенных наций это обстоятельство, кажется, являло опасность, соизмеримую по своей глубине с тем покоем и процветанием, которые они так безмятежно вкушали в лучшие времена.

Свобода, говорим мы, проистекает из правления в соответствии с законами; и мы склонны рассматривать положения закона не только как решения и принципы народа, стремящегося быть свободным, не только как документ, в котором излагаются их свободы, но и как некую силу, поставленную на защиту их, как некий барьер, устранить который человеческие капризы не в состоянии.

Когда в Азии какой-нибудь паша демонстрирует намерение решать все споры в соответствии с правилами естественной справедливости, мы допускаем, что он обладает правом свободно принимать решения. Когда же европейскому судье предоставляется возможность выносить решение в соответствии с собственной интерпретацией писаных законов, является ли он в каком-либо смысле более ограниченным в своих поступках, чем азиатский паша? Обладает ли то множество слов, из которых составлены положения законов, более мощным влиянием на сознание и сердце, нежели влияние разума и естества?

Если правовые процедуры, писанные положения и другие составляющие закона утрачивают связь с тем духом, который дал им жизнь, они из ограничителя чинимого властью беззакония превращаются в прикрытие для беззакония: даже коррумпированный магистрат демонстрирует соблюдение их в случае, если они играют ему на руку; когда же законы встают на его пути, он осуждает или обходит их. А там, где за-

коны обладают реальным воздействием на сохранение свободы, их действительное влияние является не какой-то магической силой, исходящей от книжных полок, а влиянием людей, исполненных решимости быть свободными; людей, которые, изложив на бумаге условия своих взаимоотношений с государством и с согражданами, готовы со всей бдительностью и силой духа добиваться соблюдения этих условий.

Нас учат распознавать узурпацию как следствие злоупотребления исполнительной властью или ее разрастания при любой форме правления. В чистых монархиях эта власть обычно имеет наследственный характер с определенными правилами наследования. В выборных монархиях она закрепляется пожизненно. В республиках она осуществляется на протяжении ограниченного срока. Когда отдельные люди или семьи посредством выборов получают временные полномочия, амбиции власть предержажших сосредоточиваются не столько на расширении, сколько на увековечении своих полномочий. В наследственных монархиях суверенитет уже увековечен, и целью каждого честолюбивого князя является расширение своих прерогатив. Республики — а в смутные времена и все вообще формы сообществ — подвергаются опасности, и не только со стороны лиц, занимающих официальные должности, а и со стороны любого, кем движет честолюбие и за кем стоят какие-либо силы.

Ни властителю, ни судье невыгодно иметь больше власти, чем это совместимо с благом людей; быть несправедливым вообще никому невыгодно: но эти истины — слабая защита от человеческих страстей и глупостей. Те, кто обладает каким-либо влиянием, в силу неприятия ими ограничений, предрасположены к устранению оппозиции. Своим достоинством безмерно дорожит не только монарх, на голове которого красуется перешедшая к нему по наследству корона, но и судья, временно занимающий свою должность. Даже министр, обязанный своим постом сиюминутному волеизъявлению принца и являющийся по своим личным интересам его подданным, тоже грешит страстью к расширению своих полномочий и склонностью рассматривать поправление прав других людей, к числу коих

ему самому и его семье предстоит вскоре присоединиться как нечто выгодное для себя лично.

Даже имея в отношении человечества наилучшие намерения, мы склонны думать, что благосостояние людей зависит не от их собственных наклонностей или талантов, а от того, насколько послушны они тому, что предначертали мы для них ради их же блага. Соответственно, величайшей добродетелью, на какую когда-либо был способен суверен, является не стремление воспитывать свой народ в духе свободы и независимости, а само по себе редкое и в высшей степени добродетельное внимание к соблюдению справедливости в вопросах собственности, склонность защищать и оказывать одолжения, утешать тех, кто в горе, и отстаивать интересы подданных. Именно исходя из всего этого оценивал свою эпоху Тит¹, вынося суждение о том, на что она годится. Но меч, поднимаемый его милосердной рукой для того, чтобы защищать подданных и вершить скорую и действенную справедливость, оказывался также и в руках тирана, проливающего невинную кровь и попирающего права людей. Временные изъявления человеколюбия, приостанавливая гнет, не разрывали национальных связей: принц получал даже больше возможностей вершить добро, как он его понимал; ибо здесь уже не могло быть и речи о свободе и не осталось сил, способных оспаривать его указы или вмешиваться в его деяния.

Напрасно ли познакомился Антонин² с личностями Тразеи, Гельвидия, Катона, Диона и Брута?³ На-

¹ Тит Флавий Веспасиан (39—81 по Р.Х.) — римский император. По отзыву историков «любовь и утешение рода человеческого». — *Ред.*

² Марк Аврелий. — *Ред.*

³ Тразея Клодий Тразея Пэт — сенатор, глава «стоической» оппозиции при Нероне. Покончил с собой в 66 г.; Гельвидий Приск (Старший) — зять Тразеи Пэта казнен в 73/74 г. Веспасианом; Катон Младший Утический Порций Марк — великий республиканец, противник Цезаря (95—46 до Р.Х.); Дион Хризостом (40—120) — бродячий философ кинико-стоического толка; Брут Марк Юний (85—42) — убежденный стоик. Участник заговора против Цезаря. После поражения у Филипп покончил с собой. — *Ред.*

прасно ли стремился он уразуметь форму свободного сообщества, создаваемого на основе равенства и справедливости, или монархии, при которой свободы подданных считались бы наиболее священным объектом управления?¹ Ошибался ли он в выборе средств обеспечения человечеству того, что сам называл благодатью? Или же та абсолютная власть, которой он был наделен в могучей империи, лишь мешала ему претворить в жизнь благо нации, как он его понимал? Если так, то не стоило льстить монарху или его народу. Первый не может насаждать свободу, не возбуждая настроений, способных при случае составить оппозицию его же замыслам; второй же не принимает его благодати, хотя и признает за монархом право давать или отбирать ее. Притязания на справедливость тверды и не допускают возражений. Мы принимаем одолжение с чувством признательности и доброты; но мы не можем осуществить своих прав, и дух свободы не может в этом действе принять форму мольбы или благодарности, не выдав себя. «Ты умолял Октавия пощадить тех, кто стоит во главе граждан Рима, — говорит Брут Цицерону. — Но что если он не захочет? Должны ли мы погибнуть? Да лучше погибнуть, чем быть обязанным ему своей безопасностью».

Свобода есть право, которое каждый человек должен быть готов отстаивать для самого себя; каждый же, кто желает даровать ее другим как некую милость, тем самым в действительности отрицает ее. Сохранение свободы нельзя доверить даже политическим учреждениям, хотя они и кажутся независимыми от воли и решений людей; они способны питать тот дух твердости и решительности, которым полнится свободный дух, готовый в любой момент противостоять унижению и выступать гарантом собственной безопасности, — но ставить себя над ним они не в праве.

Поэтому окажись какой-либо народ в положении податливой глины в руках суверена, который, подобно гончару, будет лепить из этого раболепного народа

¹ *M. Antoninus, lib. 1.* — Марк Антоний. Кн. 1.

образ свободной нации, данное намерение явится самым трудновыполнимым из всех его планов, осуществлять который ему придется молчаливо и с величайшей осторожностью. Ибо принять эту милость люди способны будут лишь в той мере, в какой они будут готовы взять на себя лично бремя правления и национальной обороны; а также в той мере, в какой пожелают предпочесть обязанности свободного духа удовольствиям праздности и иллюзорным надеждам обрести безопасность ценой покорности и страха.

Я готов выражать всяческое почтение и даже — буде мне дозволено так сказать — рад потворствовать людям, облаченным высокими полномочиями в масштабе общенародной политической системы. В том, что государства оказываются в порабощении, по правде говоря, редко когда бывает их вина. Чего еще нам ожидать от них, как не способности воодушевляться желаниями людей настолько, чтобы отринуть от себя все разочарования и замешательства и страстно идти к достижению поставленных целей, ломая на своем пути все преграды, уничтожая все препоны? Если миллионы уступают воле одного человека, если бездействует сенат, как будто в нем нет никого, кто обладал бы собственным независимым суждением; кому припишем мы слабость обороны, кого станем винить в капитуляции — подданных, покинувших доверенную им позицию, или же суверена — единственного, кто сохранил верность себе; того, кто должен будет продолжать ничем не ограниченное правление, когда его родичи и подчиненные перестанут подвергать сомнению его полномочия?

Хорошо известно, что конституции, составленные с целью сохранения свободы, должны включать в себя множество разделов, и что сенаты, народные собрания, суды, магистраты различных уровней должны взаимно уравновешиваться в ходе осуществления, сохранения и контроля над исполнительной властью. При выпадении одной из частей вся система даст сбой, если не вовсе распадется; стоит сплеховать одно-

му из членов — и другие непременно начнут посягать на его место. В собраниях, состоящих из людей с различными талантами, привычками и воззрениями, потребны были сверхчеловеческие усилия для достижения согласия по всем существенным вопросам; при всем разномое взглядов и мнений только желание единства могло остановить споры: таким образом, сам факт восхваления нами единодушия может рассматриваться как угроза свободе. Мы стремимся к единодушию с риском получить вместо него апатию людей, ставших безразличными к делам общественной значимости, продажность тех, кто продал права своей страны, или раболепие беспрекословно повинующихся людей, коих сами души находятся в зависимости у вождей. Любовь к обществу, уважение к его законам — вот вопросы, по которым люди вынуждены прийти к согласию; но если в спорных вопросах начнет неизменно преобладать точка зрения одного лишь человека или партии, уже это будет предательством дела свободы.

Тот, кому на долю выпадет управление инертным или смиренным народом, будет непрестанно расширять свою власть над ним. Каждый новый закон, каждая мера, предпринимаемая государством, каждая гражданская или военная операция, требующая от него применения власти, будет укреплять его авторитет и выставлять его в глазах общественности единственной значимой фигурой, объектом страха и уважения. Те же учреждения, что задумывались в одну эпоху для ограничения и управления исполнительной властью, в другую могут сыграть роль фундамента, обеспечивающего ее стабильность; они, не унижая ее и не вызывая у нее беспокойства, будут указывать возможные направления ее развития, а институты, созданные с целью пресечения посягательств с ее стороны, во времена распада станут ее подручными в чинимой ею узурпации.

Зачастую жажда независимости и любовь к владычеству проистекают из одного о того же источника: и там, и там налицо отвращение к контролю извне; тот,

кто при одних обстоятельствах не может смириться с наличием господина над собой, в других не потерпит положения равного среди равных.

Тем, чем является принц в условиях абсолютной или ограниченной монархии, станет, благодаря конституции своей страны, лидер фракции в условиях республиканского правления. И если он достигнет этого завидного положения, собственные его склонности, либо естественный ход вещей откроют перед ним карьеру, исполненную королевских амбиций: между тем обстоятельства, в которых ему суждено будет действовать, весьма отличны от королевских. Ему надлежит встречаться с людьми, не привыкшими к неравенству; и он вынужден будет в целях собственной безопасности постоянно держать свое оружие расчехленным. В надежде обрести безопасность он захочет обеспечивать справедливость; но с первого момента совершенной им узурпации он будет непрестанно вынуждаем пользоваться властью деспотически. Наследнику короны не приходится сохранять столь напряженные отношения со своими подданными: у него привилегированное положение; и нужно обладать очень черствой душой чтобы не проникнуться расположением к народу, являющемуся одновременно его почитателем, его опорой и украшением его царствования. Он может и не ощущать желания попираť права своих подданных; но в связи с этим институты, предназначенные для сохранения их свободы, не всегда надежны в его руках.

Рабство пало на человечество как шалость уязвленного честолюбия, жестокости тирании совершались в темные часы разгула ревности и ужаса. Вместе с тем, породить и увековечить произвол можно и без помощи этих демонов. Несмотря на то, что не было политики более успешной, нежели политика римской республики, направленная на поддержание мощи народа, и подданные и принцы этой республики нередко представляли себе свободу в виде пут, которыми по рукам и ногам сковано правительство: они полагали что для быстрого и тайного функционирования общественных органов управления, для поддержания того,

что они называли *общественным порядком*¹ и для скорого улаживания недовольств больше всего подходит деспотическое правление. Иногда они даже признают, что в случае если преемственность в правлении осуществляется добрыми принципами, деспотическое правление являлось наилучшим способом осуществления счастья людей. рассуждая таким образом, они не могут винить суверена, который, будучи уверен, что направляет свои усилия на благие цели, пытается расширить собственные полномочия и, согласно своим представлениям, желает лишь освободиться от препятствий, стоящих на пути разума и мешающих осуществлению его дружественных намерений.

Подготовив себя подобным образом к узурпации, позвольте ему, стоящему во главе свободного государства, использовать власть, которой он обличен, для подавления ростков смуты, проявляющихся во всех уголках его владений; позвольте ему на деле обуздать дух раздоров и разногласий в народе; позвольте ему устранить препятствия к правлению, возникающие из-за непокорности и эгоизма подданных; позвольте ему сплотить силы государства для оказания отпора его врагам, предоставив в его распоряжение все ресурсы, получаемые от налогообложения и личного служения граждан: вероятнее всего, что даже думая о благе людей, он пробьется через все преграды, выставляемые на его пути свободой, и установит деспотию, не

¹ *Наше представление о порядке в гражданском обществе зачастую является ложным, будучи сформировано по аналогии с неодушевленными, мертвыми предметами; возбуждение и деятельность мы рассматриваем как нечто, противоречащее его природе; мы считаем его совместимым лишь с послушанием, секретностью и молчаливым прохождением дел через руки небольшого числа людей. Порядок камней внутри стены предполагает надежное закрепление каждого камня на своем месте; обрести камни подвижность — и все здание рухнет; между тем, надлежащий порядок в обществе означает нахождение каждого человека на том месте, на котором он способен оптимальным образом действовать. В первом случае речь идет о предмете, состоящем из мертвых, неодушевленных частей; во втором — о целом, составленном из живых и деятельных членов. Стремясь установить в обществе порядок бездействия и спокойствия, мы забываем о природе данного предмета — в результате мы имеем порядок для рабов, а не для свободных людей.*

переставая при этом тешить себя мыслью, что подчиняется лишь здравому смыслу и целесообразности.

Когда мы полагаем, что правительство должно насаждать определенное спокойствие (чего мы больше всего и ждем от него) и добиваться того, чтобы ряд ветвей законодательной и исполнительной власти как можно меньше вмешивался в коммерцию и предпринимательство, то такого рода государство — подобное ему имело место в Китае — разнеся все дела по учреждениям, чья роль сводилась к мелочной опеке и соблюдению формальностей (способных подавить все усилия великого и свободного духа), — такое государство куда ближе к деспотии, чем бы можем себе представить.

Вопрос о том, исчерпываются ли издержки деспотического правления такими пороками, как угнетение, несправедливость и жестокость, является предметом особого рассмотрения. Пока же достаточно отметить, что ничто не представляет такой угрозы для свободы, как попытка измерять счастье нации милостью принца, либо спокойствием, достигнутым путем правильного управления. Суверен может быть в высшей степени героической личностью; он может позволить своим подданным вкушать всевозможные плотские удобства и наслаждения: но выгоды, вытекающие из обладания свободой, совсем иного рода. Они являются не плодами добродетели или доброты, живущими в сердце одного человека, а самой передачей добродетели многим людям и таким распределением функций в гражданском обществе, при котором многие получают возможность заниматься тем, что наиболее соответствует их природе.

Наилучшие системы правления сопряжены с неудобствами, а осуществление свободы во многих случаях вызывает жалобы. Если мы намерены исправлять злоупотребления, то вопрос злоупотреблений свободой может заставить нас посягнуть на сам объект, из которого, как предполагается, оно вытекает. Деспотизм обладает здесь некоторыми преимуществами или, по крайней мере, во времена покоя и умеренности, он может вести себя настолько пристойно, что не произведет возмущения в обществе. Данные обстоятельства спо-

собны заставить людей — действуя в духе реформаторства, либо по простой невнимательности — произвести или допустить опасные инновации в своей политике.

Однако, рабство не всегда вводится по ошибке; иногда к нему ведет дух насилия и грабежа. Правители могут быть не менее развращенными, чем их народ; и каково бы ни было происхождение деспотического стиля правления, его притязания, будучи полностью разъяснены, порождают соперничество между суверенном и его подданными, разрешить которое можно лишь с помощью силы. В этих притязаниях есть некоторая опасность для личности, собственности или жизни каждого подданного; они возбуждают все страсти человеческой души; они беспокоят ленивых; они лишают корыстолюбцев взимаемых ими денег; они объявляют войну как развращенным, так и добродетельным людям; смиренно принимают их лишь трусы — но и им подобные притязания можно навязать лишь силой, запугав их. Эту силу завоеватель привлекает из-за границы, а внутренний узурпатор — дома, в своей фракции.

Когда народ привык братья за оружие, части его бывает трудно подчиниться целому; иначе говоря, до организации регулярных армий узурпатору трудно было управляться со многими с помощью немногих. Однако, политика цивилизованных коммерческих наций порой устраняет эти трудности; и порождая различие между гражданскими и военными профессиями, вверяя задачу осуществления свобод и пользования ими разным лицам, она — в отличие от простых политических форм и человеческих прав — готовит почву для опасного союза фракций с военными.

Народ, разоруженный в соответствии с этим фатальным улучшением, доверил свою безопасность обещаниям разума и справедливости перед судом амбиции и силы. В столь крайней ситуации тщетными становятся взывания к закону и заседания сената. Те, кто занимается законотворчеством или занимают гражданские государственные должности, могут поразмыслить над теми сообщениями, которые они получают с поля боя или из суда; но если бы знаменосец, подобно центуриону, принесшему петицию Октавия в римский сенат,

показал рукоятку своего меча¹, они поняли бы, что прошения превратились в приказы и что сами они стали марионетками, а не представителями суверенной власти.

Размышления данного раздела могут быть не в одинаковой степени применимы к нациям различной величины. Мелкие сообщества, сколь бы разложившимися они ни были, не подходят для деспотического правления: члены их, будучи сплочены между собой и имея близкие отношения с властью, никогда не забывают о своей связи с обществом; привыкшие к фамильярности и свободе, они пристально присматриваются к притязаниям тех, кто стремится к власти; и там, где не срабатывают любовь к равенству и чувство справедливости, они используют такие мотивы, как борьба фракций, соперничество и зависть. Изгнанный Тарквиний имел сторонников в Риме; но если бы с их помощью ему удалось восстановить свое положение, то, вероятно, осуществляя свои царские полномочия, он непременно вступил бы в конфликт с той самой партией, что вернула его к власти.

Чем обширней территория, тем слабее роль частей относительно целого. Население этих частей утрачивает ощущение связи с государством и редко когда объединяются для выполнения общенациональных или даже фракционных планов. Удаленность от власти и равнодушие к лицам, борющимся за привилегированное положение, учит большинство считать себя подданными суверена, а не членами политического организма. Это даже удивительно, что увеличение территории, делая индивида менее заметным для общества, уменьшая долю его участия в общественных делах, фактически превращает общенародные интересы в удел более узкого круга людей и сокращает число тех людей, с кем советуются законодатели или правители.

Нарушения, имеющие место в огромной империи, требуют быстрого предотвращения, бдительности и скорого исполнения. Отдаленные провинции должны держаться в подчинении при помощи военной силы; и

¹ *Sueton.* [Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Кн. 2. Божественный Август. — *Ред.*].

диктаторские полномочия, порой появляющиеся в рамках свободных государств с целью подавления мятежей или противодействия эпизодическим невзгодам, при определенном уровне господства являются неизменно необходимыми для приостановки распада целого, части которого собраны воедино и должны быть цементированы насильственными, решительными и тайными мерами. Поэтому среди обстоятельств, приводящих — в ситуации национального процветания и в результате коммерческой деятельности — к установлению деспотий, нет пожалуй ни одного, которое так же верно приводило к названному состоянию, как постоянное расширение территории. Свобода граждан любого государства зависит от уравновешенности и согласованности его внутренних частей; а существование любых свобод в обществе зависит от соотношения наций. В ходе завоеваний покоренные народы считаются утратившими свободу; но история человечества свидетельствует о том, что покорять и быть покоренным, с точки зрения последствий, суть одно и то же.

Раздел VI

О РАЗВИТИИ И ПРЕДЕЛАХ ДЕСПОТИЗМА

Человечество, всякий раз когда его охватывает процесс вырождения, упадка, а также и в периоды прогрессирующего развития, достижения преимуществ, часто снижает темпы развития до медленных, едва заметных шажков. Если, в столетия бурной деятельности, люди достигают такого величия, о котором и не помышляла вся человеческая мудрость, то в периоды слабости и бездеятельности они навлекают на себя столько зол, что не снилось им и в страшном сне — подобное представлялось им совершенно невозможным на фоне недавних успехов и процветания.

Мы уже отмечали, что там, где люди грешат нерадивостью или испорченностью, добродетельность их вождей или благие намерения магистрата не всегда способны сохранить за ними политическую свободу. Безоговорочность подчинения любому лидеру или бесконтрольное осуществление любых полномочий, даже если все это направлено на благо человечества, нередко заканчивается подрывом институтов права. Данная роковая революция, какими бы средствами она ни осуществлялась, оканчивается правлением военных; последнее, несмотря на то, что является простейшим из всех видов правления, постепенно получает свое окончательное оформление. На первой стадии осуществления такого правления над людьми, выступавших ранее в качестве членов свободного сообщества, оно может лишь заложить основы, не насаждая всех составляющих деспотической политики. Узурпатор, с помощью армии получивший во владение центральную часть великой империи, возможно, видит вокруг себя разрозненные остатки того, что некогда было конституцией, слышит ропот людей, подчиняющихся ему лениво и с неохотой; возможно, он даже ощущает опасность, ис-

ходящую от тех, из чьих рук он выбил меч, но чьи сердца не покорились ему и не смирились с его властью.

Сохраняющееся в определенных слоях общества представление о своих правах, равно как и претензии на привилегии и почести, являют собой серьезные препятствия на пути узурпации. Если они не исчезают со временем сами собой и не теряют силу по мере усугубления развращенности общества, их приходится искоренять силой; так что каждый новый шаг в деле завоевания власти оставляет за собой кровавые следы. Результаты же, даже в подобном случае, приходят с некоторым запозданием. Дух Рима, как нам известно, не смогла полностью истребить ни череда властителей, ни многократные кровопролития и отравления. Благородные и респектабельные семьи продолжали желать возвращения себе изначальных почестей: и в уединении души их не уставали искать отраду в изучении истории республики, в писаниях былых времен, созерцании памятников знаменитых людей и обращениях к урокам философии, проникнутых героическими представлениями; все это порождало на свет тех выдающихся личностей, чья возвышенность и сама судьба которых составляет, пожалуй, самую волнующую тему человеческой истории. Будучи не в силах противостоять общей склонности к раболепию, они, благодаря своим личным особенностям, стали объектами недоверия и антипатии; и цену чувств, молчаливо вынашиваемых в их груди, им пришлось заплатить кровью.

Чем руководствуется суверен при выборе мер по утверждению собственного правления при нарастающей угрозе деспотизма? Он руководствуется ошибочными представлениями о собственном благе, а иногда также и о благе своего народа; кроме того, он руководствуется желанием устранять — по мере их появления — препятствия, стоящие на пути его воли. Коль скоро он принял решение, всякий, кто выступает против него, становится его врагом; если он вынашивает возвышенные замыслы, то всякий, кто претендует на высокое положение и намерен действовать самостоятельно, является его соперником. Он не оставляет государству никакого достоинства, кроме того, которым

обладает сам, никакой действительной силы, кроме той, что несет на себе отпечаток его мимолетного удовольствия. Руководствуясь впечатлениями, обладающими безошибочностью инстинкта, он никогда не ошибается в выборе объектов своих симпатий и антипатий. Дух независимости отталкивает его, дух раболепия привлекает. Его правление нацелено на подавление всякого неукротенного духа и на средоточение в своих руках всех руководящих функций¹. Если власть верна себе до конца, она так же хорошо функционирует в руках тех, кто не сознает подобного исхода, как и тех, кто вполне способен его предвидеть: полномочия как тех, так и других не обсуждаются — если они подлинные; если же это ложные или полученные по недоразумению полномочия, они сохраняются силой.

«Ты должен умереть, — таков был ответ Октавия на прошение каждого из людей, просящих его о помиловании. Такой же приговор выносили некоторые из его последователей против любого из граждан, отличающихся благородным происхождением или выдающимися добродетелями. Но исчерпываются ли пороки деспотии той жестокостью и кровожадностью, с какой она устанавливала или поддерживала господство над неподатливыми и беспокойными людьми? И является ли смерть величайшим из бед, грозящих людям в условиях несправедливости? Конечно, им часто удавалось выжить, но души их заполняло недоверие и ревность, чувство собственного ничтожества и беспокойство, порождаемые различными ничтожными заботами; каждый гражданин превращался в раба, исчезает все то, что ранее сплачивало членов общества. Остается лишь одна-единственная гражданская обязанность — послушание, но и его приходится добиваться силой. Если при таком установлении неизбежны станут зрелища, полные унижения и ужаса, и каж-

¹ Смешно слышать жалобы людей с неудовлетворенным самолюбием, желающих быть главными действующими лицами в любых событиях, на несговорчивость людей, можно подумать что не то же самое чувство, что толкает их на узурпацию всех ролей, заставляет других людей рассуждать и действовать в собственных интересах.

дый очевидец может и сам оказаться участником таких сцен, то смерть становится избавлением от мук; и то возлияние из вен, к которому принудили Тразею, может считаться достойной жертвой во славу Юпитера Освободителя¹.

Угнетение и жестокость не всегда присущи деспотическому правлению; но и там, где они есть, они составляют лишь часть зла. Такое правление зиждется на испорченности и попрании всех гражданских и политических добродетелей; оно заставляет своих подданных действовать исходя из чувства страха; оно потворствует страстям немногих за счет многих и устанавливает мир в обществе на руинах свободы и доверия, которые одни способны обеспечить дееспособность, силу и возвышенность человеческого духа.

В условиях действия свободной конституции, при которой каждый индивид занимает определенное положение, пользуется определенными привилегиями и имеет представление о своих личных правах, члены сообщества являются друг для друга объектами внимания и уважения; решение проблем гражданского общества предполагает не только использование власти, но и талантов, мудрости, силы убеждения. Но при деспотическом правлении высшая доблесть состоит в том, чтобы править исключительно посредством приказов, отвергая все способы, кроме принудительных. Поэтому вследствие этой политики постепенно становятся невостребованными способности человека к пониманию и чувствованию, равно как и его воображение; и так же гладко и постепенно, как происходило ранее

¹ *Porrectisque utriusque brachii venis, postquam cruorem effudit, humum super spargens, proprius vocato Quaestore, Libemus, inquit, Jovi Liberatori. Specta juvenisq̄ et omen quidem Dii prohibeantq̄ ceterum in ea tempora natus es, quibus, firmare animum deceat constantibus exemplis. Tacit. Ann. lib. 16.* — Тацит. Анналы. Кн. 16.35. Он протягивает обе руки, чтобы ему надрезали вены, и когда из них хлынула кровь, окропив ею пол, и подозвав к себе квестора [Изыскатель. Казначей. — *Ред.*], говорит: «Мы совершаем возлияние Юпитеру Освободителю; смотри и запомни юноша. Да сохраняют тебя боги, но ты родился в такую пору, когда полезно закалять дух примерами стойкости» [Тацит. Соч. в двух томах. Т. 1. Л., 1969. С. 326. — *Ред.*].

накопление достижений человечества, действовавшего в обществе на принципах свободы, происходит вырождение его под влиянием вышеописанных злоключений.

Когда мы слышим рассказы о том, какая тишина стоит в серале, создается впечатление, что там просто отсутствует потребность в речевом общении: для выполнения приказаний правителей достаточно и тех знаков, которыми пользуются немые. Никаких умений не требуется для сохранения власти там, где силе противостоит лишь страх, где полномочия суверена целиком делегируются любому подчиненному ему чиновнику; никакое занимаемое положение не обеспечивает свободомыслия в обстановке молчания и подавленности, когда сердца наполнены ревностью и опаской и ничто, кроме плотских удовольствий, не может ослабить страданий ни самого суверена, ни его подданных.

В других государствах совершенствование способностей людей иногда бывает связано с принадлежностью его к высшим слоям общества. Но в рассматриваемом случае мы имеем дело с положением, когда сам владыка является едва ли не самым грубым и некультурным представителем общества; он ниже того раба, которого сам он возвысил из его жалкого состояния до звания своего доверенного лица. Первобытная простота, лежащая в основе уз дружбы и близости, связующих суверена с пастырем его стада¹, кажется повторенной в ситуации, исключающей всяческие привязанности; точнее, здесь мы имеем дело с имитацией этой простоты в условиях невежества и грубости, в равной мере присущих всем слоям общества, а точнее, стирающих различия в положении и личных качествах людей вследствие деспотического правления.

Правление государя построено на капризе и страсти. В том же духе должен действовать и каждый, кому тот делегирует полномочия, отвечая ударом на провокацию и одолжением на доставленное удовольствие. Во всем, что касается доходов, права или полиции,

¹ См.: «Одиссею». Имеются в виду отношения Одиссея, царя Итаки и пастуха Эвмея, «свинопаса божественного» (См.: Песнь XVI).

каждый провинциальный правитель действует как вождь в тылу врага: является вооруженный такими средствами устрашения, как огонь и меч, и вместе того чтобы собирать налоги назначает принудительные контрибуции; он готов и разорить, и пощадить — смотря по тому, что ему будет выгодно в данный момент. Конечно, когда до ушей суверена доходят стоны угнетенных или слава о богатствах, накопленных за счет данной местности, стяжатель обычно наказывается за лихоимство, лишаясь части или всего награбленного; но потерпевшим ущерб не возмещается — отнюдь: преступления наместника используются как предлог для ограбления народа и наказания его наполнением казны суверена.

Примечательно, что в данной обстановке полного забвения принципов справедливого правления и национальной политики даже ремесло солдата переживает упадок. Невежество и бездарность принцепса компенсируются его недоверчивостью и ревностью. И то, и другое в совокупности подрывает то основание, на котором зиждется его власть. Армией начинают называть любую вооруженную толпу, а ослабленный, разрозненный и невооруженный народ становится жертвой беспорядка в армии или обрекается на гибель перед лицом неприятеля, влекомого к границам деспотии желанием наживы или завоеваний.

Римляне расширяли свою империю до тех пор, пока не осталось не завоеванных ими просвещенных наций, и натолкнулись на границу, за которой их со всех сторон окружали свирепые варварские племена; они даже прошли через дикую пустыню с целью отдалить от себя столь беспокойных соседей и с создать коридоры, с помощью которых они могли грозить бы им нападением. Но данная политика оказалась последней каплей внутреннего распада государства. нескольких спокойных лет оказалось достаточно для того, чтобы даже правительство забыло об опасности, оставив культурную провинцию в виде легкой добычи и соблазнительного подарка врагу.

Когда покорением и аннексией всех богатых и культурных провинций завершается формирование империи, весь народ начинает распадаться всего лишь на

две категории: людей мирных и богатых, живущих в границах империи, и людей бедных, свирепых, грабительно настроенных, привыкших к набегам и войнам. Между первыми и вторыми царят отношения овец и волков; естественно, они враждебно настроены в отношении друг друга.

Между тем, получи деспотическая империя возможность — в отсутствие внешней угрозы — безмятежно продолжать существовать в течение неопределенного времени, то до тех пор пока не была бы устранена лежащая в ее основании испорченность, государство это не подавало бы признаков зарождения новой жизни, воскрешения свободы и политической деятельности. Семена, *посеянные владыкой-деспотом, не прорастут, пока не иссохнут*; они должны чахнуть и терять силу под тяжестью собственной порочности — до тех пор, пока не воспрянет дух человеческий, пока не принесет он плодов, составляющих честь и счастье человеческой природы. Конечно, и во времена величайших унижений не все замирает вокруг; но сохраняющиеся движения духа ничем не напоминают его проявления у свободных людей: они являют собой либо агонию естества, раздавленного человеческими страданиями, либо приступы смятения, охватывающие вооруженных слуг принца, которые устройством заговоров, покушений и убийств лишь повергают мирного жителя в еще больший ужас и отчаяние. Люди, разбросанные по отдаленным провинциям, безоружные, не знакомые с благородными чувствами единения и сплоченности, ослабленные условиями разрухи и влачащие жалкое существование на тех крохах, которые остаются после правительственных вымогательств, — эти люди не способны, в данных обстоятельствах, ни выработать духа единства, ни осуществить свободного объединения с целью организации самообороны. Пострадавший волен жаловаться — и, не получая милостей от правительства, он вправе взывать к состраданию сограждан. Но сограждане рады и тому, что самих их миновала печальная участь жалующегося: каждый заботится о себе самом, стремясь урвать доступную ему долю удовольствий, ловя рыбу в мутной воде неопределенности и скрытности.

Коммерческие профессии, не нуждающиеся в ином основании, кроме человеческого эгоизма, и не требующие иных стимулов, кроме надежды нажить и сохранять в неприкосновенности свою собственность, в зыбких условиях рабства (при которых богатым быть опасно) оказываются обреченными на исчезновение. Между тем, нищета народа и подавление коммерции являются пагубными для него самого аспектами деспотизма. Там, где более не остается ни прибылей, способных оказывать развращающее воздействие, ни страхов, способных умерять вожделения, чары господства оказываются подорванными, и опомнившийся от них нагой раб с изумлением обнаруживает, что свободен. При сломанном заборе перед стадом открывается безбрежный простор, и оно вырывается на волю. Культурное пастбище не влечет его, если есть доступ к пустынным равнинам. Страдалец охотно устремляется туда, где не может достать его алчная длань правительства; туда, где даже смиренные и раболепные способны вспомнить о том, что они — люди; где грозящий тиран есть лишь один из соплеменников, который ничего не может отнять у тебя — разве что жизнь, да и ту с риском утраты своей собственной.

Подтверждая сказанное, боязнь тирании отбила у жителей многих стран Востока тягу к оседлости. Жители деревень оставляют насиженные места и пускаются в странствия; население долин бежит в горы и, однажды став легкими на подъем, промышляют разбоем и войной с бывшими властителями.

Подобные беспорядки, вкупе с правительственным произволом, подрывают безопасность остальных поселений; но по мере усугубления подступающей со всех сторон разрухи люди вновь оказываются вынуждаемы искать объединения, вновь становятся сильными и уверенными в себе личностями, способными существовать в качестве членов общества и браться за оружие, что в давние времена превращало крошечное племя в зародыш великой нации. Благодаря всему этому освобожденный раб может вновь стать гражданином и взяться за развитие коммерции. Достигнув крайней стадии развращенности, человеческая природа вступает на путь возрождения.

Вот так происходит частая смена картин человеческой жизни. Чувство безопасности и самонадеянность людей не дают им воспользоваться плодами процветания; с другой стороны, решительное и праведное поведение противостоят превратностям судьбы; люди, оказавшись в положении, когда им не на что надеяться, кроме как на собственные добродетели, обретают способность добиваться любых преимуществ; когда же они более всего склонны полагаться на судьбу, та чаще всего поворачивается к ним своей оборотной стороной. В подобном ходе вещей мы склонны усматривать закономерность: утрачивая желание защищать интересы своей страны, мы прячем собственные слабость и безрассудство за ссылками на роковые стечения обстоятельств.

Человеческие установления действительно имеют начало и конец — но долговечность их не есть нечто предначертанное¹. Внутренний распад наций всегда происходит не иначе как в силу порочности ее членов. Порой мы охотно признаем этот грех за своими соплеменниками; но кто и когда был готов признать его за самим собой? Похоже, однако, что мы куда как склонны признаваться в этом грехе самим себе всякий раз, когда перестаем бороться с его последствиями и начинаем взывать к судьбе, — тогда как в глубине души каждый из нас понимает, что сам является ее вершителем. Люди способные, обладающие истинной силой духа и ценящие свое достоинство, не теряются в любой ситуации; они способны всюду проявить себя надлежащим образом; они — истинные орудия провидения, направленного на благо людей; или, говоря иначе, везде, где они есть, государству уготована жизнь и процветание.

¹ В издании 1814 г. вместо этой фразы написано: «Человеческие установления, пусть они и не рассчитаны на сохранение добродетели, как правило, имеют свой конец и свое начало; но до тех пор, пока им удастся отвечать названной цели, они во все времена характеризуются одинаковой жизнеспособностью, сломить которую способна лишь внешняя сила». — *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Часть первая ОБ ОБЩИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

<i>Раздел I.</i> К ВОПРОСУ ОТНОСИТЕЛЬНО ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ	31
<i>Раздел II.</i> О ПРИНЦИПАХ САМОСОХРАНЕНИЯ	44
<i>Раздел III.</i> О ПРИНЦИПАХ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЮДЕЙ ...	51
<i>Раздел IV.</i> О ПРИНЦИПАХ ВОЙНЫ И РАЗДОРОВ	56
<i>Раздел V.</i> ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЯХ.	63
<i>Раздел VI.</i> О МОРАЛЬНОМ ЧУВСТВЕ.	71
<i>Раздел VII.</i> О СЧАСТЬЕ	83
<i>Раздел VIII.</i> ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ.	94
<i>Раздел IX.</i> О СЧАСТЬЕ НАЦИИ.	106
<i>Раздел X.</i> ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ.	113

Часть вторая ОБ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНЫХ (RUDE) НАРОДОВ

<i>Раздел I.</i> О СВЕДЕНИЯХ НА ЭТУ ТЕМУ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ АНТИЧНОСТИ	129
<i>Раздел II.</i> О ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДАХ В ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ПОЯВЛЕНИЮ СОБСТВЕННОСТИ.	138
<i>Раздел III.</i> О ВОЗДЕЙСТВИИ НА ПЕРВОБЫТНЫЕ НАРОДЫ СОБСТВЕННОСТИ И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА	156

Часть третья ОБ ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И РЕМЕСЕЛ

<i>Раздел I.</i> О ВЛИЯНИИ КЛИМАТА И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ	173
<i>Раздел II.</i> ОТ РАВЕНСТВА К СУБОРДИНАЦИИ	188
<i>Раздел III.</i> О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ ВООБЩЕ И О СВЯЗАННЫХ С НИМИ УСТАНОВЛЕНИЯХ И ОБРАЗАХ ДЕЙСТВИЯ.	205
<i>Раздел IV.</i> О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ И БЛАГОСОСТОЯНИИ.	208

<i>Раздел V.</i> О НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЕ И ЗАВОЕВАНИЯХ	219
<i>Раздел VI.</i> О ГРАЖДАНСКОЙ СВОБОДЕ	229
<i>Раздел VII.</i> ОБ ИСТОРИИ ИСКУССТВ	245
<i>Раздел VIII.</i> ОБ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ	249

Часть четвертая

**О ПОСЛЕДСТВИЯХ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКИХ И КОММЕРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ**

<i>Раздел I.</i> О РАЗДЕЛЕНИИ ИСКУССТВ И ПРОФЕССИЙ	263
<i>Раздел II.</i> О СОПОДЧИНЕНИИ, ВОЗНИКАЮЩЕМ ВСЛЕДСТВИЕ ВЫДЕЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ И ПРОФЕССИЙ	268
<i>Раздел III.</i> О МАНЕРАХ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ И КОММЕРЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ	273
<i>Раздел IV.</i> ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ	279

Часть пятая

ОБ УПАДКЕ НАЦИЙ

<i>Раздел I.</i> О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ВЕЛИЧИИ НАЦИЙ И О ПРЕВРАТНОСТЯХ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ	295
<i>Раздел II.</i> О ВРЕМЕННЫХ УСИЛИЯХ И ОСЛАБЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА	302
<i>Раздел III.</i> ОБ ЭПИЗОДИЧЕСКОМ ОСЛАБЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА У ЦИВИЛИЗОВАННЫХ НАЦИЙ	307
<i>Раздел IV.</i> ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ	319
<i>Раздел V.</i> О НАЦИОНАЛЬНОЙ РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ	328

Часть шестая

О КОРРУПЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОМ РАБСТВЕ

<i>Раздел I.</i> О КОРРУПЦИИ ВООБЩЕ	335
<i>Раздел II.</i> О РОСКОШИ	345
<i>Раздел III.</i> О СЛУЧАЯХ РАЗВРАЩЕННОСТИ В ЦИВИЛИЗОВАННЫХ НАЦИЯХ	351
<i>Раздел IV.</i> ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ	359
<i>Раздел V.</i> О КОРРУПЦИИ, ПОСКОЛЬКУ ОНА ВЕДЕТ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ РАБСТВУ	367
<i>Раздел VI.</i> О РАЗВИТИИ И ПРЕДЕЛАХ ДЕСПОТИЗМА	381

Адам Фергюсон
ОПЫТ ИСТОРИИ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Художественное оформление *А.Сорокин*

Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н.Галанчева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 19.04.2000.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 20,6. Уч.-изд.л. 20,3. Тираж 1000 экз. Заказ № 49

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография «Наука»
121009, Москва, Шубинский пер., 6